

Балязин, Вольдемар Николаевич

Семейная Хроника. Сокровенные истории дома Романовых

Посвящаю моей маме – Софье Михайловне Балязиной,
научившей меня любить жизнь
Автор

Предисловие

В этой книге Вы прочтете о семье Романовых, правившей Россией три столетия – с 1613 по 1917 г. Семнадцать ее представителей последовательно друг за другом все это время занимали царский и императорский трон. Семья Романовых стремилась к тому, чтобы ее подданные и весь мир прежде всего видели в ней "августейшую фамилию", "Российский императорский дом", "род помазанников Божьих", чьи человеческие слабости, а тем более интимная жизнь были величайшим секретом, возводившимся в ранг государственной тайны, и потому подобного рода сведения редко выходили за пределы семьи и становились достоянием посторонних. Но вместе с тем Дом Романовых был и обыкновенной большой семьей, члены которой были дедушками и бабушками, отцами и матерями, сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами, племянниками и племянницами. Великое хитросплетение политики и родственных взаимоотношений безмерно осложняло жизнь семьи Романовых. Борение страстей то достигало шекспировских высот, то опускалось до мелких интриг и житейских пошлостей. И как и во всякой большой семье, просуществовавшей три века, ее жизнь была наполнена любовью и ненавистью, симпатиями и неприязнью, гениальностью и бездарностью, умом и глупостью, добротой и жестокостью, чистосердечием и коварством и всеми прочими качествами, присущими роду человеческому. Для того, чтобы рассказать об этом подробно, потребовалось бы множество томов.

Эта книга посвящена главным образом раскрытию немалого числа интимных, сокровенных сюжетов, которые стоят на первом месте, но сопровождаются и дворцовыми заговорами, и тайнами рождений и смертей, и покушениями на царствующих особ, и многим-многом другим, что в совокупности можно определить как собрание сокровенных историй Дома Романовых за три минувших века.

Автор

Сказания о первых царях дома Романовых, а также о многих персонах, к ним приближенных

Династия Романовых стала царствующей после того, как Россия пережила страшную пору Смутного времени. Много книг было написано о Смуте, но, пожалуй, лучше всех сказал о ней ее современник дьяк Иван Тимофеев – историк-патриот, мыслитель и гражданин.

"За какие грехи наказана наша земля? – писал он. – Нет места, где бы горы и холмы не поливались христианской кровью, и долины и леса наполнились ею, и вода, окрасившись кровью, стуслилась, и звери и птицы насытились человеческими телами".

"Почему произошло это? – задавал себе вопрос дьяк Иван и отвечал: – Наказаны мы за дерзость клятвoprеступлений, за гордыню, за отказ от упорного труда, за любовь к наградам, за чрезмерное обжорство и пьянство, за злопамятство к близким своим. К этому присовокуплю ненасытную любовь к

деньгам, хвастовство одеждою и приобретение множества ненужных вещей. И последнее, нестерпимое зло, навлекшее на Русь гнев Божий, — произношение матерных скверных слов, ибо ими мы оскверняем сами себя и матерей наших. И Матерь Божия, заступница наша, отвращает от нас лицо свое и пребывает к нашим молитвам глуха.

Сердце наше окаменело, и мы не ждем над собою суда. И родина наша — как вдова, сидящая при дороге и одетая в траурные одежды, и страдающая от многих, окруживших ее врагов".

Смутное время, наступившее после смерти сына Ивана Грозного Федора Ивановича, привело на трон его шурина боярина Бориса Федоровича Годунова, затем сына Годунова — Федора Борисовича и, наконец, Лжедмитрия I. После убийства самозванца восставшими москвичами царский скипетр оказался в руках боярина князя Василия Ивановича Шуйского, увезенного из Москвы поляками и умершего через два года в Польше.

Смутное время, обернувшееся для Романовых сначала чередой несчастий, в конце концов оказалось для их фамилии крайне удачным.

После смерти Федора Ивановича, как только возник вопрос о кандидатуре возможного претендента на трон, в противовес Борису Годунову назывался сын Никиты Романовича Романова — Федор Никитич. Анастасия, первая жена Ивана Грозного, и Никита были родные сестра и брат, и, таким образом, по матери он приходился умершему царю двоюродным братом, и его шансы стать царем были достаточно велики. К тому же Борис Годунов был женат на дочери кровавого опричника Малюты Скуратова и потому имел много противников.

Однако Годунов добился победы на Земском соборе 1598 года и стал царем, после чего Романовы оказались в опале. Федора Никитича постригли в

монахи, дав ему имя Филарет, и отправили в далекий северный Антониев-Сийский монастырь, а других Романовых сослали в самые гиблые и глухие медвежьи углы — в Яренск, Пелым и на Белое озеро.

Лжедмитрий I, выдававший себя за сына Ивана Грозного — Дмитрия, погибшего в Угличе в 1591 году, появился в России в 1604 году и сразу стал покровительствовать своим "родственникам" Романовым. В 1605 году, после того как самозванец занял Москву, Филарет вернулся из ссылки, получив затем митрополичью кафедру в Ростове Великом. Однако это не помешало Филарету в 1606 году активно выступить против Лжедмитрия I.

На сей раз во главе дворцового заговора встал боярин Василий Иванович Шуйский. 17 мая 1606 года Лжедмитрия убили, и на московском престоле оказался победитель — новый царь Василий IV Шуйский.

"Зависть к царствованию, — писал Иван Тимофеев, — возникла и у Шуйского, и, как стрелю подстреленный властолюбием, он неосмотрительно и спешно сел на престол. Он создал себе дом и не углубил в землю, но основал его на песке. Он поднялся внезапно, по собственному побуждению, и без согласия всей земли поставил себя царем, и этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. И началось по всей земле нашей непослушание, и самовластие рабов, и осада городов, и сам Василий со всем своим родом был в Москве бунташными холопами заперт и затворен, как птица в клетке.

Неожиданно пришли из своей земли под мать городов русских — Москву богопротивные люди, все латины (то есть католики. — В. Б.) и осадили ее, как некогда при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила землю. По всем городам умножились злые начальники и самовластие, и среди людей пылал неукротимый пламень гнева.

И в конце Шуйские сами отломились от маслины и вскоре, по Писанию, "низложены были с престола", а царь Василий со всем родом своим во власянице и в худых рубищах был отправлен в страну чужезерных, в далекий

плен и там сошел под землю, получив сноп жатвы своей, сноп зависти и других своих зол. И не осталось никого из рода его". Поляки вывезли Василия Шуйского в Варшаву осенью 1610 года, а весной следующего года туда же был отвезен и митрополит Филарет. Но судьбе было угодно, чтобы Шуйский в неволе умер, а Романов выжил и возвратился в Россию.

В те годы, когда Филарет томился в польской неволе, в России произошли решительные перемены к лучшему: народное ополчение, созданное в Нижнем Новгороде в сентябре 1611 года выборным земским старостой Кузьмой Захарьевичем Мининым-Сухоруком и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, освободило Москву от поляков, а 21 февраля 1613 года на очередном Земском соборе по почину бояр русским царем был избран шестнадцатилетний сын Филарета – Михаил Романов.

Через шесть лет из польского полона вернулся Филарет и тотчас же был избран патриархом. Это сделало его не только духовным, но и светским владыкой России. При нем Михаил Романов был лишь номинальным царем. Только после кончины всемогущего патриарха в 1633 году Михаил стал полновластным, самодержавным государем.

Именно он, Михаил Федорович, и положил начало царской, а с 1721 года и императорской династии Романовых, занимавшей трон чуть более трехсот лет – до февраля 1917 года.

Новелла 1. Михаил Федорович и три его избранницы

Брачные истории царствующего Дома начались для первого его героя, Михаила Федоровича, в 1616 году, когда жениху шел двадцатый год.

Михаил Федорович, по обычаю почти всех своих предшественников, предпочел выбрать жену из соотечественниц. Во все грады и веси России поехали бирючи скликать невест, а кроме того, воеводам и иным начальным людям были отписаны грамоты, в коих строго указывалось "слать в Москву девок пригожих, дородных и собою лепых".

На смотринах 1616 года победительницей оказалась Мария Ивановна Хлопова, девушка из не очень знатной и не очень состоятельной семьи.

Михаила обручили с его избранницей, но невеста вдруг заболела, и, чтобы не рисковать, дело до свадьбы не довели, а сослали Марию и нескольких ее родственников в Тобольск, по пословице: "С глаз долой – из сердца вон". Михаил Федорович не решился затевать новые смотрины, пока в 1619 году не вернулся из Польши его отец Филарет.

Взяв бразды правления страной в свои руки, Филарет не оставил без внимания и историю с Хлоповой. Беспристрастное следствие показало, что царская невеста стала жертвой оговора двоюродного брата царя Михаила Михайловича Салтыкова, который из-за ссоры с близкими невесты и сплел всю эту интригу.

Филарет приказал вернуть Хлопову и ее безвинных родичей в Нижний Новгород, а Салтыкова сослать, отобрав имения.

* * *

Филарет попытался найти для своего уже более чем зрелого сына какую-нибудь иноземную принцессу, но эти попытки успехом не увенчались, и выбор пал на княжну Марию Владимировну Долгорукову, дочь князя и боярина Владимира Тимофеевича Долгорукова, чей род по знатности не уступал Романовым.

Свадьбу сыграли 19 сентября 1624 года, но, к несчастью, менее чем через четыре месяца Мария Владимировна умерла.

На следующий год Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой.

Этому предшествовали события трогательные и высокоромантические. Как и всегда, в Москву прибыли сотни красавиц. Самые лучшие из них поселились в кремлевских теремах, с нетерпением ожидая своей участи.

В это время Михаил Федорович никуда из Москвы не уезжал, ибо и он, крепкий тридцатилетний мужчина, не изведавший до конца прелестей любви и семейного счастья, тоже ждал свою суженую, ходившую по одному с ним кремлевскому двору, да пока еще неведомую ему. И вот однажды увидел царственный жених двух девушек, шедших по двору рядом.

Михаил был одет попросту, и можно было принять его за сына боярского или княжича средней руки, зашедшего на государев двор. Опасаясь спугнуть девушек, Михаил тихонько пошел сзади, чуть сбоку, изредка на них взглядывая, надвинув на брови шапку и опустив голову.

Одна из них – набеленная и насурьмленная сверх всякой меры – плыла лебедью, высоко подняв голову и заносчиво поглядывая вокруг. Другая, на чьем лице не было и следа румян и белил, шла чуть поотстав, потупив глаза, стараясь не отстать от своей спутницы. Михаилу бросилось в глаза и то, что первая была роскошно одета, как, впрочем, и почти все претендентки на его руку; вторая же была одета бедно, блекло и, по-видимому, к числу царских невест не относилась. Она походила на служанку, сопровождавшую свою госпожу на прогулке. Когда царь пригляделся к девушке, то увидел сказочной красоты лицо и глаза, которые были еще более прекрасны оттого, что прелести девушки не нужно было спорить с красотой ожерелий, монист, с блеском золота и переливами жемчуга – простая одежда еще сильнее оттеняла ее неземную красоту. Царь остановился, пораженный и очарованный. А потом, стараясь остаться незамеченным, пристроился за спиной у служанки и молил Бога, чтобы кто-нибудь не спугнул их, признав его.

Девушки вошли в церковь. Михаил, радуясь, что теперь-то они не потеряются, незаметно проскользнул следом и увидел одного из ближних своих слуг – кравчего Никиту Вельяминова. Царь попросил узнать, кто эти боярышни, особенно же выведать о той, что похуже одета, и сделать так, чтоб о том они остались безвестны. И с тем оставил и девиц и Никиту, войдя осторожно во двор.

Через час Никита доложил ему, что выведал все досконально, dokonно, и верные люди сказали, что бедная красавица прозывается Евдокией Лукьяновной Стрешневой, служит при боярышне не то сенной девушкой, не то живет в доме у ее отца из милости. Боярышню привезли в Москву из Можайска по его, государеву, указу на смотрины, а Евдокию отправили с нею служанкой.

– А кто отец ее? – спросил Михаил, и расторопный, ловкий Никита, знавший, что царь обязательно спросит его о родителях невесты, был готов дать ответ и на этот вопрос.

– Можайский дворянин Стрешнев Лукьян Степанович, – выпалил Вельяминов и добавил: – Баут, государь, что ныне тот Стрешнев – однодворец.

Государь ответ вроде бы не расслышал, но на Никиту посмотрел ласково и, сняв с руки небольшой перстень, про. тянул кравчому. Вельяминов обомлел: награда была совсем уж несоответственна заслуге. Но перстень взял и, низко поклонившись, задом вышел из горницы.

* * *

Три дня и три ночи пребывал Михаил Федорович будто в бреду: не шла из очей его, и из сердца, и из самой души его прекрасная Евдокия. Тошно было ему глядеть на других красавиц, которые казались теперь шипаными павами либо раскрашенными живыми куклами.

За эти дни он сумел узнать, что Евдокия лишилась матери еще отроковицею и когда отец ее ушел на войну с поляками, то упросил дальних родственников взять девочку в дом свой на воспитание. Через несколько лет вернулся отец обратно и нашел свой дом опустевшим, раскраденным и разоренным, поля свои — заросшими бурьяном, а деревеньку — вконец обезлюдившей. Сказалась Смута и на его вотчине. И остался в деревеньке всего один двор, и сидел на том дворе единственный его холоп — стражник-бобыль Каллистрат, у которого, как и у его барина, не было ни семьи, ни скарба, ни рухляди.

Вздыхнул помещик Лукьян Степанович Стрешнев и поехал в Можайск поглядеть на свою дочь. А приехав, и возрадовался и опечалился. Возрадовался оттого, что увидел юную красавицу, а поговорив, узнал, что Евдокиюшка и грамотна, и умна, и сердцем добра. И тем более было ему досадно, что в доме том была она не то служанка, не то приживалка из милости, возле поварни. Еще более огорчился Лукьян тем, что трокродная сестра Евдокиюшки была сварлива, спесива и зла, и хотя собою отменно хороша, но только красота ее не грела и не радовала, ибо была холодна и не привлекала к себе, но — отвращала. И подумал было несчастный отец забрать дочь с собою, да тут же и передумал — куда брать-то: под дырявую соломенную крышу, под коей стол да лавка? Осталась Дусенька у богатых злыдней, чтобы слезами своими радовать вечно всем недовольную молодую боярышню.

Когда узнал Михаил про это, то решился на невиданное и дотоле неслыханное — попросил отца-патриарха и мать-царицу выслушать его по делу великому, о суженой его и судьбу их решить, как будет угодно им и Господу. Он знал, что разговор легким не будет, но поклялся и Богу, и самому себе, что от намерения своего не отступит и скорее примет схиму, чем откажется от бедной сироты.

Поближе к вечеру пришел он на половину патриарха Филарета Никитича, где была уже и матушка его — царица Ксения Ивановна. Только ближе к утру вышел он оттуда.

А в полдень отправился к Можайску царский поезд и везли в нем подарки будущему тестю — дворянину Лукьяну Степановичу Стрешневу.

Когда тяжелые царские рыдваны подкатили к одинокой покосившейся избе, кою после долгих расспросов с немалым трудом отыскали посланцы Михаила Федоровича, изба оказалась пустой. Походив вокруг, поозиравшись да покричав, хотели посланцы ехать к следующей такой же избенке, да вдруг оттуда вышел нечесаный мужичонка, босой, в посконине, и медленно побрел им навстречу. Мужичонка оказался тем самым Каллистратом — единственным крепостным помещика Стрешнева, что остался у него в услужении после минувшей Смуты. Он тачал гнилую сбрую для опять же единственной у него и у барина лошаденки, на которой ныне его помещик пахал землю, надев на одра не ременную, а веревочную упряжь. Плохо понимая, что это за люди и для чего им понадобился барин, Каллистрат повел их в недалекое от избы поле.

Бояре, окольниковы, стольники пошли пешком, оставив в каретах шубы и шапки, распарившись от долгой дороги и поисков. Не прошло и четверти часа, как увидели они лошадь, тащившую по пашне деревянную соху, а за сохою — пахаря. Тот шел босиком, в старой рваной рубахе и таких же портах. Заметив господ, пахарь остановил лошадь и пошел им навстречу.

И Каллистрат, и его барин несказанно удивились, когда все господа стали низко кланяться Лукьяну Степановичу и даже Каллистрату, ласково и дружелюбно улыбаться. Старший из них сказал, что отныне Лукьян Степанович – царский тесть, а патриарху сват. Стрешнев начал молить их Христом, чтоб перестали они шутить над ним, просил их поискать кого-нибудь другого, того самого, к кому они и ехали. Но господа стояли на своем... Взяв его под руки, повели к избе.

А там стояли всего две лавки. На одной барин спал, накрывшись зипуном, на другой – присаживался к столу. Было в избе и еще несколько вещей: старый ковер, висевший на стене рядом с косою и конским седлом, образок Богородицы, да лежала на столе книга – молитвенник в кожаном переплете. Самые важные гости сели на лавки, остальные встали вдоль стен и на крыльце. Лишь когда слуги начали вносить подарки от государя, от царицы-матери, от патриарха Филарета, Стрешнев поверил в то великое чудо, о котором говорили ему московские гости.

* * *

А в эти часы Михаил Федорович готовился к встрече со своим тестем, известив о том и его дочь, а свою невесту – Евдокию Лукьяновну. Пока обставляли мебелью и завозили все необходимое царскому тестю в купленный в Китай-городе богатый дом, невесту готовили к встрече с отцом и матерью царя.

Зачем описывать ее волнение, то, что думала она, чего боялась? Это и так понятно каждому. Евдокия понравилась и патриарху, и царице, заставив тем самым Михаила Федоровича полюбить ее еще сильнее, и не просто полюбить, но еще и возгордиться, ибо она держалась так, будто родилась во дворце, но ни капли заносчивости при этом не было ни в ее речах, ни в ее взорах, ни в любом из жестов.

В скромности Евдокии жених убедился, когда пришла она прощаться с подругами, после того как официально и во всеуслышание была объявлена царской невестой. Одиннадцать девушек, живших вместе с нею и ее сестрой, стали поздравлять Евдокию и прощаться с нею. Последней подошла ее барыня и вдруг зарыдала. Она опустилась на колени и начала сбивчиво, захлебываясь и от слез, и от волнения, и от страха, – шутка ли, перед царицею стояла! – просить у Евдокии прощения за все те горечи, каким была виновницей, живя с нею в Можайске. А бывало всякое – и унижала сестра Евдокию, и бранила без причин, и сердце на ней, безответной, срывала, и издевалась над безропотной сиротой, выказывая дурной норов и прирожденную злобу, нередко и бивала в сердцах, тихонравную. Михаил Федорович был при том прощании, потому что, как познакомился с милой его сердцу Евдокиюшкой, то и часу без нее оставаться не мог, и в нарушение обычая ходил на ее половину и гулял с нею по дворцу, как заколдованный и будто опеленатый какими-то волшебными путями. И он увидел, как его завтрашняя жена подняла с колен свою злонравную родственницу, поцеловала ее, сказала ласково и тихо:

– И ты меня, сестра, прости, коли и я чем тебе досадила.

* * *

Когда вскоре же приехал новый царский тесть, то оказалась справедливой пословица, что яблоко недалеко от яблони падает.

При встрече с ранее неизвестными родственниками и он держался свободно и просто, не без волнения, конечно, но и подобострастия никто в нем не заметил, воин и пахарь и во дворце оставался самим собой.

А когда привели Стрешнева в новый дом, для него купленный и обставленный и полный серебряной посуды, и дорогого оружия, и одежды парчовой, и шуб и шапок горлатных, прошел он в спаленный покой и попросил оставить его одного.

Когда все ушли и остался он один, то позвал к себе Каллистрата, и они вынесли кровать, застеленную перинами, и поставили у стены широкую деревянную лавку, застелив ее старым ковром, доставшимся Лукьяну Степановичу в наследство. Потом повесили они на стене сермяжный кафтан, в каком пахал Стрешнев землю в своей вотчине, разместили рядом косу да цеп. Вслед за тем повесил он в углу образ Богородицы, также привезенный с собою, а под ним приколотил маленькую полочку, на которую ставили под образ свечи. И положил на ту полочку молитвенник, тоже доставшийся ему от родителей.

А вслед за тем вышел Стрешнев из спаленного покоя к слугам, спросил перо и чернил. С немалым смущением старый слуга ответил:

– Не гневись, боярин Лукьян Степанович, в избе твоей чернил нет.

– Что за беда, – ответил Стрешнев. – Изба – не приказ, чернил-перьев в ней может и не быть. А все ж раздобудь, принеси.

Слуга сбегал до ближайшего поветья, принес и чернил и перьев. Боярин от него все сие взял и сказал:

– А теперь ступай прочь, живи, где прежде жил, и другим слугам то же самое передай.

С тем и ушел в спаленную палату, оставив при себе одного Каллистрата.

Слуги в недоумении покинули дом, не без страха гадая: за что такая немилость? А немилости не било. Не нужны были челядинцы царскому тестю, он даже и не знал, что ему с ними делать.

Лукьян Степанович подошел к столу, раскрыл молитвенник и на обратной стороне обложки начертал: "Лукьян! Помни, кем ты был!"

* * *

Евдокия Лукьяновна и Михаил Федорович любили друг друга всю жизнь. Они прожили вместе двадцать лет, имели десять детей – семь дочерей и трех сыновей. Из мальчиков дожил до совершеннолетия только один – Алексей – будущий русский царь, а из девочек – трое.

Михаил Федорович и Евдокия Лукьяновна умерли друг за другом – в икле и августе 1645 года. Жена пережила мужа всего на три недели и ушла в иной мир, так и не успев сыграть ни одной свадьбы детям.

Волею судьбы продолжателем рода Романовых стал их сын – Алексей Михайлович. Ко времени смерти родителей ему шел семнадцатый год.

Новелла 2. Алексей Михайлович, Милославские и Нарышкины

Алексей был третьим ребенком в семье и первым из сыновей. Он родился 19 марта 1629 года и рос крепким, здоровым мальчиком. Научившись чтению, письму, счету, началам богословия и церковной истории, Алексей стал знакомиться с географией, историей России и своей династии, а также и с началами ратного строя.

К двенадцати годам у царевича уже была и маленькая библиотека.

С пяти лет его дядькой – воспитателем – стал ближний боярин Борис Иванович Морозов – сорокачетырехлетний царедворец, сосредоточивший в

своих руках многие нити государственного управления. Морозов был просвещенным человеком, не чурался общения с европейцами и даже наряжал своего воспитанника в немецкое платье.

После того как умерли отец и мать Алексея, шестнадцатилетний царь доверился своему дядьке, который сразу же возглавил руководство четырьмя важнейшими приказами.

Через два года после восшествия на престол Алексей Михайлович решил жениться и, действуя, как и его отец, велел привезти в Москву самых красивых девушек. Их привезли более двухсот, и жених выбрал дочь знатного, но бедного дворянина Евфимию Всеволожскую. Как только имя невесты было оглашено, сильно переволновавшаяся девушка потеряла сознание и упала.

Ее родных тут же обвинили в том, что они скрыли болезнь Евфимии – падучую и сослали на Север вместе с больной невестой.

Наконец через год свадьба Алексея Михайловича все-таки состоялась. Его выбор пал на дочь мелкопоместного дворянина Ильи Даниловича Милославского – двадцатидвухлетнюю красавицу Марию. Отец невесты был настолько беден, что не мог содержать своих дочерей у себя дома, поэтому Мария жила в услужении у дьяка Посольского приказа Ивана Грамотина, а ее сестры зарабатывали на жизнь тем, что летом и осенью собирали в лесу грибы, и потом продавали их на базаре, покупая на вырученные деньги хлеб и квас. Алексей Михайлович оказался в доме Грамотина благодаря стараниям Морозова. Мария Милославская попала царю на глаза тоже не случайно: Морозов решил сосватать за нее своего воспитанника, поскольку сам влюбился в сестру Марии – Анну.

Морозов был уверен, что Илья Милославский не откажет ему в браке с Анной, и тогда если Алексей Михайлович женится на Марии, то они породнятся, став свояками.

Расчет Морозова оправдался: царь женился на Марии, а через неделю сыграл свадьбу и Борис Иванович. Как только это произошло, стали говорить, что болезнь Евфимии Всеволожской – дело рук Морозова, уже тогда замышлявшего свою и царя женитьбу на сестрах Милославских.

Как бы то ни было, но Мария Ильинична стала царицей и за двадцать лет родила тринадцать детей – восемь девочек и пять мальчиков. Из них впоследствии только трое сыграют свою роль в истории – царевна Софья и царицы Федора и Ивана.

Все, кто знал Алексея Михайловича и писал о нем, единодушно утверждали, что был он красив, хотя и невысок, имел благородную осанку, обладал большой силой, а к концу жизни пополнил. Он отличался искренним благочестием и глубокой нравственностью.

Осталось множество свидетельств о любви царя к своей жене и детям.

Уцелело письмо Алексея Михайловича к домочадцам, в котором он, находясь при войске, приглашал их приехать в Вязьму. В нем были такие строки: "Я радуюсь свиданию с вами, как слепой радуется увидеть свет".

Мягкий характером, редко вспыльчивый, любящий отец и муж – таков Алексей Михайлович в семейной жизни. Таков он – по крайней мере в начале царствования – и в отношениях со своими приближенными.

В те года в Москве появилось множество западных купцов, мастеров, инженеров, аптекарей, врачей, офицеров, обосновавшихся в разных московских слободах, а более всего в Немецкой слободе на берегу Яузы. Иноземный быт с его опрятностью, комфортом, картинами и зеркалами, заморскими яствами, механическими музыкальными шкатулками и часами скоро переняли русские дьяки и купцы, имевшие дело с иноземцами в Москве либо бывавшие за границей. И они, первые среди соотечественников, стали

вводить в домашний обиход наиболее привлекательные элементы западной жизни и культуры. Алексей Михайлович, любивший умную беседу за столом, пробовавший писать стихи, интересовавшийся архитектурой и живописью, быстро почувствовал вкус к иноземным новшествам.

И случилось так, что ближе прочих стал Алексею Михайловичу тихий скромник и неутомимый труженик Артамон Сергеевич Матвеев – глава Малороссийского приказа.

Он был женат на Евдокии Петровне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, переселившегося в Россию при Иване Грозном.

(Впоследствии фамилия Гамильтон в России трансформировалась в Хомутовых.)

В какой-то мере благодаря жене, а скорее из-за личных пристрастий и европейской образованности Матвеева часто навещали иностранцы. Этому способствовала и его служба в Посольском приказе. Дом Матвеева казался залетевшим в Китай-город осколком Немецкой слободы: комнаты украшали венецианские зеркала и картины западных мастеров; оригинальности его часов, изысканности посуды и богатству библиотеки дивились даже избалованные диковинами иноземцы.

Алексей Михайлович стал чаще, чем прежде, навещать Матвеева, приводя тем в недоумение многих своих сородичей и заставляя их теряться в догадках о причинах столь малопонятной привязанности.

Эти визиты еще более участились после того, как 4 марта 1669 года Мария Ильинична скончалась. Алексей Михайлович тяжело переживал смерть любимой жены, с которой прожил двадцать лет. Несколько месяцев он постился, пребывая в глубоком трауре, подолгу молился за упокой души рабы Божией Марии.

Однажды, заехав к Матвееву, обратил он внимание на красивую молодую девушку, жившую на хлебах у своего богатого родственника. Ее звали Натальей Кирилловной, ей было двадцать лет. Так же, как и первый тесть царя – Илья Данилович Милославский, отец девушки, Кирилл Полиевктович Нарышкин, был бедным дворянином. Однако благодаря протекции Матвеева он стал полковником стрелецкого полка в бытность Артамона Сергеевича головой московских стрельцов.

Девушка была не только красива, но образованна и хорошо воспитана, а кроме того, умна, любознательна и добра. Все это сокрушило сердце сорокалетнего вдовца, и он вскоре решил на ней жениться.

Чтобы соблюсти приличия и обычаи старины, царь, объявив о своем намерении, имени невесты не назвал, а для пущего сокрытия тайны назначил сбор невест для смотрин. На сей раз они продолжались семь месяцев – с конца ноября 1669 по май 1670 года.

Пересмотрев сотни претенденток, царь остался верен своему первому выбору, и 22 января 1671 года состоялось венчание Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны.

Новелла 3. Рождение и младенчество Петра Великого

...Через семь месяцев после свадьбы, в ночь на 29 августа 1671 года, звездочет и астролог монах Симеон Полоцкий заметил недалеко от планеты Марс новую, не виданную им дотоле звезду. Симеон был первым в России придворным стихотворцем и главным воспитателем детей Алексея Михайловича. Кроме того, он считался авторитетнейшим богословом, чьи книги признавались иерархами Православной Церкви "жезлом из чистого серебра Божия слова".

Симеон имел свободный доступ к царю и на следующее утро явился к Алексею Михайловичу, чтобы сообщить ему о новой звезде.

Беря на себя изрядную смелость, звездочет объявил царю, что его молодая жена зачала в эту ночь сына и, стало быть, родит его 30 мая 1672 года. Симеон не ограничился этим, а высказал и некое пророчество о царевице: "Он будет знаменит на весь мир и заслужит такую славу, какой не имел никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных и в борьбе с ними укротит много беспорядков и смут. Искореняя злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел, о чем непреложно свидетельствуют и что совершенно точно предзнаменуют и предсказывают небесные светила. Все это я видел как в зеркале и представляю все сие письменно".

С этой минуты осторожный и подозрительный Алексей Михайлович приставил к дому ученого монаха караул и снял его только тогда, когда убедился, что его жена действительно забеременела.

28 мая у царицы начались предродовые схватки, и Алексей Михайлович призвал Симеона к себе. Роды были трудными. Однако Симеон уверил царя, что все окончится благополучно, а новорожденного следует наречь Петром. Все так и произошло.

Вот как об этом эпизоде писал историк М. П. Погодин: "При начале родильных скорбей Симеон Полоцкий пришел во дворец и сказал, что царица будет мучиться трое суток. Он остался в покоях с царем Алексеем Михайловичем. Они плакали вместе и молились. Царица изнемогала так, что на третий день сочли нужным приобщить ее Святым тайн; но Симеон Полоцкий ободрил всех, сказав, что она родит благополучно через пять часов. Когда наступил пятый час, он пал на колени и начал молиться о том, чтоб царица помучилась еще час. Царь с гневом рек: "Что вредно просишь?" – "Если царевиц родится в первом получасе, – отвечал Симеон, – то веку его будет пятьдесят лет, а если во втором, то доживет до семидесяти".

И в эту минуту принесли царю известие, что царица разрешилась от бремени и Бог дал ему сына..."

Это случилось в Кремлевском дворце 30 мая 1672 года, в день преподобного Исаакия Далматского, в четверг, "в отдачу часов ночных", то есть перед рассветом.

Ребенок был длиной в одиннадцать, а шириной в три вершка, то есть длиной в пятьдесят, а шириной – в четырнадцать сантиметров. Младенца крестили в кремлевском Чудовом монастыре, в храме Чуда Михаила Архангела, где до него были крещены цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич Романовы, а в 1818 году здесь же крестили и царя-освободителя Александра II.

Мальчик рос и воспитывался так же, как в свое время его старшие братья (по их матери – Милославские).

До семи лет он находился под опекой мамок и нянек, а после этого перешел в мужские руки. Его первыми воспитателями стали боярин Родион Матвеевич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. Среди воспитателей Петра был и другой Стрешнев – Тихон Никитич, которого молва называла подлинным отцом царевицы Петра. Этот слух распускала старшая сестра Петра – Софья Алексеевна, бывшая всего на шесть лет младше своей мачехи и не любившая ее.

Неожиданная смерть Алексея Михайловича, последовавшая 29 января 1676 года, повлекла за собой опалу Нарышкиных, так как на престоле оказался Федор Алексеевич, матерью которого была покойная Мария Ильинична Милославская.

Новелла 4. Царь Федор Алексеевич

В день смерти отца Федору было пятнадцать лет. Он выглядел не просто болезненным, но очень больным человеком: его водили под руки, он быстро уставал, плохо видел и слышал. Он был худым и высоким, с редкой бородкой в годы зрелости, что тогда считалось признаком недужности. Федор был воспитанником Симеона Полоцкого и потому образован в церковной истории, знал польский язык и латынь, а также постиг начала стихосложения. Когда учение завершилось, воспитателем и наставником Федора стал уже знакомый нам Артамон Сергеевич Матвеев. Стараниями Милославских и их сторонников у Матвеева отняли руководимые им приказы, а его самого сослали в Пустозерск.

В восемнадцать лет Федор женился, причем тоже довольно романтично. Однажды во время крестного хода он заметил девушку, которая ему очень понравилась. Он велел узнать, кто она, где живет. С того момента его внимание было приковано к ней – Агафье Семеновне Грушецкой, жившей в доме одного из думных дьяков.

Симпатия переросла в любовь, и в июле 1680 года Агафья Семеновна стала московской царицей. Однако замужество оказалось для нее недолгим: она умерла родами ровно через год после свадьбы, а рожденный ею мальчик прожил лишь-полторы недели.

Через семь месяцев Федор женился вторично. На сей раз его избранницей стала Марфа Матвеевна Апраксина, но ее замужество было еще короче. 27 апреля 1682 года, на двадцать первом году жизни, умер царь Федор, и царица Марфа осталась вдовой. Но еще до этого, во время болезни Федора, резко обострилась борьба между Милославскими и Нарышкиными, так как в ближайшей перспективе должна была зайти речь об обладании престолом. Забегая чуть вперед, скажем, что трон остался за Милославскими – его заняла старшая сестра Федора, Софья, так как царевичи Иван и Петр были еще юны: Петру исполнилось десять лет, а Ивану хотя и шел шестнадцатый год, но по здоровью он недалеко ушел от покойного Федора, а по уму очень сильно ему уступал. И таким образом, нужно было остановить выбор на одной из дочерей Алексея Михайловича. Этой дочерью оказалась царица Софья Алексеевна.

Внешне Софья была непривлекательна. А ведь известно, что люди склонны симпатизировать душевным добродетелям красивых людей, а к некрасивым относятся значительно прохладнее. По свидетельству французского эмиссара де ла Невиля, Софья была большеголовой, очень полной, абсолютно бесформенной, со следами волчанки (туберкулеза кожи) на лице. В ее двадцать шесть лет ей можно было дать сорок. Однако эти недостатки компенсировались необычайно живыми, умными глазами и быстрым, тонким умом. Софья любила беседовать с просвещенными людьми, а ими чаще всего были лица духовного звания. Она умела читать и писать и тем выгодно отличалась от большинства женщин ее времени. Болезнь Федора Алексеевича оказалась для Софьи прекрасным поводом, чтобы покинуть терем.

Возле постели больного она познакомилась с полководцем, боярином и князем, начальником Пушкарского и Владимирского судного приказов Василием Васильевичем Голицыным. Софья была молода, темпераментна и влюбилась в тридцативосьмилетнего Голицына.

В день похорон Федора все шесть его сестер, в нарушение вековых традиций царского дворцового ритуала, пошли за гробом рядом с братьями Иваном и Петром, оттеснив юную вдову Марфу Апраксину и вдовствующую царицу Наталью Кирилловну.

Новелла 5. Софья Алексеевна, князь Василий Голицын и Федор Шакловитый

Сразу же после похорон Федора на заседании духовных и светских сановников царем был провозглашен десятилетний Петр, несмотря на первородство царевича Ивана, который был не только нездоров, но и слабоумен. Это отстраняло Милославских от власти, и поэтому Софья приняла меры к тому, чтобы стать регентшей-правительницей при братьях.

Оперевшись на московских стрельцов, многочисленные клеветы Софьи подняли открытый бунт против Нарышкиных и потребовали удаления их из Кремля. Это произошло 15 июня 1682 года. Стрельцам был выдан брат Натальи Кирилловны – Иван, его изрубили на части, а голову вздели на копье. Стрельцы потребовали пострижения в монахи отца Натальи Кирилловны и ссылки всего рода Нарышкиных. Был убит сторонник Нарышкиных – князь Михаил Юрьевич Долгоруков. Погиб и Артамон Матвеев, незадолго перед тем вернувшийся из ссылки в Москву для подавления мятежа.

Эти убийства и зверства произошли на глазах юного Петра. Он был настолько напуган и потрясен увиденным, что с ним случился первый эпилептический припадок. Впоследствии такие припадки сопровождали Петра всю жизнь. До последних дней сохранил он и ненависть к бунтовщикам, беспощадно карая мятежников.

Получив около трехсот тысяч рублей и имущество побитых ими бояр, стрельцы послали начальника Стрелецкого приказа, князя Ивана Андреевича Хованского, потребовать воцарения и старшего брата – Ивана Алексеевича, объявив его первым царем, а Петра – вторым.

Власть над стрельцами полностью перешла к Хованскому, энергично отстаивавшему интересы своих подчиненных. Стрельцы намерены были посадить его на престол, но он проявил нерешительность, чем тут же воспользовалась Софья. Она собрала к Троице дворянское ополчение, вызвала Хованского с сыном Андреем на заседание Боярской думы. Когда отец и сын приехали, Софья велела их схватить и казнить без суда по обвинению в государственной измене. Заговор был обезглавлен, и стрельцы покорились воле правительницы.

Во всех этих делах главные роли сыграли Софьины фавориты, один в настоящем, а другой – в будущем: Василий Васильевич Голицын и Федор Леонтьевич Шакловитый.

"И тогда же она, царевна Софья Алексеевна, – писал современник Софьи, довольно наблюдательный князь В. И. Куракин, – по своей особой инклинации (склонности) к амуру князя Василия Васильевича Голицына назначила дворцовым воеводою войски командовать и учинила его первым министром и судьей Посольского приказу; которой вошел в ту милость через амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром, и был своею персоною изрядный, и ума великого, и любим ото всех".

Софья стала участвовать во всех дворцовых и церковных церемониалах наравне с царями Иваном и Петром. Она приказала чеканить золотые монеты со своим портретом, надевала царскую корону и давала официальные аудиенции иноземным послам в Золотой палате Московского Кремля.

В. И. Куракин писал: "Что принадлежит до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма талант (любовник); и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено. По вступлению в правление царевна Софья для своих плезиров (удовольствий) завела певчих из черкас (украинцев), также и сестры ее по комнатам, как царевны: Екатерина, Марфа и другие, между певчими избирали себе талантов и оных набогачали, которые явно от всех признаны были".

Правительство Софьи и Православная Церковь преследовали раскольников, не подчинявшихся официальным духовным властям, и естественно, что

раскольники стали распространять слухи, порочившие обитательниц кремлевского терема. Так, староверы говорили: "Царевна Софья была блудница и жила блудно с боярами, да и другая царевна, сестра ее. И бояре ходили к ним, и робят те царевны носили и душили, и иных на дому кормили" (т. е. после родов убивали, а некоторых, оставив в живых, выкармливали, спрятав в разных домах).

Правда, к подобным сообщениям вряд ли можно относиться с доверием, они появлялись из-за ненависти к правящей династии, из-за стремления опорочить ее. А вот сообщение Куракина о певчих более правдоподобно, ибо известно, что В. В. Голицын устраивал у себя в доме званые куртаги. На них играл орган, а певчие пели по новым, линейным нотам. Таким образом, общение Софьи и ее молодых сестер с певчими вне Кремля получает подтверждение.

После подавления "хованщины" В. В. Голицын стал фактическим главой русского правительства. Голицын поражал приезжавших в Москву иностранцев необычайной роскошью своей одежды, усыпанной алмазами и жемчугом. Говорили, что у него не менее ста шуб и кафтанов, на которых каждая пуговица стоит от 300 до 700 рублей, а если бы он продал один свой кафтан, то на эти деньги мог бы одеть и вооружить целый полк.

Уже упоминавшийся французский эmissар Невиль писал о Голицыне:

"Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которому он хотел поднять до уровня остальных держав, он любит беседовать с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями тех, кого считает заслуживающими их".

В начале 1687 года Боярская дума приговорила: "Быть князю Василию большим воеводой и Крым зносить". Летом Голицын встал во главе сотысячной армии и двинулся в поход. Однако засуха, жара, отравленные колодцы и бескормица не позволили Голицыну дойти до Крыма, и он предпочел возвратиться с половины пути.

Семнадцатого марта 1689 года он двинулся во второй поход на Крым. В Москве с нетерпением ждали известий из армии. И не только о делах ратных. В переметных сумках гонцов вместе с официальными реляциями доставлялись и личные письма Софье, а от нее" – Голицыну.

В первом из них Софья пишет: "Свет мой, братец Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета... А мне, свет мой, веры не имеется, что ты к нам возвратишься. Тогда веру заимею, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй, свет мой, о Христе на веки несчетные..."

А вот выдержка из второго письма: "...Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои вручены Богу, к нам все дошли в целости из-под Перекопу, из Каирки и с Московки. Я брела пеша из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым Святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взшла, читала идучи; не ведаю, чем его света благодарить за такую милость Его и мать Его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия Чудотворца, Милостивого... Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть..."

Однако не столь безоблачной была эта любовь. Уже упоминавшийся князь Б. И. Куракин писал: "Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие князя

Василия Голицына с полками на Крым Федор Щегловитой (Шакловитый) весьма в амурах при царице Софии профитовал и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царицы Софии еще продолжалось, конечно бы, князю Голицыну было от нее падение или бы содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы упомянутый Щегловитой".

После казни князя Хованского Федор Леонтьевич Шакловитый стал во главе Стрелецкого приказа, и с тех пор его имя все чаще и чаще стали упоминать в разговорах о важнейших государственных делах и семейных коллизиях в Доме Романовых. Это было тем более дивно, что сравнительно недавно никто не сказал бы об этом человеке ничего определенного.

Знали только, что за десять лет перед тем был Шакловитый площадным подьячим – "чернильным семенем", "приказной строкой", самым маленьким чиновником, писавшим бумаги за малую мзду, не брезговавшим и медными деньгами.

В 1673 году неведомо за какие заслуги Шакловитый был принят в Тайный приказ, на первых порах оставаясь все тем же младшим подьячим. Тайный приказ, или Приказ тайных дел, существовавший с 1654 года, не только ведал розыском по делам о государственных преступлениях, но и представлял собой личную царскую канцелярию, через которую осуществлялось руководство центральными и местными государственными учреждениями. Для человека ловкого, умного и последовательного здесь было немало возможностей сделать карьеру. Подьячие Тайного приказа включались в посольства, сопровождали воевод в походах, наблюдая за ними и докладывая обо всем виденном и слышанном лично царю. Поэтому послы и воеводы старались угождать подьячим и подкупать их. Находясь в центре важнейших государственных дел, подьячие часто досконально знали сокровенные тайны, при случае приводили в движение нужные им пружины бюрократического механизма, завязывали выгодные знакомства, участвовали в дворцовых интригах.

Связав свою судьбу с Милославскими, Шакловитый верой и правдой служил им. Именно он 17 сентября 1682 года зачитал на заседании Боярской думы резюме по делу князя Хованского, а после его казни был назначен царицей Софьей начальником Стрелецкого приказа. Действуя разумно и энергично, Шакловитый перевел наиболее активных бунтарей в отдаленные от Москвы города, а остальных смирил суровыми мерами.

Софья приблизила к себе Шакловитого после того, как он решительно поддержал ее намерение венчаться на царство и единолично занять трон. Голицын в это время находился в походе, и Шакловитый не только стал первым сановником в государстве, но и сделался сердечным другом Софьи, ее фаворитом.

Он оставался в фаворе и после того, как в Москву в июле 1689 года возвратился из очередного неудачного похода в Крым Голицын. Хотя Софья встретила князя Василия как победителя и осыпала наградами и подарками, бывшего сердечного расположения к "свету Васеньке" царица не вернула – в ее сердце прочно укрепился хитрый ярыжка Федька Шакловитый. Опасаясь еще большего усиления Шакловитого, а вместе с ним и Софьи, враги Федора Леонтьевича решили опереться на семнадцатилетнего царя Петра и в ночь на 8 августа 1689 года донесли, что начальник Стрелецкого приказа злоумышляет на жизнь Петра и его матери. (Впоследствии все восемь доносчиков получили по тысяче рублей – огромные деньги, если учесть, что срубить и поставить избу стоило тогда один рубль.)

Петр поверил извету и тотчас же бежал из подмосковного села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, за мощными стенами которого семь лет назад скрывалась царевна Софья. Совет укрыться в Троице дал Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат В. В. Голицына. В ту пору Б. А. Голицын был одним из ближайших сподвижников Петра и имел на него сильное влияние. Петр примчался в Троицу с несколькими своими сторонниками. Но уже на следующий день к нему приехала мать, любимая сестра Наталья и молодая жена – царица Евдокия.

* * *

"Откуда сие?" – спросит читатель и будет прав, недоумеая, ибо мы расстались с десятилетним Петром в 1682 году, когда на глазах у него взбунтовавшиеся стрельцы подняли на копья и изрубили в куски его родственников. С тех пор прошло семь лет, но снова почти в прежних обстоятельствах Петру угрожают смертью все те же стрельцы, и снова он должен спастись от них. Что же происходило с ним за эти годы? Почему события приняли такой грозный и трагический оборот?

Новелла 6. Детство и юность Петра

Петр рос крупным, крепким мальчиком, подвижным и любознательным. Одним из его первых учителей был дьяк Посольского приказа Никита Моисеевич Зотов выучивший царевича грамоте и началам российской истории.

В одиннадцать лет Петр, по свидетельству секретаря шведского посольства Кемпфера, выглядел шестнадцатилетним: "Лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем.. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских".

Именно в это время начинает Петр увлекаться "марсовыми потехами". 30 мая 1683 года, когда исполнилось ему одиннадцать лет, в подмосковном селе Воробьево артиллерийский капитан Симон Зоммер впервые учинил перед Петром "потешную огнестрельную стрельбу" из настоящих орудий. Зоммер был в числе первых иностранцев, с которыми свела судьба юного царя, и не без его влияния Петр обратил внимание на других иноземцев, живших, как и Зоммер, на берегах ручья Кукуй в Немецкой слободе.

Военные игры положили начало формированию в селе Преображенском потешного полка, первым солдатом которого 30 ноября 1683 года стал сорокалетний придворный конюх Сергей Леонтьевич Бухвостов. Он прослужил тридцать лет, выйдя в отставку майором артиллерии. Петр так любил Бухвостова, что приказал скульптору Бартоломео Растрелли (старшему) сделать еще при жизни Сергея Леонтьевича его статую.

Однако не Бухвостову выпала на долю наибольшая известность. В особом фаворе, как тогда говорили: в "кредите у Фортуны", оказался другой человек – сын дворцового конюха Александр Данилович Меншиков Петр познакомился с ним в доме швейцарца Франца Яковлевича Лефорта, где тот был казачком – мальчиком на посылках. Было ему в ту пору десять лет. Через три года после первого знакомства Меншиков стал денщиком Петра. Сметливый, расторопный, веселый, смелый, с удовольствием разделявший все утехи своего государя, Меншиков вскоре стал любимцем юного царя, ни на час не отлучаясь от него и ловко угождая всем его прихотям.

Вокруг Петра образовался кружок сверстников, а также людей более зрелых, однако готовых потакать его фантазиям и причудам, а потом и необузданным вожделениям. И в этом Меншиков был одним из первых.

"Марсовы потехи" составляли главное занятие царя и его денщика. Петр проходил службу в полку рядовым, испытывая на себе все перипетии и тяготы солдатской службы, которая закалила его и рано сделала взрослым мужчиной. Эта служба сблизила Петра с иностранцами-офицерами, которых молодой царь пригласил в Преображенский полк на командные должности.

В 1685 году Петр приказал построить в Преображенском на берегу Яузы потешный городок-крепость Прешбург, чтобы обучать солдат осаде, обороне и штурму городов. Ах как жестоко пошутила потом судьба с этой игрушечной крепостью. Пройдет восемь лет, и именно здесь разместится страшный Преображенский приказ – место пыток и казней государевых, Петровых супротивников.

"Потешную фортецию" строили все те же иноземцы, еще больше разжигая интерес Петра к европейским премудростям. Игра переросла уже в реформирование войска. Весной 1687 года Петр начал создавать второй потешный полк – Семеновский, также названный по имени села, где он формировался.

И здесь не обошлось без иноземцев, которые кроме фрунта, экзерциций, парадов и военной музыки приохотили пятнадцатилетнего бомбардира и к партикулярной музыке, табаку, пиву, вину, а затем познакомили с юными прелестницами из Немецкой слободы.

Веселые молодые девицы и женщины, любившие потанцевать, выпить вина, пофлиртовать с молодым и красивым царем, намеренно и откровенно соблазняли его своими прелестями – обнаженными руками и плечами, полуоткрытыми бюстами и спинами, затянутыми в рюмочку талиями, сверкающими, зовущими глазами. Они были полной противоположностью молчаливым и скромным московским невестам-боярышням, не поднимавшим глаз, укутанным в тяжелые златотканые одежды.

Кукуйские девы кружили голову не хуже вина и представлялись Петру живым воплощением первозданного плотского греха – влекущего, сладкого и пока еще не изведенного.

Петр, никогда не игравший вторых ролей, всегда старавшийся не уступать никому ни в чем, хотел быть первым и в застольных утехах, и в амурных делах. Уже с этого времени пирушки с иностранцами и близкими соотечественниками стали неотъемлемой частью жизни Петра, сопутствуя ему до самой смерти.

А когда царевичу исполнилось шестнадцать лет, затеял он строить на Плещеевом озере, в Переяславле-Залесском, первую флотилию, положив тем самым начало российскому кораблестроению. Эта очередная потеха заставила Петра заняться арифметикой и геометрией, освоить различные астрономические и корабельные инструменты. Флотскому делу обучали его тоже иноземцы-голландцы Франц Тиммерман и Карстен Брант.

Месяцами стал он пропадать на озере, чем приводил мать свою, Наталью Кирилловну, в великое смятение. Вдовствующая царица боялась, что ее Петруша утонет, и не знала, чем бы привязать сына к Москве. Новая затея казалась ей хуже и опаснее, чем потешные игры возле Преображенского и ночные кутежи в поганом Кукуе.

И тогда Наталья Кирилловна надумала женить сына и стала присматривать будущую невестку.

В конце концов она остановила свой выбор на девятнадцатилетней московской дворянке Евдокии Лопухиной.

Б. И. Куракин в "Гистории о царе Петре Алексеевиче" утверждал, что противная князю В. В. Голицыну партия Нарышкиных и Тихон Стрешнев не допустили женитьбы царя Петра на родственнице Голицына и добились того, что 27 января 1689 года Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной. Свадьба была скромной. Новая царица происходила из среднего дворянства. Ее многочисленные родственники, оказавшись при царском дворе, тут же обнаружили самые дурные качества. Куракин писал, что были Лопухины "люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и не знающие нимало в обхождении дворовом... И того ж часу все их возненавидели и стали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы и все им зла искали или опасность от них имели".

Что же касается самой Евдокии Федоровны, то Куракин отмечал: "И была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредного и нравом не сходная к своему супругу, отчего все счастье свое потеряла и весь свой род стубила... Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалась разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому же царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет..."

Медовый месяц с молодой женой продолжался недолго: еще не успел по весне сойти лед, как Петр поменял супружеское ложе на походную карету и помчался к любимому озеру, где всю минувшую зиму мастера достраивали и отделявали его, государевы, корабли.

В это время Петр все чаще стал интересоваться государственными делами, что насторожило и испугало Софью и ее окружение. В Кремле видели, что орленок расправляет крылья, но видели также и то, что противная ему сторона – прежде всего сама Софья и Шакловитый, а также и В. В. Голицын – не намерена уступать власть молодому царю. Следствием начавшейся борьбы и явились события, происшедшие в ночь на 8 августа 1689 года, когда Петр бежал в Троицу.

Новелла 7. "Троицкое сидение"

На следующий же день следом за матерью, женой и сестрой Петра к воротам монастыря подошел большой в сильный отряд, который привел полковник Франц Лефорт. Так как ему в этой книге отведено не последнее место, познакомимся с его жизнью подробнее.

Швейцарец Франц Лефорт появился в России за 14 лет до описываемых событий.

Двадцать пятого августа 1675 года он приплыл в Архангельск на голландском купеческом корабле в группе офицеров-иноземцев. Первые два с половиной года он прожил в Москве на счет голландских купцов, полюбивших его за разгульный характер и острый ум. Затем последовал его брак с богатой и красивой девушкой Елизаветой Сугэ, родственницей двух генералов русской службы – Гордона и фон Бокговена. При содействии Гордона двадцатипятилетний красавец и весельчак был принят на военную службу в чине капитана и стал командиром роты. Лефорт отлично стрелял, фехтовал и великолепно держался в седле.

Более двух лет прослужил он в Киеве под началом князя В. В. Голицына и почти сразу же добился его расположения. В 1682 году его представили десятилетнему царю Петру, а так как дядька Петра был двоюродный брат В. В. Голицына князь В. А. Голицын, то на следующий год Лефорт стал уже

подполковником. Он участвовал в первом крымском походе В. В. Голицына, безотлучно находился при главнокомандующем и по возвращении в Москву был произведен в полковники.

Он-то и привел своих солдат на помощь Петру в Троице-Сергиев монастырь. Лефорту тотчас же поставили пушки против всех ворот и организовали круговую оборону. Его солдаты оставались в Троице-Сергиевой обители до тех пор, пока опасность не миновала. Именно с этого времени Франц стал пользоваться неограниченным доверием и исключительной привязанностью Петра. А за то, что он одним из первых офицеров-иностранцев примчался на помощь, Петр произвел его в генералы.

Вслед за Лефортом в монастырь прибыли и другие офицеры-иностранцы, а также оставшийся верным Петру стрелецкий полк Сухарева. Сюда потянулись телеги с порохом, ядрами, картечью, пушками и мортирами, а к концу августа пришли со всеми урядниками пять стрелецких полков.

Почувствовав, что сила на его стороне, Петр потребовал выдать ему Шакловитого. Софья, промешкав неделю, все же выдала своего любимца, хотя при этом и обливалась слезами.

Федора Леонтьевича поставили на пытку. Мучили его жестоко, и он сознался во всем, в чем его обвиняли, хотя на второй день от показаний отказался, и был приговорен к смерти.

Шакловитого не повезли в Москву, опасаясь, что там найдется немало его сторонников, способных к мятежу и готовых освободить своего начальника силой. Однако и в стенах Троице-Сергиева монастыря — духовной святыни России — казнить его тоже было неудобно. Тогда 12 сентября 1689 года Шакловитого вывели из монастырских ворот и отрубили голову на обочине московской дороги.

А тремя днями раньше в Троице-Сергиевом монастыре появился и другой фаворит Софьи — В. В. Голицын. На заседании Боярской думы его обвинили в нерадении во время последнего крымского похода, в умалении чести царей Петра и Ивана, а также в стоворе с Шакловитым и приговорили к лишению боярства и ссылке на север. Голицын с женой и детьми оказался сначала в Мезени, а затем в еще большей глуши — селе Кологоры на Пинеге, где он и умер спустя четверть века, в 1714 году, семидесяти лет от роду.

Падение Шакловитого и Голицына привело к немедленному отстранению от власти Софьи. Петр написал брату Ивану письмо, в котором сообщал, что не намерен более терпеть Софью в качестве соправительницы, называя ее "третьим зазорным лицом". "Срамно, государь, — писал Петр, — при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!" В сентябре Софью поселили в Новодевичьем монастыре, а сам обряд пострижения ее в монахини состоялся лишь через девять лет, 21 октября 1698 года.

Софья прожила в Новодевичьем монастыре пятнадцать лет и умерла там 3 июля 1704 года, на сорок седьмом году жизни.

Сказания о первом российском императоре Петре Великом

Новелла 1. Странствия в царствах языческих богов Венус и Бахуса

После победы над Софьей и ее сторонниками Петр стал единовластным, самодержавным государем. Возвратившись в Москву, он с головой погрузился в государственные дела, впервые ощутив тяжесть шапки Мономаха. Титул царя обязывал Петра претерпевать многие связанные с ним неудобства, но тяжелее всего ему давалась сдержанность, ибо молодость и жгучий темперамент оказывались сильнее разума и строгих канонов дворцового и церковного

чина. Особенно нетерпимыми для сторонников благочиния были наезды царя в еретическую Немецкую слободу, где правил бал его друг Лефорт. Одним из тех, кто решительно противился дружбе юного царя с иноземцами-иноверцами, видя в этом пагубу его душе, был патриарх Иоаким. Но 17 марта 1690 года он умер, и Петр, никем не сдерживаемый, пустился во вся тяжкия. Через две недели после смерти патриарха Петр впервые переоделся в немецкое платье, уже сшитое специально для него. Он облачился в камзол, штаны, чулки и башмаки, перекинул через плечо шитую золотом перевязь, прицепил к ней шпагу, надел парик и поехал к Лефорту. Там его всегда ждала компания, где можно было услышать множество любопытных и полезных историй, свободно пообщаться с молодыми красивыми женщинами. Историки, изучавшие жизнь Петра, утверждают, что великий преобразователь России, не придававший значения моральным канонам, не видел различия между служанками и принцессами, россиянками и иноземками, руководствуясь в выборе только одним – страстью.

Лейб-медик Петра Бидлоо сказал как-то об этой стороне петровского характера: "В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия". И многие современники, свидетели царской разнузданности, приводят немало историй самого скабрёзного свойства. Встречаются и утверждения о том, что Петр делил ложе не только с женщинами. Известны, например, два уголовных дела: по ним проходили капитанармус Бояркинский в 1705 году и управляющий имениями Ивана Кикина Дуденков в 1718 году. Оба рассказывали своим знакомым, что царь Петр и князь Меншиков живут в противоестественной связи и творят "блядское дело". Допрошенных признали виновными, но ни одному не урезали язык, а Бояркинский не был даже бит батогами. Его просто-напросто отправили служить в Азов рядовым солдатом. Дуденкова били кнутом, а затем сразу же освободили подчистую. "Это снисхождение, – писал историк Г. В. Есипов, – бросается в глаза".

Однако не этот род утех и приключений станет предметом нашего внимания. Мы пройдем мимо и тех женщин – служанок в трактирах, скотниц и огородниц, дворянок, бюргерш, пасторских жен и дочерей, купчих и прачек, – которые были лишь мимолетной услугой царя. И потому дальше речь пойдет о женщинах, оставивших след в жизни Петра и ставших его любовницами. Причем следует заметить, что он никогда не удовлетворялся связью с одной какой-нибудь из них, а всегда имел несколько любовниц в одно и то же время. Проводником Петра в мир любовных утех стал великолепный и неотразимый Лефорт. Это он познакомил своего питомца с его первой, правда мимолетной, привязанностью – дочерью ювелира Боттихера. Он же свел Петра с собственной любовницей, признанной красавицей Кукуя, дочерью ювелира и виноторговца Иоганна Монса – Анной.

Семейство Монс в "Списках замечательных лиц русских", составленных П. Ф. Карабановым, названо семьей "нидерландца, московского золотых дел мастера Мёнса", а его сына Виллима там же называют "Мём де ла Круа". Как сообщал австрийский посол Гвариент своему императору Леопольду I, Анна Монс, став любовницей Петра, не оставила своего прежнего таланта Лефорту, деля ложе то с тем, то с другим. Петр знал о взаимоотношениях Лефорту и Анны, но поскольку любил обоих, то прощал им этот грех. Он мог, как мы увидим потом, делить женщин с сердечными друзьями, но посягательство на них посторонних приводило его в бешенство, и тогда гнев его был страшен.

А между тем Евдокия Федоровна менее чем через год после свадьбы родила царю сына, названного в честь деда Алексеем, а в 1691 и в 1692 годах еще-

двух мальчиков – Александра и Павла, умерших в младенчестве, не проживших и года.

Евдокия была нежной и любящей матерью, но более всего она была страдальцей, и из-за того, что муж бросил ее, и из-за того, что их первенец и наследник престола был так же не мил Петру, как и она сама. Петр Алексеевич, находясь в Москве, почти никогда не бывал с нею и уж тем более не делил супружеского ложа, но все ночи проводил в Немецкой слободе: либо в роскошном дворце Лефорта, построенном для своего любимца Петром, либо в собственном доме Анны Монс, построенном на его деньги. Впоследствии для Петра стало традицией последний день перед отъездом из Москвы и первый день по возвращении в столицу проводить в доме любезного друга Франца.

Так было в 1693 и 1694 годах, когда Петр ездил в Архангельск смотреть большие торговые корабли на море. Так было и во время летних воинских маневров, и во время походов под Азов летом 1695 и летом 1696 годов. Так, наконец, было и в начале марта 1697 года, когда 250 человек отправились за границу в составе так называемого Великого посольства.

Великими послами именовались три человека – Франц Лефорт, Федор Алексеевич Головин и Прокопий Богданович Возницын, но фактически возглавлял посольство сам Петр, скрывавшийся под именем Петра Михайлова. Его сопровождал и бомбардир Преображенского полка Александр Меншиков, получивший свой чин четыре года назад и сравнивавшийся в чине с Петром – бомбардиром того же полка.

С 1693 года Меншиков сопровождал Петра повсюду, безотлучно находясь при нем и становясь, по мнению многих, возможным соперником Лефорта. Однако умный и осторожный Меншиков предпочитал дружить с любезным Францем Яковлевичем и терпеливо ждал своего часа.

Путешествуя со своими слутниками по европейским странам – Курляндии, Пруссии, Бранденбургу, Голландии, Англии, Австрии, – Петр, изучая западную культуру и науку, исподволь готовил и перемены в личной жизни. Он поручил дяде Льву Кирилловичу Нарышкину и боярину Тихону Никитичу Стрешневу во время его отсутствия склонить Евдокию Федоровну к добровольному принятию монашества. Вторую часть своего плана Петр утаил: после пострижения Евдокии и заточения ее в монастырь он хотел жениться на Анне Монс. Однако Нарышкин и Стрешнев в этом деле не преуспели. Все вроде бы шло хорошо, как вдруг заботы о семейных делах отступили на второй план: в середине августа 1698 года Петр получил известие, что в Москве произошел еще один стрелецкий бунт. В тот же день он оставил Вену и 25 августа уже примчался в Москву.

* * *

Летя в Москву, Петр уже знал, что мятеж, вспыхнувший 6 июня, был подавлен через две недели и что были казнены 57 главных его заводчиков, а четыре тысячи участников сосланы. Однако этого ему показалось совсем недостаточно, и он решил начать новое следствие. Оно привело на плаху и виселицу более тысячи человек, сотни стрельцов были изувечены, брошены в тюрьмы, усланы в медвежьи углы царства.

"Царь, Лефорт и Меншиков взяли каждый по топору. Петр приказал раздать топоры своим министрам и генералам. Когда же все были вооружены, всякий принялся за свою работу и отрубал головы. Меншиков приступил к делу так неловко, что царь надавал ему пощечин и показал, как должно отрубать головы", – писал позже саксонский посланник Георг Гельбиг.

Александр Данилович, способный к любому делу, тут же, на глазах у царя, немедленно исправился и к концу дня отрубил двадцать стрелецких голов, да еще и пристрелил одного из колесованных, чтобы прекратить его мучения. Последнее милосердное деяние произвел он, впрочем, не по собственной инициативе, а по приказу Петра. Как-то Петр с гордостью сказал, что он знает четырнадцать ремесел. Если это и так, то еще одно ремесло – ремесло палача – он тоже хорошо знал.

Петр лично участвовал в допросах и пытках, организовывал казни, но между этими занятиями не забывал и о своих личных делах.

Побывав в первый же день по приезде у Анны Монс, он лишь через неделю встретился с Евдокией. Причем не в ее кремлевских покоях и не у себя, а в доме одного из своих приближенных, думного дьяка Андрея Андреевича Винуса. Разговор с женой ни к чему не привел – Евдокия наотрез отказалась уходить в монастырь и в тот же день попросила о заступничестве патриарха Адриана.

Патриарх заступился за царицу, но Петр накричал на семидесятилетнего иерарха, заявив, что это не его дело и он, царь, никому не позволит вмешиваться в свои семейные дела.

Через три недели Евдокию Федоровну посадили в закрытую карету, и два солдата-преображенца отвезли ее в Суздаль. Есть свидетельство, что Петр даже хотел казнить Евдокию, но за нее заступился Лефортов и дело ограничилось заточением в монастырь.

Ее силой постригли под именем Елены и, не обращая внимания на крики и слезы, заперли в тесную келью Покровского девичьего монастыря. Ей не дали ни копейки на содержание, и она была вынуждена просить деньги у своих опальных и обнищавших родственников; "Здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую".

Со временем дела Евдокии немного наладились – родственники сумели установить с ней связь через ее духовника и местного архимандрита Досифея и стали регулярно пересылать ей деньги и вещи. Окружавшие несчастную царицу монахини прониклись к ней искренним сочувствием. Особенно тяжело переживала опальная царица разлуку с любимым сыном.

Так, в страданиях и обиде, без радостей и надежд, прожила инокиня Елена первые десять лет своего монастырского заточения.

А теперь я намеренно нарушу хронологическое изложение событий и расскажу о том, что произошло через десять лет...

* * *

А случилось вот что. Однажды дверь ее кельи открылась, и на пороге появился духовник Евдокии Федоровны, ключарь монастыря Федор Пустынный, а рядом с ним высокий и статный тридцатисемилетний офицер-преображенец Степан Богданович Глебов. Евдокия знала его с детства: Глебовы и Лопухины жили по соседству на Солянке, рядом с Ивановским монастырем. Евдокия и Степан были ровесниками. Их родственники служили Милославским – царю Ивану Алексеевичу и его жене – царице Прасковье Федоровне, урожденной Салтыковой. Салтыковы и Глебовы были родней друг другу.

Глебов был поверстан в Преображенский полк подпоручиком и в 1693 году стал офицером. В 1710 году, уже в звании майора, Глебов оказался в Суздале по делам службы – набирал рекрутов и заодно навестил свою сверстницу и давнюю знакомую. Глебов расспросил Евдокию о ее жизни и рассказал о своем неудачном браке, который длился уже шестнадцатый год,

не принося ему никакой радости из-за болезни жены. "Болят у нее пуп и весь прогнил, все из него течет, жить с ней нельзя", – говорил Степан. Во время первого свидания он передал Евдокии две шкурки песцов, две шкурки соболей и отрез парчовой ткани. Посылки от него стали регулярно поступать несчастной узнице. А вскоре к Евдокии и Степану пришла любовь... О ней знали многие Монахини, но ни одна из них не выдала любящих, понимая, чем все это может для них обернуться, если вдруг каким-либо образом бывшая царица снова окажется на престоле. Год шел за годом, а любовь Евдокии и Степана все более крепла и расцветала, несмотря на то что Глебов часто уезжал из Суздаля в разные концы России – то в свои подмосковные и костромские деревни, то на Украину, то в другие места. Но сердце его всегда оставалось с Евдокией – в келье Покровского девичьего монастыря. Она же, безмерно скучая, писала ему письма, и в каждом звала: "Не покинь ты меня, ради Господа Бога, сюды добивайся!" Евдокия Федоровна мечтала, чтобы бывший стольник, а ныне майор гвардии Степан Богданович Глебов вымолил бы у царя место воеводы в Суздале, и тогда они были бы счастливее всех на свете. Но годы шли, а Глебов оказывался возле нее не так-то уж часто...

Новелла 2. "Сумасброднейшие, Всешутейшие и Всепьянейшие Соборы"

А теперь, оставив Степана Глебова и Евдокию Федоровну, возвратимся к царю Петру, к тому времени, когда он заточил ненавистную ему жену в монастырь, а сам с головой окунулся в разгул. Своим пьяным развлечениям Петр придумал некое устройство, собственноручно написав устав своеобразного шутовского ордена и назвав его "Сумасброднейшим, Всешутейшим и Всепьянейшим Собором". Петр сам сочинил и чины, то есть порядок и обряды избрания и поставления новых членов "Собора", и всякий раз составлял программу очередного собрания, вдаваясь в мельчайшие детали его проведения. Первый такой "Собор" прошел вскоре после смерти десятого, и последнего, патриарха Адриана – яркого сторонника старины и противника петровских новшеств. Петр платил Адриану откровенной неприязнью и, чтобы унижить сан покойного Адриана, учинил издевательское действие, поставив во главе "Собора" князь-папу Никиту Зотова, наряженного в патриаршеские ризы. В этом шутовском звании он пробыл до дня смерти, последовавшей в 1717 году. Затем до 1723 года князь-папой был Петр Иванович Бутурлин. Вторым лицом "Собора" стал князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, одетый в гротескный царский средневековый наряд. Папу и кесаря окружал целый синклит придворных и многочисленный причт в шутовских и маскарадных костюмах.

Забегая вперед, отметим, что, когда в 1714 году первому князь-папе, а тогда уже графу, тайному советнику и генерал-президенту Тайной канцелярии Зотову было велено готовиться к свадьбе, расписанной Петром по обычаям "Собора", в перечне приглашенных значилось около двухсот мужчин и тридцать семь дам во главе с царицей Екатериной I. Из дам особо отмечены в приглашении "госпожа архиерейша Бутурлина и госпожа князь-игуменья Ржевская". Петр не только составил список, но и велел большинству из приглашенных, проживавших тогда в Петербурге, ехать в Москву. В Первопрестольной почти весь январь 1715 года прошел в маскарадных шествиях, забавах и шутовстве. На улицы Москвы выставили сотни бочек вина и пива, длинные ряды столов с разными яствами. Гостей к столам скликали отборнейшие заики, причем текст приглашения тоже написал Петр. В день венчания звонили колокола всех московских церквей, и их звон сливался с какофонией огромного оркестра ряженных, шедших в Архангельский

собор. Там девяностолетний священник обвенчал молодых, и они выехали из Кремля под звуки оркестра, гул колоколов и рев пьяной толпы: "Патриарх женился!"

На свадьбе присутствовали все члены "Собора" и другие приглашенные. Примечательно, что женитьба Зотова состоялась, когда ему исполнилось семьдесят лет. Он очень устал от своей весьма своеобразной службы и просил Петра отпустить его в монастырь. Однако вместо этого царь велел Зотову жениться и приказал выбрать будущую жену из московских вдов. Его женой стала Анна Еремеевна Стремоухова, урожденная Пашкова, офицерская вдова, бывшая ненамного моложе своего нового мужа. Когда он через три года умер, Анна Еремеевна вышла замуж в третий раз, остановив свой выбор на новом князь-папе – Петре Ивановиче Бутурлине. Однако и здесь Анну Еремеевну постигла неудача – в середине 1723 года, опившись и объевшись на очередном "Соборе", третий муж умер. За сорок дней до собственной смерти, 19 декабря 1724 года, Петр вновь намеревался созвать "Собор", чтобы произвести "чин нового избрания", "Всесвятейшим, Всешутейшим патриархом Кукуйским, Прешбургским, Заяузским и от великих Мытищ" Петр планировал избрать одного из основателей "Собора", графа и сенатора Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, Однако выполнить монаршее предначертание Мусин-Пушкин не успел – помешала смерть главного затейника всех этих дел – "смирненного протодиакона Петра Михайлова".

Вторым чином на иерархической лестнице "Собора" был князь-кесарь. Сначала этот сан носил Федор Юрьевич Ромодановский, называвшийся еще и "потешным генералиссимусом четырех выборных потешных полков и прешбургским королем".

Вспомним крепость Прешбург, построенную возле села Преображенского на реке Яузе в 1685 году. Именно там нередко и собирался "Сумасброднейший, Всешутейший и Веепьянейший Собор". Вспомним также, что в селе Преображенском размещался Пыточный Преображенский приказ, начальником которого тоже был Федор Юрьевич. А уж в последнем своем качестве он наводил страх и ужасна всю Москву и в особенности в отсутствие Петра. Не случайно все другие члены "Собора" страшились Ромодановского и заискивали перед ним – ведь за его спиной стояли палачи Преображенского приказа. Ромодановский и Зотов умерли в одном и том же году. О преемнике Зотова мы уже знаем, на место князь-кесаря Петр попросил заступить сына умершего – Ивана Федоровича. Ему же был поручен и Преображенский приказ. Иерархия внутри "Собора" напоминала церковную: после двух первых лиц шли митрополиты – владыки различных городов, после них – протодиакон, диаконы и т. д. По мере роста заслуг в шутовстве и пьянстве "Собор" коллегиально повышал своих членов. Так, сам царь был "протодиаконном Петром Михайловым". А митрополитом "царствующего и великого града Санкт-Петербурга, Ижорской и Кроншлотской Ингерманландии" числился по 1717 год Петр Бутурлин.

Состав "Собора", действовавшего более четверти века, конечно же менялся. Однако можно назвать тех, кто состоял в нем почти все время его существования. В деятельности "Собора" чаще других участвовали: Лефорт, Меншиков, Готовцов, Семен Бехтеев, П. И., И. И. и А. Б. Бутурлины, брат Меншикова – Гаврила, Г. И. Головкин, И. А. Мусин-Пушкин, Б. П. Шереметев, Ю. Щербатов, М. Колычев, М. Собакин, Я. Лобанов, М. А. Головин, В. Ржевский, А. Савелов, И. Денисов, Ф. Протасьев, М. В. Оболенский, И. Р. Стрешнев, Л. Воейков, И. Чириков, П. Муханов, Ф. М. Апраксин, А. Я. Хилков, Н. И. Репнин, Ф. А. Головин, Шемякин, П. И. Прозоровский,

Т. В. Юшков, Я. Тургенев, Колтовской, Б. Полибин, Губин, Тиматов, Ключарев, Козырев, Г. Кашнин, Траханиотов, И. Лосев, О. Метлин. Даже беглое знакомство со списком свидетельствует о пестроте состава "Собора". Если П. И. Бутурлин почти ничем, кроме шутовства и пьянства, не отличился, то его племянники – Иван Иванович и Александр Борисович – стали известными военачальниками. Первый дослужился до чина генерал-аншефа, второй стал генерал-фельдмаршалом, московским генерал-губернатором, получив в 1760 году титул графа. (Далее мы узнаем и о том, что Александр Борисович был одним из любовников цесаревны Елизаветы Петровны, что сказалося и на его служебной карьере.)

Не менее убедительны и имена Лефорта, Меншикова, Ромодановских, Головина, Головкина, Шереметева, Мусина-Пушкина, Апраксина, Репнина и некоторых других, бывших подлинными сподвижниками Петра.

А теперь о женской части "Собора";

Князь-игуменьей была Дарья Гавриловна Ржевская, урожденная Соковнина, разбитная, бойкая на язык, угодливая баба-шутиха, пользовавшаяся благоволением Петра и ставшая его доверенным лицом при молодой жене царевича Алексея Петровича Софье-Шарлотте.

Софья-Шарлотта много раз просила своего августейшего свекра убрать от нее эту пьяницу и доносчицу, специально приставленную для сбора сплетен и соглядатайства, но Петр всякий раз оставлял ее просьбы без ответа.

Распущенную, почти всегда пьяную князь-игуменью Дарью Гавриловну Ржевскую едва ли не превзошла такими же качествами ее дочь Евдокия. В 1708 году пятнадцатилетней девочкой попала Евдокия в постель к Петру, а через два года Петр пристроил ее, выдав замуж за своего любимца, бывшего денщика, а в ту пору тридцативосьмилетнего бригадира Григория Петровича Чернышова, родоначальника графской фамилии. Муж Евдокии был храбр, честолюбив и прославился многими подвигами в Северной войне: участвовал в штурмах десятка крепостей, взял в плен коменданта Нарвы генерала Горна, был много раз ранен. Свою женитьбу на царской фаворитке он расценивал как награду за боевые подвиги. Евдокия принесла бедному бригадиру немалое приданое, да и Петр одарил молодых богатыми подарками. Петр и потом долгие годы сохранял с нею прежнюю связь и, как утверждали, был отцом шестерых ее детей – трех сыновей и трех дочерей. Однако, учитывая необыкновенно легкий нрав Евдокии, отцом этих детей мог быть и любой другой из ее поклонников.

И все же Евдокия Чернышова не была второй дамой в "Соборе". Она упомянута здесь после князь-игуменьи только потому, что была ее дочерью.

Второй дамой была ее величество государыня князь-цесаревна Ромодановская, третьей – архиигуменья Стрешнева, ставшая после смерти Ржевской князь-игуменьей; затем шла игуменья – княгиня Анастасия Петровна Голицына, урожденная княжна Прозоровская, и, наконец, госпожа адмиральша Михайлова, то есть царица Екатерина I.

Здесь названы важнейшие "старницы", а кроме них в женскую часть входили послушницы и богомолки, смиренные грешницы, завлекаемые в этот содом от случая к случаю.

Через него прошли многие сестры, дочери и жены самих членов "Собора", их дальние родственницы и просто знакомые девицы и женщины, если они отличались миловидностью и могли понравиться "протодиакону Петру Михайлову" и его причту.

Несомненно, что участницами "Собора" были и девицы Арсеньевы, и сестры Меншиковы, и многие иные "инокини".

А теперь вкратце о чине избрания и чине поставления. Обе церемонии были разработаны самим Петром. В них участвовали: 1) искусные свистуны,

подражатели птичьему пению, набранные из разных мест; 2) синодальные певчие; 3) певчие государевы; 4) подстенная братия; 5) диаконы; 6) попы; 7) монахи знатные; 8) архимандриты и суфреганы (епископы-викарии); 9) князь-папинские служители; 10) Бахус, несомый монахами великой обители, и ковш, несомый от плешивых; 11) архиереи по одному.

К собравшимся выходили три претендента на вакансию князь-папы и: "Да посадятся в особой камере на прорезанных стульях. Тогда от Собора посылаются папины – архидиакон, ключарь и протодиакон (последний – сам Петр) свидетельствовать их крепким осязанием. Они же, осязая, воскликнут: "Габет, габет, габет – форамен!"

Такая церемония изображала пародию на избрание римских пап. После того как в 855 году на ватиканском троне под именем Иоанна VIII оказалась женщина – немка из Майнца по имени Гильберта, ловко выдавшая себя за монаха-мужчину, было решено впредь проверять пол новых претендентов на папский престол. Именно это и делалось на "Соборе".

Убедившись, что все три претендента имеют мужское естество, члены "Собора" шли к князь-игуменье, держа в руках по два куриных яйца: одно – белое, а другое – черное и при этом "целуя оную в перси".

Голосование проводилось яйцами. Кто из претендентов получал наименьшее число черных яиц, тот и становился князь-папой.

На избранного надевали папскую митру и мантию, и плешивые, посадив его в носилки, несли на своих головах к трону, после чего пели ему многолетие. Князь-папа, сидя на троне, держал в руках орла – огромный кубок с вином. Остальные подходили к нему, целуя руку, а "тако жив... под лоном". "И пикют из десницы в знак присяги верности закона".

После этого сажали новоизбранного в огромный ковш и провожали всем "Собором" к его дому. А там опускали князь-папу в чан, наполненный пивом и вином, "и, пив из онаго, расходятся".

На вопрос князь-кесаря "Како содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешься?" – новый папа отвечал: "Восстав поутру, еще в потемках, а иногда и в полночь, испиваю две или три чары. И продолжающееся время препровождаю таким же образом. Когда же придет время обеда, пью по чашке немалой, переменяя разные пития, паче же вином, так как оно – лучшее и любезнейшее Бахусово питие, и им я чрево свое, как бочку добре, наполняю; так что иногда и еду проношу мимо рта из-за дрожания десницы моей и из-за того, что вью до потемнения в очах моих и собственной руки от этого не вижу. И так всегда творю. И учить такому же паству мою обещаю. Мыслящих же по-другому – отвергаю, и отчуждаю от себя, и матерю всех пьяноборцев. А я, как только что говорил, все это буду совершать до скончания моей жизни с помощью отца нашего Бахуса.

В нем же живем, а иногда и с места не движемся, и есть ли мы или нет нас – не ведаем. А я желаю тебе, отцу моему, и всему нашему Собору все это получить. Аминь".

После этого князь-кесарь говорил: "Пьянство Бахусово да будет с тобою, затемневающее, и дрожающее, и валяющее, и безумствующее тебя во все дни жизни твоей!", а новый князь-папа, упав на колени, клал голову, руки и грудь на лежащую перед ним винную бочку и слушал песнь Бахусову. Затем архиереи облачали его в папский наряд, кропили ему вином лицо, голову, руки и читали молитву: "Во имя всех кабаков, во имя всех табаков, во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех каразинов, во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех ендов, во имя всех ковшей, во имя всех плошек, во имя всех чарок, во имя всех стаканов, тако же во имя собранных вкупе канарейки, синицы, жаворонка, снегиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великого, корабля и кита,

носящего их". (Имена птиц носили разномерные сосуды, предназначенные для питья вин.)

И наконец, надев на князь-папу митру, сажали его на трон, а он вкушал из орла вино и подавал кубок всем присутствующим. Так проходили чин избрания и чин поставления, а прочие возлияния по разным поводам мало чем отличались друг от друга.

Новелла 3. Девушка Анна Монс

Теперь же вернемся в 1698 год, когда Петр подавил стрелецкий мятеж, а заодно расправился и с опостылевшей Евдокией. Заточение законной супруги в монастырь развязало руки Петру, и он стал серьезно помышлять о женитьбе на Анне Монс. Осенью того же года Петр уехал на кораблестроительные верфи под Воронеж, а за себя в Москве оставил "любезного друга Франца".

По возвращении Петра начались пиры и праздники в честь подавления бунта. Они проходили в новом дворце Лефорта, построенном во время путешествия царя по Европе и по его распоряжению. Это был необычайно роскошный и огромный дворец. Главная часть дворца, с центральным залом высотой более двадцати метров, была обращена в сад. Множество других залов напоминали музей искусств: в них были собраны китайские вазы и коллекции фарфора, батальная живопись и модели кораблей, образцы оружия и доспехов...

Двенадцатого февраля 1699 года необычно пышно и торжественно было отпраздновано новоселье, а еще через десять дней Лефорт заболел горячкой, а точнее, общим заражением крови и 2 марта умер.

Петр сильно горевал, смерть лишила его преданнейшего и любимейшего соратника и друга. Но она же и положила конец двусмысленным отношениям с Анной Монс, которая теперь, кажется, стала полностью принадлежать Петру. Со смертью Лефорта на дворцовом небосклоне круто поднялось в зенит новое светило – Меншиков. Сохраняя верность и преданность Петру, Александр Данилович держался тех, кто был мил сердцу царя, и он мгновенно отказывался от своих привязанностей, как только таковые менялись у царя. Пока царь любил Анну Монс, Меншиков столь же пылко ее обожал, всячески разжигая их чувства друг к другу.

Если бы не начавшаяся вскоре война со Швецией, то, может быть, Анна Ивановна и стала бы русской царицей, как немного позже случилось это с другой возлюбленной Петра – Мартой Скавронской, вошедшей в историю под именем Екатерины I.

Итак, 19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции, начав самую продолжительную в своей истории Северную войну, длившуюся двадцать один год. 22 августа Петр отправился на театр военных действий к Нарве. 19 ноября русские войска потерпели там серьезнейшее поражение, но Петр не опустил рук и с еще большей энергией продолжал начатое дело. Тема этой книги не позволяет подробно останавливаться на истории военной или политической, если, по крайней мере, события не связаны с перипетиями личной жизни наших героев.

Поэтому и сейчас речь пойдет об одном эпизоде, без которого не случилось бы крутого поворота в отношениях Петра и Анны Монс.

Однажды, в апрельский вечер 1703 года, царь прогуливался с саксонским посланником Кенигсеком возле стен осажденной шведской крепости Нотебург (потом Петр переименовал ее в Шлиссельбург). Вдруг Кенигсек поскользнулся на бревне, переброшенном через ручей, и на глазах Петра рухнул в воду лицом вниз. К нему на помощь пришли солдаты, но было поздно – саксонский посланник захлебнулся, и откачать его не удалось.

Когда утопленника вытащили из ручья, у него в карманах обнаружили целую пачку писем Анны Монс, в которых, как писал академик Герард Фридрих Миллер, она "слишком ясно выражала свою преступную любовь к Кенигсеку". У Кенигсека оказался и миниатюрный живописный портрет Анны.

Петр тотчас же приказал приставить к дому Анны Монс крепкий караул и никого к ней не пускать. Догадываясь о причине немилости, Анна пыталась во что бы то ни стало вернуть себе расположение царя и пробовала сделать это при помощи колдовства, чародейства, приворотных зелий, перстней и тому подобной каббалистики.

Опала над всем семейством Монс продолжалась до 1707 года и прекратилась из-за вмешательства прусского резидента Георга Иоганна фон Кайзерлинга, который, как и Кенигсек, сопровождал Петра на войне.

10 июля 1707 года неподалеку от Люблина, где стояла тогда главная квартира русской армии, Кайзерлинг объявил Петру, что Анна Монс — его невеста и потому он просит разрешения на брак с ней.

Петр ответил ему так:

— Я воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она вами прельщена и развращена, то я ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочу.

Присутствовавший при этом Меншиков добавил:

— Девка Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой я сам развратничал столько же, сколько и ты.

В ответ Кайзерлинг полез драться, но Петр и Меншиков спустили его вниз по лестнице.

Упрямый пруссак все же добился своего, но только четыре года спустя после этого происшествия. Он обвенчался с Анной в июне 1711 года, однако через полгода умер. Анна пережила его не намного: она скончалась в Немецкой слободе 15 августа 1714 года.

Новелла 4. Лифляндская прачка Марта Трубачева-Скавронская-Веселевская

Не станем долго интриговать читателя и скажем сразу же — под фамилией "Скавронская" и прозвищами "Трубачева" и "Веселевская" значилась одна и та же особа — будущая жена Петра, российская императрица Екатерина I. Существует несколько версий происхождения Екатерины. Одну из них излагает француз Франц Вильбуа, служивший в русском флоте с момента его создания и впоследствии ставший вице-адмиралом.

Он оставил интересные "Записки", касающиеся многих событий первой четверти XVIII века, свидетелем которых был или о которых ему довелось слышать. Вильбуа был близок Петру и Екатерине, долго служил у паря адъютантом. Петр сосватал и женил француза на фрейлине Екатерины, старшей дочери пастора Эрнста Глюка — Елизавете, с которой будущая русская царица росла с трех до шестнадцати лет в семье Глюка, удочерившего маленькую сироту Марту. Вильбуа дружил и с семьей младшей сестры своей жены — Дарьи Глюк, вышедшей в России замуж за обер-гофмейстера царского двора Дмитрия Андреевича Шепелева.

Таким образом, у Вильбуа оказалась уникальная информация о детстве и юности Екатерины, в католическом крещении — Марты. По свидетельству Вильбуа, родители Марты умерли от чумы, когда девочке было три года. Ее подобрал протестантский пастор города Мариенбурга Даут и взял к себе в дом. Однако эпидемия чумы выкосила и эту семью: осталась в живых лишь сирота Марта. И во второй раз девочку подобрал тоже священник, приехавший в Мариенбург принять опустевший приход. Это был Эрнст Глюк.

В семье пастора Глюка Марта находилась на положении полувоспитанницы-полуслужанки: вместе с тремя дочерьми пастора училась чтению и письму по-немецки, рукоделию и ведению хозяйства.

Одна из версий происхождения Екатерины заключалась в том, что ее мать была крепостной немецкого дворянина Альвендаля и от мимолетной связи со своим господином понесла будущую российскую императрицу. Отец Екатерины – де-юре литовский крестьянин по имени Самуил не имел фамилии, как и большинство крепостных в Литве и Польше, а стало быть, и его дочь тоже была бесфамильной. Он жил в одной из деревень графов Сапега неподалеку от лифляндской границы. У Самуила было четверо детей – сын Карл и дочери: Марта, Христина и Анна, крещенные по католическому обряду.

Вскоре после рождения последней дочери Самуил умер, и его осиротевшая семья переехала в Лифляндию, принадлежавшую тогда Швеции, в деревню Лениеварден на речке Румбе.

По довольно достоверным источникам, Марта родилась 5 апреля 1686 года. Из-за бедности мать устроила девочку к лютеранскому пастору в местечко Рооп, а затем к пастору Эрнсту Глюку в Мариенбург (ныне латвийский город Алуксне).

Так как вопрос о происхождении Екатерины невыяснен и многие данные противоречивы, дальнейшее повествование может показаться и нелогичным и несогласующимся. И все же здесь будут представлены главные версии, существующие на сегодня.

По свидетельству современников, в молодости Екатерина не отличалась особой красотой, была смуглой, но необычайно симпатичной, располагающей к себе девушкой, которая нравилась многим мужчинам. Не отличалась она и чрезмерной строгостью, почему целомудренный пастор Глюк решил положить конец фривольным приключениям своей воспитанницы и предложил ей найти себе жениха. Марта выбрала парня, который ей нравился, да и ему она была по душе. Таким образом состоялся брак по любви, и была сыграна небогатая, но веселая свадьба.

Муж Марты – Иоганн Крузе, судя по фамилии и имени – немец, служил в местном гарнизоне. И очевидно, был трубачом, потому что сразу после свадьбы Марту стали называть "Трубачевой". Это прозвище на первых порах заменяло ей фамилию. Но их семейная жизнь продолжалась лишь несколько дней – Иоганн ушел со своим отрядом в поход, а вскоре, 25 августа 1702 года, в Мариенбург вошли войска Бориса Петровича Шереметева, и волею случая Марта оказалась в его доме. Молодая служанка ненадолго стала любовницей пятидесятилетнего фельдмаршала, но тот вскоре уступил ее своему гостю – женолюбу и сладострастнику Меншикову, которому прекрасная Марта попала на глаза. Правда, известный русский историк князь П. В. Долгоруков, перечисляя любовников Марты в Мариенбурге, называет еще и генерала Родиона Христиановича Бауэра (Боура), а уже после него Шереметева и Меншикова.

Когда Меншиков привез Марту в Москву, ее именовали "Веселевской".

Разгадка тому содержится в письме П. М. Бестужева-Рюмина, посланном Екатерине 25 июня 1715 года. Он писал, что отыскал "в Крымборхе фамилию Веселевских". В частности, у некоего курляндца Вильгельма Гана были четыре сестры. Первая вышла замуж за Яна Веселевского; вторая – Доротея – "была за Сковородским", то есть Скавронским. У Доротеи были сыновья – Карл и Фридрих, четыре дочери – Анна, Доротея, еще Анна и Екатерина. Эта-то Екатерина и жила в Кройсбурге (он же Крышборк, Крымборх, Крейсбурх) "у тетки своей Марии-Анны Веселевской, которую в двенадцатилетнем возрасте взял в Лифляндии шведский мариенбургский пастор". Далее Бестужев сообщал

сведения и о других членах этой фамилии, причем отмечал, что многие из них умерли в поветрие, то есть во время чумы.

Так, мало-помалу вырисовывались забытые и самой Мартой эпизоды ее раннего детства. А может быть, ей и не очень-то хотелось, чтобы горькая и суровая правда о первых годах ее нищенской и сиротской жизни сделалась достоянием князей и генералов, окружавших трон ее мужа, пока еще не венчанного с ней.

Все это выяснялось потом, а в 1703 году Меншиков с гордостью показывал свою новую служанку-наложницу приходившим к нему в дом друзьям и собутыльникам, но усиленно скрывал ее от Петра, так как понимал, что, попадись Марта на глаза царю, он тотчас лишится своей улады.

Но однажды Меншиков во время попойки с царем проболтался о прелестной любовнице. Петр велел немедленно показать ему девушку. Тут-то и увидел Петр свою суженую – шестнадцатилетнюю, пухленькую, с необычайно живыми черными глазами и совершенно необъятным бюстом. Девушка мыла окна и, не замечая царя, легко перескакивала с подоконника на подоконник.

Царь увез Марту с собой, спрятав ее от всех в маленьком домике на окраине столицы. Только наиболее близкие ему люди знали, кем на самом деле является для их государя эта юная служанка, официально значившаяся женой придворного конюха. Скоро Марта была введена Петром и Меншиковым в круг близких подруг и родственниц царя и фаворита.

Новый роман Петра не походил ни на один из предыдущих: от шестнадцатилетней литовской крестьянки тридцатидвухлетний царь потерял голову. Он не считал ее простой наперсницей, но видел в ней будущую жену, тем более что она скоро забеременела и родила близнецов – Петра и Павла, умерших в младенчестве. И потому уже в 1705 году Петр предложил своей будущей жене принять православие.

К этому времени и сама она прекрасно понимала, что Россия стала для нее новой родиной, где ей предстоит прожить еще очень долго. "Для того, – писал историк К. И. Арсеньев, – оставила веру своей родины и приняла православие; усердно начала изучение русского языка и скоро преуспела в нем так, что казалось, будто всегда принадлежала к великой семье русского народа".

Крестным отцом Марты, получившей новое имя – Екатерина, стал сын Петра – пятнадцатилетний царевич Алексей, а крестной матерью – сводная сестра царя Екатерина Алексеевна – сорокасемилетняя дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской. Отчество "Алексеевна" Екатерина получила от своего крестного отца – пасынка Алексея. Теперь все, кто пренебрегал ею, резко изменили к ней отношение, ибо перед ними была крестная дочь царевича и царевны и, наверное, будущая государыня.

Даже Меншиков сменил тон и, оставаясь ближайшим другом Екатерины, стал вместе с тем и почтительным подданным.

А между тем новообращенная Екатерина и ее прежние товарки продолжали жить одной компанией сначала при дворе любимой сестры Петра – Натальи Алексеевны, а потом во дворце Меншикова. Они не были домоседками и часто уезжали к царю в Нарву, Смоленск, Витебск, Петербург. В 1707 году у нее родилась первая дочь – Екатерина, скончавшаяся через год, а затем на свет появились еще две девочки: 27 января 1708 года – Анна, а 18 ноября 1709 года – Елизавета. Первой из них было суждено занять трон в Голштинском герцогстве, а второй – стать российской императрицей.

Новелла 5. "За любовь и отечество"

Двадцать пятого февраля 1711 года в Успенском соборе был зачитан Манифест об объявлении войны Османской империи. В этот же день, перед тем как отправиться в поход против турок, Петр обвенчался с Екатериной. Правда, венчание было тайным, но оно – было. Впервые Екатерина пустилась навстречу опасностям, а может быть, и смерти не как любовница Петра, а как законная жена.

Необычайно сильная привязанность Петра к Екатерине объяснялась не только силой чувств, которые он долгие годы испытывал к ней.

Прусский резидент в Петербурге граф Г. Ф. Бассевич писал в своих "Записках": "Она имела власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать его гнева. Появление их узнавали по судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. И он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем прежде, нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении".

Отправившись к армии, Петр находился в пути почти четыре месяца. Столь долгое его путешествие от Москвы до Прута объяснялось тем, что по дороге он подолгу останавливался в разных городах, решая вопросы грядущей кампании и особенно основательно подготавливая и проводя дипломатические акции. К тому же из-за внезапной болезни пришлось остановиться в Луцке. В Галиции, в местечке Ярославле, Петр встретился с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и 11 апреля 1711 года подписал с ним союзный договор, направленный против турок. Здесь же 30 мая Петр подписал договор с польским королем Августом II, специально для этого приехавшим в Ярославль.

И еще одно важное дело решилось во время пребывания Петра и Екатерины в Галиции: в местечке Яворово 19 апреля состоялось подписание брачного соглашения о женитьбе царевича Алексея Петровича на немецкой принцессе Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. По условиям договора, невеста оставалась в своей прежней лютеранской вере, а будущим детям предстояло креститься по православному обряду.

В то время, когда Петр и Екатерина находились в походе, Алексей жил в семье своей семнадцатилетней невесты, в увеселительном замке Зальцдален около Брауншвейга, и писал своей мачехе: "Герцог-отец, дед и мать герцогини, моей невесты, обходятся со мною зело ласково".

Двенадцатого июня Петр и Екатерина прибыли в лагерь русских войск на Днестре, но множество русских колков было еще в пути. Их марш к Днестру оказался очень трудным: стояла сильная жара, высушившая не только ручьи и озера, но и колодцы. К тому же саранча пожрала траву, и от бескормицы пало множество лошадей, замедляя тем самым движение артиллерии и обозов. Провианта не хватало, ибо край подвергся разорению турками и союзными им татарами.

Наконец дивизии Шереметева, Вейде и Репнина – общей численностью около сорока тысяч человек – соединились на берегу Прута и построили укрепленный лагерь. Скоро вокруг него сосредоточились неприятельские силы, в три раза превосходящие русские и союзные им молдавские войска. После двух турецких штурмов, с трудом отбитых русскими, оставшись без продовольствия и не имея доступа к воде, Петр решил капитулировать. Он приказал Екатерине покинуть ночью лагерь и скакать в Польшу. Но она наотрез отказалась, а вместо бегства принесла Петру все свои драгоценности, стоившие десятки тысяч золотых рублей.

С этими драгоценностями в турецкий лагерь отправился вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, сопровождавший царя в походе, и подкупил имя великого визиря, согласившегося выпустить окруженную армию из лагеря[1].

Армия пошла к границам России, к Днестру, а Петр и Екатерина отправились сначала в Варшаву для свидания с Августом II, а затем в Карлсбад, на воды, и, наконец, в Торгау, где должна была состояться свадьба царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи-Шарлотты, доводившейся свояченицей австрийскому императору.

Тринадцатого октября 1711 года Петр и Екатерина приехали в саксонский город Торгау, а на следующий день во дворце было совершено венчание и отпраздновано. Через три года после Прутского похода, в 1714 году, в память об этом поступке своей жены Петр учредил орден Святой великомученицы Екатерины, которым награждались только женщины. Девизом ордена были слова: "За Любовь и Отечество", а пояснительная надпись гласила: "Трудами сравнивается с супругом".

на довольно скромная свадьба. После нее родители Алексея отправились дальше, а он остался в Саксонии.

Новелла 6. Кровавая одиссея цесаревича

Спустя два года Алексей и Софья-Шарлотта обосновались в Петербурге. В 1714 году у них родилась дочь Наталья, а еще через полтора года – сын Петр, будущий российский император Петр II. Через десять дней после рождения сына Софья-Шарлотта умерла от родильной горячки.

Алексей во время ее болезни был рядом и несколько раз падал в обморок. Причиной его душевной слабости была не только кончина жены. Незадолго до ее смерти царевич завел роман с крепостной служанкой своего первого учителя Никифора Вяземского – Ефросиньей Федоровой. Не исключено, что в те трагические минуты его мучили угрызения совести.

Это был единственный любовный сюжет в жизни Алексея Петровича, влюбившегося в Ефросинью до такой степени, что впоследствии он просил даже позволения жениться на ней, предварительно выкупив Ефросинью и ее брата Ивана на волю у их хозяина.

Софья-Шарлотта, зная о связи мужа с Ефросиньей, на смертном одре с горечью проговорила, что "найдутся злые люди, вероятно, и по смерти моей, которые распустият слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали".

Петру конечно же передали слова невестки, и царевич страшно боялся отцовского гнева. Но еще более стал Алексей опасаться ярости Петра, когда на поминках Софьи-Шарлотты отец сам вручил ему грозное письмо. Он писал Алексею, что радость побед над шведами "едва не равная сдает горесть, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных неспособного". Петр упрекал сына в том, что тот не любит военного и других необходимых для государства дел.

"Сие представляя, — писал Петр, — обращаюсь паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому насажденное и возвращенное оставлю? Тому ленивому рабу евангельскому, закопавшему талант свой в землю? Еще и то вспомяну, какого злого нрава и упрямства ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранил и даже бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобою, но ничто на тебя не действует, все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и им веселиться, однако ж всего лучше безумный радуется своей беде, не ведая, что может от того следовать не только ему самому, то есть тебе, но и всему государству? Истинно пишет святой Павел: "Как может править церковь тот, кто не радеет и о собственном доме?"

Обо всем этом с горестью размышляя и видя, что ничем не могу склонить тебя к добру, я посчитал за благо написать тебе сей последний завет и подождать еще немного, если нелicenseмерно обратишься. Если же этого не случится, то знай, что я тебя лишу наследства, яко уд гангранный. И не мни себе, что один ты у меня сын и что все сие я только в острастку пишу: воистину исполню, ибо если за мое Отечество и людей моих не жалел и не жалею собственной жизни, то как смогу тебя, непотребного, пожалеть? Пусть лучше будет хороший чужой, нежели непотребный свой".

Отвечая отцу, Алексей во всем соглашался с ним и просил лишить его права наследования престола, ссылаясь на слабость здоровья и плохую память, утверждая, что "не потребен к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я".

Когда Алексей писал это письмо, Екатерина Алексеевна родила очередного ребенка. Это был мальчик, и Алексей просил отца назначить наследником престола новорожденного брата. В заключение Алексей клялся в том, что никогда не заявит своих прав на престол, а для себя просил лишь "до смерти пропитания".

Это письмо он писал по совету своих ближайших друзей — Александра Кикина и князя Василия Долгорукова. Причем последний сказал Алексею: "Давай писем хоть тысячу. Еще когда это будет. Старая пословица: "Улита едет, коли-то будет". Это не запись с неустойкой, как мы прежде давали друг другу". Долгорукий намекал на то, что отказ от престола — пустая отговорка и что только реальный ход событий определяет, на чьей стороне окажется фортуна.

Петр, по-видимому, узнал и об этом. 19 января 1716 года отправил Алексею еще одно письмо, в котором не верил клятвам сына, полагая, что если бы тот и сам хотел поступать честно, то сделать это ему не позволят "большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же, чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дела мои, которые я делаю для своего народа, не жалея своего здоровья. И конечно же после меня ты разорителем этого будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или перемени свой нрав и нелicenseмерно удостой себя наследником, или будь монах..."

Когда Алексей прочитал это письмо Кикину, тот сказал: "Да ведь клубок-то не гвоздем к голове прибит". И после этого Алексей допросил отца отпустить его в монастырь.

Еще через неделю Петр отправился на воды в Карлсбад, взяв с собою, между прочим, и Александра Кикина. Перед отъездом он навестил сына и еще раз попросил его, не торопясь, в течение полугода, обдумать: быть ему наследником или монахом? А Кикин, прощаясь с Алексеем, шепнул тому, что,

находясь в Европе, найдет царевичу какое-нибудь потайное место, где тому можно будет укрыться, бежав из России.

Двадцать шестого августа 1716 года Петр послал Алексею письмо все с тем же вопросом. И написал, что если Алексей хочет остаться наследником, то пусть едет к нему, сообщив дату своего выезда из Петербурга, а если – монахом, то пусть скажет о сроке принятия пострига.

Алексей сделал вид, что решил ехать к Петру, и, взяв с собою Ефросинью Федоровну, ее брата Ивана и трех слуг, 26 сентября 1716 года оставил Петербург. По дороге он встретился в Либаве с Кикиным, сообщившим, что царевича ждут в Вене и австрийский император примет его как сына, обеспечив ежемесячный пенсией в три тысячи гульденов. После беседы с Кикиным Алексей решился окончательно: проехав Данциг, он исчез.

Через два месяца Петр распорядился начать поиски беглеца. Генерал Адам Вейде, стоявший с корпусом в Мекленбурге, русский резидент в Вене Абрам Веселовский, майоры Шарф и Девсон отправились на поиски Алексея. Более прочих повезло Веселовскому. Хорошо зная европейские обычаи, он везде расспрашивал – конечно же за денежную мзду – о русском офицере с женой и четырьмя слугами. Двигаясь от Данцига на юг, Веселовский обнаружил следы Алексея, ехавшего под именем подполковника Кохановского и останавливавшегося в разных городах и гостиницах. Во Франкфурте-на-Одере царевич жил в "Черном орле", в Бреслау – в "Золотом гусе", в Праге – в "Золотой горе". Наконец в Вене 20 февраля 1717 года Веселовский нашел человека – референта Тайной канцелярии Дольберга, который сказал, что Алексей находится во владениях австрийского императора инкогнито.

* * *

Алексей и его спутники приехали в Вену в ноябре года. Не останавливаясь в гостинице, царевич явился в дом вице-канцлера Шенборна, который уже лег спать. Алексея долго не пускали, предлагая подождать до утра, но царевич так боялся погони и ареста, что добился встречи с Шенборном среди ночи. Бегая по комнате, где происходило randevu, Алексей кричал:

– Император должен спасти меня и обеспечить мои права на престол! Я – слабый человек, но таким воспитал меня Меншиков, с намерением расстраивая мое здоровье пьянством. Теперь, говорит мой отец, я не гожусь ни для войны, ни для правления, однако же у меня достаточно ума, чтобы царствовать. А меня хочет заточить в монастырь, куда я идти не хочу! Император должен спасти меня!

Алексей более всего рассчитывал на свое родство с императором, который был женат на родной сестре его покойной жены Софьи-Шарлотты и, таким образом, доводился ему шурином, а дети Алексея – Наталья и Петр – были племянниками императрицы.

Карл VI Габсбург немедленно собрал тайную конференцию, на которой было решено сохранить пребывание Алексея в секрете. Он распорядился отвезти царевича сначала в местечко Вейербург под Веной, а оттуда в крепость Эренберг в тирольских Альпах.

Для сохранения тайны Алексея и его спутников переодели простолюдинами и на крестьянских телегах, настрого наказав соблюдать в пути абсолютное инкогнито и ни слова не произносить по-русски, отправили в Альпы.

Однако же, останавливаясь на ночлеги, Алексей и вся его компания много пили, сильно шумели и тем привлекали к себе внимание австрийцев. Наконец, на восьмой день пути, проехав 600 верст, они добрались до крепости Эренберг, одиноко возвышавшейся на вершине высокой и крутой горы.

Крепость располагалась вдали от больших дорог и была идеальным местом для

укрытия царевича от любопытных глаз. Эренбергский комендант, генерал Рост, получил от императора инструкцию о строжайшей изоляции "некоторой особы". Причем эта "особа" ни с кем не должна общаться, выходить из крепости, а место ее пребывания должно оставаться непроницаемой тайной. Император предупредил Роста, что в случае нарушения приказа хоть в чем-то он будет лишен имени, чести и жизни.

Инструкция предписывала не менять ни одного солдата в гарнизоне, пока узники там находятся: под страхом смерти всем солдатам, и их женам запрещалось выходить из крепости. "Некоторой особе" разрешалось писать письма, но отправлять их имел право только сам комендант через Вену. Меж тем Веселовский от своего агента – референта тайной конференции Дольберга – узнал о месте пребывания Алексея и 23 марта 1717 года сообщил об этом приехавшим в Вену денщику Петра капитану гвардии Александру Румянцеву и трем офицерам, сопровождавшим его. Румянцев немедленно выехал в тирольские Альпы и там доподлинно узнал, где скрывают царевича.

О поиске Румянцева узнали и австрийцы и, спасая Алексея, предложили тому тайно переехать в Неаполь, оставив слуг и Ивана Федорова в Эренберге, поскольку передвижение целой группой скрыть бы не удалось.

Переодев Ефросинью в одежду мальчика-пажа, Алексей вместе с ней в три часа ночи выехал из Эренберга. Но все старания обмануть бдительных петровских соглядатаев оказались напрасными: Румянцев уже несколько дней находился под чужим именем в соседней с Эренбергом деревне Рейтин, где проживал и комендант крепости генерал Рост. От одного из гостей Роста – офицера из Вены – Румянцев узнал, что таинственного узника увезли в Неаполь. Румянцев отправился следом.

Алексея и Ефросинью поместили в замке Сент-Эльм, стоящем на вершине горы, где они и прожили пять месяцев – до осени 1717 года.

Скоро стало ясно, что их новое убежище раскрыто: в июле в Вене появились тайный советник граф Петр Андреевич Толстой и капитан Румянцев. Они передали императору Карлу VI письмо Петра о просьбой о выдаче сына.

Депеше этой предшествовали многие попытки захватить царевича и доставить в Россию. Толстой и Румянцев начали операцию по извлечению Алексея из замка Сент-Эльм 1 июля 1717 года, когда Петр находился в Спа. 10 июля Петр передал им письмо к Карлу VI, в котором просил австрийского императора передать царевича в руки графа Толстого, приведя убедительные юридические и моральные доводы.

Двадцать девятого июля Толстой вручил письмо императору, но Карл VI нашел его недостаточно понятным и просил какое-то время, чтобы принять решение. Седьмого августа император Карл VI собрал своих тайных советников, и после обсуждения этого вопроса они согласились, что все следует предоставить воле царевича. А 12 августа Толстому и Румянцеву разрешили ехать в Неаполь для встречи с Алексеем. Из-за сильных и непрерывных дождей агенты Петра добрались до цели лишь 24 сентября.

На следующий день их принял вице-король Неаполя. Он устроил встречу царевича Алексея с Толстым и Румянцевым в своем дворце, пытаясь придать ей непринужденный характер. Однако, несмотря на присутствие гостеприимного хозяина дома, царевич трепетал от страха, а посланцы Петра с места в карьер потребовали от Алексея покориться отцовской воле и немедленно ехать в Россию.

Произошло еще четыре встречи, во время которых ласками, посулами и угрозами наконец удалось уговорить царевича ехать домой. Толстой даже сказал, что Петр не остановится перед применением силы против Австрии, если вопрос возвращения Алексея не будет решен.

Алексей просил только об одном – разрешить ему обвенчаться с Ефросиньей, которая была на четвертом месяце беременности. Согласие на это было дано от имени Петра, поскольку именно Ефросинья уговорила Алексея возвратиться в Россию.

Съездив в недалекий от Неаполя город Бари и поклонившись там мощам святого чудотворца Николая Мирликийского, Алексей 14 октября отправился на родину. Ефросинья ехала вместе с ним, по потом отстала, чтобы продолжать путь не спеша и не подвергать себя опасности выкидыша или неблагоприятных родов.

Алексей с дороги писал ей письма, пронизанные любовью и заботой. Он советовал Ефросинье обращаться к врачам и аптекарям, беспокоился! удобный ли у нее экипаж, тепло ли она одета; посылал ей немалые деньги, а потом и бабок-повитух, которые могли бы хорошо принять роды.

Тридцать первого января 1718 года Алексей прибыл в Москву, а Ефросинья в середине апреля – в Петербург. К сожалению, никаких известий о том, когда состоялись роды и кто родился, до нашего времени не дошло.

Зато хорошо известно, как ждал Ефросинью Алексей Петрович, как надеялся, что отец все-таки разрешит им обвенчаться и позволит жить вместе в одной из деревень под Москвой. Но этому не суждено было стать. Как только Ефросинья вернулась в Петербург, ее тут же арестовали, заключили в крепость и приступили к допросам. Ее не пытали, а Петр всячески выказывал ей свои симпатии, чтобы добиться ее искренности. Данные Ефросиньей показания окончательно погубили царевича.

Первое свидание Алексея с отцом состоялось 3 февраля. Царь приказал собраться в Столовой палате Кремлевского дворца церковным иерархам, сенаторам, другим высшим чинам. Вошел царевич вместе с Толстым и, увидев царя, повалился ему в ноги. Он просил простить его, даровав жизнь, и отрекаться от всех прав на престол.

"Я окажу тебе милость, – сказал Петр, – но только с тем, чтобы ты показал самую истину и объявил о своих согласниках, которые тебе присоветовали бежать к цесарю".

Алексей тут же назвал имена многих своих соучастников, и после этого Петр немедленно начал розыск.

В Преображенском приказе оказались главные сообщники Алексея – Александр Кикин, Никифор Вяземский, Иван Афанасьев, Василий Долгоруков и Семен Нарышкин, а вслед за ними допросам и пыткам подверглись более пятидесяти человек.

Следствие проходило до середины июня 1718 года, когда да очных ставках Алексея и Ефросиньи установили сугубую вину царевича, а он сам попал в каземат Петропавловской крепости и был подвергнут пыткам.

Четырнадцатого июня Алексея привезли из Москвы в; Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион. Через пять дней его начали пытать и за неделю пытали пять раз. Больной, слабый духом и смертельно напуганный Алексей сознавался и в том, чего не было, стараясь, чтобы пытки прекратились как можно скорее. Он даже наговорил на себя, что хотел добыть престол при помощи армии австрийского императора.

Двадцать четвертого июня верховный суд, состоявший из 127 человек, единогласно постановил предать царевича смерти. Выбор казни был отдан на усмотрение отца.

Уже после вынесения смертного приговора Петр приехал в Трубецкой бастион, чтобы еще раз пытать сына.

По одним данным, на последней пытке присутствовали только Петр и пользующийся его особой доверенностью генерал-аншеф Адам Адамович Вейде. Вейде посоветовал Петру отравить царевича. Петр согласился, и Вейде заказал, аптекарю сильный яд. Царь и Вейде вместе отнесли яд Алексею, но царевич наотрез отказался принимать снадобье. Тогда они повалили Алексея на пол, оторвали половицу, чтобы кровь могла стекать под пол, и топором обезглавили потерявшего сознание царевича, истощенного мучениями и страхом. Существует версия, что на этом трагедия не окончилась: на авансцене истории появился еще один персонаж – фрейлина Екатерины Анна Ивановна Крамер, которой Петр доверял не меньше, чем генералу Вейде. Анна была в особом "кредите" у Петра. Именно она приехала вместе с Петром и Вейде в Петропавловскую крепость, где передела мертвого царевича, в приличествующий случаю камзол, штаны и башмаки, а затем искусно пришила к туловищу его отрубленную голову, замаскировав страшный шов большим галстуком.

По другой версии, 26 июня на последнюю трехчасовую пытку царевича Алексея приехали Петр, Меншиков и другие сановники, а через семь часов после пытки царевич скончался. Есть свидетельства, что по приказу Петра Алексея удушили подушками четверо офицеров, а руководил всем этим Александр Иванович Румянцев.

Академик Н. Г. Устрялов, посвятивший изучению жизни царевича четырнадцать лет, приводит девять версий его смерти. Наиболее достоверной ему представляется смерть от последовавшего в результате пыток апоплексического удара.

Но всяком случае 13 декабря 1718 года Румянцев был пожалован сразу двумя чинами – майора гвардии и генерал-адъютанта, и ему были отданы две деревни, ранее принадлежавшие сторонникам убитого царевича.

Царского благоволения за особые заслуги была удостоена и Анна Крамер. Как только царевича похоронили, Анна Крамер уехала в свою родную Нарву, где и прожила до 1770 года, умерев на семьдесят шестом году.

Желая показать, что смерть Алексея для него ничего не значит, Петр 27 июня, на следующий день после его гибели, пышно отпраздновал девятую годовщину Полтавской битвы. В официальных бумагах все чаще стало появляться имя единственного сына Петра и Екатерины – трехлетнего великого князя Петра Петровича. Родители видели в нем законного наследника престола и радовались тому, что мальчик растет крепким, веселым и разумным. Но судьба распорядилась иначе: после недолгой болезни 25 апреля 1719 года мальчик умер.

На траурной службе по умершему неосторожно рассмеялся родственник Евдокии Лопухиной Степан Лопухин. Причину смеха объясняли тем, что теперь наследником мог стать царевич Петр Алексеевич, внук Петра, ровесник своего умершего дяди Петра Петровича. В глазах очень многих он имел все права на наследование российского престола.

Разумеется, был розыск и пытки – Петр I решил сделать все, чтобы трон не достался Лопухиным и их родственникам.

Однако прошло почти три года, пока царь сумел воплотить задуманное в официальный документ – "Устав о наследии престола", по которому царствующий государь мог отдавать после себя престол кому угодно из родственников, игнорируя права по рождению.

Устав был издан 5 февраля 1722 года, и лишь 15 ноября 1723 года появился манифест о предстоящей коронации императорской короной Екатерины. Хотя в нем не говорилось, что именно Екатерина становится наследницей престола, было ясно, что Петр тем самым делает важный шаг на пути к реализации "Устава о наследии престола".

Поэтому, когда в мае 1724 года в главном храме России – Успенском соборе Московского Кремля – состоялась коронация Екатерины, французский посол Кампредон особо отметил следующее: "Над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, – что этим она признана правительницей и государыней после смерти императора, своего супруга". Императорскую корону на голову Екатерины возложил сам Петр.

Новелла 7. Мученица Евдокия и великомученик Степан

В то время, как Алексей только начинал свой крестный путь, в Москве, Петербурге и Суздале произошли многочисленные аресты подлинных и мнимых сообщников царевича.

Во всех этих городах офицеры – преображенцы и семеновцы – на время превратились в полицейских агентов.

В Суздаль к Евдокии направили капитан-поручика Преображенского полка Григория Скорнякова-Писарева с солдатами. 10 февраля, оставив солдат неподалеку от обители, он прибыл в Покровский монастырь.

Скорняков сумел незамеченным пройти в келью к Евдокии и застал ее врасплох: Евдокия была в мирской одежде – телогрее и повойнике, что потом ставилось ей в вину, ибо было нарушением монашеского устава.

Оттолкнув бледную и потерявшую дар речи Евдокию, Скорняков коршуном бросился к сундукам и, разворошив лежащие там вещи, нашел два письма, свидетельствующие о переписке Евдокии с сыном.

После этого в алтаре Благовещенской церкви нашли записку, в которой Лопухину поминали "благочестивейшей великой государыней, царицей и великой княгиней Евдокией Федоровной" и желали ей и царевичу Алексею "благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во всем благое поспешение ныне и впредь будущие многие и несчетные лета, во благополучном пребывании многая лета здравствовать".

Четырнадцатого февраля, арестовав Евдокию и нескольких священников и монахинь, Скорняков привез их всех в Преображенский приказ в Москву. 16 февраля начали строгий розыск, прежде всего обвиняя Евдокию в том, что она сняла монашеское платье и жила в монастыре не по уставу – мирянкой. Отпираться было нельзя, ведь Скорняков и сам застал Евдокию в мирском платье. А дальше дела пошли еще хуже: привезенная вместе с другими монахинями старица-казначей Маремьяна рассказала о том, что к Евдокии много раз приезжал Степан Глебов и бывал у нее в келье не только днем, но и оставался на всю ночь до утра.

Показания Маремьяны подтвердила и ближайшая подруга Евдокии монахиня Каптелина, добавив, что "к ней, царице-старице Елене, езживал по вечерам Степан Глебов и с нею целовались и обнимались. Я тогда выхаживала вон; письма любовные от Глебова она принимала и к нему два или три письма писать мне велела".

После этого Глебова арестовали, а при обыске нашли конверт, на котором было написано: "Письма царицы Евдокии". В нем оказалось девять писем. В них Евдокия просила Глебова уйти с военной службы и добиться места воеводы в Суздале, советовала, как добиться успеха в том или ином деле. Общий тон и содержание писем свидетельствовали о взаимной любви и полном единомыслии Евдокии и Степана.

"...Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и мое; где твое слово, тут моя и голова: вся всегда в воле твоей!" – писала в одном из писем Евдокия.

"Чему-то быть, горесть моя, ныне? Кабы я была в радости, так бы меня и дале сыскали; а то ныне горесть моя! Забыл скоро меня! Не умилиствовали

тебя здесь мы ничем. Мало, знать, лице твое, и руки твоя, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мы не умели угодное сотворить..." – писала Евдокия в другом письме.

"Радость моя! Есть мне про сына отрада малая. Что ты меня покидаешь? Кому меня вручаешь? Ох, друг мой! ох, свет мой! Чем я тебя прогневала, чем я тебе досадила? Ох, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронил! Что я тебе злобствовала, как ты меня покинул? Ей, сокрушу сама себя. Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой! Целую" тебя во все члены твои. Добейся ты, сердце мое, опять с годы, не дай мне умереть... Пришли, сердце мое, Стешенька, друг мой, пришли мне свой камзол, кой ты любишь; для чего ты меня покинул? Пришли мне свой кусочек, закуся... Не забудь ты меня, не люби иную. Чем я тебя так прогневала, что меня оставил такую сирую, бедную, несчастную?"

Эти письма были приобщены к делу в качестве тяжкой улики против Евдокии и Глебова. Нет смысла их комментировать, ибо они говорят сами за себя устами и сердцем несчастной царицы-инокини.

Двадцатого февраля в Преображенском приказе, в застенке, была учинена очная ставка Глебова и Евдокии. Сохранились протоколы допросов и описание следственного порядка.

Глебова спрашивали: почему и с каким намерением Евдокия скинула монашеское платье? Видел ли письма к Евдокия от царевича Алексея? Не передавал ли письма от сына к матери и от матери к сыну? Говорил ли о побеге царевича с Евдокией? Через кого помогал Евдокии? Чем помогал? Зачем письма свои писал цифирной азбукой?

В отчетах записано: "По сим допросным пунктам Степаном Глебовым 22 февраля розыскивано: дано ему 25 ударов. С розыску ни в чем не винулся, кроме блудного дела..."

От блудного дела при наличии писем и показаний десятков свидетелей отпереться было невозможно, остальное Глебов отрицал.

Тогда приступили к розыску. Глебова раздели донага и поставили босыми ногами на острые деревянные шипы. Спиной он упирался в толстую доску с шипами. На плечи ему положили тяжелое бревно, и под его тяжестью шипы пронзили ступни Глебова. Истязаемый ни в чем, кроме блуда, не сознавался. Палачи стали бить его кнутом, по пословице: "Кнут не Бог, но правду сыщет". Считалось, что после этого любой человек скажет все, что от него ждут. Кожа летела клочьями, кровь брызгала во все стороны, но Глебов стоял на своем.

Тогда к окровавленному телу стали подносить угли, а потом и раскаленные клещи. Его пытали трое суток, оставляя в покое лишь на время беспамятства.

И все это видела Евдокия.

Глебов отрицал все и не дал палачам ни малейшей возможности обвинить Евдокию в чем-либо, кроме очевидного греха – блудодеяния. После трехсуточного розыска Глебова отнесли в подвал, положили на шипы, которыми был усеян пол и стены камеры, а потом снова водили на правез, но так ничего и не добились.

* * *

И тогда в дело вмешались врачи. Они вступились за Глебова, предупреждая, что он при смерти и может скончаться, не дожив до казни.

Вняв их предупреждению, 14 марта Глебову вынесли приговор: "Учинить жестокою смертную казнь".

О казни Глебова и его пособников в блудодеянии сохранилось свидетельство австрийского посланника Плейера императору Карлу VI.

Плейер писал, что Глебова привезли на Красную площадь в три часа дня 15 марта. Стоял тридцатиградусный мороз, и, чтобы наблюдать длительную и мучительную казнь до конца, Петр приехал в теплой карете и остановился напротив места казни. Рядом стояла телега, на которой сидела Евдокия, ее стерегли два солдата. Они должны были держать Евдокию за голову и не давать ей закрывать глаза.

Глебова раздели донага и посадили на кол.

Здесь автор приносит извинения за то, что должен будет пояснять вещи, относящиеся к inferнальной, то есть адской, сфере.

Кол мог быть любых размеров – тонкий или толстый, гладко обструганный или шершавый, с занозами; мог иметь острый или тупой конец.

Если кол был острым, гладким и тонким, да еще смазанный жиром, то палач, должным образом повернув жертву, мог сделать так, что кол за несколько мгновений пронзал казнимого и входил ему в сердце. При желании казнь умышленно затягивали. Все сказанное относится к турецкому колу. А был еще и кол персидский. Он отличался тем, что рядом с колом с двух сторон аккуратными столбиками складывали тонкие дощечки, почти достигавшие конца кола.

Приговоренного сначала подводили к столбу, заводили руки назад и сковывали их наручниками. Потом приподнимали и сажали на кол, но кол входил неглубоко – жертву удерживали столбики из дощечек. Через какое-то время палачи убирали две верхние дощечки, после чего кол входил глубже. Так, убирая дощечки одну за другой, палачи опускали жертву все ниже и ниже. При этом они следили за тем, чтобы кол, проходя в теле, не затрагивал жизненно важные центры и мучительная казнь продолжалась как можно дольше.

Глебова посадили на неструганный персидский кол, а чтобы он не замерз, надели на него шубу, шапку и сапоги. Причем одежду дал им Петр, наблюдавший за казнью до самого конца. А умер Глебов в шестом часу утра 16 марта, оставаясь живым пятнадцать часов.

Но и после его смерти Петр не уехал. Он велел колесовать и четвертовать всех сообщников Глебова и Евдокии. После казни их тела подняли на специально сооруженный помост высотой в три метра и посадили в кружок, поместив в центре скрюченный, черный труп Глебова.

Плейер писал, что эта жуткая картина напоминала собеседников, сосредоточенно внимающих сидящему в центре Глебову.

Однако и этого Петру было мало. Он велел предать анафеме любовника своей бывшей жены и поминать его рядом с расколоучителями, еретиками и бунтовщиками наивысшей пробы – протопопом Аввакумом, Тимошкой Анкудиновым и Стенькой Разиным.

А Евдокию Федоровну собор священнослужителей приговорил к наказанию кнутом. Ее секли публично и отослали в северный Успенский монастырь на Ладого, а потом заточили в Шлиссельбургскую тюрьму. И все же, пережив и Глебова, и Петра, и смертельно ненавидевших ее Екатерину и Меншикова, которых многие справедливо считали главными виновниками ее несчастья, опальная царица умерла на воле, в почете и достатке, прожив шестьдесят два года.

Новелла 8. Дело Марии Гамильтон

В ряду различных событий того времени было еще одно, приковавшее к себе внимание не только современников, но и многие поколения потомков. Это – судебный процесс над фрейлиной Екатерины девицей Марией Гамильтон. Среди девиц и дам, участниц "Всешутейших и Всепьянейших Соборов", после 1715 года пальма первенству принадлежала молодой незамужней красавице Марии Даниловне Гамильтон. Мы уже встречались с этой фамилией, когда речь шла об Артамоне Сергеевиче Матвееве, женатом на Евдокии Петровне Гамильтон, дальней родственнице Натальи Кирилловны Нарышкиной – матери Петра I. Таким образом, Мария Даниловна Гамильтон доводилась Петру какой-то родственницей.

* * *

Петр не обошел своим вниманием Марию Даниловну, как и некоторых других фрейлин Екатерины. Знаток быта и нравов Петровской эпохи историк Михаил Иванович Семевский сообщает, что в это время любовницами Петра были Гамильтон, Анна Крамер, генеральша Матрена Балк – сестра Анны Монс, Авдотья Чернышова, Мария Матвеева и княжна Мария Кантемир. Две последние отличались хорошим образованием, европейскими манерами и аристократическим воспитанием.

Мария Гамильтон любовницей Петра стала скорее по принуждению, чем по любви. Настоящие чувства она испытывала к одному из денщиков Петра – Ивану Михайловичу Орлову, который вместе с ней сопровождал Екатерину в большом путешествии за границу в 1716–1717 годах. Иван Орлов часто бывал пьян, ругал Марию грязными словами, а иногда и бивал, но фрейлина продолжала его беззаветно любить.

Во время этого путешествия Гамильтон забеременела и 15 ноября 1717 года, уже возвратившись в Петербург, родила мальчика. От него, как от незаконнорожденного, она решила избавиться и удушила его, однако была изобличена.

Во время следствия по делу "девки Гамонтовой" при обыске кроме окровавленного белья нашли несколько алмазных вещей, принадлежавших царице, и Мария Даниловна призналась в их краже. К ней применили дыбу и кнут. Ее пытали и спрашивали о том, знал ли Иван Орлов о ее беременности и убийстве ребенка. Она категорически отрицала осведомленность своего любовника, всю вину беря на себя. Орлов же без пытки, без строгого розыска во всем винил Марию Даниловну, оговаривал ее и других и даже врал, больше всего боясь мучений в застенке.

Наконец, 27 ноября 1718 года состоялся суд, и детоубийца была приговорена к смерти, но приговор долго не приводили в исполнение.

Екатерина и некоторые придворные много раз просили Петра помиловать осужденную, но царь оставался неумолим.

Тогда за дело взялась царица Прасковья Федоровна – вдова брата Петра – Ивана. Петр уважал ее, и все надеялись, что заступничество Прасковьи спасет Марию Гамильтон. Однако участь ее была решена: ей надлежало умереть. Гельбиг считал, что неумолимость царя объяснялась тем, что отцом убитого ребенка был сам Петр.

Четырнадцатого марта 1719 года Мария Даниловна взшла на эшафот. Петр приехал на место казни, и Гамильтон до последнего момента надеялась на помилование. Она шла на эшафот, одетая в нарядное белое шелковое платье, украшенное черными лентами. Зачитали приговор: Гамильтон казнить смертью, а ее соучастницу, не донесшую на убийцу, бить кнутом я потом на десять лет сослать в работы на прядильный двор.

Мария Даниловна упала перед Петром на колени, умоляя простить ее. Петр подошел к ней, обнял, шепнул что-то, поцеловал и велел положить голову на плаху. Гамильтон покорилась, улыбнулась, ибо верила в помилование, и, не закрывая глаз, следила за Петром. А Петр вдруг подошел к палачу и тоже что-то сказал тому на ухо. Все, в том числе и Гамильтон, решили, что теперь палач занесет топор и ударит по плахе. Но... топор сверкнул – и голова девицы скатилась на помост.

Петр поднял отрубленную голову и поцеловал ее в губы. Затем он прочитал присутствующим краткую лекцию по анатомии человеческой головы, поцеловал ее еще раз, бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни.

А голову казненной – необычайно красивую голову – Петр приказал положить в банку со спиртом и хранить в Кунсткамере. Через пять лет там же появилась еще одна голова – на сей раз мужская, и тоже необыкновенно красивая. Но об этом потом...

Новелла 9. Дело Виллима Монса

Пятого февраля 1722 года был обнародован "Устав о наследии престола", по которому наследником мог быть объявлен любой человек, пригодный, по мысли Петра, к исполнению этой должности. Однако время шло, а кандидата на трон император не называл. И только 15 ноября 1723 года появился Манифест, в котором сообщалось о предстоящей коронации Екатерины. А в мае 1724 года в Успенском соборе сам Петр возложил на ее голову императорскую корону.

Казалось, что в семье Петра царят покой и стабильность, и ничто не предвещало неожиданностей, как вдруг вечером 8 ноября 1724 года был арестован камергер двора императрицы Виллим Иванович Монс.

А теперь нам предстоит познакомиться с одним из трех братьев Анны Монс – Виллимом Ивановичем. Опала Анны Монс никак не отразилась на карьере ее брата: Петр с самого начала полюбил Виллима и доверял ему.

Разумеется, Виллим хорошо знал и Екатерину Алексеевну. Они понравились друг другу, и через пять лет после начала службы у Петра, в 1716 году, Монс стал камер-юнкером при дворе Екатерины. В то время ему было 28 лет, Екатерине – 32, а ее августейшему супругу – 44 года. Став камер-юнкером, Монс начал играть при дворе царицы первую роль. Он ведал финансами, дворцовым хозяйством, закупал все, что было необходимо, держал в руках десятки управляющих, экономов, служителей, следил за жизнью монастырей, которым Екатерина покровительствовала, и, наконец, организовывал и обеспечивал частые и дорогостоящие праздники и гуляния, до которых царица была весьма охоча.

Монс сопровождал Екатерину в поездках по России и за границу, хлопоча об удобствах в пути, о размещении в гостиницах, допуская к царице челобитчиков и извлекая немалый профит из своего посредничества. Нетрудно представить, какие возможности представлялись молодому красавцу, к тому же имевшему успех у множества женщин.

Оставаясь с Екатериной в гостиницах, участвуя в празднествах, организовывая пиры, путешествия и ночлеги, мог ли Виллим Иванович вести себя как евнух? Можно даже поставить вопрос по-иному: позволила ли бы ему тридцатидвухлетняя, часто одинокая, но очень склонная к разгульной жизни Екатерина вести себя по-монашески?

Очень и очень сомнительно.

К тому же Петра часто не было с Екатериной, а она хорошо знала, чем иногда занимается муж, когда ее нет рядом. Не последним обстоятельством был и сам треугольник – Петр, Виллим Монс, Екатерина, к которому незримо примыкала и Анна Монс. Если царю Петру и Анне можно было любить друг

друга или, по крайней мере, не скрывая ни от кого, делить ложе, то почету то же самое, к тому же тайно, нельзя делать царице Екатерине и Виллиму Монсу? Так оно и случилось.

Монс и Екатерина были настолько осторожны и опасливы, что их связь долгое время оставалась в тайне. И, как это бывает чаще всего, обманутый супруг узнал обо всем последним.

Звезда Виллима Монса взошла после коронации Екатерины. Торжество ознаменовалось раздачей наград и милостей. И одним из первых был отмечен верный Виллим, ставший отныне камергером двора, что соответствовало по петровской "Табели о рангах" званию генерал-аншефа или действительного тайного советника по статской службе.

Казалось, звезда Монса так и будет стоять в зените, как вдруг 5 ноября 1724 года дворцовому лакею Ширяеву некий незнакомец на Невском проспекте вручил письмо, сказав, что письмо это с почты. Когда Ширяев распечатал конверт, оказалось, что внутри находится еще одно письмо – на имя государя.

Ширяев покрылся холодным потом, ибо всем дворцовым служителям под страхом батогов и изгнания со службы наистрожайше запрещалось принимать чьи-либо челобитные и письма на имя государя. Но здесь был другой случай – Ширяев не знал, что находится внутри пакета, и это его вполне оправдывало. У лакея хватило ума не распечатывать конверт, адресованный Петру, и он отнес его к кабинет-секретарю императора Макарову, объяснив, как письмо попало к нему.

Впоследствии выяснилось: Петра извещали – конечно, анонимно, – что Виллим Монс, Иван Суворов – дядя будущего, тогда еще не родившегося великого полководца, – а вместе с ними царский шут Балакирев и особо доверенный Виллима Монса стряпчий Егор Столетов говорили анонимному доносителю о некоем тайном злоумышлении новоиспеченного камергера на жизнь и здоровье императора. В конце концов письмо оказалось у Петра. Полагали, что в нем шла речь и о любовной связи Виллима Монса с Екатериной Алексеевной, а также о взятках, которые, пользуясь служебным положением, брали сам Монс, его сестра, царский шут Балакирев, стряпчий Столетов и другие.

Десятого ноября в величайшей тайне Петр сам отправился допрашивать Монса. Как только он вошел в комнату, где Виллим Иванович ждал допроса, тот упал в обморок и долго не приходил в себя. Казнь Глебова и его сообщников еще была свежа в памяти, и Монс понимал, что если Петр так поступил с любовником своей бывшей, к тому же нелюбимой жены, то как же он поступит с безумцем, совратившим его любимую жену?

Монс – не Глебов и запирается не стал. На вопросы он отвечал пространно, чистосердечно признаваясь во всем. Писавший протокол Черкасов фиксировал далеко не все вопросы Петра и ответы Монса. Виллим Иванович подробно перечислил все подарки и подношения, которые брал за заступничество перед царем и царицей, за представление им челобитных и иных бумаг. Затем допрашивали его сестру Матрену Ивановну Балк. И ей предъявили обвинения во взяточничестве, и она тоже во всем чистосердечно призналась.

Число взятодателей оказалось столь велико и многообразно, что Петр приказал пройти по улицам Петербурга отряду преображенцев с барабанами. С ними шли бирючи-глашатаи, они призывали жителей столицы дать чистосердечные признания: давал ли кто из них взятки Виллиму Монсу и его сестре. За утайку и плутовство обещалось строгое наказание. Страх перед Петром был столь велик, что до самой смерти императора, случившейся через два месяца, к санкт-петербургскому полицмейстеру Девиеру приходили с повинной множество лиц всех состояний. Больше было представителей высшей знати – царевны Анна Ивановна и Прасковья Ивановна, князя Репнины,

Троекуровы, Вяземские, и даже от самого светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова тоже пришла повинная.

Верховный суд, не разбирая всех материалов, ограничился установлением трех бесспорных фактов мздоимства. А так как по Указу от 25 октября 1723 года взяточничество на государственной службе каралось смертью и конфискацией имущества, то Монс был приговорен к смертной казни, его сообщники – к наказанию кнутом и ссылке. Петр приговор утвердил.

Пятнадцатого ноября Монса, Столетова, Балакирева и Матрену Балк перевели в Петропавловскую крепость. Сообщников Монса приговорили к наказанию кнутом и ссылке. Ивану Суворову удалось оправдаться.

В ночь перед казнью Виллим Монс написал стихи на немецком языке. Их подстрочный перевод звучит так:

Итак, любовь – моя погибель,
В груди моей горел огонь страстей,
И он – причина моей смерти...

Моя гибель мне известна,
Я отважился полюбить ту,
Которую должен был лишь уважать.
И все же я пылаю к ней страстью.

Даже если бы Монс не оставил этих стихов, современники и потомки вряд ли считали бы казнь Монса борьбой со взяточничеством; было понятно, что это прежде всего акт мести за прелюбодеяние с императрицей.

Вильбуа записал со слов одной из фрейлин, оказавшейся невольной свидетельницей возвращения царя из Петропавловской крепости после допроса Монса: "Приступ гнева Петра против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее". Далее Вильбуа писал: "Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он несколько минут походил, не говоря никому ни слова, и, бросив страшный взгляд на своих дочерей, он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса. Он ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось страшными гримасами и судорогами. Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее".

Вильбуа утверждал, что Петр хотел казнить и Екатерину, поступив с нею "так, как поступил Генрих VIII, английский король, с Анной Болейн". Петра отговорили от этого А. И. Остерман и П. А. Толстой. Они сказали, что если казнить Екатерину за супружескую неверность, то встанет вопрос о том, кто подлинный отец ее дочерей. И тогда ни один из европейских принцев не сможет жениться на русских великих княжнах.

А именно в эти дни шли переговоры о женитьбе голштинского герцога Карла-Фридриха на какой-либо из дочерей Петра и Екатерины. Этот резон Петр посчитал для дела решающим и сумел смириться.

Шестнадцатого ноября 1724 года всех обвиняемых привезли на Троицкую площадь к только что выстроенному эшафоту. Монс, одетый в нагольный тулуп, шел твердым шагом и спокойно поднялся на эшафот.

Он отдал сопровождавшему его пастору золотые часы с портретом Екатерины на крышке, снял тулуп и лег на плаху. Когда отрубленную голову красавца камергера воткнули на заранее приготовленный высокий шест, внизу поставили сестру казненного Матрену и, обнажив ей спину, пять раз ударили кнутом; кровь с головы брата в это время стекала по шесту на ее плечи.

Затем пятнадцать ударов кнутом получил Егор Столетов, а шестьдесят ударов батогами получил Балакирев. Однако Петр не был бы самим собой, если бы сразу и решительно предал забвению происходящее. Граф Генниг-Фредерик Бассевич в своих "Записках" утверждал, что император привозил Екатерину на место казни Монса и заставлял смотреть на его отрубленную голову. Через несколько дней Столетова и Балакирева отправили в крепость Рогервик (ныне – эстонский город Палдиски), а Матрену Балк – в Тобольск. Эта история имела продолжение. Петр приказал отрубленную голову камергера положить в банку со спиртом и привезти к нему во дворец. Там он принес свой трофей Екатерине и поставил на столик в ее спальне. Петр долго гневался на Екатерину и перестал спать с ней в одной постели. Так продолжалось несколько дней, пока Екатерина, заплакав, не упала перед мужем на колени, во всем виняась и прося прощения. Утверждают, что она простояла на коленях три часа и сумела вымолить у него отпущение грехов. И только после этого голова Монса была отправлена в Кунсткамеру, где и оказалась рядом с головой Марии Даниловны Гамильтон.

* * *

Головы эти хранились в подвале в особых банках, куда время от времени наливали новый спирт. В 1780 году, более чем через полвека после происшедшего, президент Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова заинтересовалась, куда уходит так много спирта? И получила ответ, что спирт идет на сохранение двух человеческих голов – Гамильтон и Монса. Дашкова рассказала об этом Екатерине II, и та велела принести и показать ей эти головы. Все видевшие их удивлялись тому, что головы хорошо сохранились, но еще более – их необыкновенной красоте. После этого Екатерина II приказал предать головы земле.

Новелла 10. Последние дни первого императора

А в 1724 году сановный и родовитый Санкт-Петербург уже жил другой новостью – 22 ноября был подписан брачный контракт между голштинским герцогом Карлом-Фридрихом и великой княжной Анной Петровной, а еще через несколько дней состоялось их обручение.

Торжества сопровождалась балами и фейерверками, зваными обедами в домах вельмож и Зимнем дворце. Петр и Екатерина, показываясь вместе, производили впечатление спокойных, веселых и любящих супругов. Казалось, тучи развеялись и ничто не грозит более их союзу и семейному покою. Однако судьбе было угодно решить иначе. Еще во время коронационных торжеств Екатерины Петр простудился и болел с перерывами до глубокой осени. И все же он вел прежний образ жизни – много пил, ел все, что ему хотелось, и почти не слушал докторов.

Дело Монса и вовсе подорвало его здоровье. Казалось, что он сознательно ищет смерти. 21 ноября – на пятый день после казни Монса – Петр первым в столице, рискуя, переехал по льду через Неву, вставшую лишь накануне. Начальник береговой стражи Ганс Юрген хотел арестовать нарушителя, но им оказался сам император.

Двадцатого декабря Петр участвовал в грандиозной попойке, устроенной по случаю избрания нового князь-папы "Всепьянейшего Собора", потом, в январе 1725 года, бурно отгулял на свадьбе своего денщика Василия Поспелова и на двух ассамблеях – у графа Толстого и вице-адмирала Корнелия Крюйса. Особенно же поразил всех больной император, когда 6 января, в мороз, прошел во главе Преображенского полка маршем по берегу Невы, затем

спустился на лед и стоял в течение всей церковной службы, пока святили Иордань. Все это привело к тому, что Петр слег, сильно простудившись, и с 17 января стал испытывать страшные мучения.

Простуда усугублялась застарелыми недугами. Французский посол в России Кампредон сообщал в Париж, что царь призвал к себе одного итальянского врача (доктора Азарити), с которым посоветовался наедине. Далее Кампредон писал, что, по словам Азарити, "царь страдал задержкой мочи, а она является следствием застарелой венерической болезни, от которой в мочевом канале образовалось несколько небольших язв".

Лечивший Петра врач Блюментрост был против хирургического вмешательства, а когда хирург-англичанин Горн операцию все же провел, то было уже поздно, и у Петра вскоре начался антонов огонь (гангрена). Последовали судороги, сменявшиеся бредом и глубокими обмороками. Последние десять суток если больной и приходил в сознание, то страшно кричал, ибо мучения его были ужасными.

Относительно диагноза последней болезни Петра мнения расходятся. Автор фундаментального труда "История медицины в России" В. Рихтер считал, что Петр умер из-за воспаления, вызванного задержкой мочи, не упоминая о том, что было причиной этого воспаления. Другой видный историк медицины, Н. Куприянов, полагал, что смерть Петра наступила от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины. И наконец, небезынтересно заключение, сделанное в 1970 году группой московских венерологов, изучивших все сохранившиеся документальные свидетельства о болезни и смерти Петра. Профессора Н. С. Смелов, А. А. Студницын, доктор медицинских наук Т. В. Васильева и кандидат медицинских наук О. И. Никонова пришли к заключению, что Петр, "по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря или мочекаменной болезнью".

В краткие минуты облегчения Петр готовился к смерти и за последнюю неделю трижды причащался. Он велел выпустить из тюрем всех должников и покрыть их долги из его сумм, амнистировал всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, и просил служить молебны о нем во всех церквях, в том числе иноверческих.

Екатерина находилась у его постели, не покидая умирающего ни на минуту. Петр I умер 28 января 1725 года в начале шестого утра. Екатерина сама закрыла ему рот и глаза и вышла из маленькой комнатки-кабинета, или конторки, как ее называли, в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра.

Сказания о дочери императора Петра, о его внуке и о жене последнего. Прошло пятнадцать лет, наполненных борьбой, распрями, казнями, интригами, любовью и ненавистью. И это все, или главным образом все, происходило из-за трона и вокруг той персоны, которая на этом троне находилась.

За четверть века на российском императорском троне сменились – внук Петра Великого и сын несчастного Алексея – Петр II, затем племянница Петра Великого, дочь его брата Ивана Алексеевича – Анна Ивановна и после нее, совсем ненадолго, император Иван Антонович, чьей матерью была племянница Анны Ивановны брауншвейгская герцогиня – Анна Леопольдовна.

Пятнадцать лет российский престол занимали хотя и родственники основателя империи, но не прямые, а в это же время жила то в Москве, то в Петербурге, то в деревнях своих его родная дочь – Елизавета Петровна. И только в конце ноября 1741 года, когда цесаревне шел тридцать третий год, она взошла на трон отца при помощи своих сторонников, сумевших поднять всего одну роту гренадер Преображенского полка.

Итак, в 1741 году на русском троне оказалась дочь Петра Великого – тридцатидвухлетняя красавица, Любительница пиров и охот, модница и кокетка, театралка и сластена, очень поверхностно образованная, до конца дней не верившая, что Англия расположена на островах, унаследовавшая темперамент и отца, и матери и потому – влюбчивая, ветреная, чувственная, но все же несколько раз познавшая настоящую большую любовь.

Любовь приходила к ней и до того, как стала она императрицей, и после того.

Новелла 1. Пастух, царица и шинкарка

Летом 1731 года из Венгрии в Петербург возвратился полковник Федор Степанович Вишневецкий. Он ездил на Дунай покупать вино для двора императрицы Анны Ивановны – племянницы покойного Петра I. Полковник привез не только обоз вина, но и прекрасного лицом и статью двадцатидвухлетнего казака-малоросса Алексея Розума, встреченного им на обратном пути возле города Глухова, на хуторе Лемеша, что между Черниговом и Киевом.

Как-то вечером встал обоз в степи, возчики распрягли коней, раскупорили бочонок вина, зажгли костер, и на огонек пришли к ним с хутора хлопцы и девчата. А с ними пришел и местный пастух Алеша Розум, живший у дьячка в соседнем селе Чемеры и славившийся на всю округу дивным херувимским голосом.

Хлопцы и девчата выпили, завели хороводы, а потом и запели. И лучше всех, краше и задушевнее пел Алеша Розум. И обозники, и сам полковник пришли в великое изумление от его пения, и решил Вишневецкий взять сего малороссийского соловья в Петербург, чтобы стал он украшением певческой капеллы государыни-императрицы.

Как приехали они в Петербург, стал Алексей первым певцом дворцового хора и тут же попался на глаза своей сверстнице, двоюродной сестре императрицы, дочери Петра I – Елизавете Петровне.

Французский посол маркиз де ла Шатерди писал в 1742 году, через десять лет после встречи казака и цесаревны: "Некая Нарышкина, вышедшая с тех пор замуж (речь идет об Анастасии Михайловне Нарышкиной, вышедшей замуж за генерал-майора Василия Андреевича Измайлова и ставшей затем статс-дамой Екатерины, женщина, обладающая большими аппетитами и приятельница цесаревны Елизаветы, была поражена лицом Разумовского, случайно попавшегося ей на глаза. Оно действительно прекрасно. Он брюнет с черной, очень густой бородой, а черты его, хотя и несколько крупные, отличаются приятностью, свойственной тонкому лицу. Он высокого роста, широкоплеч... Нарышкина обыкновенно не оставляла промежутка времени между возникновением желанья и его удовлетворением. Она так искусно повела дело, что Разумовский от нее не ускользнул. Изнеможение, в котором она находилась, возвращаясь к себе, встревожило цесаревну Елизавету и возбудило ее любопытстве. Нарышкина не скрыла от нее ничего. Тотчас же было принято решение привязать к себе этого жестокосердого человека, недоступного чувству сострадания". Елизавета пришла в восторг от альковных утех с ним и огромной силы его страсти. Приближая Разумовского к своей особе, Елизавета сначала переименовала своего нового друга из певчих в "придворные бандуристы", а затем он стал и "гоф-интендантом", получив под свое начало двор и все имения своей благодетельницы.

Став одним из влиятельных придворных, Розум, превратившись в Алексея Григорьевича Разумовского, остался добрым, скромным, умным человеком,

каким был и прежде. Он любил свою мать, заботился о брате и трех сестрах, посылая им деньги, принимал своих деревенских земляков, приезжавших в Петербург, и старался никому не делать зла.

Появившись рядом с Елизаветой Петровной в 1731 году, Алексей Разумовский оказался чуждым дворцовых интриг, политических игр, коварства, хитростей, борения страстей и не изменил себе на протяжении всей своей жизни. Этими качествами он снискал уважение многих сановников и аристократов. В числе его друзей были и родственники Елизаветы Петровны. Сама цесаревна, казалось, приняла тот образ жизни и характер отношений, какой был свойствен ее "другу нелицемерному", как в одном из писем назвала она своего возлюбленного Алексея Разумовского. Кроме того, не следует забывать, что Алексей и Елизавета были молоды и сильны, и обуревавшую их страсть ставили на первое место среди всех прочих чувств.

Об интимных отношениях Елизаветы с Разумовским, а заодно и об ее отношениях с лейб-медиком Лестоком в довольно изысканной манере и вместе с тем не без натуралистических подробностей информировал прусского короля Фридриха II его посол Мардефельд: "Особа, о которой идет речь, соединяет в себе большую красоту, чарующую грацию и чрезвычайно много приятного с большим умом и набожностью, исполняя внешние обряды с беспримерной точностью". Добавим, что эта ее набожность, любовь к церковным службам и особенно к их обрядовой стороне, как и сердечная склонность цесаревны к русским песням, хороводам и простонародной пище, приводила в восторг патриотов, негодовавших против засилья немцев, руководивших страной, но не знавших даже ее языка. Переходя же к личным отношениям цесаревны и ее лейб-медика, Мардефельд продолжал: "Родившаяся под роковым созвездием, то есть в самую минуту нежной встречи Марса с Венерой, она ежедневно по несколько раз приносит жертву на алтаре матери Амура, значительно превосходя такими набожными делами супруг императора Клавдия и Сигизмунда. Первым жрецом, отличенным ею (Елизаветой. — Авт.) был подданный Нептуна, простой рослый матрос. Теперь эта важная должность не занята в продолжение двух лет. До того ее исполняли жрецы, не имевшие особого значения (Возжинский, Лялин, Скворцов и др. — Авт.). Наконец нашелся достойный в лице Аполлона с громовым голосом, уроженец Украины, и должность засияла с новым блеском. Не щадя сил, он слишком усердствовал, и с ним стали делаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться в полном дезабилье к Гиппократу, посвященному в тайны, чтобы просить его оказать помощь больному. Застав лекаря в постели, она уселась на край ее и упрашивала его встать. А он, напротив, стал приглашать ее позабавиться. В своем нетерпении помочь другу сердечному (т. е. потерявшему сознание Разумовскому. — Авт.) она отвечала с сердцем: "Сам знаешь, что не про тебя печь топится!" — "Ну, — ответил он грубо, — разве не лучше бы тебе заняться этим со мной, чем со столькими из подонков?" Но разговор этим ограничился, и Лесток повиновался".

Из этого письма Мардефельда следует, что, несмотря на известную зависимость Елизаветы от Лестока, как одного из главных участников будущего заговора — о чем речь пойдет дальше, — она не ответила на его притязания, хотя легкость нрава цесаревны подавала лейб-медику основательные к тому надежды. И все же любовь к Разумовскому и желание помочь ему как можно быстрее оказались сильнее плотской чувственности, постоянно обуревавшей Елизавету.

Можно полагать также и то, что в это время на первое место у цесаревны выступили политические мотивы, ранее остававшиеся на втором плане: она решила вступить в борьбу за трон.

Экстремальные обстоятельства, при которых неотвратимой реальностью могли стать и тюрьма, и плаха, все чаще заставляли Елизавету вспоминать, что она не кто-нибудь, а дочь всемирно прославленного первого Всероссийского императора. И потому, делая вид, что грязная политика ее не касается, что вся она поглощена любовью и удовольствиями, молодая женщина пела, плясала, охотилась и кутила, едва ли не больше любой из своих предшественниц.

Так и проходила жизнь родной дочери Петра Великого при ее предшественниках на престоле – и при племяннике ее Петре II, и при Анне Ивановне, и при формальном императоре Иване VI, который ее отцу-императору Петру Великому был и вовсе десятая вода на киселе. А уж о регенте Бироне и вообще говорить не приходилось: был он сожителем Анны, хахалем, как говаривал казак Разумовский. А Елизавета Петровна почти никому о том не говорила, да зато ни на минуту не забывала, чья она дочь, и конечно же знала, что и многие в России помнят о том и вместе с нею свято верят, что ее права на российский императорский трон единственно законные и самые из всех основательные.

* * *

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года Елизавета произвела стремительный и совершенно бескровный дворцовый переворот, арестовав младенца-императора Ивана VI, его родителей и нескольких придворных. 25 апреля 1742 года – ровно через пять месяцев после переворота – в Москве состоялась коронация, и в этот же день Алексей Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-егермейстером. Гендриковы, Ефимовские, Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и два его сына – вице-канцлер Алексей Петрович и обер-гофмаршал Михаил Петрович – получили графские титулы, а секретарь Елизаветы Петровны – Иван Антонович Черкасский – стал бароном. Вскоре после коронации Елизавета Петровна, без всякой помпы обвенчалась с Разумовским в небольшой бедной церквушке подмосковного села Перово. Обряд венчания произвел ее духовник Федор Яковлевич Лубянский, образованный богослов, пользовавшийся большим уважением у набожной императрицы. После того как венчание было окончено, Елизавета Петровна зашла к местному священнику в дом, выпила с ним и с попадьей чаю, а выходя из дома, сказала Алексею Григорьевичу Разумовскому – теперь уже ее законному, венчанному, мужу, что она хочет познакомиться с его матерью, а своей свекровью – Натальей Демьяновной, овдовевшей крестьянкой, содержавшей корчму неподалеку от города Глухова, и велела послать за нею карету.

* * *

Три сестры Алексея Григорьевича – Агафья, Анна и Вера – и младший брат Кирилл жили в Черниговской губернии, в Козелецком уезде, на хуторе Лемеша вместе с матерью Натальей Демьяновной. Мать держала шинок, Кирилл пас скотину, а сестры все были замужем за местными: Агафья – за ткачом Будлянским, Анна – за кройщиком Закревским, а Вера – за казаком Дараганом.

Когда в Лемеша прибыл целый кортеж придворных карет, изумлению хуторян не было предела.

– Где живет госпожа Разумовская? – спросили приехавшие.

– У нас никогда не было такой пани, а есть, ваша милость, вдова Розумиха, шинкарка, – по-украински отвечали хуторяне.

Когда же Наталья Демьяновна вышла к ним, то приехавшие поднесли ей богатые подарки и среди прочего – соболью шубу. Вслед за тем они просили ее вместе со всеми детьми поехать в Москву, к сыну.

– Люди добрые, не насмехайтесь надо мною, что я вам плохого сделала? – отвечала Наталья Демьяновна, в глубине души уже веря случившемуся, потому что кое-какие слухи все же доходили до нее.

Она постелила только что подаренную ей соболью шубу у порога своей хаты, посадила на нее родных – и дочерей, и зятьев, и кумовьев, и сватьев со свахами, выпила с ними горилки – "погладить дорожку, чтоб ровна була", – и, обрядившись во все самое лучшее, отправилась в Москву. Почтительный сын выехал ей навстречу я в нескольких верстах от Москвы увидел знакомые ему кареты. Он приказал остановить собственный экипаж и дошел навстречу матери, одетый в расшитый золотом камергерский мундир, в белом пудреном парике, в чулках и туфлях, при шпаге и орденской ленте. Когда возница, увидев Разумовского, остановил карету Натальи Демьяновны, она, выглянув в окно, не узнала в подошедшем вельможе своего некогда бородатого сына, носившего широкие казацкие шаровары да бедную свитку. А когда узнала, то от счастья заплакала.

Разумовский обнял маменьку и, пересадив в свою карету, повез в Москву. По дороге он наказал Наталье Демьяновне при встрече с невесткой помнить, что она не только невестка, но и российская императрица, дочь Петра Великого. Наталья Демьяновна была женщиной умной и дала слово, что проявит к Лизаньке всяческую почтительность.

В Москве императрица занимала Лефортовский дворец, имевший высокое парадное крыльцо в два марша.

Наталья Демьяновна обмерла, когда двое придворных, бережно взяв ее под руки, повели к огромной резной двери мимо великанов лакеев, одетых в затканые серебром ливреи и стоявших двумя рядами на лестнице. (Потом свекровь императрицы признавалась, что приняла их всех за генералов – так богат был их наряд и такими важными они ей показались.)

Сопровождавшие Наталью Демьяновну придворные ввели ее в маленькую комнату и передали в руки женщин-служанок. А те попросили ее, самым вежливым образом, снять роскошную, расшитую шелками кофту и прекрасную новую юбку, а также и дорогие модные черевички, сказав, что все это для встречи с государыней непригодно, а взамен почтительно настояли, чтоб надела она все другое – обруч и каркас из китового уса, на который они тут же ловко натянули невероятно широкую златотканую юбку, столь же прелестную кофту, на руки надели ей длинные, до локтей, белые перчатки, на ноги – золотые черевички, и в довершение всего на голову водрузили высокий белый парик, усыпанный пудрой.

После того нарумянили щеки, насурьмили брови, покрасили губы и повели по еще одной, теперь уже внутренней парадной лестнице – во дворец.

Нужно отметить, что в комнате, где Наталью Демьяновну обряжали, не было зеркала, и ловкие женщины сделали все это без его помощи.

На новой лестнице стояли такие же "генералы", что и перед входом во дворец, и Наталья Демьяновна, совсем уж оробев, подошла к еще одной огромной двери.

Ах как не хватало ей сына, который, будь рядом, и успокоил бы ее, и все объяснил! Но Алешеньки не было. Оставив ее у ловких служанок, он сказал, что уходит к государыне и вместе с нею выйдет к маменьке, когда Лизанька будет готова к встрече.

Двое лакеев медленно и торжественно, будто царские врата на Пасху, раскрыли перед Натальей Демьяновной двери, и деревянная шинка вошла в огромный зал сказочной красоты. Она увидела сверкающий паркет, огромные

окна, расписанный летящими ангелами и прелестными женами потолок, и вдруг оказалось, что прямо напротив нее, в другой стороне зала, стоит императрица – в златотканом платье, золотых туфельках, в белых, до локтя, перчатках и высоком – волосок к волоску – парике. Издали Наталья Демьяновна не разобрала, красива ли ее невестка, увидела только широкие черные брови и румяна во всю щеку.

Затаив дыхание, Наталья Демьяновна направилась к императрице, и та двинулась ей навстречу. И тут, вспомнив слова Алешеньки, что надобно быть с государыней почтительной, свекровь, хоть и было то вроде бы и не по обычаю, смиренно опустила на колени.

Она простояла так несколько мгновений, но невестка почему-то не подходила, и тогда Наталья Демьяновна подняла голову, глянула вперед и обнаружила, что и Лизанька стоит на коленях и тоже смотрит на нее. Наталья Демьяновна испугалась, растерялась – видимое ли дело, чтоб царица стояла перед шинкаркой на коленях? – и, протянув к невестке руки, проговорила напевно, ласково, с материнской добротой и бесконечной уважительностью:

– Лизанька, донюшка, царица-матушка! Встань с колен, то мне, простой мужичке, не по чести.

И с удивлением увидела, что и невестка тоже протянула к ней руки и тоже стала что-то говорить, но Наталья Демьяновна хоть и сохранила отменный слух, ничего не слышала, кроме собственного голоса, и, в растерянности поглядев налево и направо, вдруг заметила, что возле небольшой двери, которую, войдя в зал, она и не разглядела, стоит ее Алешенька, а рядом с ним несказанной красы барыня. Они стояли, держась за руки, и тихо смеялись. А потом подошли к ней, и краса барыня подняла ее с колен, обняла и поцеловала. А Алешенька, улыбаясь, сказал:

– Та зеркало такое – от пола до потолка.

И Наталья Демьяновна все сразу поняла. Умная она была женщина, но никогда не думала, что зеркало может быть таким большим – во всю стену.

А с Лизанькой они поладили сразу и любили друг друга всю жизнь, потому что много общего оказалось в характерах и нравах деревенской шинкарки и императрицы Всея Руси.

Новелла 2. Наследник престола

Вскоре после своего вступления на престол, но еще до официального акта коронации Елизавета Петровна поняла, что у нее не осталось никаких надежд стать матерью, и потому она приказала привезти в Петербург своего ближайшего родственника – сына сестры Анны Петровны, вышедшей замуж за герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха, названного Карлом-Петром-Ульрихом.

Мать Петра умерла менее чем через месяц после рождения сына.

Итак, бездетная российская императрица Елизавета Петровна решила, что, прежде чем произойдет коронация, к ней в Петербург приедет ее племянник, внук Петра I.

"По странной игре случая в лице этого принца, – писал историк В. О. Ключевский, – совершилось загробное примирение двух величайших соперников начала XVIII века – Петр III был сын дочери Петра I и внук сестры Карла XII".

Будущий российский император в детстве был несчастен. Матери он не помнил, а отец его скончался, когда Петру исполнилось одиннадцать лет. Чтобы пристроить сироту хоть куда-нибудь, его отправили к родственнику, занимавшему епископскую кафедру в Любеке. Епископ дал в наставники

мальчику двух учителей – фон Брюммера и Берггольца. Оба они были невежды, пьяницы и грубияны. Они часто били мальчика, держали его на хлебе и воде, а то и просто морили голодом, ставя на колени в угол столовой, откуда он наблюдал, как проходит обед.

Если же Петр крал из кухни кусок хлеба, то к экзекуции добавлялось и нечто новое: поставив принца на колени, в руки ему давали пучок розог, а на шею вешали рисунок, на коем был изображен осел.

Петр рос худым, болезненным, запуганным и начисто лишенным чувства собственного достоинства. Ко всему прочему он стал лжив и патологически хвастлив. Учителя, любившие попойки, приучили своего воспитанника к спиртному, и он стал предпочитать всем прочим общество кучеров, лакеев, слуг и служанок, где можно было выпить за их счет. Он не хотел учиться, а все время посвящал забавам и потехам. Любимым его занятием были игры с оловянными солдатиками, а лучшим зрелищем – пожары. Впоследствии эта страсть стала почти маниакальной: став великим князем, Петр велел будить себя даже среди ночи, лишь бы не пропустить очередного пожара.

С воцарением Елизаветы Петровны его праздному и бездеятельному времяпрепровождению пришел конец. Петру было велено изучать русский язык и православные каноны, которые стали ему преподавать два приехавших из России наставника. Однако дело скоро заглохло, поскольку возникло предположение, что Петра ждет не российский, а шведский трон, так как по матери он был внуком Петра I, а по отцу, как уже говорилось, внуком сестры шведского короля Карла XII.

Не успел несчастный принц взяться за шведский язык и протестантский катехизис, как фортуна вновь обернулась к нему русским лицом – в начале 1742 года он оказался в России по велению своей августейшей тетки.

Карла-Петра-Ульриха продолжили обучать русскому языку и догматам православного вероисповедания. Причем дело было поручено высокообразованному священнику, хорошо знавшему немецкий язык. А пока принц с великим трудом и неохотой занимался науками, подошла и коронация Елизаветы Петровны и венчание с Разумовским, о чем мы уже знаем.

Венчание с Разумовским династических проблем не разрешало: Разумовский не мог быть наследником трона, да и он сам совершенно не хотел этого. И посему 7 ноября 1742 года Карл-Петр-Ульрих, принявший православие и ставший Петром Федоровичем, был объявлен "великим князем с титулом его императорского высочества и наследником престола".

А вслед за тем Елизавета Петровна решила женить племянника. Ее выбор остановился на четырнадцатилетней принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербстской.

Новелла 3. Принцесса Фике

Девочка была умна, хороша собой, получила приличное образование и, что весьма немаловажно, провела несколько лет в Берлине при дворе прусского короля Фридриха II, вошедшего в историю под именем Великого.

Будущая императрица России родилась 21 апреля 1729 года в Штеттине в семье князя Христиана-Августа Ангальт-Цербстского. Матерью девочки была семнадцатилетняя Иоганна-Елизавета, происходившая из княжеской фамилии Голштейн-Готторпов.

Существовала версия, что подлинным отцом Софии был один из сотрудников русского посольства в Париже, Иван Иванович Бецкой, по другой версии – ее отцом называли самого прусского короля Фридриха II Великого. Это утверждали из-за весьма доверительных отношений прусского короля и Иоганны-Елизаветы, доводившейся ему двоюродной сестрой.

Такое переплетение генеалогических линий неудивительно: правящие дома Западной Европы находились в столь тесном и многолетнем общении, что каждый из членов этих домов непременно был родственником многих других. Кровосмесительные браки и связи не были в то время редкостью, однако историки не воспринимают упомянутые версии всерьез. Девочку назвали в честь трех ее теток Софией-Августой-Фредерикой, а уменьшительно – Фике. Однажды маленькая София вместе с матерью приехала в гости к герцогине Брауншвейгской, у которой в то время гостила принцесса Марианна Бевернская и несколько священников. Один из них, некто Менгден, славился как прорицатель. Взглянув на принцессу Бевернскую, он не сказал ничего об ожидавшем ее будущем, зато, посмотрев на Фике, сказал ее матери: "На лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мере три". Фике учили французскому и немецкому языкам, танцам, истории и географии, музыке и чистописанию. Она училась легко и быстро схватывала все, чему ее обучали.

Когда девочке исполнилось десять лет, ее привезли в столицу Любекского княжества город Эйтин, и там при дворе местного епископа она впервые встретилась с одиннадцатилетним голштинским принцем Карлом-Петром-Ульрихом.

А просватали ее за него в 1743 году, когда он уже жил в Петербурге и официально считался наследником российского престола. Немало способствовал этому сватовству давний доброхот княгини Иоганны-Елизаветы Фридрих Великий. 30 декабря 1743 года он писал ей: "Я не хочу дольше скрывать от вас, что вследствие уважения, питаемого мною к вам и к принцессе, вашей дочери, я всегда желал доставить ей необычное счастье, и у меня явилась мысль, нельзя ли соединить ее с ее троюродным братом, русским великим князем. Я приказал хлопотать об этом в глубочайшем секрете". Далее Фридрих советовал княгине ехать в Россию без мужа, не говоря никому ни одного слова об истинной цели поездки... В Москве княгине Иоганне-Елизавете следовало говорить, что поездка предпринята единственно для того, чтобы поблагодарить Елизавету Петровну за ее милости к Голштинскому дому.

Десятого января 1744 года мать и дочь выехали из Цербста и 3 февраля прибыли в Петербург, а 9 февраля достигли Москвы, где находились Елизавета Петровна, Петр Федорович и весь императорский двор. Был канун дня рождения Петра Федоровича, когда ему исполнялось шестнадцать лет. Встреча превзошла все ожидания: обе женщины были обласканы, осыпаны подарками и награждены орденом Святой Екатерины.

Елизавета Петровна была очарована невестой племянника и при всяком удобном случае ласкала и одаряла ее. Да и жених в первые дни казался внимательным и предупредительным, но вскоре невеста поняла, что перед ней всего лишь неразвитый, хвастливый и физически слабый подросток. Готовясь к свадьбе, Фике много сил и времени отдавала изучению русского языка и проникновению в премудрости православного богословия, чем крайне расположила к себе Елизавету Петровну и многих придворных.

Двадцать восьмого июня произошло крещение Софии-Августы-Фредерики в православную веру под именем Екатерины Алексеевны.

Она без ошибок и почти без акцента произнесла "Символ веры", чем поразила всех присутствующих в церкви. А на следующий день произошла помолвка и обручение Петра и Екатерины. Великой княгине, объявленной императорским высочеством, полагался придворный штат. Его возглавила приставленная к Екатерине графиня Мария Андреевна Румянцева.

К сожалению, Петр Федорович в это время оставался без присмотра и опеки и в ожидании свадьбы пил водку и слушал от своих лакеев, камердинеров и слуг разные сальности на тему обращения с женщинами.

Наконец, 21 августа состоялось венчание, и началась свадьба, продолжавшаяся десять дней. Петербург был украшен арками и гирляндами, из дворцового фонтана било вино, столы на площади перед дворцом ломились от яств, и каждый, кто хотел, имел возможность поесть и выпить за здоровье молодых и повеселиться.

Свадебный пир проходил под орудийные залпы при свете праздничных фейерверков. На верфях Адмиралтейства произвели спуск на воду шестидесятипушечного корабля, звонили все колокола, а с Невы падали десятки корабельных пушек.

Но веселье кончилось, а молодожены, оставаясь наедине, вскоре почувствовали неодолимую неприязнь друг к другу. Доверяясь дневнику, Екатерина писала: "Мой возлюбленный муж мною вовсе не занимается, а проводит свое время с лакеями, то занимаясь с ними шагистикой и фрунтом в своей комнате, то играя с солдатыками или же меняя на день по двадцать разных мундиров. Я зеваю и не знаю, куда деться со скуки".

* * *

Отношение супругов перерастали в стойкое отчуждение, и императрица приставила к Екатерине свою двоюродную сестру графиню Марию Симоновну Гендрикову (в замужестве Чоглокову) для того, чтобы она помогла Екатерине выполнить свой главный долг — родить наследника престала. Мария Симоновна была единственной в истории российского императорского двора статс-дамой, возведенной в это звание до замужества. Правда, исправляя этот промах, через три месяца она вышла замуж за обер-церемониймейстера Николая Наумовича Чоглокова, став образцовой женой и матерью, что, по мысли императрицы, должно было воодушевить к тому же и Екатерину.

Однако время шло, а молодая жена наследника не беременела. И дело было не в ней, а в ее супруге. "Если бы великий князь желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было не трудно, — писала Екатерина, — я от природы была склонна и привычна к исполнению своих обязанностей". А Петр Федорович, не обращая внимания на молодую жену, сразу же после свадьбы стал волочиться за фрейлиной Карр, потом за девицей Шафировой и другими придворными дамами, которые проявляли к нему хотя бы малейший интерес. В 1746 году Екатерина писала: "Я очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит. Через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы.. Он сказал графу де Виейере (Девиеру), своему камергеру, что не было и сравнения между этой девицей и мною".

История сохранила кроме уже названных имен и многие другие, но ни одну из этих мимолетных любовниц нельзя было назвать фавориткой.

К этому разряду могла быть отнесена лишь главная страсть Петра Федоровича — Екатерина Романовна Воронцова, которую Екатерина называла фаворит-султаншей. Она была дочерью Романа Илларионовича Воронцова, ссужавшего Елизавету Петровну в бытность цесаревной капиталами жены-купчихи.

Все современники согласны в том, что любовницы Петра отличались тем, что были некрасивы, невоспитанны и глупы. Особенно уродливой была Воронцова — маленькая, толстая, с лицом, покрытым оспой, злая и весьма недалекая, со вспыльчивым и скандальным характером. И тем не менее именно она имела на Петра Федоровича наиболее сильное влияние. Под горячую руку Воронцова могла и побить наследника престола, особенно если ее возлюбленный принц с

пьяных глаз начинал приставать к какой-нибудь девице или даме. А это случалось почти всякий раз перед тем, как он допивался до бесчувствия и лакеи выносили его из-за стола, взяв под мышки и за ноги. Иногда во хмелю Петр говорил, что заточит Екатерину в монастырь, разведется с ней и обвенчается с Воронцовой.

А тем временем красивая, цветущая, остроумная и веселая Екатерина конечно же имела успех у окружающих мужчин. Она видела и чувствовала это: "Я получила от природы великую чувствительность и наружность если не прекрасную, то во всяком случае привлекательную; я нравилась с первого разу и не употребляла для того никакого искусства и прикрас. Душа моя от природы была до такой степени общительна, что всегда, стоило кому-нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободным и вести со мною разговор, как будто мы с давних пор были знакомы. По природной снисходительности моей я внушала к себе доверие тем, кто имел со мною дело, потому что всем было известно, что для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательством и самою строгою честностью. Смею сказать (ели только позволительно так выразиться о самой себе), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имела скорее мужскую, чем женскую душу, но в том ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужским соединялись во мне привлекательность весьма любезной женщины".

Не став смирять чувства, Екатерина сердечно привязалась к одному из камер-лакеев мужа – Андрею Гавриловичу Чернышову, сыну крепостного крестьянина, недавнему гренадеру Преображенского полка. Андрей Чернышов оказался в числе лейб-кампанцев, совершивших переворот в пользу Елизаветы, и вместе с другими солдатами стал прапорщиком и дворянином. Во дворце служили и его братья – Алексей и Петр. Все они были любимцами Петра Федоровича, но особенно благоволил он к красавцу Андрею, ставшему одним из его ближайших и доверенных людей.

Он понравился и Екатерине, и она тоже подружилась с ним, шутливо называя его сынком, а Чернышов звал ее матушкой.

В мае 1746 года граф Девиер – сплетник и доносчик – застал Чернышова и Екатерину у ее спальни, донес об этом Елизавете, и та распорядилась арестовать Чернышова и его братьев. Два года просидел Чернышов в заключении, а потом был отправлен на службу в Оренбург, в армейский полк. Эти подозрения основывались не более чем на пересудах и злословии. Допросы братьев Чернышовых, Петра, Екатерины, Чоглоковой и других придворных не дали никаких компрометирующих сведений, но, несмотря на это, императрица отставила Чоглокову, потому что попутно выяснилось, что Мария Симоновна оказалась отнюдь не на высоте – она даже за собственным мужем не смогла усмотреть и он стал волочиться за Екатериной Алексеевной, и за фрейлиной Кошелевой. В ходе "следствия" выяснилось, что и брат фаворита императрицы, Кирилл Разумовский, тоже, бросал откровенно влюбленные взоры на жену Петра Федоровича.

Новелла 4. "Предметы" стареющей императрицы

Первым "предметом страсти" Елизаветы Петровны после ее сокрушительного, подобного лесному пожару чувства к Алексею Разумовскому стал юный Иван Шувалов. Он был двоюродным братом ловкого царедворца и не менее удачливого негоцианта Петра Ивановича Шувалова – будущего графа и фельдмаршала, сделавшего карьеру на том, что его женой стала бывшая любовница Бирона – Мавра Егоровна Шепелева, которая с юности была задушевной подругой Елизаветы Петровны.

Мавра Егоровна рассказывала императрице обо всем, что знала и слышала от своих многочисленных осведомителей, включая деверя – начальника Тайной канцелярии Александра Ивановича Шувалова. Она была первой среди так называемых "чесальщиц" императрицы: Елизавета Петровна любила, чтобы особо доверенные и приближенные к ней дамы перед сном чесали ей пятки. Этой милости добивались многие первые дамы, но далеко не каждая удостоивалась столь высокой чести.

Среди "чесальщиц" была и жена канцлера Воронцова, и сестра Шуваловых Елизавета, и вдова адмирала Головина Мария Богдановна – злобная и корыстолюбивая сплетница.

Близость Шепелевой к Елизавете Петровне укрепилась после дворцового переворота, когда Шуваловы открыто встали на сторону цесаревны. Еще более упрочились их позиции при дворе после того, как супруги Шуваловы ввели в окружение Елизаветы Петровны двоюродного брата Петра Ивановича – Ивана Шувалова. Он появился в покоях Елизаветы еще мальчиком и был определен пажом, проводившим все время в прихожей Императрицы. Чаще всего она заставляла этого очень краевого мальчика с книжкой в руках, а вскоре обратила внимание на его ум, доброту и славный характер. Регулярное чтение не пропало даром – все знавшие Ивана Ивановича Шувалова отмечали его исключительную образованность. (С десяти до шестнадцати лет он проучился в гимназии при Академии наук.)

Разумовский не мог удержать свою августейшую супругу от амурных увлечений и только пассивно созерцал, как развивались отношения Ивана Шувалова с его женой. Тогда же она увлеклась и еще одним воздыхателем – двадцатилетним кадетом Никитой Бекетовым. Он воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, участвуя в любительских спектаклях. С них-то все и началось.

Елизавета Петровна, с увлечением читавшая любовные французские романы и обожавшая зрелища и маскарады, решила слить два этих пристрастия воедино и завести драматический театр. В результате в 1743 году к оперно-балетной франко-итальянской труппе добавилась и французская драматическая. На петербургской придворной сцене появились герои трагедий Вольтера, Мольера, Реньяра и других. В то же время начал существовать и первый русский любительский драматический театр. Местом его создания стал Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Одним из актеров в нем оказался двадцатилетний красавец кадет Никита Афанасьевич Бекетов, игравший героев-любовников.

Руководил любительской драматической труппой бывший воспитанник и выпускник Сухопутного шляхетского корпуса тридцатилетний бригадир Александр Петрович Сумароков. Еще кадетом он начал писать стихи в песни. Он и его товарищи-кадеты "составили между собой общество любителей русской словесности и в праздничные дни и свободные часы читали друг другу первые опыты сочинений своих и переводы".

В этом обществе собирались и три будущих фельдмаршала – князя Н. В. Репнин, А. А. Прозоровский, граф П. А. Румянцев и будущий генералиссимус – семнадцатилетний капрал Семеновского полка А. В. Суворов. Приходили и кадеты П. И. Панин, М. М. Херасков, И. П. Елагин, П. С. Свистунов, С. А. Прошин, прославившиеся потом на ниве культуры и политики.

От кружка литературного оставалось сделать всего лишь один шаг к созданию сначала театрального кружка, а затем и самостоятельного театра, что и произошло вскоре после того, как Сумароков окончил корпус. Будучи хорошим офицером, Сумароков оставался не менее хорошим стихотворцем и драматургом.

В 1747 году Сумароков написал стихотворную трагедию "Хорев", в которой рассказывалось о судьбе одного из трех легендарных основателей Киева — князя Хорева (по летописной традиции — Хорива, младшего брата князя Кия). Это событие было примечательно еще и тем, что на сцене впервые появились русские исторические персонажи, а актеры впервые заговорили на русском языке — пусть и архаичном, выпретенне поэтическом, но все же родном, понятном всем. И разыгрывались не церковные, а светские сюжеты, в которых были и любовь, и верность, и благородство, и коварство, и рассуждения о нраве и долге, вольности и тирании.

Совершенно неожиданно для автора кадеты втайне от него разучили роли и пригласили драматурга на премьеру. "Автор ехал на зов, воображая увидеть детское игрище, простое чтение стихов; но как велико было его изумление! В какое пришел он восхищение, когда в кругу юношей-воспитанников нашел воображаемый им храм российской Мельпомены".

Сумароков в тот же день рассказал об этом Разумовскому, у которого состоял в адъютантах, а Алексей Григорьевич сообщил о том же императрице. Елизавета очень обрадовалась, что наконец-то сможет увидеть русскую трагедию, — и велела перенести постановку на императорскую сцену. Первый спектакль прошел 8 января 1750 года. В нем были заняты кадеты Н. А. Бекетов, П. И. Мелиссино, Н. С. Свистунов, Дитрих Остервальд и некоторые другие.

Мелиссино играл князя Кия, Бекетов играл Хорева, Свистунов — возлюбленную Хорева — Оснельду (актрис еще не было и женские роли исполняли мужчины). Успех был грандиозным. Светский Петербург в течение нескольких недель почти ни о чем другом не говорил, кроме как о спектакле.

Тогда же рескриптом императрицы Сумароков был назначен руководителем труппы из семнадцати кадетов, которая за два года существования театра сыграла тридцать два спектакля.

Из них наибольший успех выпал на долю трагедии Сумарокова "Синав и Трувор". Спектакль повторялся семь раз — больше, чем любая другая постановка театра. В трагедии был сильно и ярко проработан лирический любовный сюжет, что не оставило равнодушной Елизавету Петровну, которая с самого начала заявила себя заядлой театралкой, завсегдаем кулис.

Премьера "Синава и Трувора" состоялась в начале 1751 года. Роль Синава, пылко несчастного любовника и бесстрашного героя, исполнял Никита Афанасьевич Бекетов. Перед началом спектакля Елизавета Петровна приняла участие в одевании актеров. Она сама Помогла Бекетову облачиться в великолепный, богатый костюм. Бекетов был воодушевлен, он играл свою роль горячо и страстно, но потом вдруг стал засыпать и наконец, не совладав с великой усталостью, заснул на сцене крепким сном.

Елизавета сидела с влажными от нежности глазами и не отрываясь смотрела на спящего красавца.

На следующий день Бекетов был произведен в сержанты, а еще через несколько дней его отчислили из корпуса и перевели в гвардию в чине капитана, назначив адъютантом к Алексею Разумовскому. В мае того же года Бекетов стал полковником, поселившись во дворце вместе с Елизаветой Петровной. Теперь уже ни у кого не было сомнений, что рядом с императрицей появился новый фаворит.

Все шло бы так и дальше, но Бекетова приблизил к себе канцлер Бестужев, попытавшийся сделать из него своего сообщника в борьбе с кланом Шуваловых.

Петр Шувалов, враждуя с Бестужевым, решил отвратить императрицу от ее нового любимца и задумал простой, но коварный ход. Он сам, хорошо понимая толк в химии, приготовил крем, который якобы выводил веснушки. Бекетов же

более всего нравился Елизавете необычайной свежестью лица и очень печалился, что по весне лицо его покрывали веснушки. Одна из близких Шувалову дам, взяв снадобье, сваренное Шуваловым, поднесла его новому фавориту, выдав за парижский крем для ночных масок на лицо. Снадобье это было дьявольским варевом, от которого лицо Бекетова, не избавившись от веснушек, густо покрылось гнойными прыщами. Одновременно императрице нашептали, что ее любимец заболел какой-то дурной кожной болезнью. Участь Бекетова была решена: его отправили, не допуская к императрице, в отдаленный армейский полк с сохранением присвоенного полковничьего чина. Дальнейшая судьба Бекетова сложилась так – через семь лет, участвуя в Семилетней войне, в ожесточеннейшем сражении при Цорндорфе 14 августа 1758 года он командовал 4-м гренадерским полком. Поля отличился в этом бою, и Бекетов стал генерал-майором, а потом за новые подвиги – генерал-поручиком. Выйдя при Екатерине II из военной службы в статскую, он получил пост астраханского губернатора и сделал многое для процветания края. В 1780 году Бекетов вышел в отставку, поселился в роскошном имении Отрада неподалеку от Царицына и занялся литературным и музыкальным сочинительством. Он так и не женился, но от свободных связей имел трех дочерей, которым и оставил капитал в сто тысяч рублей и большое богатое поместье.

* * *

Как только Бекетов исчез из поля зрения Елизаветы, она вернулась к Ивану Шувалову, правда, у нее то и дело появлялись новые "предметы". Однако Иван Шувалов оставался ее самым любимым мужчиной. Привязанность Елизаветы к нему с годами не ослабевала, а укреплялась. Возможно, это объяснялось тем, что Шувалов отличался добрым нравом, полным пренебрежением к богатствам и наградам. Он завоевал репутацию глубоко порядочного человека, подлинного патриота и убежденного сторонника отечественного просвещения. Этому способствовала его дружба с Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Шувалов активно содействовал созданию Академии художеств, Московского университета. Примечательно, что Указ о создании университета был подписан Елизаветой Петровной 12 января 1755 года, в день именин матери Шувалова – Татьяны Семеновны. Вот почему Татьянин день до сих пор отмечается в Московском университете и стал национальным студенческим праздником.

Новелла 5. Рождение наследника

А теперь возвратимся к великой княгине Екатерине Алексеевне, которую, кажется, впервые посетила настоящая любовь...

Ее героем оказался Сергей Васильевич Салтыков – камергер Петра Федоровича. Во всяком случае сама Екатерина настаивала на том, что после свадьбы с Петром Федоровичем у нее не было ни одного любовника, а с пострадавшим безвинно Андреем Чернышовым ее связывала чистая юношеская дружба.

Салтыков был двумя годами старше Екатерины. Он принадлежал к старшей линии знаменитого рода Салтыковых, ведших свой род с XIII века, и находился в дальнем родстве с Романовыми.

В 1750 году С. В. Салтыков женился на фрейлине императрицы Матрене Павловне Балк, племяннице уже известных нам Балков и Монсов. Из-за всего этого, а также за необыкновенную красоту Салтыкова определяли камергером

к великому князю Петру Федоровичу, что позволяло ему часто находиться подле Екатерины Алексеевны.

"Сергей Салтыков, – писала Екатерина II, – дал мне понять, какая была причина его частых посещений... Я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какие дают большой свет и особенно двор. Ему было 25 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся... Я не поддавалась всю весну и часть лета". Как-то во время охоты на зайцев, оставшись наедине с Екатериной, Салтыков признался ей в страстной любви. Ответному чувству Екатерины способствовало то, что Петр Федорович тогда влюбился за девицей Марфой Исаевной Шафировой – внучкой петровского сподвижника барона Шафирова. Когда у Екатерины появились первые признаки беременности, Елизавета Петровна запретила ей ездить верхом.

Четырнадцатого декабря 1752 года двор выехал из Петербурга в Москву, и по дороге у Екатерины произошел выкидыш. Ожидавшиеся роды не состоялись Петр Федорович заподозрил Екатерину в неверности, поскольку ее беременность для него была неожиданностью.

Известный мемуарист и ученый Андрей Тимофеевич Болотов писал: "Петр Федорович стал обходиться с нею с величайшею холодностью и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашнего великого канцлера Елисаветою Романовною, прилепясь к ней так, что не скрывал даже ни пред кем непомерной к ней любви своей, которая даже до того его ослепила, что он не восхотел от всех скрыть ненависть свою к супруге и к сыну своему и при самом еще вступлении своем на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя манифесте не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул об нем ни единым словом.

Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей первый его шаг всех россиян и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод".

Когда Болотов впервые увидел Елизавету Романовну Воронцову, то, еще не зная, что за дама прошла перед ним, спросил дежурного полицейского офицера: "Кто б такова была толстая и такая дурная, с обрызглою рожей боярыня?" И был поражен, когда тот сказал, что это Воронцова. "Ах, Боже мой! Да как это может случиться? Уж этакую толстую, нескладную, широкорожую, дурную и обрызглою совсем любить, и любить еще так сильно государю?.."

Далее Болотов признается: "В самом деле была она такова, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно".

К этому времени Елизавета Петровна окончательно изверилась в способности своего племянника стать отцом наследника престола. Императрица очень хотела иметь внука, точнее, внучатого племянника, во всяком случае цесаревича и продолжателя династии. Нетерпение ее стало столь велико, что она даже приказала найти для Екатерины надежного фаворита, который сумел бы сделать то, что не удавалось августейшему супругу.

И здесь уместно предоставить слово Александру Михайловичу Тургеневу, прекрасно осведомленному в тайнах двора. Он оставил прелюбопытнейшие "Записки", основывавшиеся на семейном архиве и других документах. Да и сам Тургенев много знал, видел и был наслышан об интимной жизни двора, так как с четырнадцати лет нес караульную службу в императорских дворцах.

Тургенев пишет, что канцлер А. П. Бестужев-Рюмин узнал от великой княгини Екатерины Алексеевны пикантную комическую подробность ночного ее времяпрепровождения с Петром Федоровичем: "Бестужев... был ее министром, поверенным всех тайных ее помыслов, от нее непосредственно Бестужев сведал, что она с супругом своим всю ночь занимается экзерцицией ружьем, что они стоят попеременно на часах у дверей, что ей занятие это весьма наскучило, да и руки и плечи болят у нее от ружья. Она просила его (Бестужева) сделать ей благодеяние, уговорить великого князя, супруга ее, чтобы он оставил ее в покое, не заставлял бы по ночам обучаться ружейной экзерциции, что она не смеет доложить об этом императрице, страшась тем прогневить ее величество.. Пораженная сею вестью, как громовым ударом, Елизавета казалась онемевшею, долго не могла вымолвить слова. Наконец зарыдала и, обращаясь к Бестужеву, сказала ему:

— Алексей Петрович, спаси государство, спаси меня, спаси все, придумай, сделай как знаешь!

Бестужев предложил прекрасного собою, умного и отличного поведения камергера Сергея Салтыкова...". Возможно, Бестужев уже знал о связи, существовавшей между Салтыковым и Екатериной.

Поручив Бестужеву уладить это дело, императрица, по-видимому для надежности, дала такое же задание уже известной нам Марии Симоновне Чоглоковой, и та, отозвав однажды Екатерину в сторону, сказала, что сама она — Чоглокова — абсолютно верна своему мужу, но бывают "положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила". Таким "положением высшего порядка" было продолжение династии. Причем Чоглокова от имени Елизаветы Петровны предложила Екатерине одного из двух претендентов в фавориты — или Сергея Салтыкова, или Льва Нарышкина. Когда состоялся этот разговор, роман между Екатериной и Салтыковым был уже в полном разгаре и имел своим результатом беременность, закончившуюся, как мы уже знаем, выкидышем.

Однако Салтыков хотя и любил Екатерину, но еще более любил себя и свою карьеру, за которую весьма опасался при сложившихся обстоятельствах. Салтыков то появлялся возле Екатерины Алексеевны, то исчезал, объясняя такое поведение опасением скомпрометировать ее. Лето 1754 года двор снова провел в Москве и Подмосковье, а затем тысячи телег и экипажей двинулись из Первопрестольной в Петербург. На сей раз Елизавета Петровна решила не спешить и приказала проезжать каждые сутки только от одной станции до другой. Между столицами было тогда двадцать девять станций, шишу дорога заняла ровно месяц.

Екатерина, вновь беременная, успела благополучно добраться до Петербурга и в среду, 20 сентября 1754 года, около полудня в Летнем дворце родила сына.

"Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней, — писала потом Екатерина. — Как только удалилась императрица, великий князь тоже пошел к себе, и я никого не видела ровно до трех часов. Я много потела, я просила Владиславовну (одну из статс-дам Екатерины) сменить мне белье, уложить меня в кровать; она сказала, что не смеет. Она посылала несколько раз за акушеркой, но та не приходила; я просила пить, но получила тот же ответ... Со следующего дня я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль, и при том схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела и никто не справлялся о моем здорье. Я то и дело плакала и стонала в своей постели".

А в Петербурге начались пышные торжества. Во всех церквях служили благодарственные молебны, над городом плыл густой, непрерывающийся колокольный звон, сановники наперебой поздравляли императрицу и Петра Федоровича с рождением цесаревича, начисто забыв о Екатерине.

Вечером было объявлено, что крестными отцом и матерью новорожденного будут "оба римско-императорские величества", персоны которых при крестинах станут представлять посол Австрии граф Эстергази.

Во дворце и домах знати шли пиры и маскарады, на улицах появились длинные ряды столов с даровыми яствами и напитками. В ночном небе полыхал фейерверк — огненные краски изображали коленапреклоненную женщину, символизирующую Россию. Она стояла перед алтарем с надписью: "Единогое еще желаю". Как только картина угасла, вспыхнула новая — на облаке возлежал на пурпурной подушке младенец, а под облаком сверкала надпись: "Тако исполнилось твое желание".

Был не только фейерверк — были также и стихи. Их написал первый пиит России Михаил Васильевич Ломоносов.

С великим прадедом сравнися,

С желаньем нашим восходи.

Велики суть дела Петровы,

Но многие еще готовы

Тебе остались напреди.

На шестой день после родов, в день крестин, Елизавета Петровна сама принесла Екатерине на золотом блюде указ о выдаче ей 100 000 рублей. Кроме того, она вручила и небольшой ларчик, в котором, как вспоминала Екатерина, лежало "очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камер-фрау".

А Салтыков был немедленно отправлен в Стокгольм для передачи поздравлений шведскому королю Адольфу-Фредерику, родственнику Петра Федоровича.

Новелла 6. "Амур" будущей императрицы с будущим королем

Вскоре после рождения наследника престола Екатерина еще более сблизилась со старым дипломатом и опытейшим политиком, главой русского внешнеполитического ведомства — Алексеем Петровичем Бестужевым, служившим еще Петру Великому. Ее друзьями стали друзья канцлера: генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин и английский посланник сэр Уильямс. Союзником канцлера, как и Екатерины, был и польский дипломат Станислав-Август Понятовский. Он появился в Петербурге менее двух лет назад, но сумел за это время укрепить свой авторитет и влияние. Понятовский приехал в Петербург одновременно с английским посланником Уильямсом, в свите которого в находился. Это произошло весной 1755 года, а Екатерина впервые увидела Станислава-Августа в начале июня — на Троицын день. Она знала, что его отец — князь Станислав Платовский — был адъютантом шведского короля Карла XII, находился рядом с ним в сражении лад Полтавой, разделил со своим сюзереном изгнание, скитания я опасности и до кончины Карла XII оставался ярым врагом России.

Станислав-Август был тремя годами младше Екатерины, слыл истинным великосветским бонвиваном, любившим пожить в свое удовольствие, покутить и поволочиться. В 1753 году, когда Станиславу-Августу шел двадцать первый год, его отослали в Париж, где он жил в лучших традициях французской аристократической "золотой молодежи". От английского посланника Екатерина узнала, что мать Понятовского, урожденная Чарторижская, в полную противоположность своему мужу является решительной сторонницей России, а

ее родственники составляют основу русской партии в Польше. Уильямс сказал Екатерине, что родители Понятовского поручили Станислава-Августа именно ему, чтобы он воспитал у него чувства любви и преданности России. Это не было чем-то странным, ибо английский посланник хотел видеть Россию союзной своей стране и дружественная Польша хорошо бы дополнила такой альянс.

Тогда же Екатерине донесли, что Сергей Салтыков и в Швеции, и в Саксонии не пропускал ни одной юбки, и ее чувства к нему, если они еще и оставались, скоро исчезли совсем.

На следующий год Станислава-Августа назначили посланником Польши в России, хотя канцлер Бестужев желал видеть на этом посту кого-нибудь из своих прозелитов. Новый посланник тем временем стал все более определенно проявлять симпатии Екатерине, которая в свою очередь нуждалась в поддержке. Она заметила, что все ее фрейлины — либо любовницы, либо наперсницы ее мужа — не оказывают ей должного почтения, а рассчитывают на его благосклонность. Петр Федорович, чтобы досадить жене, подробно рассказывал ей о своих интрижках и победах, а иногда спрашивал совета и даже искал сочувствия, если почему-либо не мог добиться успеха. Все это еще больше сблизило Екатерину с Понятовским, который несколько раз совершенно недвусмысленно говорил о нежных чувствах, которые питает к ней.

В то лето Понятовский жил в Петергофе, а Екатерина — неподалеку от него, в Ораниенбауме. 25 июня Понятовский сел в карету и поехал к Екатерине на свидание, предупредив ее заранее. Когда карета подъезжала к Ораниенбауму, Понятовский увидел в лесу пьяного Петра Федоровича со свитой и неизменной Елизаветой Воронцовой. Кучера спросили, кого он везет, и тот ответил, что везет портного.

Однако Елизавета Воронцова узнала Понятовского и, когда он уехал, стала, насмехаясь, намекать великому князю, кто был на самом деле в карете. Петр сначала не обратил внимания, но через несколько часов послал трех кавалеристов к павильону, где жила Екатерина.

Они схватили за шиворот Понятовского, когда тот выходил из павильона, и потащили к Петру Федоровичу.

Петр прямо спросил у Понятовского: был ли он у Екатерины и чем они занимались. Понятовский категорически отказался отвечать, и Петр велел задержать его. Через два часа к задержанному вошел "великий государственный инквизитор" А. И. Шувалов, и Понятовский сказал ему, что для чести русского двора необходимо, чтобы вся эта история закончилась без шума. Шувалов согласился с ним и отвез его в Петергоф, а сам рассказал обо всем случившемся Екатерине.

Екатерина пошла к разгневанному мужу и честно призналась ему в любовной связи с польским посланником. Она сказала, что если кто-нибудь узнает о происшедшем, то Петр Федорович прослышет рогоносцем по всей Европе.

Екатерина добавила, что ее связь с Понятовским возникла после того, как Петр Федорович приблизил к себе Воронцову, о чем известно всему Петербургу. Далее она обещала не только переменить свое отношение к Воронцовой на значительно более любезное, но и выплачивать ей из своих средств ежегодную пенсию, освободив от непосильных расходов Петра Федоровича.

Петр согласился и обещал молчать. "Случай, долженствовавший погубить великую княгиню, доставил ей большую безопасность и способ держать на своем жалованье и самую любовницу своего мужа; она сделалась отважнее на новые замыслы и начала обнаруживать всю нелепость своего мужа, столь же тщательно, сколь сперва старалась ее таить".

Двадцать девятого июня в Петергофе давали бал в честь именин Петра Великого и Петра Федоровича. Понятовский, стоворившись с Елизаветой Воронцовой, ночью пришел в Монплеизир, апартаменты великого князя и его жены.

К этому времени Понятовский уже знал о признании Екатерины Петру Федоровичу. Поэтому он в свою очередь сделал аналогичное признание великому князю. Обманутый муж ответил, смеясь: "Ну, не большой ли ты дурак, что не открылся мне вовремя! Если бы ты это сделал, не произошла бы вся эта распря!"

После этого Петр пошел в спальню Екатерины, вытащил ее из кровати — был второй час ночи — и привел к Понятовскому и Воронцовой в одной рубашке. Они стали оживленно болтать и смеяться и разошлись только к четырем часам утра.

Описав все случившееся, Понятовский добавляет: "Я уверяю, что такое сумасшествие, каким все это могло казаться, была сущая правда. На другой день все заискивали у меня. Великий князь заставил меня повторить до четырех раз еще мои поездки в Ораниенбаум. Я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице в комнату великой княгини Там я находил великого князя и Воронцову. Мы ужинали вместе, после чего он уводил ее, говоря нам; "Ну, итак, дети мои, я вам больше не нужен, я думаю".

* * *

Разумеется, что после этого Станислав-Август по-прежнему оставался любовником великой княгини, и есть основания полагать, что в марте 1758 года Екатерина именно от него забеременела вновь и 9 декабря родила дочь, названную Анной.

Сразу после рождения девочку унесли в покои Елизаветы Петровны, и дальше все происходило, как и четыре года назад, когда на свет появился Павел: начались балы и фейерверки, а мать вновь оставили одну. Правда, на этот раз у постели Екатерины оказались близкие ей придворные дамы — Мария Александровна Измайлова, Анна Никитична Нарышкина, Наталья Александровна Сенявина — и единственный мужчина — Станислав-Август Понятовский.

Анна Нарышкина, урожденная графиня Румянцева, была замужем за гофмаршалом Александром Нарышкиным, а Измайлова и Сенявина были родными сестрами гофмаршала и доверенными наперсницами Екатерины. В "Записках" Екатерина сообщает, что эта компания собралась тайно, что сестры Нарышкины и Понятовский прятались за ширмы, как только раздавался стук в дверь. То, что Понятовский оказался единственным мужчиной у постели Екатерины, выглядит достаточно красноречивым свидетельством его отцовства.

Таким же свидетельством можно считать полупризнание самой Екатерины II в "Записках", когда она приводит эпизод, имевший место в сентябре 1758 года: "Так как я становилась тяжелой от своей беременности, и больше не появлялась в обществе, считая, что я ближе к родам, нежели была на самом деле. Это было скучно для великого князя... А потому его императорское высочество сердился на мою беременность, и вздумал сказать однажды у себя, в присутствии Льва Нарышкина и некоторых других: "Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я его принять на свой счет".

Тем не менее, когда девочка родилась, Петр Федорович был тому рад. Во-первых, ребенка назвали именем его покойной матери, родной сестры императрицы, — Анной, а отчество совпадало. Во-вторых, Петр Федорович получил как отец новорожденной 60 000 рублей, в которых очень нуждался.

Девочка прожила очень недолго и умерла 8 марта 1759 года. Ее похоронили не в Петропавловском соборе, который с 1725 года стал усыпальницей Дома Романовых, а в церкви Благовещения Александро-Невской лавры. Это обстоятельство тоже не ускользнуло от современников, наводя их на мысль о том, что Анна Петровна не была законной дочерью.

Новелла 7. Пожар

После отъезда Понятовского на Петербурга Екатерина недолго пребывала в одиночестве. На сей раз ее избранником оказался один из самых популярных гвардейских офицеров, красавец, силач, буян и задира двадцатипятилетний Григорий Григорьевич Орлов, один из пяти братьев Орловых, четверо из которых служили в гвардии, в разных, дислоцированных в Петербурге, полках.

Орловы происходили из тверских дворян и свое благородное происхождение могли подтвердить грамотой, относящейся к концу XVI века. Основателем своего рода они считали помещика Лукьяна Ивановича Орлова, владельца села Люткино Бежецкого уезда Тверской губернии Его внук, Иван Иванович Орлов, в конце XVII века служил подполковником одного из московских стрелецких полков, который выступил против Петра. Среди приговоренных к смерти оказался и Иван Орлов. Когда Орлова и его товарищей привели к эшафоту, вдруг приехал Петр и поднялся на эшафот, став рядом с палачом. А следом за царем на помост ступил Иван Орлов. Как только он поднялся, то тут же под ноги ему подкатилась отрубленная стрелецкая голова. Орлов засмеялся и пнул голову так, что она слетела с помоста на землю. А потом подошел к плахе и сказал Петру: "Отодвинься, государь, — здесь не твое место — мое". И с улыбкой положил голову на плаху.

Петру понравились бесстрашие и удаль Орлова, а царь помиловал его.

Таким был родной дед братьев Орловых. А их отцом был сын Ивана Ивановича — Григорий Иванович. Он тоже пошел по стезе военной службы и уже с юных лет стал солдатом, проведя в походах и сражениях все царствование Петра I, участвуя и в Северной войне, и в Прутском походе. К концу Северной войны он был командиром Ингерманландского полка — одного из лучших армейских пехотных полков России, первым командиром которого был А. Д. Меншиков. Г. И. Орлов был, лично известен Петру I и с гордостью носил на золотой цепи его портрет, подаренный самим императором. Все было бы хорошо, но не везло Григорию Ивановичу в делах семейных: хотел он иметь потомство, да не дал ему Бог детей. Так и жил он с бесплодной женой, пока та не умерла, оставив его бобылем. Было вдовцу в ту пору пятьдесят два года, но бурлила в нем кровь Орловых, и бесшабашная удаль не оставляла старика. Не оставляла его надежда родить и вырастить детей. Он женился на шестнадцатилетней красавице Лукерье Ивановне Зиновьевой, и она родила шестерых сыновей: Ивана, Григория, Алексея, Федора, Михаила и Владимира.

Только один из них — Михаил — умер во младенчестве, остальные же выросли красавцами и богатырями.

Женитьба заставила Орлова-отца выйти в отставку. Ему дали чин генерал-майора, но вскоре вновь призвали на службу, на сей раз — статскую, предложив пост новгородского губернатора. Он умер в этой должности в 1746 году. В то время его старшему сыну Ивану было тринадцать лет, а младшему — Владимиру — три года.

Оставшись одна, Лукерья Ивановна не смогла дать своим сыновьям хорошего домашнего воспитания, но вырастила их необычайно здоровыми, сильными и смелыми.

Хорошо понимая, что будущее ее сыновей в Петербурге, молодая вдова отправила туда четырех старших сыновей, оставив при себе лишь самого младшего – Владимира. Первым уехал старший – Иван.

"Окончив Сухопутный шляхетский кадетский корпус, он поступил в гвардию унтер-офицером. В 1749 году в корпус привезли и четырнадцатилетнего Григория, проявившего незаурядные способности к языкам и за короткое время овладевшего немецким и французским. Учился Г. Г. Орлов всего один год, а затем поступил на службу рядовым лейб-гвардии Семеновского полка, но через семь лет – в 1757 году – был переведен в армию офицером и сразу же принял участие в Семилетней войне. 14 августа 1758 года в жестоком сражении под Цорндорфом Г. Г. Орлов был трижды ранен, проявив незаурядную храбрость и хладнокровие. Он стал очень популярен в офицерской среде, а из-за отличного знания языков ему был препоручен взятый в плен под Цорндорфом адъютант Фридриха II граф Шверин. После Цорндорфа Орлова вместе со Шверином отправили на зимние квартиры в Кенигсберг, а оттуда по приказанию Елизаветы Петровны оба они приехали в Петербург. Здесь он не мог не обратить на себя внимание двора. И П. И. Шувалов, на беду себе, взял Григория Григорьевича в адъютанты. Почему "на беду"? Да потому что в двадцатипятилетнего красавца адъютанта тут же влюбилась светская львица княгиня Елена Степановна Куракина, бывшая в ту пору любовницей Петра Ивановича Шувалова. Граф и генерал-фельдцейхмейстер не потерпел этого и перевел Орлова в фузилерный гренадерский полк. Однако это не убавило популярности Григорию Орлову – он по-прежнему оставался в чести и во всех полках гвардии, и при Малом дворе, где ему особенно мирволил Петр Федорович. Не могла не обратить на Григория благосклонное внимание и Екатерина Алексеевна, симпатизировавшая также третьему Орлову – Алексею. Теперь вкратце и о нем.

Алексей Орлов в Кадетский корпус не пошел. Четырнадцать лет он поступил рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк и вскоре стал признанным коноводом гвардейской молодежи, прежде всего из-за того, что был самым сильным человеком в полку и весил около 150 килограммов. Одним сабельным ударом он отсекал голову быку. Ему не стоило труда раздавить яблоко между двумя пальцами или поднять Екатерину с коляской, в которой она сидела. Вместе с тем он был очень умен, хитер и необычайно храбр.

Четвертый из братьев – Федор – вначале поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, а затем – в Семеновский полк. Так же как и Григорий, Федор вскоре перешел в армию офицером и в шестнадцать лет принял участие в Семилетней войне, отличившись, как и Григорий, неустрашимостью и отвагой. И он, подобно своим старшим братьям, в конце 50-х годов оказался в Петербурге, разделяя вместе с Григорием славу первого драчуна, повесы, кутилы и храбреца.

По-другому сложилась судьба младшего из Орловых – Владимира. Он не служил ни в военной, ни в статской службе, а провел свою юность в деревне, ведя жизнь совершенно отличную от жизни его старших братьев. Владимир больше всего любил чтение и ученые занятия, отдавая предпочтение ботанике, агрономии и астрономии. В Петербурге он появился позже всех и здесь тоже стоял особняком, прослав среди братьев "красной девицей". А потом стал он директором Академии наук.

Героем дальнейшего повествования станет второй из братьев Орловых – Григорий. Итак, Григорий появился в Петербурге, привезя с собой из Кенигсберга пленного адъютанта прусского короля графа Шверина.

Орлова и Шверина поселили в доме придворного банкира Кнутцена, стоявшем рядом с Зимним дворцом. Это облегчало встречи Григория Орлова с

Екатериной, которая, как утверждали, влюбилась в красавца и силача с первого взгляда. Екатерина тайно навещала своего нового любовника в доме Кнутцена и вскоре почувствовала, что беременна. Однако из-за того, что Петр Федорович давно уже пренебрегал своими супружескими обязанностями и делил ложе с кем угодно, но только не со своей женой, беременность Екатерины была почти для всех тайной, кроме очень узкого круга самых доверенных и близких ей лиц.

Екатерина, оказавшаяся в положении в августе 1761 года, решила сохранить ребенка и родить его, чем бы ей это ни грозило. Как и водится, первые пять месяцев – до самого конца 1761 года – скрывать беременность было не очень трудно, тем более что Екатерина и не находилась в центре внимания, так как и Большой и Малый дворы более всего волновало все ухудшающееся состояние здоровья Елизаветы Петровны и постоянно возникающий в связи с этим вопрос о престолонаследии.

При дворе одни склонялись к тому, чтобы трон наследовал Петр Федорович; другие – чтобы императором был объявлен Павел Петрович, а соправителями при нем были оба его родителя; третьи – чтобы Екатерина была регентшей, а ее муж был отправлен к себе на родину – в Голштинию. Были и сторонники того, чтобы только Екатерине принадлежал российский престол, ибо ее качества правительницы государства были очевидно и бесспорно предпочтительнее качеств Петра Федоровича.

А пока шло время, роды приближались, и Екатерина сильно опасалась, что Петр Федорович узнает о ее состоянии.

В начале апреля 1762 года Екатерина почувствовала, что роды совсем близки, и поделилась своими страхами с одним из наиболее доверенных слуг – Василием Григорьевичем Шкуриным.

Во дворец принимали "мужчин и женщин статных, лицом пригожих и взору приятных", по пословице: "Молодец – хоть во дворец", и Шкурин полностью тому соответствовал. Когда Екатерина приехала в Петербург, он служил истопником в ее апартаментах в Зимнем дворце и с самого начала сумел завоевать ее симпатии и доверие. Шкурин свято хранил тайны своей госпожи и особенно потворствовал ее роману с Григорием Орловым.

За несколько дней до родов Екатерина сказала Шкуруину, что боится, как бы из-за ее крика Петр Федорович не узнал об этой тайне. На что Шкурин, бывший в то время уже не истопником, а камердинером, сказал:

– Чего бояться, матушка? Ты уж дважды рожала. Родишь и в третий – дело бабье. А что касаясь до государя, то я так сделаю, что его в тот момент во дворце не будет.

– Не много ли на себя берешь, Вася? – усомнилась Екатерина.

– Не сомневайся, матушка. Как я сказал, так тому и стать, – ответил камердинер.

На следующее утро Шкурин пришел во дворец со своим двенадцатилетним сыном Сергеем и сказал Екатерине, что приехали они сюда одвуконь и кони их стоят рядом с дворцом, у коновязи возле кордегардии, на Миллионной улице.

– Сына, матушка, я оставляю здесь, а ты вели ему постелить где-нибудь в соседней комнате. И как тебе пристанет, как почувствуешь, что вот-вот начнется, скажи ему, что он-де более тебе не надобен, и пусть скачет домой поелику можно быстрее и о том мне скажет. А я знаю, как свое дело делать.

Затем Шкурин сказал Екатерине, где его искать, и с тем уехал, а мальчик остался. Шкурин жил на самой окраине Петербурга, в большой бревенчатой избе, с женой, сыном и двумя дочерьми. Приехав, Василий Григорьевич вывез весь домашний скарб, отправил жену и дочерей на другую улицу, где жили его родственники, а сам, запершись в пустой избе, стал заниматься тем

делом, которое и задумал. Сотворив все, что было надобно, он лег на пол и заснул. Проснулся Шкурин от того, что услышал под окном конский топот. Это прискакал его сын.

Шкурин вышел к нему навстречу и спросил:

— Как государыня?

— Велели скакать во весь дух и сказать, что я более им не надобен, — выпалил мальчик.

— Садись на коня и поезжай к матушке и сестрам, — велел Шкурин, объяснив, где они нынче живут. Мальчик уехал, а Василий Григорьевич быстро оседлал коня, затем вернулся в избу и вскоре снова появился во дворе. Взглянув на избу, Шкурин перекрестился, вскочил в седло и рысью выехал за ворота. Оглянувшись через несколько минут назад, Шкурин увидел над своим двором струйки дыма.

..Шкурин сам поджег свою избу, основательно все к тому подготовив. Изба горела хорошо — медленно, но верно, выкидывая снопы искр и облака черного дыма. Недаром, видать, был Шкурин долгие годы истопником — знал толк в том, как надежно разжечь хороший огонь.

Расчет его был прост. Он знал, что Петр Федорович в городе и что по заведенному им порядку, как только петербургский обер-полицмейстер получит сообщение о пожаре, то тут же помчится конный полицейский офицер известить государя, где и что горит. И государь прикажет немедленно ехать на пожар, ибо хотя и было Петру Федоровичу за тридцать, детская страсть к созерцанию пожаров засела в нем навечно.

Расчет Шкурина оправдался. Когда он скакал к центру города, навстречу ему попала карета государя, запряженная шестериком и несшаяся во весь опор в сторону его дома.

..Войдя в опочивальню Екатерины, Шкурин услышал тонкий и неуверенный детский крик. Екатерина лежала на постели счастливая и обессиленная. Заметив Шкурена, она чуть-чуть улыбнулась и тихо проговорила:

— Мальчик.

Было 11 апреля 1762 года.

А Петр Федорович в это время сидел в карете и с замиранием сердца следил, как крючники растаскивают баграми горящие бревна, как в облаках дыма и пара дюжие мужики тянут от бочек с водой заливные трубы, умирняя бушующий огонь.

А в опочивальне Екатерины бабка-повитуха, принимавшая роды, ловко запеленала младенца и вместе со Шкуриным, никем не замеченная, осторожно вышла из дворца...

* * *

Сын Екатерины и Григория Орлова был назван Алексеем. Из-за того, что Екатерина купила для него в Епифанском уезде Тульской губернии село Бобрики, доходами с которого предстояло обеспечить его жизнь и воспитание, мальчику дали фамилию Бобринский.

Первые двенадцать лет прожил он в доме у Шкурина, воспитываясь вместе с его детьми, благодаря чему родные дети Шкурина смогли получить прекрасное домашнее образование, а в 1775 году поехали вместе со своим названным братом за границу. Бобринский закончил Сухопутный кадетский корпус, получив при выпуске малую золотую медаль и чин поручика, а затем уехал в длительное путешествие по России и Европе. Путешествие продолжалось три года, в течение которых молодой человек побывал и в Поволжье, и на Урале, и на Украине. Затем через Варшаву проехал он в Австрию, Италию, Швейцарию, Францию и Англию. Возвратившись в Россию, повелением Екатерины

был он поселен в Ревеле. Екатерина редко позволяла своему сыну навещать ее, и он почти безвыездно жил в своем замке Обер-Пален. Судя по всему, Екатерина довольно прохладно относилась к сыну, впрочем, как и ко всем другим своим детям, о которых речь пойдет впереди.

Когда Екатерина умерла, вступивший на престол Павел, доводившийся Бобринскому братом, возвел Алексея Григорьевича в графское достоинство, а в день коронации присвоил и чин генерал-майора конной гвардии. Последнее обстоятельство косвенно подтверждает, что Екатерина не любила сына, ибо Павел спешил облагодетельствовать тех, кого почитал он обиженными его матерью.

При Павле же, в возрасте тридцати шести лет Алексей Бобринский вышел в отставку и поселился в одном из своих имений — Богородицке. С годами Бобринский превратился в тихого помещика-домоседа, занимался чтением книг по агрономии, ботанике и минералогии и увлекался астрономическими наблюдениями. Этим он сильно напоминал своего младшего дядю по отцу — Владимира Григорьевича Орлова, бывшего перед тем директором Академии наук, а к тому времени уже более двадцати лет жившего в роскошном подмосковном имении Отрада, где вел тот же образ жизни, что и его племянник, — много читал, старался образцово вести хозяйство, помогал крестьянам и увлекался теми же науками, что и Алексей Бобринский.

И еще их сближало родство по морганатической Линии: Бобринский был женат на остзейской баронессе Анне Владимировне Унгерн-Штернберг, а женою В. Г. Орлова была ее близкая родственница баронесса Елизавета Ивановна Штакельберг.

Умер Бобринский в Богородицке 20 июня 1813 года, оставив трех сыновей — Алексея, Павла и Василия и дочь Марию.

Что же касается Шкурина, то Екатерина сумела по-царски отблагодарить его — две дочери Василия Григорьевича стали фрейлинами, а сам он в конце жизни был действительным камергером, тайным советником и гардеробмейстером императрицы.

Новелла 8. "Коронные перемены"

Роман Екатерины и Григория Орлова был в самом зените, и будущий граф Бобринский еще не родился, а находился в утробе матери, как в России произошла очередная "коронная перемена" — умерла Елизавета Петровна. Наследник Петр Федорович вступил на престол под именем Петра III. Последние два года Елизавета Петровна сильно болела, усугубляя свое положение тем, что отказывалась от всяческих лекарств и, тщательно соблюдая посты, не принимала даже целебный бульон, предпочитая греху грозящую ей смерть от отека легких. Первым тревожным сигналом, заставившим многих задуматься, долго ли осталось жить императрице, стал обморок 8 сентября 1758 года. В праздник Рождества Богородицы в Царском Селе Елизавета Петровна во время службы в церкви почувствовала себя дурно, вышла на крыльцо и потеряла сознание. Рядом не было никого из ее свиты, а простые люди не смели подойти к царице. Когда наконец появились врачи, больная, едва придя в себя, открыла глаза, но никого не узнала и невнятно спросила: "Где я?"

Несколько дней после этого Елизавета Петровна говорила с трудом и встала с постели лишь к концу месяца.

Нередко стали случаться у нее истерические припадки. Из-за всяческого отсутствия режима часто шла кровь носом, а потом открылись и незаживающие, кровоточащие раны на ногах. За зиму 1760–1761 годов она участвовала только в одном празднике, все время проводя в своей спальне,

где принимала и портных и министров. Она и обеды устраивала в спальне, приглашая к столу лишь самых близких людей, так как шумные и многолюдные застолья уже давно утомляли больную императрицу, перешагнувшую пятидесятилетний рубеж. Пословица "Бабий век – сорок лет" в XVIII столетии понималась буквально, ибо тогда было иным восприятие возрастных реалий: двадцатилетняя девушка считалась старой девой, а сорокалетняя женщина – старухой.

И хотя Елизавета Петровна всеми силами старалась казаться молодой, прибегая к услугам парикмахеров и гримеров, здоровья у нее от этого не прибавлялось. Внешне она еще казалась привлекательной, но на самом деле была серьезно больна и подобна развалине, искусно задекорированной умелым художником.

Последний год своей жизни Елизавета Петровна почти весь пролежала в постели. В ноябре 1761 года болезнь резко усилилась, а с середины декабря медики уже не верили в выздоровление императрицы. Ее мучили приступы жестокого кашля и сильная, часто повторяющаяся рвота с кровью. Уже на смертном одре Елизавета Петровна, мстя собственной душе дорогу в Царствие Небесное, амнистировала 13 000 контрабандистов и 25 000 должников, чьи долги были менее 500 рублей.

Соборовавшись и причастившись, но еще находясь в сознании, императрица передала безутешно плакавшему И. И. Шувалову, не покидавшему ее ни на минуту, ключ от шкатулки, где хранились золото и драгоценности стоимостью в 300 000 рублей. Шувалов и прежде видел эту шкатулку и знал о ее содержимом. Когда Елизавета умерла, он передал все ценности в государственную казну.

Ненавидевший Дом Романовых генеалог и историк князь Петр Владимирович Долгоруков написал сто лет спустя, что 25 декабря 1761 года в четвертом часу дня "истомленная распутством и пьянством Елизавета скончалась на пятьдесят третьем году от рождения, и дом Голштейн-Готторпский вступил на престол всероссийский". И это было действительно так, ибо российский императорский дом с этих пор только назывался Домом Романовых, но по крови он стал превращаться в чисто немецкий. Уже Анна Петровна русской была лишь наполовину, Петр Федорович – на одну четверть, а далее у императоров процент русской крови становился все меньше и меньше: российскими императрицами были за малым исключением только немецкие принцессы.

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна последние дни почти целиком проводили у постели умирающей. Как только Елизавета Петровна скончалась, из ее спальни в приемную вышел старший сенатор, князь и фельдмаршал Никита Юрьевич Трубецкой, и объявил, что ныне "государствует его величество император Петр III".

Новый император тут же отправился в свои апартаменты, а у тела усопшей осталась Екатерина Алексеевна, которой Петр III поручил озаботиться устройством предстоящих похорон.

* * *

Вечером 25 декабря 1761 года Петр III, уже провозглашенный императором, учинил в куртажной галерее – традиционном месте проведения веселых придворных праздников – радостное пиршество, во время которого многие не скрывали ликования в связи со случившимся. И прежде всего сам Петр Федорович.

Первой важной переменой стала отставка генерал-прокурора князя Якова Петровича Шаховского и назначение на его место Александра Ивановича

Глебова. По поводу этой перемены Екатерина заметила: "То есть слывающий честнейшим тогда человеком отставлен, а бездельником слывающий и от уголовного следствия спасенный Петром Шуваловым сделан на его место генерал-прокурор".

Организацией похорон пришлось заниматься Екатерине Алексеевне, а Петр Федорович был занят другими делами: он переселил И. И. Шувалова из его покоев и разместился там сам, а Елизавете Воронцовой велел поселиться рядом. Все дни до погребения Елизаветы Петровны он ездил из дома в дом, празднуя Святки и принимая поздравления с восшествием на престол, что не только изумляло, но и возмущало жителей Петербурга.

Екатерина, облаченная в черные одежды, делила свое время между церковными службами и устройством предстоящей церемонии погребения, ее искренне печалила смерть императрицы. Это видели и окружающие, отметившие огромную разницу в отношении к смерти и похоронам Елизаветы Петровны со стороны двух супругов.

Двадцать пятого января 1762 года, ровно через месяц после смерти, тело Елизаветы Петровны погребли в Петропавловском соборе.

А еще через три недели Петр III обнародовал самый значительный свой законодательный акт – Манифест "О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству", который историки потом сравнивали с Манифестом об освобождении крестьян, вышедшим ровно через 99 лет, 19 февраля 1861 года, только в отношении свобод дворянскому сословию.

На самом же деле автором Манифеста был секретарь Петра III Дмитрий Васильевич Волков, а история создания документа весьма курьезна.

Дело заключалось в том, что Петр III незадолго до того увлекся одной из первых красавиц Петербурга, княжной Еленой Степановной Куракиной, и ему нужно было улизнуть к ней хотя бы на одну ночь от опостылевшей Елизаветы Воронцовой, о которой известный историк князь Михаил Михайлович Щербатов писал: "Имел государь любовницу – дурную и глупую, графиню Воронцову, но ею, взошед на престол, доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Утверждают, что Александр Иванович Глебов подвел падчерицу свою, Чоглокову, уже упомянутая выше княгиня Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что когда по ночевании ночи он ее отвозил домой поутру рано и хотел для сохранения чести ее, а более, чтобы не учинилось известно сие графине Елизавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала.

Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывший его секретарем. Петр III, дабы сокрыть от графини Елизаветы Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою Волков, не зная намерения государственного, не знал, о чем писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытвержения государю от Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства. Седши, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован".

Но, издав манифест, укрепивший на время его популярность в среде дворянства, Петр III сделал все, чтобы окончательно погубить себя в глазах духовенства.

Новый император в отличие от своей подчеркнуто благочестивой и преданной православиям супруги, редко ходил в церковь, а если и оказывался в храме, то открыто глумился над обрядами русского богослужения. Он велел обрить попам бороды и остричь волосы, вынести из храмов все иконы, кроме образов Христа и Богоматери. В Духов день, когда Екатерина вдохновенно и благоговейно молилась, Петр III расхаживал по церкви, громко разговаривая, будто он был не в церкви, а в своих покоях. Когда же все стали на колени, он вдруг захохотал и выбежал из церкви.

После вступления Петра III на трон распущенность нравов при дворе стала всеобщей. М. М. Щербатов писал: "Не только государь, угождая своему любострастию, тако благородных женщин употреблял, но и весь двор в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни от родственников, любовников себе искали... И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякого рода роскошь и пьянство составляло отличительные черты и умоначертания двора, откуда они уже разлились и на другие состояния людей..."

Все это происходило на глазах сотен свидетелей, и не только не прикрывалось, не пряталось от них, но к нагло выпячивалось, демонстрировалось с бравадой и дерзким вызовом.

Особенно гордился и хвастал своими многочисленными победами сам император, с удовольствием сообщая о них жене. Что же касается Екатерины, то она свою связь с Григорием Орловым хранила в глубочайшей тайне, и эта тайна становилась тем сокровеннее, чем ближе подходили роды. Таким образом Екатерина представала перед двором чистой и нравственной страдальцей, а Петр Федорович выглядел таким козлоногим сатиром, сексуальным маньяком и беспробудным пьяницей. И, как мы знаем, тайну своей беременности и даже родов она сохранила.

Однако же в доме банкира Кнутцена скрывалась не только эта тайна...

* * *

Григорий Орлов и два его брата – Алексей и Федор – все чаще стали поговаривать о том, что престол должен принадлежать Екатерине и надобно от слов переходить к делу – готовить гвардию к перевороту.

Настроения такого рода исходили не только от них. Еще в декабре 1761 года, когда дни Елизаветы Петровны уже были сочтены, с Екатериной Алексеевной имел доверительный разговор воспитатель Павла Петровича граф Никита Иванович Панин. Он сказал, что Петра Федоровича следует отрешить от наследования трона, короновав его малолетнего сына, и поручить регентство ей. А в день кончины Елизаветы Петровны к Екатерине приехал капитан гвардии князь Михаил Иванович Дашков, женатый на племяннице Н. И. Панина – Екатерине Романовне Воронцовой, родной сестре фаворитки Петра, Елизаветы, – и сказал; "Повели, мы тебя взведем на престол". Тогда Екатерина отказалась, понимая, что такого рода предприятие не совершается экспромтом и его следует тщательно и надежно готовить. Однако мысли об этом не оставляли ее ни на минуту; она понимала, что у нее нет выхода – Петр Федорович либо заточит ее в тюрьму, либо насильно пострижет в монастырь, чтобы затем немедленно жениться на Елизавете Воронцовой и вместе с ней короноваться на царство.

Думая о подготовке государственного переворота, Екатерина все свои надежды связывала с гвардией. К этому времени гвардейцев переодели в мундиры прусского образца и по многу часов в день гоняли на плацу, на вахт-парадах и смотрах. Гвардейцы были раздражены, унижены, озлоблены.

Особенно бурное негодование овладело ими, когда был заключен мир с Пруссией, зачеркнувший все победы русских в Семилетней войне. Двадцать четвертого апреля 1762 года канцлер М. И. Воронцов с русской стороны и прусский посланник в Петербурге, адъютант Фридриха II, полковник и действительный камергер барон Бернгард-Вильгельм Гольц, подписали "Трактат о вечном между обоими государствами мире". Россия брала обязательство никогда не воевать с Пруссией и "принимать участие в войне его величества короля Прусского с неприятелями его", обязывалась в течение двух месяцев вернуть Фридриху II все захваченные у него "земли, города, места и крепости".

Еще один трактат был подписан Воронцовым и Гольцем через полтора месяца – 8 июня 1762 года. В нем шла речь об оборонительном союзе России и Пруссии и впервые говорилось о защите православных и лютеран, проживающих в Литве и Польше, обоими государствами-гарантами, что в дальнейшем привело к трем разделам Речи Посполитой.

Разумеется, подписание трактатов не обошлось без грандиозных пиров. Присутствовавший на них французский посланник писал в своем донесении в Париж: "Все видели русского монарха утопающим в вине, не могущего ни держаться, ни произнести ни слова и лишь бормочущего министру-посланнику Пруссии пьяным тоном: "Выпьем за здоровье нашего короля. Он сделал милость поручить мне полк для его службы. Я надеюсь, что он не даст мне отставки. Вы можете его заверить, что, если он прикажет, я пойду воевать в ад".

А дело было в том, что по случаю подписания мира Фридрих II произвел русского императора в прусские генерал-майоры и дал ему под команду полк. Это событие стало главной темой застольных выступлений Петра III. Их нелепость была настолько очевидной, что граф Кирилл Разумовский, не выдержав, заметил: "Ваше величество с лихвою можете отплатить ему – произведите его в русские фельдмаршалы".

Во время пира Петр III предложил тост за августейшую фамилию. Все встали. Одна Екатерина продолжала сидеть. Петр послал генерал-адъютанта Гудовича спросить ее, почему она позволяет себе такое поведение.

Екатерина ответила, что так как августейшая фамилия – это император, она сама и их сын, то пить ей стоя не подобает. Петр, выслушав ответ, закричал через весь стол: "Дура!" Екатерина заплакала. Вечером Петр приказал своему адъютанту князю Барятинскому арестовать императрицу в ее покоях. "Испуганный Барятинский медлил исполнением и не знал, как ему быть, когда в прихожей повстречался ему дядя императора, принц Георгий Голштинский. Барятинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился перед ним на колени и насилу уговорил отменить приказание".

Новелла 9. Кружева заговора

И хотя все кончилось на этот раз благополучно, Екатерина понимала, что Петр Федорович не оставит мысли расправиться с ней, и решила принять контрмеры. Самой кардинальной мерой могло быть лишение Петра III престола.

А тучи нависали не только над Екатериной. Во-первых, Петр III отдал приказ корпусу З. Г. Чернышова, который совсем недавно брал Берлин, идти в Австрию и стать там под начало прусского главного командования для совместной борьбы против австрийцев – вчерашних союзников русских. Во-вторых, была объявлена война Дании в защиту интересов Голштинии. Вторая война казалась не менее нелепой, чем первая, ибо речь шла о борьбе за

кусок болота – так, во всяком случае по российским масштабам, воспринимался спор по поводу крохотного клочка приграничной территории с Шлезвигом.

Мир с Пруссией, война с Австрией и Данией, твердое намерение Петра III отправить в Данию гвардейские полки возмутили гвардейцев, большинство двора и сделали вопрос о свержении ненавистного всем императора практической задачей.

Главным действующим лицом готовившегося заговора стала Екатерина. Она одна знала всех его участников, но позволяла каждому из них знать только то, что касалось непосредственно того круга лиц, в который тот входил сам. Екатерина никому не сообщала ни стратегии задуманного предприятия, ни тактических приемов и частностей.

Гнездом заговорщиков стал дом банкира Кнутцена, где квартировал Григорий Орлов. К нему часто навещались Алексей и Федор, служившие в Преображенском и Семеновском полках. Каждый из них исподволь пропагандировал солдат и офицеров своего полка в пользу Екатерины, распространял слухи, в свете которых она выглядела благодетельницей России, средоточием разума, доброты и правды, а ее муж – слабоумным монстром, врагом дворянства и ненавистником гвардии. Рассказы эти подкреплялись небольшими безвозвратными денежными субсидиями, которые Алексей и Федор давали гвардейцам от имени Екатерины.

О происхождении этих денег братья ничего не знали, Екатерина же получила их через своего агента Одара от купца – англичанина Фельтена.

Предоставленный ей кредит составлял 100 000 рублей.

Наиболее расположенным в пользу Екатерины оказался третий лейб-гвардейский полк – Измайловский, где служили пять офицеров, вовлеченных в заговор с первых его дней.

Активным участником заговора стал уже упоминавшийся капитан гвардии князь М. И. Дашков. За ним стоял его дядя по матери – Никита Иванович Панин, воспитатель цесаревича Павла. Панин был сторонником аристократической олигархии, ограничивавшей абсолютное самодержавие, и планировал создать регентский совет во главе с Екатериной для управления государством после свержения Петра III.

Об этом Панин сугубо конфиденциально поделился с Екатериной, но разговор поначалу не получил никакого развития. И все же Панин не оставлял увлекавшей его идеи, беспокоясь за судьбу своего семилетнего воспитанника, которого он искренне любил. Панин понимал, что если Екатерина попадет в крепостной каземат, то рядом с ней окажется и Павел, ибо Петр Федорович не считал его своим сыном.

Заговор созрел, но Панин на первых порах не был вовлечен в него. Между тем одну из первых ролей в подготовке рискованного и опасного предприятия стала играть жена князя М. И. Дашкова – Екатерина Романовна. Ее отцом был граф Роман Илларионович Воронцов, а великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов – дядей.

А о старшей сестре Екатерины Романовны, любовнице Петра III – Елизавете Романовне, мы уже знаем.

Близость родителей Екатерины Романовны к императорской фамилии послужила причиной того, что ее крестной матерью была Елизавета Петровна, а крестным отцом – Петр Федорович. Воспитывалась она в доме дяди М. И. Воронцова вместе с его дочерью, получила блестящее образование и на всю жизнь сохранила страстную привязанность к наукам и книгам.

О ее любви к чтению узнал Иван Иванович Шувалов и стал присылать любознательной девочке книги из своей богатой библиотеки. Потом считалось, что в России среди женщин по начитанности и образованности не

было равных Е. Р. Дашковой и самой Екатерине Алексеевне. Именно этот интерес к книгам и сблизил двух женщин в начале 1759 года, когда Екатерина Алексеевна заехала поужинать к М. И. Воронцову. Вспоминая об этой первой встрече с Екатериной, Дашкова писала: "Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу, а очарование, исходившее от нее, в особенности когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и 15 лет, мог противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце... Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила своим разговором. Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренным природой натурам. Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнул для меня, как одна минута. Он и стал первоначальной причиной многих событий..."

Шестнадцати лет Екатерина Романовна вышла замуж за штабс-капитана Преображенского полка, красавца и великана, князя Михаила Ивановича Дашкова, матерью которого была Анастасия Михайловна Леонтьева – племянница матери Петра I Натальи Кирилловны Нарышкиной. Таким образом, М. И. Дашков доводился Петру I двоюродным внучатым племянником. За два года у Дашковых родились дочь и сын, но это не помешало Екатерине Романовне много читать и вести светскую жизнь. Летом 1760 года она еще более сблизилась с Екатериной Алексеевной. Дашкова установила тесные отношения и с родственниками мужа – Еверлаковыми и Леонтьевыми. Ночью, в канун смерти Елизаветы Петровны, Дашкова, больная, тайно проникла во дворец и сказала Екатерине, что она будет верна ей до конца, разделит с нею любые тяготы и пойдет ради нее на любые жертвы. После того как на обеде в честь подписания мира с Пруссией произошел скандал, Екатерина Алексеевна начала расширять круг заговорщиков. Орловы и Дашковы втянули в комплот еще нескольких гвардейских офицеров: преображенцев, капитанов П. В. Пассека, М. Е. Баскакова, С. А. Бредихина, Е. А. Черткова, поручика князя Ф. С. Барятинского, конногвардейца, секунд-ротмистра Ф. А. Хитрово, братьев-измайловцев – премьер-майора Н. И. Рославлева и капитана А. И. Рославлева и других. В заговор был вовлечен и командир Измайловского полка К. Г. Разумовский. Сама Дашкова открылась графу Н. И. Панину и его племяннику, генералу князю Н. В. Репнину. К заговору примкнул возвратившийся в Петербург с театра военных действий генерал князь Михаил Никитич Волконский.

Многие заговорщики были связаны друг с другом родством и свойством, особенно Дашковы и Воронцовы. Кроме военных в заговор вовлекали директора Академии наук Григория Николаевича Теплова, авторитетного иерарха Церкви – архиепископа Новгородского и Великолуцкого Димитрия.

В то время как заговор набирал силу, Петр III вел себя по-прежнему. Дашкова писала о нем: "Поутру быть первым капралом на вахт-параде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля – вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения".

Вместе с тем атмосфера становилась все более напряженной. Пассек даже просил у Екатерины согласия на убийство Петра III. Он и М. Е. Баскаков подстерегали императора с кинжалами около домика Петра Великого в парке на правом берегу Невы, на Петровской набережной, где император любил вечерами прогуливаться с Елизаветой Воронцовой. Часто Петр оставался там ночевать со своей возлюбленной. Заговорщики продумали и другой вариант

покушения – ворваться в домик ночью и арестовать императора, а если будет сопротивляться, то заколоть. Причем ни в коей мере не связывать убийство с императрицей, представив этот акт как их собственную инициативу, согласную с волей народа.

Однажды ночью Дашкову разбудил ее троюродный брат князь генерал Репнин и сказал, что он только что был у императора и при нем Петр III наградил Елизавету Воронцову орденом Святой Екатерины. До сих пор этим орденом награждались только особы императорской фамилии и иностранные принцессы, а так как Елизавета Воронцова иностранной принцессой не была, то не оставалось предполагать ничего иного, кроме того, что она займет место в императорской фамилии.

Такой поворот событий показался Репнину угрожающим, и он не преминул уведомить о том свою кузину.

Вскоре после этого, 27 июня 1762 года, в Преображенском полку один из солдат, знавший о готовящемся заговоре, рассказал об этом капитану П. И. Измайлову, думая, что тот на стороне заговорщиков. Солдат не знал, что Измайлов – один из преданнейших Петру III офицеров, и потому предательство было совершено им по неведению.

Измайлов тут же доложил о том, что узнал, и первым из заговорщиков был арестован капитан Пассек. Об этом тотчас же сообщил Дашковой Григорий Орлов.

В это время Екатерина Алексеевна находилась в Петергофе, и Дашкова опасалась, что если Пассек на допросе расскажет об участии императрицы в заговоре, то ее тут же арестуют. Предупреждая такой оборот событий, Дашкова послала жене камердинера Шкурина записку, чтобы та отправила в Петергоф наемную карету и сообщила бы своему мужу, сопровождавшему императрицу, что эту карету надлежит держать наготове, не выпрягая лошадей, чтобы государыня в случае опасности могла немедленно воспользоваться ею.

Отправив записку, Дашкова накинула офицерскую шинель и поспешила к братьям Рославлевым, жившим неподалеку от ее дома.

По дороге ей встретился мчавшийся во весь опор Алексей Орлов. Он уже побывал у Рославлевых и ехал к ней, чтобы сообщить об аресте Пассека. Дашкова сказала, что она все знает, а теперь следует всем офицерам-измайловцам поспешить в свой полк и ждать там императрицу, ибо именно Измайловский полк стоит ближе всех к Петергофу и Екатерина, выехав оттуда, может рассчитывать прежде всего на поддержку и защиту измайловцев.

"За несколько часов до переворота, – писала потом Е. Р. Дашкова, – никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы: в этот день был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука Провидения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, не подходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества".

Новелла 10. Низложение императора

В ночь на 28 июня Алексей Орлов примчался в Петергоф, Он знал, что Екатерина не живет во дворце, чтобы лишний раз не встречаться с Петром III, бывавшим там наездами. Императрица поселилась в отдаленном от дворца павильоне на берегу канала, впадающего в Финский залив. Под окном

ее спальни стояла большая лодка, на которой в крайнем случае она могла уйти в Кронштадт или спрятаться на берегу, если будут перекрыты дороги. Орлов вывел Екатерину из опочивальни и посадил в карету, присланную Шкуриным. Карета, запряженная восьмериком, понеслась в Петербург. Ворвавшись в расположение Измайловского полка, экипаж Екатерины остановился. Ей навстречу выскакивали полуодетые солдаты и офицеры. Вскоре появился священник и принял от измайловцев присягу на верность Екатерине. Она же, беспомощно протянув к ним руки, с дрожью в голосе говорила, что император приказал убить ее и сына и что убийцы уже гонятся за ней по пятам.

Измайловцы, негодуя, кричали, что все готовы погибнуть за нее и цесаревича Павла.

В это время появились в полку титулованные сторонники Екатерины: генерал-аншеф князь Н. Н. Волконский, П. И. Шувалов, адмирал И. Л. Талызин, бывший близким родственником братьев Паниных, графы Строганов и Брюс, чьи красавицы жены находились возле Ветра III в Ораниенбауме и своим поведением там дали повод мужьям требовать развода. Так что у прозелитов Екатерины было много причин для глубокой личной неприязни к Петру III. Вслед за измайловцами Екатерине присягнули семеновцы и преображенцы. В Преображенском полку под арестом находился Пассек; когда пришли его освободить, он подумал, что это – хитрая инсценировка и что – на самом деле его выпускают только для того, чтобы проследить, к кому он пойдет, а затем выявить и других, связанных с ним участников заговора, и он отказался выходить с гауптвахты. Последними принесли присягу артиллеристы. К 9 часам утра Екатерина, окруженная десятитысячной толпой солдат и офицеров, подъехала к Казанскому собору, куда Н. И. Панин привез и цесаревича Павла.

У собора собралось множество жителей Петербурга – ремесленников, мещан, купцов, чиновников, духовенства. Это стихийно возникшее собрание чем-то напоминало вече и представлялось общенародным форумом, единогласно приветствовавшим Екатерину.

На глазах у всех этих людей архиепископ Новгородский и Великолуцкий Димитрий провозгласил Екатерину самодержавной императрицей, а Павла – наследником престола.

После этого Екатерина возвратилась в Зимний дворец и начала диктовать манифесты. В первом из них, от 28 июня 1762 года, говорилось, что Петр III поставил под угрозу существование государства и Православной Церкви, унизил славу России, "возведенную на высокую степень своим победоносным оружием".

Однако императрице пришлось прервать законотворчество, поскольку Петр III оставался в Ораниенбауме в окружении верных ему голштинцев, а рядом с ним находился верный и храбрый фельдмаршал Миних. Нужно было прежде всего ликвидировать это опасное гнездо, а затем уже заниматься государственными делами. Екатерина, оставив перо, чернила и бумагу, вышла навстречу духовенству, которое прибыло во дворец, чтобы совершить обряд миропомазания. Перед тем священники медленно и торжественно прошли по площади, на которой ровными шеренгами уже стояли тысячи солдат и офицеров при оружии и в полной амуниции.

После церемонии миропомазания Екатерина вышла на Дворцовую площадь в гвардейском мундире, с голубой лентой ордена Андрея Первозванного через плечо. Ей подвели коня, и она легко и грациозно взлетела в седло. Вот когдагодились ей многочасовые уроки верховой езды! На другого коня села княгиня Дашкова, тоже в гвардейском мундире, и ее из-за стройности приняли за юного офицера.

Екатерина объехала выстроившиеся на площади полки и приказала им пройти мимо фасада дворца, а сама вернулась в Зимний. Распахнув окно, она встала в проеме с высоко поднятым бокалом вина, показывая, что пьет за их успех и здоровье. Проходящие полки ревели "ура!" и, весело разворачиваясь и перестраиваясь в походные колонны, направлялись к Петергофу.

Площадь еще не опустела, когда Екатерина уже вновь была на коне и, обогнав двенадцатитысячную колонну, повела ее вперед. В нескольких верстах за городом к колонне примкнул трехтысячный казачий полк, а потом присоединялись все новые роты, эскадроны и батальоны. На ночь войска разбили бивак, а Екатерина и Дашкова переночевали в пригородном трактире, заснув на единственной имевшейся там кровати.

Утром следующего дня двадцатитысячная армия Екатерины вошла в Петергоф. Город был пуст, так как голштинцы Петра III загодя отошли к Ораниенбауму. Прежде чем к Петергофу подошли главные силы Екатерины, туда в 5 часов утра примчался гусарский отряд под командованием Алексея Орлова.

Голштинцев перед городом уже не было, а гусары Орлова увидели на окраинах Петергофа толпы крестьян, вооруженных вилами и косами, которых пригнали туда по приказу Петра III для борьбы с узурпаторшей Екатериной. Увидев скачущих на них гусар с обнаженными палашами, крестьяне разбежались, и отряд Орлова вошел в Петергоф.

Вскоре на улицы вступила и армия Екатерины.

Большой Петергофский дворец превратился в военную ставку и императорскую Главную квартиру. Десятки сановников и придворных, еще большее число офицеров и генералов сновали по многочисленным комнатам и залам. У дверей в апартаменты Екатерины и у всех входов и выходов стояли часовые, по коридорам бегали посыльные и курьеры. И едва ли не больше всех носилась из конца в конец дворца Дашкова. Ее знали уже почти все и беспрепятственно пропускали в любые покои. Возвращаясь из комнат голштинской принцессы – родственницы Екатерины, – Дашкова вошла в покой императрицы.

Каково же было ее удивление, когда она вдруг увидела Григория Орлова, лежавшего на канapé и вскрывавшего толстые пакеты. Такие пакеты Дашкова видела в кабинете своего дяди-канцлера и знала, что они поступают из Кабинета его императорского величества. Дашкова спросила Орлова, что он делает.

– Императрица повелела мне открыть их, – ответил Орлов.

Дашкова очень удивилась увиденному и выразила сомнение в том, что Орлов что-нибудь поймет в этих бумагах.

Затем она побежала дальше, а возвратившись, увидела возле канapé, где лежал Орлов, стол, сервированный на три куверта. Вошедшая к ним Екатерина пригласила ее и Орлова к столу. По поведению императрицы и Орлова во время обеда Дашкова поняла, что они – любовники. С этого момента стремление первенствовать сделало сотрапезников Екатерины непримиримыми врагами, а победителем в этом противоборстве оказался Григорий Орлов.

* * *

Петр III, узнав, что в Петербурге произошел дворцовый переворот, заметался между Петергофом, Ораниенбаумом и Кронштадтом, но, обнаружив, что все пути перекрыты, решил капитулировать и вручил текст отречения от престола генералу Измайлову с приказом отдать его лично в руки Екатерины, чьи войска уже заняли недалекий от Ораниенбаума Петергоф.

Измайлов уехал и, передав бумаги, тут же принес присягу на верность и был тотчас же отправлен обратно с приказом арестовать Петра.

Измайлов прибыл в Ораниенбаум вместе с отрядом, которым командовал генерал-поручик Василий Иванович Суворов. Его солдаты собрали оружие, арестовали наиболее опасных офицеров, а сам Суворов возглавил работы в Ораниенбаумском дворце, где составлялась точная опись находившихся там денег и драгоценностей. Суворов разделил солдат и унтер-офицеров-голландцев на две части – уроженцев России и собственно голландцев. Первых он привел к присяге, а вторых под конвоем отправил в Кронштадт, где их заключили в бастионы. Офицеров и генералов отпустили на их квартиры под честное слово.

Петра Федоровича, Елизавету Воронцову и Гудовича Измайлов привез в Петергоф. Как только их карета появилась в городе, солдаты стали кричать "Да здравствует Екатерина!" Когда они подъехали к плавному подъезду Большого дворца Петр лишился чувств. С Елизаветы Воронцовой солдаты сорвали украшения, Гудовича побили, а Петр, придя в себя в ярости сорвал шпагу, ленту Андрея Первозванного, ботфорты и мундир и сел на траву босой, в рубашке и исподнем белье, окруженный хохочущими солдатами. По распоряжению Панина Гудовича увели в один из флигелей, а Петра и Елизавету Воронцову привели во дворец. Панин рассказывал впоследствии датскому посланнику Ассбурггу, что он, увидев Петра, "нашел его утопающим в слезах". И пока Петр старался поймать руку Панина, чтобы поцеловать ее, любимица его, Елизавета Воронцова, бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при бывшем императоре. Петр тоже просил об этом. Кроме аудиенции с Паниным, никаких других ветрея у Петра не было. Воронцову увели, поместив в одном из павильонов, а Петра накормили обедом и велели ждать решения императрицы. Во встрече с Екатериной ее супругу было решительно отказано.

Воронцова продолжала умолять всех, кого видела, отпустить ее к Петру, хотя бы ее ожидал вместе с ним Шлиссельбург, но Екатерина велела выслать фаворитку в одну из подмосковных деревень. Гудовича отправили в его черниговскую вотчину.

Что же касается самого Петра III, то было решено, что временно, как ему на первых порах было обещано, поедет он в Ропшу на его собственную мызу, подаренную ему Елизаветой Петровной.

В 8 часов вечера 29 июня Петра Федоровича в сопровождении сильного кавалерийского отряда привезли в Ропшу. Его поместили в спальне, а к дверям приставили часового. Сам же дворец охранялся солдатами со всех сторон. Окна в спальне были занавешаны зелеными гардинами, чтобы из сада не была видно, что происходит внутри. Петра не пускали не только в сад, но даже в другую комнату.

Переслав ночь, Петр потребовал собственного врача Лидерса, но тот боялся, что если он приедет в Ропшу, то потом разделит с бывшим императором его судьбу: заключение в Шлиссельбург или ссылку.

В Ропше, в первую ночь, Петр заснул лишь под утро. Он долго и тихо плакал, по-детски жалея себя, досадуя, что лежит не в своей постели, а в – чужой, жесткой неудобной, что нет с ним любимой собаки, нет арапа – карлы Нарцисса, нет доктора, нет камердинера. Он ворочался без сна чуть ли не до утра, а проснувшись около полудня, попросил перо, чернил, бумаги и написал своей жене, чтобы все это прислали к нему. Кроме того, он просил еще любимую скрипку, от звуков которой Екатерина не находила места, когда Петр Федорович пытался играть в соседнем с ее спальней покое.

Первого июля все было нормально: Алексей Орлов даже играл в карты с Петром и одолжил бывшему императору несколько червонцев, заверив, что распорядится дать ему любую сумму. Но карты картами, а все прочее

выглядело очень уж непривлекательно. К вечеру Петр почувствовал недомогание, а ночью заболел.

О тех днях повествуют три записки, отправленные Петром Екатерине. Письменных – ответов на них нет, по-видимому, Екатерина довольствовалась устными через Алексея Орлова. А вот записки Петра Федоровича сохранились. Приводим их полностью:

"Сударыня, я прошу ваше величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как вам известно, что я всегда хожу по комнате, то от этого у меня распухнут ноги. Еще я вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности, – это для меня невозможно; в остальном я прошу ваше величество поступать со мной по меньшей мере как с большим злодеем, не думая – никогда его этим оскорбить. Отдаваясь вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог вам заплатит непременно. Ваш нижайший слуга Петр.

P. S. Ваше величество может быть уверена во мне, что я не подумаю ничего, не сделаю ничего, что могло бы быть против ее особы или ее правления". Достаточно задуматься лишь над единственным штрихом этой картины, и нам все станет ясно: Петра беспрерывно унижали, не давая ему даже справить "естественные надобности" и глумясь над его застенчивостью. Ему, уже больному, не давали выйти в парк и лишая всяческого общения с близкими людьми. Тем не менее он, уже официально отрекшийся от престола, униженно заверяет Екатерину в рабской покорности ее воле.

Вторая записка: "Ваше величество, если вы совершенно не желаете смерти человеку, который уже достаточно несчастен, имейте ко мне жалость и оставьте мне мое единственное утешение – Елизавету Романовну. Вы сделаете этим большое милосердие вашего царствования; если же ваше величество пожелало бы меня видеть, то я был бы совершенно счастлив. Ваш нижайший слуга Петр".

И наконец, третья, написанная по-русски в отличие от предыдущих, написанных на французском языке.

"Ваше величество, я еще прошу меня, который в вашей воле неполна во всём, отпустить меня в чужие края с теми, о которых я, ваше величество, прежде просил. И надеюсь на ваше великодушие, что вы меня не оставите без пропитания.

Преданный вам холоп Петр".

Петр серьезно и тяжело болел пять суток. Врач Лидерс появился только вечером 3 июля, когда истекал уже четвертый день болезни. Задержка с врачом объяснялась тем, что его не сразу отыскали, а затем он долго не соглашался ехать в Ропшу, опасаясь за свою судьбу... Лидерс ограничился сначала тем, что, выслушав посланца, отправил больному лекарство, заверив, что болезнь не опасна и ему в Ропше делать нечего.

Однако болезнь развивалась, и 3 июля Лидерс вынужден был приехать к Петру Федоровичу. 4 июля больному стало еще хуже, и к нему приехал еще один врач – штаб-лекарь Паульсен.

Сохранились три записки командира отряда и начальника ропшинской охраны Алексея Орлова, по которым можно проследить за ходом болезни Петра Федоровича и развитием событий в Ропше.

Первое сообщение: "Матушка, милостивая государыня, здравствовать Вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила его нечаянная колика, а я опасаясь, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаясь, чтоб не ожил. Первая опасность – для того, что он все

вздор говорит, и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен, для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть..." Далее Алексей Орлов сообщал, что он выдал жалованье за полгода солдатам и офицерам из команды, охраняющей Петра III, "кроме одного Потемкина, вахмистра, для того, что служил без жалованья". (Это был тот самый Григорий Александрович Потемкин, который через двенадцать лет станет могущественнейшим из фаворитов Екатерины II, светлейшим князем и фельдмаршалом.)

"И многие солдаты, — писал далее Орлов, — сквозь слезы говорили, что они еще не заслужили такой милости".

Впрочем, вскоре они эту милость отработали сполна, что и подтвердили события, происшедшие немного позже.

Во втором сообщении Орлов писал: "Матушка наша, милостивая государыня! Не знаю, что теперь начать, боясь гнева от вашего величества, чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России, также и закона нашего (православия). А теперь и тот, приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера и почти совсем уж в беспмятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорее с наших рук убрался. А оный же Маслов и посланный офицер могут вашему величеству донести, в каком он состоянии теперь, ежели бы обо мне усумниться изволили. Писал сие раб ваш верный..." Вторая записка осталась без подписи. Вернее, подпись была, но чья-то рука ее оборвала. А вот почерк — Алексея Орлова.

Вероятно, вторая записка была сочинена и отослана утром в субботу 6 июля, потому что именно тогда был схвачен Маслов, камердинер Петра Федоровича. Петр еще спал, когда Маслов вышел в сад, чтобы подышать свежим воздухом. По-видимому, к утру 6-го Маслову стало лучше, и он, оставив постель, пошел прогуляться. Однако дежурный офицер, увидев в этом нарушение режима, приказал схватить Маслова, посадить его в приготовленный экипаж и вывезти из Ропши вон.

Вечером того же дня из Ропши в Петербург примчался нарочный и передал в собственные руки Екатерины еще одну записку от Алексея Орлова. Она написана на такой же бумаге, что и предыдущая, и тем же почерком. Эксперты полагают, что почерк был "пьяным".

"Матушка, милосердная государыня! — писал Орлов. — Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором (Барятинским). Не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил. Прогневали тебя и погубили души навек".

Получив известие о смерти Петра Федоровича, Екатерина приказала привезти его тело в Петербург и учинить вскрытие. Оно показало, что отравления не было.

Убедившись в этом, Екатерина выдвинула официальную версию, изложив ее в манифесте от 7 июля 1762 года. В нем сообщалось, что "бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику". Больному, говорилось в манифесте, было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления,

"но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался".
Что же произошло на самом деле? Георг фон Гельбиг называет убийцами Петра III Алексея Орлова, его двоюродного брата Григория Никитича Орлова, Федора Бярятинского, Теплова, Волкова и Энгельгардта. Последний, как утверждает Гельбиг, и был именно тем человеком, который умертвил Петра III. Он писал, что все эти лица поехали в Ропшу, чтобы "собственноручно умертвить его в случае, если яд, который ему дадут, не скоро убьет его. Так как яд не действовал, потому что Петр пил теплое молоко, то убийцы решились задушить его... Они обвязали шею Петра платком, и так как он стал кричать, то покрыли матрацем, после чего крепко затянули платок. Именно Энгельгардт сделал последнее усилие, которое лишило жизни злосчастного монарха".
Сказания о Екатерине Великой

Новелла 1. Григорий Григорьевич Орлов

Воцарение Екатерины было внезапным, и потому коронация не терпела отлагательств. Организацию всех связанных с нею торжеств взял на себя Григорий Григорьевич Орлов. И нужно заметить, справился с делом, ему порученным, очень хорошо.

В пятницу, 13 сентября, Екатерина Алексеевна торжественно въехала в Москву для совершения коронации. Первопрестольная встречала ее звоном колоколов и грохотом пушек. Она ехала в открытой коляске, окруженная эскортом конногвардейцев.

Церемония коронации началась 22 сентября в 10 часов утра, когда Екатерина из Успенского собора прошла в Архангельский и Благовещенский, где прикладывалась к святым мощам и почитаемым иконам. Во время ее шествия по Кремлю полки "отдавали честь с музыкою, барабанным боем и уклонением до земли знамен, народ кричал "ура", а шум и восклицания радостные, звон, пальба и салютация, кажется, воздухом подвигли, к тому ж по всему пути метаны были в народ золотые и серебряные монеты"

Коронационные торжества продолжались семь дней. В первый день в Кремле бесплатно угощали жареным мясом, продолжали бросать монеты, три часа фонтаны били белым и красным вином. То же самое происходило и на седьмой день торжеств, а затем перешло в празднество партикулярное в домах московской знати.

Хлебосольная и щедрая Москва превзошла сама себя – балы, парадные обеды, маскарады, фейерверки и прочие увеселения длились более полугода – с октября 1762 до июня 1763 года.

Вскоре обнаружился заговор против Григория Орлова. Объектами недовольства, нападок и даже готовившихся покушений были две государственные персоны – императрица и ее фаворит. Опасность еще более сблизила их, и у любовников появилась мысль обвенчаться, тем более что еще до убийства Петра III Екатерина допускала возможность брака с Григорием Орловым.

Чтобы облегчить выполнение этого намерения, Екатерина решила обнародовать документы о венчании Елизаветы Петровны и Разумовского. Однако, когда посланцы императрицы приехали к Алексею Григорьевичу и попросили показать им соответствующий документ, Разумовский, человек умный и осторожный, открыл ларец с документами и на глазах у нежданных гостей бросил какие-то бумаги в огонь камина. Не все тогда поняли этот поступок: ведь обнародование факта его супружества с Елизаветой Петровной повлекло бы уравнение в правах с членами императорской фамилии, он получил бы титул

императорского высочества. Но Разумовскому было чуждо честолюбие, он не хотел бросать тень на любимую им покойную императрицу.

Тогда в игру включился поверенный в сердечных делах Екатерины, бывший канцлер граф Алексей Петрович Бестужев, первым из сановников удостоенный Екатериной II звания генерал-фельдмаршала.

Во время коронационных торжеств в Москве он составил челобитную на имя императрицы, "в которой ее всеподданнейше, всепочтительнейше и всенижайше просили избрать себе супруга ввиду слабого здоровья великого князя". Несколько вельмож поставили свои подписи под этой челобитной, когда же дело дошло до М. И. Воронцова, он не только не подписал ее, но тотчас же поехал к императрице и сказал ей, что "народ не пожелает видеть Орлова ее супругом".

Екатерина, как утверждает Е. Р. Дашкова, вняла голосу "народа" и сказала, что челобитная была плодом самодеятельности Бестужева, что она не имеет к ней никакого отношения и не собирается брать себе в мужа Григория Орлова.

Меж тем Григорий Орлов был пожалован германским императором Францем I Габсбургом титулом князя Священной Римской империи, и это вызвало новые опасения, что фаворит может оказаться на троне.

Главой недовольных Григорием Орловым стал камер-юнкер и секунд-ротмистр конной гвардии Федор Хитрово, которого Дашкова называла "одним из самых бескорыстных заговорщиков". Хитрово по неосторожности поделился своими соображениями о замышляемом заговоре с собственным двоюродным братом Ржевским. Он сообщил, что привлек еще двух офицеров – Михаила Ласунского и Александра Рославлева. Все они, говорил Хитрово, будут умолять государыню отказаться от брака с Григорием Орловым, а если она не согласится, то убьют всех братьев Орловых. Перепуганный Ржевский пересказал это Алексею Орлову, и Хитрово арестовали.

Двадцать четвертого мая 1763 года Екатерина II, находившаяся на богомолье в Ростове Великом, направила В. И. Суворову секретнейшее письмо о производстве негласного следствия по делу секунд-ротмистра, камер-юнкера Федора Хитрово, рекомендуя "поступать весьма осторожно, не тревожа ни город и сколь можно никого; однако таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием... Впрочем, по полкам имеете уши и глаза".

Следствием было установлено, что Хитрово с небольшим числом сообщников видел главного виновника всего происходившего в Алексее Орлове, ибо "Григорий глуп, а больше все делает Алексей, и он великой плут и всему оному делу причиною". Было установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики посягать не намеревались, а планировали лишь устранить братьев Орловых.

Поэтому Екатерина ограничилась тем, что сослала главного заговорщика Федора Хитрово в его имение, в село Троицкое Орловского уезда, где он и умер 23 июня 1774 года. Единомышленников Хитрово – Михаила Ласунского и Александра Рославлева – уволили с военной и дворцовой службы с чином генерал-поручика.

И все же Екатерина решила передать вопрос о своем замужестве на усмотрение Сената. На его заседании встал сенатор граф Н. И. Панин, воспитатель цесаревича Павла Петровича, и сказал:

– Императрица может делать все, что ей угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей...

Панина тотчас же поддержал К. Г. Разумовский, Правда, потом поговаривали, что все происшедшее в Сенате было подстроено самой Екатериной по договоренности с Паниным, чтобы противостоять настоятельным просьбам

Орлова вступить с ним в брак. Екатерина уже понимала всю несостоятельность этой затеи, хотя всем сердцем продолжала любить Григория.

Из множества характеристик, данных современниками и историками Григорию Орлову, приведем прежде всего принадлежащую его биографу

А. А. Голомбиевскому: "Природа щедро одарила Орлова. "Это было, — по выражению императрицы, — изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа". Высокий и стройный, он, по отзыву Екатерины, "был самым красивым человеком своего времени". Превосходя красотой, смелостью и решительностью всех своих братьев, Григорий не уступал никому ни в атлетическом сложении, ни в геркулесовой силе. При этом Григорий был, несомненно, добрый человек с мягким и отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, неспособный затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, поэтому казался менее умным, чем был. Способный, но ленивый, Григорий обладал умом несамостоятельным и неглубоким, но чутким к вопросам, которые его интересовали. Схватив на лету мысль, понравившуюся ему, быстро усваивал суть дела и нередко доводил эту мысль до крайности. Часто вспыльчивый, всегда необузданный в проявлении своих страстей, он обладал веселым и ветреным нравом, любил кулачные бои, состязания в беге и борьбе и охоту на медведя один на один".

К этой характеристике можно присоединить еще одну, высказанную английским посланником лордом Каткартом: "Орлов — джентльмен, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом".

Английскому посланнику вторил соотечественник Григория Орлова, суровый критик своего времени, желчный и брюзгливый князь М. М. Щербатов. Он отличал Григория Орлова от многих других современников, признавая за ним ряд прекрасных качеств. В записке "О повреждении нравов в России" Щербатов писал; "Во время случая Орлова дела шли довольно порядочно, и государыня, подражая простоте своего любимца, снисходила к своим подданным. Люди обходами не были обижены, и самолюбие государево истинами любимца укрощаемо часто было... Орлов никогда не входил в управление не принадлежавшего ему места, некогда не льстил своей государыне, к которой неложное усердие имел, и говорил ей с некоторою грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце; старался и любил выискивать людей достойных... Ближних своих любимцев не любил иначе производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить Отечеству и в опаснейшие места употреблять".

В дожде благоденствий, пролившемся на Григория Орлова, были две прекрасные богатые мызы, расположенные неподалеку от Петербурга, — Гатчина и Ропша. А помимо этого Григорий Григорьевич получал от императрицы большие суммы денег, чаще всего выдаваемые ему на именины (25 января) и на день рождения (6 октября). Екатерина дарила Орлову всякий раз от 50 до 150 000 рублей.

По ее ходатайству он стал князем Римской империи, что и было подтверждено дипломом от 21 июля 1763 года. Тогда же он возглавил "Канцелярию опекунов иностранных", то есть иностранцев, переселившихся в Россию. В январе 1765 года Орлов был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а 14 марта того же года — генерал-фельдцейхмейстером и генерал-директором над фортификациями, заняв сразу две важнейшие должности — командующего артиллерией и командующего инженерными войсками.

Проводя год за годом рядом с Екатериной, Орлов стал много читать и увлекся естественными науками, отдавая предпочтение физике. Он вступил в переписку с Жан-Жаком Руссо, дружил с директором Академии наук Г. Н. Тепловым и с особой приязнью относился к Ломоносову, а в 1765 году стал первым президентом Вольного экономического общества.

А когда великий ученый 4 апреля 1765 года умер, то все его бумаги Григорий Григорьевич выкупил у вдовы покойного, тщательно разобрал и бережно хранил. Из дневника Семена Андреевича. Порошина, воспитателя цесаревича Павла, известно, что Орлов высказывал основательные познания в физических свойствах золота.

ботанике, химии, анатомии, геометрии и астрономии. В Летнем дворце Орлов устроил обсерваторию и часто наблюдал за звездным небом.

Четырнадцатого декабря 1766 года был опубликован манифест о выборах депутатов в Комиссию об уложении от всех свободных сословий России для выработки нового свода законов.

Комиссии об уложении, более известные под именем Уложенных комиссий, существовали в России с начала XVIII века. С 1700 по 1754 год существовало шесть Уложенных комиссий, работавших над созданием свода законов. Однако ни одна из них не преуспела. Поэтому Екатерина решила еще раз собрать Комиссию об уложении, чтобы довести дело до конца. Свод законов создавали депутаты от всех народов и сословий страны, кроме крепостных крестьян, интересы которых представляли их владельцы. Всех пятерых братьев Орловых избрали депутатами от уездов, где у них были имения. Григорий Орлов представлял дворян Копорского уезда Петербургской губернии.

Пока шли выборы, Екатерина и ее фаворит путешествовали по Волге. 2 мая 1767 года их галеры вышли из Твери и пошли вниз по реке через Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань и Симбирск, где путешественники пересели в экипажи и вернулись в Москву.

На остановках путешественники осматривали заводы и фабрики, монастыри и церкви, мастерские и соляные варницы. В Нижнем Новгороде Орлов познакомил императрицу с замечательным механиком-самоучкой И. И. Кулибиным.

В дороге Екатерина и Орлов размышляли над тем, какие законы могли бы улучшить положение дел в России. Именно в эти дни императрица начала интенсивно разрабатывать свой знаменитый "Наказ", представленный потом депутатам Уложенной комиссии. Орлов для "Наказа" переводил одну из глав романа Мармонтеля "Велизарий".

Екатерина в каждом из городов, в монастырях и селах принимала челобитные, выслушивала жалобы, решала различные дела и тяжбы, беседовала с губернаторами, помещиками и крестьянами, попами и купцами, с русскими и инородцами.

Двадцать второго июня, находясь в Москве, Екатерина сообщила сенаторам, что за время путешествия она получила шестьсот челобитных и почти все они содержали жалобы крестьян на помещиков и споры между иноверными народами о землях.

Тридцатого июля 1767 года в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное открытие заседаний Уложенной комиссии. В конце церемонии Екатерина II вручила генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому заверченный ею накануне "Наказ", состоявший из 22-х глав и 655-ти статей, большей частью построенных на трудах французских философов-просветителей.

На следующий день 420 депутатов собрались в Грановитой палате, чтобы тайным голосованием избрать маршала Уложенной комиссии. Им был избран Григорий Орлов, но он отказался от столь высокой чести "за множеством

дел, возложенных на него ее императорским величеством", и тогда маршалом избрали костромского депутата генерала А. И. Бибикова.

Потом фаворит оказался одним из трех чтецов, которые по очереди читали "Наказ". Депутаты с прилежанием, вниманием и восхищением слушали сочинение императрицы и на следующем заседании решили поднести ей новый титул. Поступило несколько предложений, но принята была редакция Григория Орлова – "Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества".

Двенадцатого августа одиннадцать депутатов и маршал Бибиков поднесли Екатерине новый титул, но она поручила вице-канцлеру князю А. М. Голицыну заявить от ее имени: "О званиях же, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла: на сие ответственую: 1) на "Великая" – о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) "Премудрая" – никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр; 3) "Матери Отечества" – любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимую от них есть мое желание".

Сама же она сказала:

– Надобно господам депутатам обсуждать и составлять законы, а не заниматься моей анатомией.

Неудовольствие Екатерины охладило пыл ревностного фаворита, обычно не отличавшегося угодливостью, и после этого Орлов выступал в Комиссии всего один раз.

Комиссия об уложении в январе 1769 года была распущена из-за войны с Турцией. Орлов, оставаясь при дворе, по-прежнему участвовал во многих важных государственных делах, однако осенью 1771 года совершил деяние, навсегда вписавшее его имя в историю России и особенно Москвы.

* * *

Летом 1770 года в Закарпатье и Подолии вспыхнула эпидемия чумы, занесенная с юга, с Дунайского театра военных действий. В декабре того же года, несмотря на все защитные меры, чума появилась в Москве.

В начале сентября 1771 года смертность в Москве достигла тысячи человек в день. Дворяне уехали в свои подмосковные имения, а 14 сентября оставил столицу и престарелый московский главнокомандующий фельдмаршал П. С. Салтыков. На следующий день в Москве начался бунт.

Поводом к началу бунта стал архиепископский запрет собираться у чудотворной иконы Боголюбской Богородицы у Варварских ворот, прикладываться к ней и давать деньги в церковную кружку. Это вызвало негодование многих тысяч москвичей. В 8 часов вечера 15 сентября ударили в набат, и толпы простолюдинов с кольями, топорами, дубинами сбегались к Ильинским и Варварским воротам, а затем ворвались в Кремль, отыскивая архиепископа Амвросия, который успел бежать в Донской монастырь. На следующий день толпы бунтарей ворвались и в Донской монастырь, где скрылся Амвросий, нашли его там и зверски убили. После этого мятежники снова пошли к Кремлю, но все его ворота оказались запертыми, а когда толпа пошла на штурм, ее отбили пушечным огнем и кавалерийской атакой. На помощь Москве из Петербурга форсированным маршем двинулись четыре полка лейб-гвардии под общим командованием Григория Орлова. Он въехал в Москву 26 сентября и расположился с огромной свитой в бывшем Лефортовском дворце. Однако через несколько дней дворец был подожжен злоумышленниками, но это не ожесточило Орлова. Он приводил город в спокойствие не репрессиями, а умиротворением. Орлов увеличил число больниц, работавшим там крепостным крестьянам обещал вольную. Выздоровевших при выходе из больницы снабжали бесплатным питанием и одеждой. На Таганке открыли

сиротский приют для детей, оставшихся без родителей. Было сожжено более трех тысяч ветхих домов, где прежде жили больные, а шесть тысяч домов подвергли дезинфекции.

Смертной казни предали лишь четверых убийц архиепископа Амвросия, 170 смутьянов высекли кнутом и розгами, а затем отправили либо на галеры, либо на казенные работы. Следует заметить, что судьи действовали небезоглядно, оправдав более сотни привлеченных к суду.

Пробыв в Москве около трех недель и решительно изменив ситуацию к лучшему, Орлов возвратился в Петербург как триумфатор.

Было известно, что он не просто был послан в Москву, но вызвался поехать добровольно. Об этом оповещала надпись, выбитая на мраморной доске и установленная на Триумфальных воротах у Царского Села, выстроенных в честь спасителя Москвы.

* * *

Однако, несмотря на оказанные милости, Орлов заметил, что за время его отсутствия в Петербурге многое переменялось. В Совете теперь уже гораздо больше говорили о мире, чем о войне, и было ясно, что верх одержала партия Н. И. Панина, сторонника скорейшего заключения мира с Турцией. В начале 1772 года было решено начать переговоры, и во главе русской делегации был поставлен Григорий Орлов. Вторым лицом определен Алексей Михайлович Обрезков, опытный дипломат, долгие годы служивший русским послом в Константинополе.

Орлову перед отправлением на переговоры было подарено несколько парадных кафтанов, один из которых, усыпанный бриллиантами, стоил миллион рублей. Его свита напоминала царский двор и насчитывала со слугами и лакеями более трехсот человек.

Двадцать пятого апреля 1772 года огромный посольский поезд выехал из Петербурга и уже 14 мая был в Яссах, а затем в Фокшанах. Однако турецкие послы прибыли в Фокшаны лишь 24 июля. На переговорах Орлов не проявил дипломатических талантов и 18 августа, прервав переговоры, уехал в Яссы, где стоял штаб армии П. А. Румянцева.

Третьего сентября Орлов получил из Петербурга рескрипт императрицы с повелением поступить под команду генерал-фельдмаршала Румянцева, а переговоры, если они возобновятся, продолжить.

Орлов стал ожидать дальнейшего развития событий, не подозревая, что неудача в Фокшанах – ничто по сравнению с катастрофой, постигшей его в Петербурге.

Новелла 2. Александр Семенович Васильчиков

Прусский посланник в Петербурге граф Сольмс 3 августа 1772 года писал своему королю Фридриху II, очень охочему до всяких интимных сообщений: "Не могу более воздержаться и не сообщить Вашему Величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тем не менее неожиданное обстоятельство: Ее величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский поручик Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей государыни... При переезде двора из Царского Села в Петергоф Ее Величество в первый раз показала ему знак своего расположения, подарив золотую табакерку за исправное содержание караулов. Этому случаю не придали

никакого значения, однако частые посещения Васильчиковым Петергофа, заботливость, с которой она спешила отличить его от других, более спокойное и веселое расположение ее духа со времени удаления Орлова, неудовольствие родных и друзей последнего, наконец, множество других мелких обстоятельств уже открыли глаза царедворцам. Хотя до сих пор все держится в тайне, но никто из приближенных не сомневается, что Васильчиков находится уже в полной милости у императрицы; в этом убедились особенно с того дня, когда он был пожалован камер-юнкером.. Некоторая холодность Орлова к императрице за последние годы, поспешность, с которой он в последний раз уехал от нее, оскорбившая ее лично, наконец, обнаружение многих измен – все это вместе взятое привело императрицу к тому, чтобы смотреть на Орлова как на недостойного ее милостей". Орлов был изрядным повесой и сердцеедом еще до того, как сблизился с Екатериной. Статус фаворита мало что изменил в его отношениях с женщинами. Уже в 1765 году, за семь лет до разрыва с Екатериной, французский посланник в России Беранже писал из Петербурга о Григории Орлове: "Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя гнев императрицы за свою угодливость Орлову, но, по-видимому, пользуются ее расположением. Сенатор Муравьев, накрывший с ним свою жену, едва не сделал скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подарив земли в Ливонии".

Позднее Орлов был наречен отцом девицы Елизаветы Алексеевой, о которой говорили, что она его дочь от связи с императрицей. Но имелась и другая версия происхождения Алексеевой.

Эти и другие многочисленные похождения фаворита переполнили чашу терпения Екатерины, и она решила на разрыв.

Выбор ею Васильчикова случайным не был: его подставил скучающей сорокатрехлетней императрице умный и тонкий интриган граф Н. И. Панин, тяготившийся всесилием Орлова.

Александр Семенович Васильчиков был родовит, но небогат. Молодой офицер показался Панину подходящей кандидатурой, ибо был хорош собой, любезен, скромн и отменно воспитан.

Как пишет Гельбиг, Панин и братья Чернышovy, стоворившись, представили Васильчикова Екатерине.

Молодого и робкого конногвардейца подвергли многократному испытанию на соответствие в выполнении интимных прямых обязанностей фаворита императрицы.

Вот что писал об этой процедуре хорошо осведомленный в дворцовых интригах уже известный нам А. М. Тургенев: "В царствование Великой посылали обыкновенно к Анне Степановне Протасовой на пробу избираемого в фавориты Ее Величества. По осмотре предназначенного в высокий сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверению представленного годным на службу относительно здоровья препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехнощное испытание. Когда нареченный удовлетворял вполне требования Протасовой, она доносила всемилостивейшей государыне о благонадежности испытанного, и тогда первое свидание было назначено по заведенному этикету двора или до устава высочайше для посвящения в сан наложника конфирмованному. Перекусихина Марья Саввишна в камердинер Захар Константинович были обязаны в этот день обедать вместе с избранным. В 10 часов вечера, когда императрица была уже в постели, Перекусихина вводила новобранца в опочивальню благочестивейшей, одетого в китайский шлафрок, с книгою в руках, и оставляла его для чтения в креслах подле ложа помазанницы. На другой день

Перекусихина выводила из опочивальни посвященного и передавала его Захару Константиновичу, который вел новопоставленного наложника в приготовленные для него чертоги; здесь докладывал Захар уже раболепно фавориту, что всемилостивейше я государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей особе своей флигель-адъютантом, подносил ему мундир флигель-адъютантский, шляпу с бриллиантовым аграфом и 100 000 рублей карманных денег. До выхода еще государыни, зимою – в Эрмитаж, а летом – в Царском Селе в сад, прогуляться с новым флигель-адъютантом, которому она давала руку вести ее, передняя зала у нового фаворита наполнялась первейшими государственными сановниками, вельможами, царедворцами для принесения ему усерднейшего поздравления с получением высочайшей милости.

Высокопреосвященнейший пастырь митрополит приезжал обыкновенно к фавориту на другой день посвящения его и благословлял его святою иконою!"

Впоследствии процедура усложнялась, и после Потемкина фаворитов проверяла не только пробир-фрейлина Протасова, но и графиня Брюс, и Перекусихина, и Уточкина. В случае же с Васильчиковым обошлись, кажется, не столь сложным испытанием. Васильчиков с соизволения Екатерины занял апартаменты Григория Орлова и получил орден Александра Невского.

После этого его наставником по дворцовым делам стал князь

Ф. С. Барятинский – один из убийц Петра III. Барятинский был посвящен в интригу с самого начала и успешно сыграл роль добровольного сводника.

Роман с Васильчиковым только еще начался, как в Яссы от одного из братьев Орловых пришло известие о случившейся в Петербурге перемене. Григорий Григорьевич немедленно бросил все и помчался в Зимний дворец. Он скакал день и ночь, надеясь скорым появлением изменить положение в свою пользу.

Но его надеждам не суждено было осуществиться: за много верст от Петербурга его встретил царский фельдъегерь и передал личное послание императрицы, которая категорически потребовала "избрать для временного пребывания ваш замок Гатчину". Орлов повиновался беспрекословно, поскольку в рескрипте указывалась и причина – карантин, а он ехал с территории, где все еще свирепствовала чума. И потому у него не было резона не подчиниться приказу царицы.

Гатчина, подаренная Григорию Орлову Екатериной в первые же недели ее правления, за восемь лет сказочно преобразилась. Выдающийся зодчий Антонио Ринальди построил новый огромный дворец и разбил вокруг великолепный английский парк, занимавший площадь более 600 десятин. Многочисленные острова на реке Ижоре соединялись ажурными мостами, на берегах и в парке размещались изящные павильоны и террасы, флигель и гроты.

Здесь, в обстановке изысканной роскоши, Орлов время от времени принимал придворных, приезжавших к нему с одним и тем же – предложением императрицы об отставке с сохранением пожизненной пенсии в 150 000 рублей в год при условии, что он не станет жить в Петербурге, а поселится вдали от двора. Его посредником в переговорах с Екатериной стал старший из братьев Орловых – Иван. В конце концов сошлись на том, что кроме пенсии Орлов получает единовременное пособие в 100 000 рублей на покупку дома и разрешение жить в любом из подмосковных дворцов. Ему было подарено 10 000 крестьян, огромный серебряный сервиз французской работы и еще не достроенный Мраморный дворец на Неве, у Троицкой пристани. Наконец 4 октября 1772 года Екатерина подписала высочайший рескрипт об утверждении Г. Г. Орлова в княжеском достоинстве. (Еще 21 июля 1763 года австрийский император Франц возвел Г. Г. Орлова в княжеское достоинство Римской империи, но Екатерина, получив грамоту, не вручила ее своему фавориту из политических соображений.)

Получив все, чего он добивался, Орлов продолжал тревожить Екатерину письмами, посылал к ней своих братьев и не собирался уезжать из Гатчины. "Между тем, – писал граф Сольмс 23 октября 1772 года, – Васильчиков продолжает пользоваться благосклонностью Ее Величества и не отходит от нее ни на минуту, так что, пока он будет вести себя таким образом, трудно предполагать, чтобы старому любимцу были возвращены прежние его права". Он же тремя неделями позже сообщал, что "императрица, до сих пор трудолюбивая, деятельная, становится ленивою и небрежною к делам. Насколько терпят от того дела, можно судить по тому, что императрица по три и по четыре раза отказывает министрам, являющимся к ней с докладами". Но так продолжалось недолго. Екатерина быстро взяла себя в руки и снова предстала перед всеми неусыпной труженицей, не упускающей из виду ни одного важного дела.

Все вернулось в прежнее русло, как вдруг накануне Рождества, вечером 23 декабря 1772 года, в Петербург неожиданно пожаловал князь Григорий Григорьевич Орлов. Он остановился у брата Ивана и уже на следующий день был принят Екатериной, после чего появлялся во дворце ежедневно, но все заметили, что хотя Орлов весел, непринужден, любезен и обходителен со всеми, включая и Васильчикова, Екатерина на людях ни разу не беседовала с ним и даже не замечала его. Тем не менее многие были уверены, что звезда Орлова взойдет снова, во всяком случае иностранные послы поспешили нанести ему визиты, и он отвечал им тем же. Было замечено, что старые друзья Орлова снова вошли в фавор и получили именно в эти дни придворные назначения, чины и ордена.

В начале января 1773 года Орлов уехал в Ревель, где намеревался провести всю зиму, но появился в Петербурге через два месяца. В мае на его имя поступил Высочайший указ, в коем говорилось: "Наше желание есть, чтоб вы ныне вступили паки в отправление дел наших, вам порученных".

Орлов возвратился ко всем своим обязанностям, кроме одной – обязанности любовника. И все же казалось, что фортуна снова повернулась к нему лицом.

Новелла 3. Сердечные дела цесаревича Павла Петровича

В сентябре 1773 года праздновались совершеннолетие Павла Петровича – ему исполнилось девятнадцать лет – и его свадьба с восемнадцатилетней принцессой Гессен-Дармштадтской Вильгельминой, ставшей в России великой княгиней Натальей Алексеевной. Она не была первой любовью Павла, хотя следует признать, что серьезных увлечений у него еще не было.

Некоторые сердечные тайны юного Павла стали достоянием истории благодаря воспоминаниям Семена Андреевича Порошина, воспитателя цесаревича. В отроческие годы Павел доверчиво рассказывал ему о своих увлечениях. Он даже показал Порошину самолично сочиненные стихи в честь одной прелестницы фрейлины:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Все способствовало пробуждению в Павле чувственности, и удивительно, что, несмотря на все это, в нем сохранились некоторые стыдливость и целомудрие. Впрочем, его воспитатель предсказывал прозорливо, что "он не будет со временем ленивым или непослушным в странах цитерских". (Цитера – легендарная страна богини любви Афродиты.)

Однажды Григорий Орлов взял с собой двенадцатилетнего Павла в комнаты к фрейлинам. Мальчик восхищался увиденным и в этот вечер, как вспоминал

Порошин, искал во французском Энциклопедическом словаре слово "любовь". Потом он рассказал Порошину, что влюблен в Веру Николаевну Чоглокову, круглую сироту, фрейлину его матери. Через несколько дней Порошин заметил, как, танцуя с Чоглоковой на балу, Павел нежно пожал ей руку и сказал: "Если бы пристойно было, то я поцеловал бы вашу ручку". На что фрейлина ответила, потупив взор: "Это было бы уж слишком". С Верочкой Чоглоковой была связана и первая ревность, виной чему был мальчик-паж граф Девиер, к которому Павел приревновал свою возлюбленную. Впрочем, кажется, безосновательно. С годами, не без влияния мирволивших к нему фаворитов матери, увлечения Павла стали не столь платоническими. А когда он из подростка превратился в юношу, его ухаживания за фрейлинами и смазливými дворцовыми служанками стали беспокоить Екатерину и заставили ее подумать о том, чтобы женить возмужавшего сына.

Екатерина стала подыскивать ему невесту еще в 1771 году. После долгих поисков решено было остановиться на Вильгельмине: она была хороша собой, умна и обходительна, а главное – наследник прусского престола Фридрих-Вильгельм был женат на ее сестре Фредерике. Вместе с тем Вильгельмина была холодна, честолюбива и настойчива в достижении цели.

В апреле 1773 года Екатерина пригласила дармштадтскую герцогиню Генриетту-Каролину – мать Вильгельмины – приехать в Петербург с тремя своими дочерьми, чтобы познакомиться с будущими родственниками. И мать и дочери были бедны, и потому Екатерина выслала для предстоящего путешествия 80 000 гульденов и, кроме того, отправила в Любек три корабля. На одном из них – корвете "Быстром" – капитаном был один из ближайших друзей цесаревича девятнадцатилетний капитан-лейтенант граф Андрей Кириллович Разумовский – любимый сын гетмана К. Г. Разумовского. Несмотря на свой возраст, он был искушен в жизни и уже многое успел сделать и пережить. Обладая блестящими способностями, Андрей в семнадцать лет окончил Страсбургский университет и тотчас поступил во флот. Он участвовал в Чесменском бою, после чего стал командиром фрегата "Екатерина". Возвратившись в Петербург, Разумовский стал камер-юнкером и попал в ближайшее окружение Павла. Он был красив, статен, вкрадчив и самоуверен и потому без труда кружил головы многим светским барышням. Еще до начала морского перехода Андрей Разумовский сумел покорить невесту своего друга цесаревича, да и сам, кажется, искренне влюбился в нее, что не осталось незамеченным. Поэтому мать и сестер разместили не на "Быстром", а на другом корабле.

В пути от Любека к Ревелю, где заканчивалось морское путешествие и откуда предстояло следовать в Петербург сухим путем, прибывших встретил камергер барон И. А. Черкасов. К несчастью для Андрея Разумовского, его корабль не оправдал названия и на несколько суток отстал от двух других кораблей. Черкасов, узнав о подозрениях придворных относительно Вильгельмины и Разумовского, поспешил с отъездом, не дожидаясь прихода "Быстрого" в Ревель.

Пятнадцатого июня неподалеку от Гатчины герцогский поезд встретил Григорий Орлов и пригласил дорогих гостей к себе в поместье отдохнуть с дороги и пообедать сказав, что у него в доме их ждут несколько дам. В Гатчине их действительно ждали: это была сама Екатерина II и сестра фельдмаршала Румянцева графиня Прасковья Александровна Брюс. Из Гатчины все они поехали в Царское Село, встретив по дороге цесаревича и его воспитателя Н. И. Панина. Пересев в восьмиместный фаэтон, компания наконец прибыла в отведенные для гостей апартаменты.

Павел влюбился в Вильгельмину с первого взгляда, и через три дня Екатерина официально попросила ее руки для своего сына у герцогини Генриетты.

Пятнадцатого августа совершилось миропомазание принцессы Вильгельмины, принявшей православное имя Натальи Алексеевны, а на следующий день произошло и ее обручение с Павлом Петровичем. Через полтора месяца состоялась свадьба, продолжавшаяся с необычайной пышностью две недели. Несмотря на блеск великого празднества, в первый же день свадьбы – 29 сентября 1773 года – многие стали предвещать новой семье несчастье, ибо именно в этот день в Петербург пришло известие о появлении в Оренбургских степях мятежных шаек Пугачева, называвшего себя Петром III. Каково было слышать это цесаревичу Павлу Петровичу!

И дурная примета оправдала себя – этот брак оказался и мимолетным и несчастным.

Новелла 4. Появление великого циклопа

Среди фаворитов Екатерины II, безусловно, самым выдающимся человеком был Григорий Александрович Потемкин – единственный, кого она любила всю жизнь, то приближая, то отдаляя, и с кем пошла под венец.

Этот могучий одноглазый герой, несмотря на немалый недостаток, неотразимый красавец и признанный мастер в покорении женских сердец, появился во дворце в начале 1774 года.

Как только придворные увидели его, тут же поползли слухи о происхождении нового любимца императрицы.

Утверждали, что Григорий Александрович Потемкин родился 13 сентября 1739 года в селе Чижове близ Смоленска, в семье отставного шестидесятипятилетнего подполковника. Мать Григория, Дарья Васильевна, была моложе мужа на тридцать лет. Рассказывали весьма примечательную историю ее замужества, впрочем вполне правдивую.

..Как-то Александр Васильевич Потемкин оказался в сельце Маншино Алексинского уезда Тульской губернии, где познакомился с молодой красавицей вдовой. Утаив, что он женат, Потемкин-старший объявил себя вдовцом и повенчался с Дарьей Васильевной. Вскоре молодая жена забеременела и вдруг узнала, что ее муж – двоеженец. Дарья Васильевна добилась, чтобы Потемкин увез ее в свое смоленское имение и там познакомил с первой женой. Та, будучи женщиной доброй, милосердной и довольно старой, по собственной воле ушла в монастырь и тем самым утвердила новый брак, который, несмотря на весьма зрелый возраст Александра Васильевича, оказался чрезвычайно плодоносным: у старого подполковника родились сын Григорий и еще пять дочерей – Мария, Пелагея, Марфа, Дарья и Надежда, ставшие матерями нескольких дочерей.

Григорий походил на мать, унаследовав ее ум и красоту, а вот страсть к прелестницам перешла к нему, наверно, от отца. Когда его племянницы стали взрослыми, он стал совращать их одну за другой. Мать резко осуждала сына за разврат с собственными красавицами племянницами, и Григорий с годами невзлюбил ее. Дело дошло до того, что он перестал переписываться с матерью, а получая от нее письма, бросал их в огонь не читая.

Но все это будет потом, а в детстве Григорий был добр, весел, красив и необычайно легко схватывал все, чему его учили. Отец умер в 1746 году, когда Грише исполнилось семь лет. Дарья Васильевна, овдовев, переехала в Москву, забрав с собой и пятерых дочерей, а Григорий уже два года жил в доме своего двоюродного дяди Г. М. Кисловского.

Сначала он учился в немецкой школе, а потом, когда открылась университетская гимназия, его перевели туда.

Но в гимназии он захандрил, перестал ходить на уроки и через три года был исключен "за леность и нехождение в классы". Так как еще с мая 1755 года Григорий был записан в Конную гвардию и с этого времени считался в домашнем отпуске для пополнения знаний, то в 1758 году его произвели в каптенармусы. А когда он приехал в полк, стоявший в Петербурге, ему дали чин вице-вахмистра и назначили в ординарцы к дяде цесаревича Петра Федоровича – принцу Георгу Голштинскому. Не прошло и года, как Потемкин стал вахмистром. Первые два года его жизни в Петербурге малоизвестны. Настоящая карьера Потемкина началась с его участия в дворцовом перевороте, о чем уже здесь упоминалось.

Екатерина, нуждавшаяся в молодых, энергичных и образованных помощниках, направила несколько десятков офицеров в гражданскую администрацию, сохранив за ними их военные чины и оклады. В их числе оказался и Потемкин, направленный обер-секретарем Святейшего Синода.

И Потемкин, часто принимавший решения по настроению, капризу или прихоти, едва не стал монахом. Однажды, пребывая в сильной меланхолии, не веря в удачу при дворе, он решил постричься. К тому же произошла у него и немалая неприятность – заболел левый глаз, а лекарь оказался простым фельдшером и приложил больному такую примочку, что молодой красавец окривел.

Эта беда вконец сокрушила Потемкина, и он ушел в Александро-Невский монастырь, надел рясу, отпустил бороду и стал готовиться к пострижению в монахи.

О случившемся узнала Екатерина и пожаловала в монастырь. Говорили, что она, встретившись с Потемкиным, сказала: "Тебе, Григорий, не архиереем быть. Их у меня довольно, а ты у меня один таков, и ждет тебя иная стезя".

Потемкин сбрил бороду, снял рясу, надел офицерский мундир и, забыв о меланхолии, появился как ни в чем не бывало во дворце.

Хотя в 1768 году Потемкина пожаловали в камергеры, он с самого начала войны с Турцией ушел волонтером в армию Румянцева, где стал признанным кавалерийским военачальником, участвуя в сражениях при Хотине, Фокшанах, Браилове, Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, в других походах и боях. Он получил ордена Анны и Георгия 3-го класса и в тридцать три года стал генерал-поручиком.

Такой была биография Потемкина до того, как в январе 1774 года Екатерина вызвала его в Петербург.

А уже в феврале он получил чин генерал-адъютанта. Последнее обстоятельство было более чем красноречивым: оно означало, что в новый "случай" приходит новый фаворит и что лесенка и Орлова и Васильчикова спета. Во дворце появился сильный, дерзкий, могучий телом и душой, умный и волевой царедворец, генерал и администратор, который сразу же вник во все государственные дела.

Скоро он стал подполковником Преображенского полка, а следует заметить, что в этом звании оказывались, как правило, лишь генерал-фельдмаршалы, ибо традиционно полковником Преображенского полка были сам царь или царица. Что мог противопоставить Великому Циклопу кроткий и застенчивый Васильчиков?

Говоря о качествах предшественника Потемкина, Гельбиг писал: "Воспитание и добрая воля лишь в слабой степени и на короткое время возмещают недостаток природных талантов. С трудом удержал Васильчиков милость императрицы неполные два года...

Когда Васильчиков был в последний раз у императрицы, он вовсе не мог даже предчувствовать того, что ожидало его через несколько минут. Екатерина расточала ему самые льстивые доказательства милости, не давая решительно ничего заметить, но едва только простодушный избранник возвратился в свои комнаты, как получил высочайшее повеление отправиться в Москву. Он повиновался без малейшего противоречия...

Если бы Васильчиков при его красивой наружности обладал большим умом и смелостью, то Потемкин не занял бы его место так легко. Между тем Васильчиков прославился именно тем, что ни один из любимцев Екатерины не мог у него оспорить — он был самый бескорыстный, самый любезный и самый скромный. Он многим помогал и никому не вредил, мало заботился о личной выгоде и в день отъезда в Москву был в том же чине, какой императрица пожаловала ему в первый день своей милости. Васильчиков получил за время (менее двух лет), что он состоял в любимцах, деньгами и подарками 100 000 рублей, 7000 крестьян, приносивших 35 000 рублей ежегодного дохода, на 60 000 рублей бриллиантов, серебряный сервиз в 50 000 рублей, пожизненную пенсию в 20 000 рублей и великолепный, роскошно меблированный дом в Петербурге, который императрица потом купила у Васильчикова за 100 000 рублей и подарила в 1778 году другому фавориту — Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову. Вскоре по удалении от двора Васильчиков женился и был очень счастлив".

Придворные недоумевали, почему столь быстро и столь внезапно произошла такая странная и неожиданная перемена?

А дело было не только в любовном влечении — Екатерина угадала в Потемкине человека, на которого можно положиться в любом трудном и опасном деле, когда потребуются твердая воля, неукротимая энергия и абсолютная преданность делу.

Отставка Васильчикова лишь не осведомленным в любовных и государственных делах Екатерины могла показаться внезапной. На самом же деле Екатерина почти с самого начала этой связи тяготилась ею, в чем чистосердечно призналась новому фавориту.

В письме к нему она откровенно исповедалась в своих прежних увлечениях, открывшись, что мужа своего не любила, а Сергея Васильевича Салтыкова приняла по необходимости продолжить династию, на чем настояла Елизавета Петровна. Совсем по-иному обстояло дело с Понятовским. "Сей был любезен и любим", — писала Екатерина. Далее она призналась, что любила Орлова и не ее вина в том, что между ними произошел разрыв. "Сей бы век остался, — писала Екатерина II, — естли б сам не скучал, я сие узнала... и, узнав, уже доверия иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперация (отчаяния) выбор коя-какой..."

Вот этот-то сделанный ею "выбор коя-какой" — и не более того — и оказался Васильчиковым.

"...И даже до нынешнего месяца, — продолжала Екатерина, — я более грустила, нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольные и всякие приласканья во мне слезы принуждала, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года; сначала я думала, что привыкну, но что далее, то — хуже, ибо с другой стороны (т. е. со стороны Васильчикова) месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольнее не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала".

И наконец, пришло избавление от капризного, обидчивого и давно уже немилостивого Васильчикова. "Потом приехал некто Богатырь (т. е. Потемкин), — пишет Екатерина. — Сей Богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что, услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему

тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша (П. А. Брюс) сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтобы он имел".

Это чистосердечное признание Екатерина заканчивала словами: "Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих; изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из них. Первого – поневоле да четвертого из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если бы я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменялась; беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статья может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель, но напрасно я к тебе сие пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтобы я тебя позабыла, но, право, не думаю, чтоб такую глупость сделала, а если хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько ж дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду".

В другом письме Екатерина предостерегала Потемкина от недоброжелательства к братьям Орловым, которых она искренне почитала своими друзьями. "Только одно прошу не делать, – писала она, – не вредить и не стараться вредить князю Орлову в моих мыслях, ибо сие почту за неблагодарность с твоей стороны: нет человека, которого он более мне хвалил и более любил и в прежнее время, и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А если он свои пороки имеет, то не тебе, не мне их расценить и расславить. Он тебя любит, и мне они друзья, и я с ними не расстанусь. Вот тебе – нравоученье, умен будешь – примешь. Не умно же будет противоречить сему, для того что сушая правда".

Потемкин отлично все понял и в считанные месяцы сделал головокружительную карьеру. Десятого июля 1774 года в связи с заключением очень выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мира "за споспешествание к оному добрыми советами" он был возведен в графское достоинство, в октябре пожалован чином генерал-аншефа, а в ноябре стал кавалером ордена Андрея Первозванного. За эти же месяцы Потемкин получил "за храбрость и неутомимые труды" шпагу, усыпанную алмазами, а "в знак монаршего благоволения" еще и украшенный бриллиантами портрет Екатерины II для ношения на груди.

С мая 1774 года Потемкин был введен в члены Совета и оставался в его составе до смерти. Но не административные успехи и не придворная карьера определяли тогда его положение при дворе. В 1774 году он был в глазах Екатерины "незакатным солнцем", превратив ее в счастливую, любимую и любящую женщину, совершенно потерявшую из-за него голову.

Выдающийся историк и писатель Н. Я. Эйдельман, опубликовавший 419 записок и писем Екатерины к Потемкину, отметил, что она называла своего фаворита: Миленка, Душинка, Голубчик, Сердце мое, Красавец мой, Милуша, Гришенок, Батя, Батинка, Душа милая, Милой дружочек, Князюшка, Гришатка, Миленка милюшинка, Князинка батюшка, Душенок мой, Друг милой и бесценный, Мой дорогой друг и супруг, Мамурка, Генерал, Шалун, Милюша милая Гришифишичка, Милая милуша, драгие сладкие губки, жизнь, радость, веселье, Мой золотой фазан, мой дорогой и горячо любимый друг, Душа моя милая, бесценная и беспримерная и еще более нежно и ласково.

Особняком стоят обращения, в которых Потемкин назван мужем и супругом. Знаток того периода историк Я. Л. Барсков считал, что эти письма, а также рассказы осведомленных современников "дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с Екатериной. Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение, особенно в первое время его "случая"; в нем действительно видели "владыку", как называет его в письмах сама Екатерина, и оказывали царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий. Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам так же велико было расстояние, отделявшее случайного любовника царицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя. Всем дальнейшим фаворитам она ставила в обязанность "поклоны" Потемкину в письмах и, по ее собственному примеру, почтительное с ним обращение при дворе. Это был царь, только без титула и короны".

О браке Екатерины с Потемкиным существует по меньшей мере три рассказа. По словам издателя журнала "Русский Архив" П. А. Бартенева, племянница и любовница Г. А. Потемкина графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардт, говорила князю М. С. Воронцову, что запись об этом браке хранилась в особой шкатулке, которую затем вместе с документом бросил в море по пути из Одессы в Крым граф А. Г. Строганов, получивший строгий наказ сделать это от своей матеря – урожденной графини Браницкой. По словам князя Т. Ф. Голицына, Екатерина и Потемкин венчались у Самсония, что на Выборгской стороне. Ее духовник был уже там в готовности, а сопровождала императрицу одна лишь камер-фрау М. С. Перекусихина. Венцы держали граф А. Н. Самойлов – племянник Г. А. Потемкина – и Е. А. Чертков.

Наконец, внук Екатерины и Г. Г. Орлова граф А. А. Бобринский говорил, что брачная запись была положена в гроб графа А. Н. Санжюлова, а вторая брачная запись, полученная М. С. Перекусихиной, должна была храниться у князя П. Д. Волконского и у Чертковых. По слухам, – венчание происходило осенью 1774 или в середине января 1775 года, перед отъездом двора в Москву. Лето 1775 года новобрачные проводили в Коломенском – и в Царицыно. Казалось, что их отношения безоблачны и прочны, как и их любовь, но вскоре оказалось, что это не совсем так.

Новелла 5. Петр Васильевич Завадовский

Теперь же снова возвратимся в лето 1775 года, когда недавно обвенчавшиеся Екатерина II и Григорий Потемкин жили в Москве. В их распоряжение был передан дом князей Голицыных, что у Пречистенских ворот. А в начале июля Москва жила ожиданием приезда победителя турок графа и фельдмаршала П. А. Румянцева. Однако полководец от триумфального въезда в город отказался и приехал к императрице вечером 8 июля в придворной карете, но без эскорта и сопровождений, имея возле себя одного лишь дежурного офицера, тридцатисемилетнего полковника Петра Васильевича Завадовского, которого он взял с собою для ведения записей.

Екатерина встретила Румянцева на крыльце голицынского дома и, обняв, расцеловала. В эти же минуты она заметила и Завадовского, могучего, статного и исключительно красивого мужчину, который стоял, окаменев, ибо был поражен сердечностью встречи и простотой государыни, одетой в русский сарафан, очень шедший ей.

Заметив ласковый и заинтересованный взгляд императрицы, брошенный ею на Завадовского, фельдмаршал тут же представил красавца Екатерине, лестно о

нем отозвавшись как о человеке прекрасно образованном, трудолюбивом, честном и храбром.

Екатерина мгновенно пожаловала новому знакомцу бриллиантовый перстень с выгравированным по золоту собственным ее именем и назначила своим кабинет-секретарем.

Десятого июля начались необычайно пышные празднества по поводу заключения мира с Турцией, мало чем уступавшие коронационным торжествам: так же звенели колокола и гремели пушки, рекой лилось вино и ломились от яств столы.

В парадном шествии в Кремле Румянцев шел первым, за ним – императрица и наследник Павел с женой Натальей Алексеевной. Полководцу к его фамилии было добавлено прозвище "Задунайский", поднесены осыпанные алмазами фельдмаршалский жезл и шпага, золотая медаль с его изображением и золотой лавровый венок, крест и звезда ордена Андрея Первозванного. Были подарены 5000 душ, 100 000 рублей, серебряный сервиз и картины для убранства дома. Царские почести были оказаны и матери фельдмаршала, семидесятисемилетней графине Марии Андреевне Румянцевой, в девичестве – Матвеевой. Она была посажена за стол с Павлом и Натальей Алексеевной, а сам фельдмаршал сидел за столом Екатерины. Старые придворные помнили историю двадцатилетней Марии Матвеевой с Петром Великим, и в этом приеме находили подтверждение тому, что Петр Румянцев – сын первого российского императора. Дождь наград пролился на многих сподвижников победителя. Не был обойден и Завадовский, получивший сразу два чина – генерал-майора и генерал-адъютанта.

Екатерина пробыла в Москве до 7 декабря 1775 года, часто встречаясь с Румянцевым и ежедневно общаясь со своим новым кабинет-секретарем, который ведал ее личной канцелярией, доходами и расходами. В силу этого он становился одним из самых приближенных к императрице людей, посвященных во многие ее дела и секреты.

По возвращении из Москвы в Петербург Завадовский стал почти столь же влиятельным царедворцем, что и Потемкин. Сановники стали искать у него протекции, набивались в друзья, демонстрируя Завадовскому нерасположение к их вчерашнему кумиру – Потемкину.

Потемкин же перед Екатериной стал играть роль обиженного и в апреле 1776 года попросился уехать в Новгородскую губернию для инспектирования войск – он был вице-президентом Военной коллегии, такая просьба была небезосновательной. И все же он, вероятно, надеялся, что получит отказ, но последовало немедленное согласие, и Потемкину не осталось ничего другого, как тотчас же уехать.

Не успел он скрыться с глаз, как Завадовский переехал во дворец, правда еще не заняв потемкинских апартаментов.

Новелла 6. Семен Гаврилович Зорич

Со временем Завадовский перебрался в комнаты своего предшественника, но, как оказалось, ненадолго.

Потемкин был отодвинут в сторону Завадовским, но не сдался и стал искать способы и средства вернуть себе бывшее расположение Екатерины. Прежде всего он решил во что бы то ни стало убрать Завадовского из апартаментов императрицы, даже если в этих комнатах окажется не он сам, а другой, но тот, кого именно он, Потемкин, поставит на освободившееся место.

Таким человеком оказался георгиевский кавалер, герой-кавалерист, красавец серб Семен Гаврилович Зорич. Потемкин взял его к себе в адъютанты и почти сразу же представил к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона и

лейб-казахьей команды с одновременным производством в подполковники. Так как лейб-гусары и лейб-казаки были личной охраной императрицы, то назначению Зорича на должность предшествовало его представление Екатерине.

Двадцать шестого мая 1777 года Потемкин устроил аудиенцию императрицы с потенциальным фаворитом — смуглым, изящным, кареглазым, затянутым в голубой гусарский мундир. Потемкин сразу понял, что его выбор сделан верно: Завадовскому вдруг был предоставлен шестимесячный отпуск. А тем временем Зорич, став полковником, флигель-адъютантом и шефом лейб-гусарского эскадрона, поселился в апартаментах фаворитов, пройдя предварительную апробацию у доктора Роджерсона, графини Брюс и двух других пробир-фрейлин. (Далее, по мере появления новых фаворитов, мы не станем повторяться, ибо каждый из них проходил через те же самые ворота.) О знакомстве Зорича с императрицей рассказывали, впрочем, и другое. Говорили, что Семен Гаврилович Зорич, рассорившись с командиром полка, в котором служил, поехал в Военную коллегию в Петербург просить о переводе его в другой полк. В первый же день проигрался он в карты в пух и прах, так что не осталось у него денег даже на обед в трактире. По счастью, он встретил на улице знакомого, который ехал в Царское Село к приятелю своему, гоф-фурьеру. Он взял Зорича с собой и хорошо угостил его, а точнее — напоил.

Выпивший Зорич пошел погулять в дворцовый сад, сел на скамью под липой, да и заснул. Вот тут-то и увидела его проходившая мимо Екатерина. Зорич приглянулся ей своей статью и ростом, и она велела камердинеру Зотову сесть рядом с офицером на скамью, дожидаться, когда он проснется, и пригласить гусара к ней на ужин. С этого все будто бы и началось. Как бы то ни было, в свои тридцать лет Зорич успел повидать многое. В пятнадцать лет он уже воевал с пруссаками в чине вахмистра в гусарском полку. Он храбро дрался, побывал в нескольких рукопашных схватках, получил три сабельные раны, попал в плен, но сумел бежать. В 1764 году он воевал в Польше, в 1769-1770 годах — с турками в Бессарабии, прославившись на всю армию бесшабашной удалью, дерзостью, воинской удачливостью и немалым командирским талантом.

Третьего июля 1770 года отряд ротмистра Зорича попал в окружение. Сам командир получил две раны копьем и одну саблей и был взят в плен. Четыре года просидел он в страшной султанской тюрьме — Семибашенном замке, потом еще год прожил в Константинополе, пока наконец после заключения Кучук-Кайнарджийского мира не вернулся в Россию. Здесь, получив орден Георгия 4-го класса, попал он на глаза Потемкину, и тот решил использовать Зорича в своих целях.

В сентябре 1777 года Зорич был уже генерал-майором, кавалером иностранных орденов: шведских — Меча и Святого Серафима и польских — Белого Орла и Святого Станислава. Он стал обладателем нескольких богатых поместий и большого местечка Шклов в Могилевской губернии, купленного ему Екатериной за 450 000 рублей у князя Чарторижского.

Эти поместья и Шклов перешли к России в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 году.

Зорич стал одним из богатейших вельмож и землевладельцев, однако ни земли, ни чины, ни ордена, ни богатства не прибавили Зоричу ума, которого ему недоставало. Еще не отметив годовщину своего "случая", Семен Гаврилович решил учинить афронт своему несокрушимому сопернику и благодетелю — Григорию Александровичу Потемкину.

Пребывая вместе с ним и Екатериной в Царском Селе, он затеял ссору и даже вызвал Потемкина на дуэль, но вместо поединка отправился за границу, куда

его мгновенно спровадила Екатерина. А по его возвращении осенью 1778 года ему велено было отправляться в Шклов.

Зорич поселился в старом замке польских графов Ходкевичей, отделав его с необычайной пышностью и устроив в своем доме непрерывный праздник. Балы сменялись маскарадами и спектаклями, пиры – охотой, над замком почти всякую ночь горели фейерверки, по три-четыре раза в неделю устраивались спектакли, а в парке и садах вертелись карусели, устраивались катания на тройках, народные гуляния и непрерывные приемы гостей.

Дважды Зорича навещала Екатерина и была встречена экс-фаворитом с необычайной торжественностью и роскошью.

Чтобы больше к Зоричу не возвращаться, скажем, что его дальнейшая жизнь сложилась не лучшим образом. Он был азартным карточным игроком, причем имел нелестную репутацию шулера. К его грандиозным проигрышам вскоре примешалась и афера с изготовлением фальшивых ассигнаций, которые печатали гости Зорича – польские графы Аннибал и Марк Зановичи.

Расследование скандальной истории поручили Потемкину. Он приехал в Шклов, арестовал обоих сиятельных братьев, а Зорича уволил в отставку. Лишь после смерти Екатерины, в январе 1797 года, Павел I вернул Зорича в армию, но уже в сентябре за растрату казенных денег его снова уволили, на сей раз окончательно.

Все же и Зорич оставил по себе добрую память. 24 ноября 1778 года – в день именин Екатерины он основал на собственные деньги Шкловское благородное училище для мальчиков-дворян, готовившихся стать офицерами. В училище занималось до трехсот кадетов.

29 мая 1799 года здание училища сгорело, и это так сильно подействовало на Зорича, что он слег и 6 ноября того же года умер.

На следующий год занятия возобновились, но уже в Гродно, а затем после длительных скитаний по разным городам России в 1824 году училище обосновалось в Москве, в конце концов получив название Первый московский императрицы Екатерины II кадетский корпус. Так восторжествовала справедливость: учрежденное Зоричем в честь Екатерины II и в день ее тезоименитства училище все же получило ее имя.

Новелла 7. Дела семейные

За то время, когда возле Екатерины Алексеевны появлялись Орлов и Васильчиков, Потемкин и Завадовский, в семье стареющей императрицы произошло немало и других событий.

Глубокое горе постигло Екатерину и цесаревича 15 апреля 1776 года, когда после пятидневных непрерывных мучений двадцатилетняя Наталья Алексеевна, здоровая и красивая, скончалась. Погиб и ребенок.

Екатерина почти все время была при невестке, хотя давно переменила о ней мнение, считая ее неприятной, неблагоразумной, расточительной и безалаберной женщиной. Знала Екатерина и о любовной связи невестки с Андреем Разумовским, которому Павел – по доверчивости и душевной простоте – разрешил поселиться в одном дворце с ним и Натальей Алексеевной.

Екатерина уведомила об этом романа Павла, но Наталья Алексеевна сумела уверить мужа, что свекровь ненавидит ее и намеренно распускает ложные слухи, чтобы поссорить их.

Вот что писал об этом любовном треугольнике А. М. Тургенев: "Кто знал, то есть видел хотя издалека блаженной и вечно незабвенной памяти императора Павла, для того весьма будет понятно и вероятно, что дармштадтская принцесса не могла без отвращения смотреть на укоризненное лицеобразие его императорского высочества, вседражайшего супруга своего! Ни описать,

ни изобразить уродливости Павла невозможно! Каково же было положение великой княгини в минуты, когда он, пользуясь правом супруга, в восторге блаженства сладострастия обмирал.

Наталья Алексеевна была хитрая, тонкого, пронизательного ума, вспыльчивого, настойчивого нрава женщина. Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят, но Екатерина скоро проникла в ее хитрость и не ошиблась в догадках своих!"

В заграничных журналах появились сообщения, что Наталья Алексеевна была неправильно сложена и из-за этого не смогла благополучно разрешиться от бремени.

Однако против такого утверждения решительно выступил русский посланник при германском сейме барон Ассебург. Три года назад он вел переговоры о браке Павла и принцессы Вильгельмины и, прежде чем состоялась помолвка, собрал подробные, хорошо проверенные сведения о состоянии здоровья невесты. Все врачи и придворные герцога Дармштадтского уверили барона в прекрасном ее здоровье. А то, что она была хорошо сложена, не требовало никаких доказательств — довольно было только взглянуть на нее.

Злые языки говорили, что смерть Натальи Алексеевны была подстроена, чтобы избавиться от опасной претендентки на русский трон Великая княгиня, как утверждали ее недоброхоты, не только вступила в любовную переписку и связь с графом А. К. Разумовским, но даже задумывалась совершить вместе с ним государственный переворот. Князь Вальдек — канцлер Австрийской империи, хорошо осведомленный в династийных немецких делах, — говорил родственнику Екатерины принцу Ангальт-Бернбургскому: "Если эта (то есть Наталья Алексеевна) не устроила переворота, то никто его не сделает". Английский посланник Джемс Гаррис писал о Наталье Алексеевне канцлеру Англии графу Суффолку, что, вступив в брак, принцесса Гессен-Дармштадтская легко нашла секрет управлять цесаревичем Павлом, а сама в свою очередь была под влиянием своего любовника Андрея Разумовского. "Эта молодая принцесса, — писал Гаррис, — была горда и решительна, и если бы смерть не остановила ее, в течение ее жизни, наверное, возникла бы борьба между свекровью и невесткой".

Утверждали, что Екатерина, как только Наталья Алексеевна скончалась, немедленно обыскала ее кабинет, нашла там письма Разумовского и забрала их себе.

Павел очень любил Наталью Алексеевну и бесконечно страдал из-за ее смерти, едва не лишившись рассудка.

То ли для того, чтобы положить конец его переживаниям, то ли по иной причине, но Екатерина велела прислать безутешному сыну связку писем, найденную в тайном ящике письменного стола Натальи Алексеевны. Прочитав письма, Павел совершенно ясно осознал, что — между Разумовским и его покойной женой существовала прочная любовная связь и что отцом ребенка, из-за которого она умерла, вполне мог быть Разумовский.

Утверждают, что именно с этого момента Павел пришел в то состояние душевного расстройства, которое сопутствовало ему всю жизнь. Пережив невероятное душевное потрясение, Павел на второй день после смерти Натальи Алексеевны принял решение жениться на принцессе Вюртембергской Софии-Доротее, а еще через два дня фельдмаршалу Румянцеву был отправлен рескрипт императрицы, содержащий приказ немедленно приехать из Глухова в Петербург, так как ему надлежит стать участником в "верном, нужном и приятном деле, о коем однако не желает объявить ему, как при свидании с ним".

К рескрипту П. В. Завадовский приложил записку, в которой, не раскрывая сути дела, писал: "Храни Бог от поездки отговариваться. Весьма неудобно будет государыне и Великому Князю".

Больной Румянцев, кряхтя и стеля, собрался в дорогу и поехал в Петербург. Там он узнал, что ему вместе с Павлом предстоит поездка в Берлин, где их будет ждать невеста цесаревича.

За два месяца, прошедшие со дня смерти Натальи Алексеевны, Екатерина успела послать к родителям новой невесты курьера, договориться о сватовстве, получить портрет принцессы и собрать в дорогу молодого вдовца, уже влюбившегося в свою будущую шестнадцатилетнюю жену.

Место свидания – Берлин – было выбрано не случайно: там жил кумир Павла – Фридрих Великий, который к тому же мог стать его родственником, так как будущая теща Павла доводилась прусскому королю племянницей, а невеста – внучатой племянницей.

Павел и его свита проехали через Ригу и Кенигсберг и 10 июля торжественно въехали в Берлин. При встрече с Фридрихом Павел произнес торжественную речь, сказав, что он удостоился "видеть величайшего героя, удивление нашего века и удивление потомства".

Встретившись в тот же день с невестой, Павел так описал свое первое впечатление о ней в письме к матери: "Я нашел невесту свою такую, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действие в сердце моем, то не без чувства и она с своей стороны осталась... Дайте мне благословение свое и будьте уверены, что все поступки жизни моей обращены заслужить милость вашу ко мне". Павел вернулся в Царское Село 14 августа, а 31 августа туда уже приехала София-Доротея.

Екатерина была совершенно очарована своей новой невесткой. В письме к мадам Бьельке, давней подруге ее матери, она сообщала: "Признаюсь вам, что я пристрастилась к этой очаровательной принцессе; она именно такова, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица – смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете, высокий рост с соразмерной полнотой и легкость поступи".

К тому же шестнадцатилетняя девушка безоглядно влюбилась в своего суженого. За несколько дней до свадьбы она писала Павлу: "Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, не сказавши вам еще раз, что я до безумия люблю и обожаю вас... Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать вам; вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств; да, дорогой, обожаемый, драгоценнейший князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к вам".

А после того, как 15 сентября архиепископ Платон, веред тем преподававший Софии-Доротее православный закон, обручил ее с цесаревичем, назвав впервые новым православным именем и титулом "великая княжна Мария Федоровна", благодарная невеста прислала жениху такую записку: "Клянусь этой бумагой всю жизнь любить и обожать вас и постоянно быть нежно привязанной к вам; ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к вам. Таковы чувства вашего на веки нежного и вернейшего друга и невесты". И впервые в жизни подписалась: "Мария Федоровна".

Еще до свадьбы она послала цесаревичу свое первое письмо на русском языке, написав его очень грамотно, хотя занималась этим языком всего два месяца. И опять она говорила о своей любви и о том, что Павел ей дороже всего на свете.

Двадцать шестого сентября 1776 года состоялось венчание и свадьба Павла и Марии Федоровны.

Цесаревич был счастлив не менее жены и в день свадьбы отправил ей такую записочку: "Всякое проявление твоей дружбы, мой милый друг, крайне драгоценно для меня, и клянусь тебе, что с каждым днем все более люблю тебя. Да благословит Бог наш союз, так же, как Он создал его. П."

...И Бог благословил этот союз: уже в апреле 1777 года Мария Федоровна сообщила мужу, что ждет ребенка.

Их первенец родился 12 декабря 1777 года, и назвали его Александром. Имя новорожденному выбрала бабка — Екатерина II.

— В письме к своему давнему другу барону Фридриху Гримму она сообщала, что мальчик назван так в честь святого Александра Невского, и добавляла: "Хочу думать, что имя предмета имеет влияние на предмет, а наше имя знаменито". Она не ошиблась — родился будущий победитель Наполеона — император Александр I.

Александр рос крепким, спокойным, веселым и здоровым ребенком благодаря правильному воспитанию и уходу, осуществлявшимся под надзором Екатерины II.

Через полтора года, 27 апреля 1779 года, Мария Федоровна родила второго сына, которого назвали Константином.

С этого времени Александр и Константин воспитывались и жили вместе и почти никогда не разлучались.

Седьмого сентября 1780 года Екатерина писала Гримму об Александре, которому шел всего лишь третий год: "Тут есть уже воля и нрав и слышатся беспрестанно вопросы: "К чему?", "Почему?", "Зачем?". Мальчику хочется все узнавать основательно, и Бог весть, чего — чего он не знает".

Екатерина была убеждена, что плоть и дух человека нерасторжимы, и потому она делала все, чтобы ее внуки были крепки телом, добры нравом, умны и трудолюбивы. Летом 1783 года она сообщала Гримму: "Если бы вы видели, как Александр копает землю, сеет горох, сажает капусту, ходит за плугом, боронует, потом весь в поту идет мыться в ручье, после чего берет сеть и с помощью Константина принимается за ловлю рыбы..."

Продолжая ту же тему, Екатерина писала Гримму 10 августа 1785 года: "В эту минуту господа Александр и Константин очень заняты: они белят снаружи дом в Царском Селе под руководством двух шотландцев-штукатуров". А в четырнадцать лет Александр получил даже диплом столяра.

Когда Александру не было и шести лет, его главная нянька С. И. Бенкендорф внезапно умерла, и мальчика передали в руки генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова, а кавалером-воспитателем при братьях стал генерал-поручик Александр Яковлевич Протасов.

Прежде Салтыков десять лет был в том же качестве при отце мальчиков цесаревиче Павле. Благодаря своему уму, честности, а также осторожности и хитрости он добился расположения как у Павла, так и у Екатерины, всегда стараясь смягчать их отношения и примирять друг с другом. Новые его воспитанники по характеру были полной противоположностью друг другу: Александр походил на мать, унаследовал ее ум, выдержку, спокойствие; Константин был в отца — вспыльчив, упрям, жесток.

Однажды, будучи уже юношей, Константин на вечернем собрании у Екатерины вздумал бороться со стариком графом Штакельбергом. И так как граф не мог противостоять крепкому недорослю, Константин, разгорячась, бросил его на пол и сломал ему руку.

Оказываясь в домах аристократов, Константин не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства и сквернословия. Он позволял себе это даже в доме Н. И. Салтыкова. В августе 1796 года уже женатого

семнадцатилетнего хулигана Екатерина приказала посадить под арест, и, как только это произошло, Константин стал раскаиваться, просить прощения и наконец сделал вид, что заболел.

Новелла 8. Иван Николаевич Римский-Корсаков

Теперь вновь возвратимся к личной жизни Екатерины. В декабре 1777 года Екатерине шел сорок восьмой год, и по меркам того времени она была уже далеко не молодой женщиной. И как раз в это время при дворе начала созревать еще одна интрига – на месте отставленного Зорича появился двадцатичетырехлетний кирасирский капитан Иван Николаевич Римский-Корсаков. Он оказался первым в конкурсе претендентов на должность фаворита, победив двух офицеров – немца Бергмана и побочного сына графа Воронцова – Ронцова. (У русских аристократов существовал обычай давать своим внебрачным, но признаваемым ими сыновьям так называемые "усеченные" фамилии, в которых отсутствовал первый слог родовой фамилии. Так, сын князя Трубецкого носил фамилию Бецкой. Сын князя Репнина назывался Пнин, Елагина – Агин, Голицына – Лицын, Румянцева – Умянцев.)

Гельбиг рассказывает, что Екатерина вышла в приемную, когда там находились назначенные к аудиенции Бергман, Ронцов и Корсаков. Каждый из них стоял с букетом цветов, и она милостиво беседовала сначала с Бергманом, потом с Ронцовым и, наконец, с Корсаковым. Необыкновенная красота и изящество последнего покорили ее.

– Екатерина милостиво улыбнулась всем, но с букетом цветов к Потемкину отправила Римского-Корсакова. Потемкин все понял и утвердил ее выбор. Потрясенная красотой нового фаворита, Екатерина оправдывалась перед бароном Гриммом, считавшим этот новый альянс обычной прихотью: "Прихоть? Знаете ли вы, что это выражение совершенно не подходит в данном случае, когда говорят о Пирре, царе Эпирском (прозвище Корсакова), об этом предмете соблазна всех художников и отчаяния всех скульпторов. Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы! Произведения рук человеческих падают и разбиваются, как идола, перед этим перлом создания Творца... Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения. Он ослепителен, как Солнце, и как оно разливает свой блеск вокруг себя. Но все это в общем не изнеженность, а, напротив, мужество, и он таков, каким бы вы хотели, чтобы он был. Одним словом, это – Пирр, царь Эпирский. Все в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это – совокупность всего, что ни на есть драгоценного и прекрасного в природе; искусство – ничто в сравнении с ним; манерность от него за тысячу верст".

Новый фаворит вел свое происхождение от старинного аристократического польско-литовско-чешского рода. Корсак, старший в котором – Сигизмунд Корсак – выехал на службу в Московское княжество к великому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского, в конце XIV столетия. Поскольку род Корсака часто путали с дворянским родом Корсаковых, потомки Сигизмунда в мае 1677 года добились от царя Федора Алексеевича признания за ними двойной фамилии: Римских-Корсаковых, так как их родоначальник был подданным римского императора. (Впоследствии род Римских-Корсаковых дал России многих замечательных людей. Это Александр Михайлович Римский-Корсаков – командир корпуса в Альпийском походе Суворова, три адмирала и выдающийся композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков.)

Через день после победы в конкурсе фаворитов Иван Римский-Корсаков стал флигель-адъютантом, а затем прапорщиком кавалергардов, что соответствовало генерал-майору по армии. Еще некоторое время спустя он

уже камергер и генерал-адъютант. Иван Николаевич имел прекрасный голос и великолепно играл на скрипке. Однако Екатерине очень хотелось обнаружить у нового фаворита признаки большого ума, а этого-то как раз у Римского-Корсакова не было. Как-то, разговаривая с одним из братьев Орловых, Екатерина сказала, что Иван Николаевич поет как соловей. На что последовал ответ:

— Это правда, но ведь соловьи поют только до Петрова дня..

Тонкое замечание Орлова оказалось пророческим — век фаворита оказался равен двум годам: он был отставлен в октябре 1779 года.

Что же касается ума и образованности Корсакова, то лучше всего об этом свидетельствует такой случай: когда Екатерина подарила ему особняк на Дворцовой набережной, купленный ею у Васильчикова, то новый хозяин решил завести у себя хорошую библиотеку, подражая просвещенным аристократам и императрице. Выбрав для библиотеки большой зал, Корсаков пригласил известного книготорговца и велел ему привезти книги.

— Извольте дать мне список тех книг, кои вы желаете, чтобы я привез вам, — сказал книготорговец. На что фаворит ответил:

— Об этом я не забочусь — это ваше дело. Скажу только, что внизу должны стоять большие книги, а чем выше, тем они должны быть меньше, точно так, как у государыни.

При таком уме Корсаков рискнул интриговать против Потемкина, но Циклоп буквально в одночасье прихлопнул его, убив к тому же сразу двух зайцев. Давним врагом и соперником Г. А. Потемкина был фельдмаршал Румянцев, чья сестра графиня Брюс была самой доверенной confidentкой Екатерины. Неосторожный и влюбчивый Римский-Корсаков начал волочиться за графиней, о чем тотчас же донесли Потемкину, а тот немедленно создал ситуацию, пагубную для обоих. Как только Екатерина узнала от Потемкина об этой связи, она тут же отправила неверную подругу в Москву, Корсаков же оставался в Петербурге, сославшись на мнимую болезнь.

Не прошло и месяца, как в Петербурге появились только что приехавшие из Парижа сорокашестилетний граф А. С. Строганов и его юная жена Екатерина Петровна, урожденная княжна Трубецкая. Корсаков тут же увлекся молодой и красивой женщиной и вскоре уехал из Петербурга в Москву, понимая, что терпение императрицы небеспредельно.

Следом за ним, к удивлению многих, уехала в Москву и графиня Строганова, где у обманутого ею мужа был роскошный дом, который великодушный супруг подарил ей. Кроме того, граф предоставил ей богатую подмосковную усадьбу Братцево (ныне расположена в черте Москвы) и пожизненное денежное содержание. Когда же — через двадцать лет после описываемых событий — император Павел I сослал Римского-Корсакова в Саратов, графиня Екатерина Петровна поехала за ним и туда.

По свидетельству князя И. М. Долгорукова, Екатерина Петровна была "женщина характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое, одарена прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество.. Была очень живого характера". Так что двадцатипятилетнему Ивану Николаевичу было на что менять пятидесятилетнюю императрицу, да и у супругов Строгановых разница в возрасте была столь же значительной.

Надо полагать, что ни Римский-Корсаков, ни Строганова не сожалели о содеянном, тем более что Екатерина оставила бывшему фавориту дом на Дворцовой набережной и множество драгоценностей, оцениваемых в 400 000 рублей.

Гельбиг считал полученные Корсаковым суммы еще большими, простирая их размер до 720 000 рублей.

Завершая этот сюжет, добавим, что невенчанная его жена умерла около 1815 года, оставив ему сына и двух дочерей. Сам же Иван Николаевич скончался 16 февраля 1831 года в возрасте семидесяти семи лет.

Новелла 9. Александр Дмитриевич Ланской

Двукратную измену "царя Эпирского" Екатерина переживала намного легче, чем бывшие измены иных своих фаворитов. Не успел Римский-Корсаков уехать из Петербурга, как возле Екатерины уже появился новый претендент – двадцатидвухлетний конногвардеец Александр Дмитриевич Ланской, представленный обер-полицмейстером Петербурга графом Петром Ивановичем Толстым.

Ланской с первого взгляда понравился Екатерине, но она решила не спешить и на первый случай ограничиться лишь оказанием молодому офицеру очевидных знаков внимания и милости: Ланской стал флигель-адъютантом и получил на обзаведение 10 000 рублей.

Появление нового флигель-адъютанта, через некоторое время ставшего действительным камергером, конечно же не осталось незамеченным.

Английский посланник лорд Мальмсбюри считал необходимым даже сообщить о нем своему правительству. "Ланской красив, молод и, кажется, уживчив", – писал дипломат.

Придворные доброхоты, почуяв восхождение нового светила, наперебой советовали Ланскому обратиться за поддержкой к Потемкину. Молодой флигель-адъютант послушался – и обрел в Потемкине заступника и друга. Потемкин сделал Александра Дмитриевича одним из своих адъютантов и около полугода руководил его придворным образованием, одновременно изучая будущего фаворита.

Он открыл в своем воспитаннике массу прекрасных качеств и весной следующего года с легким сердцем рекомендовал его императрице в качестве сердечного друга.

На Святой неделе 1780 года Ланской вновь предстал перед Екатериной, был обласкан ею, удостоен чина полковника и в тот же вечер поселен в пустующих апартаментах бывших фаворитов.

Интерес при дворе к новому постояльцу заветных комнат сразу обострился, и скоро все уже знали, что Александр Дмитриевич Ланской родился 8 марта 1758 года в не очень знатной и не богатой семье, имевшей поместья в Тульском уезде.

Стало известно, что отец фаворита – кирасирский поручик Дмитрий Артемьевич Ланской – смолоду отличался необузданным нравом и неукротимым характером. Эти качества привели к тому, что в 1748 году его разжаловали и исключили из армии за самоуправство по отношению к родственницам офицера и дворянина Степанова, с которым браваый кирасир судился и, не добившись решения суда в свою пользу, захватил нескольких близких тому женщин и стал истязать их у себя в имении. В годы Семилетней войны ему удалось возвратиться в строй, и те же качества – неукротимость, смелость и безоглядная удаль – способствовали его карьере. В 1772 году он стал комендантом Полоцка, получив чин бригадира. (По Табели о рангах чин бригадира относился к пятому классу и шел выше полковника, но ниже генерал-майора, считаясь все же рангом генеральским.)

Дмитрий Артемьевич имел шестерых детей – двух сыновей и четырех дочерей. Старшему сыну, Александру, и выпал жребий стать фаворитом Екатерины. Благодаря его "случаю" брат Яков и сестры Варвара, Анна, Елизавета и Евдокия породнились со знатнейшими фамилиями России. Однако сам Александр Дмитриевич почти ничего не делал для их преуспевания – виной тому была

императрица, полюбившая Ланского больше, чем кого-либо прежде, и пролившая эту любовь на его родственников.

По отзывам современников, Ланской не вступал ни в какие интриги, старался никому не вредить и с самого начала отрешился от государственных дел, справедливо полагая, что политика заставит его наживать себе врагов.

Даже когда ему доводилось встречаться с коронованными особами, приезжавшими в Петербург; – австрийским кронпринцем Иосифом, прусским кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом, шведским королем Густавом III – Ланской вел себя очень сдержанно, не позволяя никому из них надеяться на его содействие или помощь.

Единственной всепоглощающей страстью Ланского была Екатерина. Он хотел царствовать в ее сердце единолично и делал все, чтобы добиться этого. Он не просто хотел нравиться своей повелительнице, он стремился завоевать ее, чтобы она не могла даже помыслить о его замене кем-либо другим.

У Ланского сложились добрые отношения со всеми членами императорской фамилии. Он был хорош и с Павлом, и с Марией Федоровной, и с их детьми. По молодости он был даже участником игр и забав с Александром и Константином. Так, например, 1 июля 1783 года Екатерина писала Гримму: "У Александра удивительная сила и гибкость. Однажды генерал Ланской принес ему кольчугу, которую я едва могу поднять рукою; он схватил ее и принялся с нею бегать так скоро и свободно, что насилу можно было его поймать".

Так и представляется идиллическая семейная сцена – смеющаяся пятидесятичетырехлетняя бабушка, еще полная огня и сил, двадцатипятилетний красавец генерал и шустрые мальчишки.

Ланскому же читала Екатерина и свой замечательный труд – "Бабушкину азбуку" – оригинальный и талантливый учебник для внуков с картинками, сказками и нравоучениями. "У меня только две цели, – говорила об "Азбуке" Екатерина, – одна – раскрыть ум для внешних впечатлений, другая – возвысить душу, образуя сердце". Впоследствии эта "Азбука", несколько видоизмененная, стала первым учебником в первых классах различных учебных заведений России.

Чтобы еще более нравиться Екатерине, Ланской все четыре года своего фавора много читал, понимая, что будет интересен своей возлюбленной, если поднимется до ее интеллектуального уровня. И надо сказать, это ему удалось.

Однако в июне 1784 года Ланской серьезно и опасно заболел – говорили, что он подорвал свое здоровье, злоупотребляя возбуждающими снадобьями.

Екатерина ни на час не покидала страдальца, почти перестала есть, оставила все дела и ухаживала за ним, как мать, смертельно боящаяся потерять единственного, бесконечно любимого сына. Потом она писала: "Злокачественная горячка в соединении с жабой свела его в могилу в пять суток".

Когда вечером 25 июня 1784 года Ланской умер, Екатерина совершенно потеряла самообладание, рыдала и причитала, как деревенская баба, и затем впала в прежестокую меланхолию. Она уединилась, никого не хотела видеть и даже отказалась от встреч с Александром и Константином. Единственным человеком, для кого она сделала исключение, была сестра Ланского Елизавета, очень похожая на брата. Екатерина заболела и сама, не могла и часа провести без рыданий.

После похорон, пребывая в неутешной печали, она 3 июля села к столу и закончила начатое еще месяц назад письмо к барону Фридриху Гримму. Она писала: "Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь, моего счастья

не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям.

Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая... Не знаю, что будет со мной; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня..."

Напуганный болезнью Екатерины канцлер А. А. Безбородко вызвал в Петербург Федора Орлова и Потемкина. Они утешали императрицу как могли.

В письме Гримму от 9 сентября Екатерина сообщала: "Через неделю после того, как я написала мое июльское письмо, ко мне приехал граф Федор Орлов и князь Потемкин. До этой минуты я не могла выносить человеческого лица. Оба они взялись за дело умехи. Они начали с того, что принялись выть заодно со мною", тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но до конца еще было слишком далеко..."

Только 5 сентября Екатерина приехала из Царского Села в Петербург, а еще через четыре дня впервые вышла к обеду. Правда, после посещения ее Орловым и Потемкиным она взяла себя в руки и распорядилась делами должным образом и с полным пониманием. И все же первое появление на людях далось ей с большим трудом. Вернувшись с церковной службы в свои апартаменты, Екатерина почувствовала такой упадок сил, что оказалась близка к обмороку.

...Со смертью Ланского связана и еще одна мрачная история.

Умирая, Ланской попросил похоронить его в одном из романтических уголков Царскосельского парка, чтобы и после смерти быть поближе к Екатерине, любившей гулять в парке. Его просьба была исполнена, а могила обозначена мраморной урной.

И вдруг потрясенные служители обнаружили могилу разрытой, а рядом увидели изуродованное и оскверненное тело покойного. Негодяи оставили и позорные пасквили, оскорблявшие память Ланского.

После этого его похоронили в близлежащей церкви Святой Софии, а потом построили и специальную небольшую капеллу-мавзолей.

Екатерина до конца жизни благоволила к брату и сестрам покойного, распространяя милости и на других его родственников. Особенно любила она Елизавету Дмитриевну, более прочих похожую на своего покойного брата и. наиболее любимую им. Ланской завещал Елизавете Дмитриевне, в замужестве Кушелевой, дом и прекрасную картинную галерею. Яков Дмитриевич не namного пережил брата и умер в чине полковника гвардии. Все сестры удачно вышли замуж, одна из них – Евдокия Дмитриевна – стала матерью светлейшего князя Александра Ивановича Чернышова, дипломата и военачальника, героя Отечественной войны 1812 года, военного министра Николая I.

Екатерина, не забыла и семерых двоюродных братьев Ланского. Из них оставили свой след в истории России двое: Василий Сергеевич, который был первым наместником Царства Польского, и Степан Сергеевич. Правда, последний вошел в историю благодаря своему сыну Сергею, который, будучи министром внутренних дел с 1855 по 1861 год, сделал многое для отмены в России крепостного права. 23 апреля 1861 года, через два месяца после опубликования манифеста об освобождении крестьян, Сергей Степанович Ланской – в молодости масон и член революционного "Союза Благоденствия" – был возведен императором Александром II в графское Российской империи достоинство.

"Случай" Ланского был одним из самых длительных в жизни Екатерины II, он продолжался более четырех лет.

Новелла 10. Александр Петрович Ермолов

Потрясенная до глубины души смертью Ланского, пораженная кощунственной историей, происшедшей с его прахом, Екатерина почти целый год пребывала в состоянии холодной апатии, отрешившись от радостей жизни, пребывая в несвойственной ей меланхолии и тоске. Но натура взяла свое, и благодаря стараниям друзей и подруг, а более всего незаменимого и неутомимого Потемкина Екатерине был представлен блестящий молодой офицер Александр Петрович Ермолов.

Не будем вместе с некоторыми другими путать нового фаворита со знаменитым Алексеем Петровичем Ермоловым – героем войны 1812 года. У Александра Петровича и его знаменитого родственника Алексея Петровича был общий предок – Леонтий Петрович Ермолов, доводившийся фавориту дедом, а полководцу – прадедом. Этот общий предок на рубеже XVII и XVIII веков служил сначала стольником царицы Прасковьи Федоровны, а потом – в гвардии, выйдя в отставку капитаном. Он имел четырех сыновей, младший из которых – Петр Леонтьевич – стал отцом фаворита.

Как это бывало и прежде, Ермолов оказался не единственным претендентом на сердце императрицы. Прежде чем он попал в "случай", ему пришлось провести нелегкую борьбу с другими соперниками. Наиболее серьезным из них оказался князь Павел Михайлович Дашков, сын Екатерины Романовны Дашковой. Ему исполнилось тогда 22 года, он был хорош собой, получил прекрасное образование, окончив Эдинбургский университет в Шотландии со степенью магистра искусств.

Пока Дашков учился в Эдинбурге, ему шли чины по военной службе, и потому, возвратившись в Россию, он стал капитан-поручиком гвардии и в этом чине оказался адъютантом Потемкина. В 1783 году он стал полковником, через два года вернулся в свите Потемкина в Петербург и был представлен императрице на соискание чина флигель-адъютанта. Говорили, что молодой князь понравился Екатерине, но назначение Дашкова флигель-адъютантом не состоялось из-за его скандальной скоропалительной женитьбы на купеческой дочке девице Алферьевой, которую княгиня Дашкова не желала видеть до конца своих дней. Тогда-то и взошла звезда его соперника, тоже адъютанта Потемкина, Александра Петровича Ермолова.

Потемкин специально устроил праздник, чтобы познакомить Ермолова с императрицей. Праздник удался на славу – Ермолов стал флигель-адъютантом императрицы и вскоре переехал в давно уже пустующие покои фаворитов. Он оставил по себе хорошую память: помогал всем, кому мог, если был убежден, что перед ним – достойный человек. Императрица полагалась на его рекомендации, ибо Ермолов был умен, умел правильно оценивать людей и никогда не ходатайствовал за недостойных. Кроме того, он был необычайно правдив и искренен, что и погубило его.

Причиной тому был следующий эпизод.

После покорения Крыма хан Сабин-Гирей должен был получать от Потемкина крупные суммы, оговоренные государственным договором, но Светлейший задерживал эти выплаты и несколько лет ничего не платил хану. Тогда Гирей обратился за помощью к Ермолову, тот обо всем рассказал Екатерине, а императрица вскоре же высказала свое неудовольствие Потемкину.

Светлейшему не составило труда вычислить виновника, и он поставил вопрос ребром: "Или я, или он". Екатерина, поколебавшись, склонилась, как и

прежде, на сторону Потемкина и в июне 1786 года попросила передать Ермолову, что она разрешает ему уехать на три года за границу. Александр Петрович с рекомендательными письмами А. А. Безбородко уехал в Германию и Италию. Везде он вел себя необычайно скромно, чем удивлял российских резидентов. Столь же скромно вел он себя и возвратившись в Россию. Ермолов переехал из Петербурга в Москву, где его ожидал теплый и радушный прием, ибо у бывшего фаворита в Москве не оказалось врагов или завистников.

За время фавора, продолжавшегося год и четыре месяца, Ермолов получил два поместья, стоившие 400 000 рублей, а также 450 000 наличными в виде единовременных выплат, пенсии и жалованья. Позднее Ермолов уехал в Австрию, где купил богатое и прибыльное поместье Фросдорф неподалеку от столицы империи и превратил его в одну из самых привлекательных загородных усадеб. (О богатстве и роскоши Фросдорфа свидетельствует хотя бы тот факт, что его следующим владельцем стал граф Генрих-Карл Шамбор, сын герцога Беррийского – последний принц из дома Бурбонов. Десятилетним мальчиком в 1830 году он был даже провозглашен королем Франции Генрихом V, но реализовать это право не смог из-за политических обстоятельств.)

Возвратившись ненадолго из-за границы, Александр Петрович женился на княжне Елизавете Михайловне Голицыной и стал впоследствии отцом троих сыновей – Петра, Михаила и Федора, ничем не отличившихся. Да "сам он не желал привлекать к себе ничьего внимания, так как решил навсегда оставить Россию и поселиться в Фросдорфе.

– Там он и умер в 1836 году восьмидесяти двух лет от роду.

Новелла 11. Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов

Преемником Ермолова стал двадцативосьмилетний капитан гвардии Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов – дальний родственник Потемкина и его адъютант. Допустив промах с Ермоловым, Потемкин долго присматривался к Мамонову, прежде чем рекомендовать его флигель-адъютантом к Екатерине. В августе 1786 года Мамонов был представлен Екатерине и вскоре назначен флигель-адъютантом. Современники отмечали, что он был единственным из фаворитов, которого нельзя назвать красавцем. Он отличался высоким ростом и физической силой, имел скуластое лицо, чуть раскосые глаза, светившиеся умом и лукавством. Он был хорошо образован, и беседы с ним доставляли императрице немалое удовольствие. Через месяц он стал уже прапорщиком кавалергардов и генерал-майором по армии.

Первые почести не вскружили голову новому фавориту – он проявлял сдержанность, такт и завоевал репутацию умного и осторожного человека. Дмитриев-Мамонов хорошо говорил на немецком и английском языках, а французский знал в совершенстве. Кроме того, он проявил себя и как недурной стихотворец и драматург, что особенно импонировало Екатерине. Благодаря всем этим качествам, а также и тому, что Мамонов непрестанно учился, много читал и пытался серьезно вникать в государственные дела – особенно в дела внешнеполитические – он стал советчиком императрицы. Когда в начале 1787 года Екатерина собралась в путешествие на юг – в Крым и Новороссию, – Мамонов в течение всего этого вояжа ни на минуту не оставлял ее.

Подготовка к путешествию в Новороссию и Крым началась за два года до того как Екатерина отправилась в путь.

Уже в октябре 1784 года Потемкин приказал собирать лошадей на станциях, строить путевые дворцы, готовить квартиры для свиты в разных городах.

Десятки тысяч людей ремонтировали дороги, строили гавани и причалы, обустроивали Кременчуг, Екатеринослав, Херсон, Николаев и другие недавно заложенные города. На Днепре строилась флотилия речных судов, на которых императрица должна была плыть к Черному морю. Спешные строительные работы велись в Севастополе.

Еще в 1782 году Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первым удобным случаем для захвата Ахтиарской гавани, названной потом русскими Севастопольской бухтой.

В 1784 году созданный здесь военно-морской порт был назван Севастополем, что в переводе с греческого означало "Величественный город" или "Город славы".

В губерниях, расположенных ближе к столицам, тоже велись приготовления к встрече Екатерины.

Путешествие началось по санному пути и было прервано на три месяца в Киеве в ожидании, когда на Днепре сойдет лед и можно будет продолжать путь на галерах. Путешествие проходило в непринужденной атмосфере, казалось, что Екатерина и множество придворных отправились для развлечений, легкомысленных детских бесед, забав и веселья. Участники словно соревновались в знании истории, географии, земледелия, статистики, изящной словесности и философии. На стоянках писали шарады и буриме, вечерами устраивали любительские спектакли, именуемые тогда живыми картинами.

Особенно преуспевали в этих затеях французский посланник в Петербурге, поэт и историк, граф Луи-Филипп Сегюр и австрийский посланник граф Людвиг Кобенцель. Вкупе с Екатериной и хорошо образованным Дмитриевым-Мамоновым они составляли ядро того утонченного и высокоинтеллектуального общества, которое медленно, с многодневными остановками, продвигалось на юго-запад.

И все же невозможно было отрешиться от большой политики, и волей-неволей и Екатерина, и Мамонов, и другие ее ближайшие сподвижники должны были обсуждать Восточный вопрос, политику Пруссии, плачевное, взрывоопасное положение Франции, стоявшей на пороге революции. Причем Мамонов очень часто оказывался на высоте положения и с каждым днем завоевывал все больший авторитет у императрицы и иностранных вояжеров, прочивших фавориту блестящую дипломатическую карьеру.

Переезжая из одной губернии в другую, встречаемые толпами восторженных россиян, триумфальными арками, фейерверками, иллюминациями, артиллерийскими салютами, звоном колоколов, пышными процессиями духовенства, экзотически разнаряженными в национальные одежды депутациями коренных и малых народов, императрица и ее спутники приходили в восторг от увиденного и услышанного, утверждались в свершении благодатных перемен за четверть века царствования Екатерины II.

Отпраздновав день рождения Екатерины, путешественники на флотилиях из восьмидесяти судов поплыли вниз по Днепру. Вот как об этом писал Сегюр: "Впереди шли семь нарядных галер огромной величины... Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками. Каждый из нас имел комнату и еще нарядный, роскошный кабинет с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным стоком красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством.

Мы продвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега вокруг зеленеющих островков, где собравшееся население кликами приветствовало императрицу. По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и

стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей. Порою на береговых равнинах маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижинки были так изукрашены цветами, расписаны декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами. Снег стоял, земля покрылась яркой зеленью, луга запестрели цветами, солнечные лучи оживляли и украшали все предметы. Гармонические звуки музыки с наших галер, праздничные наряды побережных зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат доказывала нам, что мы оставляем области этого знаменитого мужа и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина. Стихии, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучего любимца".

Через Канев, где состоялась встреча Екатерины II с польским королем Станиславом-Августом Понятовский, с которым она не виделась уже тридцать лет, императрица проследовала в село Кайдаки, в коем ожидал ее австрийский император Иосиф II, скрывавшийся под именем графа Фалькенштейна. Он сначала приехал в Херсон, осмотрел там арсенал, казармы, верфи и склады и затем выехал навстречу Екатерине. После дружеской встречи в Кайдаках Иосиф II вместе со всеми доплыл до Херсона, где состоялось нечто вроде конгресса, в котором приняли участие австрийский император, русская императрица, а также посланники Франции и Англии.

Затем через Перекоп и степной Крым путешественники проследовали в столицу Гиреев — Бахчисарай, а оттуда — в Севастополь. Здесь путников поразили многочисленные линейные корабли и фрегаты, стоявшие в бухте и готовые за двое суток дойти до Константинополя.

Проехав по другим городам Крыма, Екатерина возвратилась в Петербург, где на Мамонова, словно из рога изобилия, посыпались монаршие милости: он стал шефом Санкт-Петербургского полка, был пожалован в генерал-адъютанты. Двадцать пятого мая 1788 года Иосиф II возвел фаворита в графское достоинство Римской империи. Затем Екатерина наградила его орденом Александра Невского, усыпанным бриллиантами, стоимостью в 30 000 рублей. Доходы Мамонова с поместий, жалованье и содержание составляли не менее 300 000 рублей в год. Одни только бриллиантовые аксельбанты генерал-адъютанта Мамонова стоили не менее 50 000 рублей.

Казалось, в жизни Екатерины II наступил новый период любви и благоденствия. Но государственные заботы и хлопоты вновь потребовали ее энергии и внимания. Турецкий султан домогался возвращения Крыма и признания недействительным присоединения владений Ираклия II к России. Тринадцатого августа 1787 года Турция объявила войну, а 12 сентября манифест о войне с Турцией подписала Екатерина II. Потемкин находился на юге, при армии, и Мамонов как мог поддерживал императрицу.

А тут к делам и заботам государственным добавились любовные тревожения. Оценив по достоинству ум и способности своего избранника, Екатерина готовила Мамонова к должности вице-канцлера. Но тридцатилетний талант вдруг перестал пылать чувствами к шестидесятилетней императрице, променяв ее на юную прелестницу, фрейлину княжну Дарью Федоровну Шербатову.

Екатерина не сразу узнала о случившемся, хотя ей показались подозрительными частые недомогания ее любимца, когда он неделями не показывался в алькове императрицы.

Наконец весьма осторожно, но совершенно однозначно обманутой самодержице сообщили о коварном изменнике, поправшем и любовь ее, и служебный долг, ибо пост фаворита уже давно почитался государственной должностью.

Мамонов почувствовал, что Екатерина все знает, и, предвосхищая вызов для объяснения, однажды утром, нарядившись в красный бархатный кафтан, который особенно был ему к лицу, надев все ордена и бриллианты, явился к Екатерине. По его виду она поняла, что предстоит объяснение, и сама завела разговор о неожиданном для нее охлаждении. Мамонов сначала, как делал это и раньше, сослался на болезнь, а потом заявил, что он недостойн ее, но о своей любви к фрейлине ничего не сказал.

После этого рандеву уязвленная Екатерина села к столу и написала Мамонову: "Пусть совершается воля судьбы. Я могу предложить вам блестящий исход, золотой мостик для почетного отступления. Что вы скажете о женитьбе на дочери графа Брюса? Ей, правда, только 14-й год, но она совсем сформирована, я это знаю. Первейшая партия в империи: богата, родовита, хороша собой. Решайте немедленно. Жду ответа".

Через полчаса она получила ответ Мамонова, написанный им из соседней комнаты: "Дальше таиться нельзя. Должен признаться во всем. Судите и милуйте. На графине Брюсовой жениться не могу. Простите. Более года люблю без памяти княжну Щербатову. Вот будет полгода, как дал слово жениться. Надеюсь, поймете и выкажете милосердие и сострадание.

Несчастный, но вам преданный до смерти А."

Любовь к Щербатовой стоила Александру Матвеевичу утраты его положения фаворита, но не более того, ибо после состоявшегося объяснения Екатерина купила молодым несколько деревень более чем с 2000 крестьян, подарила невесте драгоценности и сама обручила их.

Во время обручения Дарья Федоровна и Александр Матвеевич, держась за руки, встали на колени перед своей благодетельницей и искренне заплакали. Поднимая их с колен и обнимая обоих, плакала и Екатерина.

Потом императрица разрешила им обвенчаться в дворцовой церкви и сама присутствовала при венчании.

Когда Екатерина отставила Дмитриева-Мамонова, покинула двор императрицы и фрейлина Мария Васильевна Шкурина за то, что содействовала роману Мамонова со Щербатовой. Шкуруину исключили из списка фрейлин, выдали ей на приданое 12 000 рублей, и она вместе с Мамоновыми уехала в Москву. Но приданое Шкуриной не пригодилось – она так и не вышла замуж, а постриглась под именем Павлин и жила по разным московским монастырям, пока не умерла в 1824 году инокиней Алексеевской женской обители.

Погребли же ее в Новодевичьем монастыре.

Семейная жизнь Мамоновых не заладилась. Объяснялось это вздорным характером Александра Матвеевича, его несдержанностью и вспыльчивостью.

Екатерина однажды сказала о нем: "Он не может быть счастлив: разница – ходить с ним в саду и видеться на четверть часа или жить вместе". И Екатерина оказалась права. Супруги не были счастливы. Дарья Федоровна умерла в 1801 году. Мамонов пережил ее всего на два года, скончавшись тоже весьма рано – сорока пяти лет – и оставив пятнадцатилетнего сына и тринадцатилетнюю дочь.

Новелла 12. Последний фаворит

Когда место фаворита освободилось, сторонники и враги Потемкина тут же стали подыскивать матушке-государыне нового кандидата. Среди них были отставной секунд-майор Преображенского полка Казарянов, барон Менгден, будущий известный военачальник и выдающийся храбрец Михаил Андреевич Милорадович – все молодые красавцы, за каждым из которых стояли влиятельные придворные – Потемкин, Безбородко, Нарышкины, Воронцовы, Завадовский и другие.

Но судьба улыбнулась двадцатидвухлетнему секунд-ротмистру конной гвардии Платону Александровичу Зубову – ставленнику фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова, главного воспитателя внуков Екатерины. Зубов был отменно красив и молод (на тринадцать лет младше сына Екатерины – Павла). Все последние фавориты Екатерины оказывались возле нее с благословения и согласия Потемкина, а вот Зубов был введен в будуар государыни недоброжелателями Светлейшего, воспользовавшимися тем, что он находился на Дунае.

Хорошо осведомленный в придворных делах М. И. Гарновский писал: "Николай Иванович Салтыков был и есть Зубовым протектор, следовательно, и полковнику Зубову наставник, Зубов-отец – друг князя Александра Алексеевича Вяземского, а Анна Никитична Нарышкина предводительствует теперь Зубовым и посему играет тут первую и знатную роль. Вот новая перемена со своею лигою, которые, однако же, все до сих пор при воспоминании имени его светлости неведомо чего трусят и беспрестанно внушают Зубову иметь к его светлости достодолжное почтение, что и господину Зубову (отцу) твердили".

В тот вечер, когда Дмитриев-Мамонов получил отставку, к Анне Никитичне Нарышкиной явился Зубов и там встретился, конечно же не случайно, с захавшей к ней, как будто ненароком, Екатериной. Здесь-то она и сделала окончательный выбор, отправив затем нового фаворита сначала к Роджерсону, а затем к пробир-фрейлине Протасовой. Вечером 20 июня 1789 года, после того как Екатерина получила заверения Роджерсона и Протасовой в отменном здоровье и мужской силе претендента, она, будто бы случайно, встретилась с Зубовым в Царскосельском парке и отвела его в мавританскую баню, представлявшую собой точную копию бани турецкого султана, где окончательно убедилась в справедливости данного ей заключения.

Придворные из партии Потемкина удивились появлению Зубова в роли фаворита, называя его мотыльком-поденкой и эфемеридой, но вскоре поняли, что ошиблись. В тот момент, когда Мамонов, нанеся прощальный визит Екатерине, спускался вниз по парадной лестнице Зимнего дворца, навстречу ему шел Зубов.

– Что нового? – спросил Зубов, поклонившись.

– Да ничего, кроме того, что вы поднимаетесь, а я опускаюсь, – ответил бывший фаворит.

Первого июля Мамонов оставил апартаменты Зимнего дворца и уехал в Москву. На следующий день Зубов стал полковником гвардии и флигель-адъютантом, а еще через сутки обнаружил в ящике своего письменного стола 100 000 рублей золотом и 25 000 – ассигнациями.

Вечером он был приглашен Екатериной играть с нею в карты и, таким образом, представлен ею узкому кругу близких друзей. Когда игра закончилась, Екатерина, взяв под руку нового флигель-адъютанта, направилась к дверям своей спальни.

Утром почти все первые лица империи собрались в приемной Зубова. Здесь были Салтыков и Морков, Нарышкин и Вяземский, старик Мелиссино и Архаров, Самойлов и Безбородко – князья, графы, генералы. Зубов заставил их ждать более часа и наконец появился с надменной, но ласковой улыбкой.

Знающие люди – а в приемной в таковых недостатка не было – утверждали, что дворяне Зубовы делились на две ветви. Одна из них происходила от татарского баскака Амрагата, принявшего христианство в XIV веке, вторая – от одного из бояр Ивана III. В семье фаворита считали, что их предком является боярин и что отец Платона Зубова – десятое колено именно этой ветви. Его отец в 1762 году женился на Елизавете Алексеевне Вороновой, которая была моложе его на пятнадцать лет. В браке родилось четыре сына – Николай, Дмитрий, Платон и Валериан и три дочери – Ольга, Екатерина и Анна.

До 1789 года, когда произошел "случай", Зубов-отец был управляющим одного из имений Н. И. Салтыкова, занимая к тому же пост вице-губернатора в одной из провинций. Как только Платон Зубов оказался в фаворе, отца тут же перевели в Петербург обер-прокурором Первого департамента Сената, ведавшего важнейшими вопросами государственного управления. Здесь новый обер-прокурор проявил себя человеком умным, но злым, недобросовестным и охотником до взяток. Благодаря сыну ему сходили с рук все его злоупотребления.

Когда Зубов-отец появился в Петербурге, здесь в Конной гвардии уже служили и все его сыновья, которым покровительствовал фельдмаршал Н. И. Салтыков.

Почти одновременно с Зубовым-отцом в Петербурге появились его жена и дочери. Все Зубовы были представлены императрице. Особое расположение и сердечность она оказала самому младшему из братьев – семнадцатилетнему Валериану, юноше не только красивому, но и обладающему многими иными достоинствами: смелостью, открытостью, веселостью, в котором детская непосредственность соседствовала с живым умом и настойчивым стремлением быть во всем первым и непременно добиваться успеха.

Платону Зубову не понравилось внимание императрицы к младшему брату, и, опасаясь успеха Валериана, он добился отправки его в действующую армию к Потемкину.

Когда юный подполковник появился в Яссах, в ставке Светлейшего, тот уже доподлинно знал обо всем, случившемся в Петербурге. Ситуация не волновала Потемкина, ибо он был уверен, что зажегшаяся звездочка нового любимца императрицы не сможет соперничать по своему свету и блеску с его немеркнущей звездой. Он уже привык к тому, что не является единственным фаворитом императрицы, но был уверен, что никто не сравнится с ним ни по силе влияния на Екатерину, ни по реальным плодам деятельности на благо России.

Где были ныне Завадский, Зорич, Корсаков, Ермолов, Мамонов, пытавшиеся соперничать с Великим Циклопом?

Потому и не ждал никто, как и сам Потемкин, что юный флигель-адъютант, проведенный всего несколько ночей с престарелой императрицей, сможет вытеснить из ее сердца венчанного мужа и соправителя.

Приезд Валериана Зубова не заставил Потемкина изменить свое отношение к происшедшему, и он ничуть не опасался, что брат фаворита, находясь рядом, в его ставке, сможет повредить ему во мнении императрицы, оказываясь вольным или невольным свидетелем отнюдь не безобидных утех в покоях яесского дворца.

И хотя из Петербурга приходили все новые доказательства чрезмерного влияния Зубова на императрицу, Потемкин не торопился в столицу.

Новелла 13. Тысяча и одна ночь князя Тавриды

Во многом виной опалы Потемкина был новый его роман с женой двоюродного брата, двадцатилетней красавицей Прасковьей Андреевной Потемкиной, урожденной Закревской.

Сохранились письма Потемкина Прасковье Андреевне, написанные на цветных листах почтовой бумаги с золотым обрезом. Вот два из них:

"Жизнь моя, душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет непонятная к тебе сила... Нет минуты, чтобы ты, моя небесная красота, выходила у меня из мысли; сердце мое чувствует, как ты в нем присутствуешь. Приезжай же, сударушка, пораньше, о, мой друг, утеха моя и сокровище бесценное ты; ты — дар Божий для меня. Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость!

Моя любовь не безумною пылкостью означается, как бы — буйное пьянство, но исполнена непрерывным нежнейшим чувствованием. Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя живо перед собой".

Прасковья Андреевна конечно же поверила князю. И как было не поверить, получая такие письма и иные подтверждения любви, но тут же была обманута. Весь 1789 год был переполнен амурными утехами и непрерывными победами князя Таврического над прелестнейшими дамами России, Польши, Молдавии, актрисами из разных европейских стран, приезжавшими в ставку Светлейшего в Яссы часто не без определенного умысла.

Потемкин занимал в Яссах самый большой и роскошный дворец князей Кантакузинов — знатнейшего рода в Молдавии и Валахии. Здесь трижды в неделю происходили роскошнейшие балы и празднества. Весной 1789 года армия Румянцева была передана князю Н. В. Репнину, а затем слита с армией Потемкина. Разумеется, главнокомандующим был назначен Потемкин. Он поставил своей целью овладеть Бендерами и почти все войска, не торопясь, двинул к стенам этой крепости.

Крепость сдалась, как только русские войска окружили ее. В Петербург Потемкиным был послан брат фаворита Валериан Зубов с радостным извещением о победе.

Четырнадцатого ноября 1789 года он примчался в столицу, и Екатерина пожаловала гонца чином полковника и званием флигель-адъютанта. Сверх того было подарено ему 10 000 рублей, золотая табакерка с вензелем и перстень с алмазом. 29 марта 1790 года Валериан с рекомендательным письмом императрицы к главнокомандующему уехал из Петербурга и в середине апреля попал в привычную обстановку.

И дворец был тот же, и люди те же, только "предмет" страсти Григория Александровича в очередной раз переменялся. Теперь это была двадцатитрехлетняя гречанка совершенно сказочной красоты, смотреть на которую собирались толпы народа и в Варшаве, и в Париже. Это была знаменитая София Витт, жена польского генерала Иосифа Витта, впоследствии графиня Потоцкая-Щенсны.

София, в девичестве Клявона, родилась в Константинополе, где была не то прачкой, не то невольницей. Ее купил польский посол в Турции Боскап Ляскоронский и перепродал Витту, бывшему тогда майором.

А. М. Тургенев писал о мадам Витт, что Потемкин "куртизанил с племянницами своими и урожденною гречанкою, бывшею прачкою в Константинополе, потом польской службы генерала Витта женою, потом купленною у Витта в жены себе графом Потоцким и, наконец, видеющею у ног своих обожателями своими: императора Иосифа, короля прусского, наследника Фредерика II, Вержена — первого министра во Франции в царствование короля-кузнеца Людовика XVI, шведского короля Густава; будучи в

преклонных летах, графиня София Потюцкая была предметом даже Александра Павловича"

Историк-профессор А. Г. Брикнер утверждал, что в начале 90-х годов у нее от Потемкина родилась дочь.

После мадам Витт настала очередь не менее очаровательной, но еще более молодой княжны Долгоруковой.

В день ее именин Потемкин, устроив праздник, посадил княжну рядом с собой и велел подать к десерту хрустальные чаши, наполненные бриллиантами. Из этих чаш каждая дама могла зачерпнуть для себя ложку бриллиантов. Когда именинница удивилась такой роскоши, Потемкин ответил ей: "Ведь я праздную ваши именины, чему же вы удивляетесь?"

Когда оказалось, что у княжны нет подходящих бальных туфелек, которые она обычно выписывала из Парижа, Потемкин послал нарочного во Францию, и тот, загоня лошадей, скакал дни и ночи и все-таки доставил башмачки в срок.

(Дело было в том, что туфельки княжны уже вышли из моды, а ей нужны были моднейшие.)

В те вечера, когда балов у Потемкина не было, в интимных покоях Светлейшего появлялись все новые соискательницы его ласк и бриллиантов. Пресытившись любовью, пирами, лестью и легкими победами, он сделался раздражительным сверх всякой меры, пребывал в непрерывной меланхолии и ни в чем не находил покоя, пока наконец не уехал в Петербург.

Он приехал в столицу 28 февраля 1791 года.

В Петербурге Потемкин был встречен с прежними почестями и поселился в Зимнем дворце. Екатерина II подарила ему фельдмаршальский мундир, украшенный алмазами и драгоценными камнями стоимостью в 200 000 рублей и Таврический дворец, уже однажды принадлежавший ему, но проданный им в казну.

Мешая хандру и меланхолию с деятельным участием в отделке дворца Потемкин задумал учинить праздник, который затмил бы все его собственные прежние пиры.

Десятки художников и декораторов работали в залах, готовя нечто дотоле не виданное. Множество молодых кавалеров и дам являлись во дворец на репетиции задуманных князем живых картин. На площади перед дворцом построили качели и карусели, рядами расположили лавки, забитые разными вещами – платками и шальями, юбками и кофтами, ботинками и сапогами, штанами и рубашками, шляпами и шапками. Их должны были безвозмездно раздавать простолюдинам. Здесь же соорудили столы с напитками и яствами для бесплатного угощения.

Девятого мая 1791 года 3000 приглашенных господ и дам явились в Таврический дворец, одетые в маскарадные костюмы. Сам Светлейший блистал в алом кафтане и епанче из черных кружев. Его шляпу украшало так много бриллиантов, что он, не вынеся их тяжести, отдал ее одному из адъютантов, и тот носил шляпу за Потемкиным весь праздник. На хорах большой залы разместилось 300 певцов и музыкантов.

Зал освещался 60-ю огромными люстрами и 5000 разноцветных лампад в виде лилий, роз, тюльпанов, гирляндами оплетавших колонны зала.

Стены покоев были обиты драгоценными тканями и обоями, всюду стояли мраморные статуи и вазы.

Особенной пышностью отличались комнаты, предназначенные для карточной игры Екатерины II и великой княгини Марии Федоровны. Их стены были обиты гобеленами, а на мраморных столах перед зеркалами рядами стояли диковинные вещи из золота, серебра и драгоценных камней.

Из большого зала гости могли пройти и в зимний сад, площадь которого была в шесть раз больше императорского. Посетителей встречали цветущие и

благоухающие померанцевые деревья, обвитые розами и жасмином, редчайшие экзотические кустарники, море ярчайших цветов и нежнейшая зелень лужаек, на которых стояли сверкающие стеклянные шары-аквариумы с плавающими внутри разноцветными рыбками. Меж мраморных статуй, беседок и фонтанов в центре сада размещался храм Екатерины, на жертвеннике которого перед ее статуей были выбиты слова: "Матери Отечества и моей благодетельнице". Невидимые глазу курильницы с благовониями испускали непередаваемые ароматы, перемешивающиеся с запахами цветов, а в ветвях деревьев неумолчно пели десятки соловьев, канареек, дроздов и прочих певчих птиц. Таврический сад под открытым небом представлял собою как бы продолжение зимнего сада – он был изукрашен столь же искусно, на прудах стояли лодки и гондолы, а из множества беседок, построенных на насыпных холмах, открывались изумительной красоты виды дворца и парка.

Екатерина приехала в семь часов вечера со всей императорской фамилией. Как только она появилась, ее провели в большой зал, где начался балет, в котором участвовали двадцать четыре пары юных аристократов и аристократок самой очаровательной наружности. В их числе были Александр, Константин, принц Вюртембергский и их жены. Потом был спектакль, поставленный в боковой зале и умышленно продолжавшийся очень долго, чтобы сам праздник начался в сумерках и поразил гостей световыми эффектами и иллюминацией. Только во дворце одновременно зажглось 140 000 лампад и 20 000 свечей, а в саду вспыхнуло множество разноцветных гирлянд, фонариков и огней. Когда во дворце начался бал, в парк были впущены все желающие. Простой люд веселился по соседству с господами и стал участником праздника. Описывать застолье не будем, по роскоши оно не уступало всему остальному. Во всяком случае, достоверно известно, что устройство праздника обошлось Светлейшему в полмиллиона рублей.

Когда Екатерина, вопреки обычаю пробывшая на празднике до утра, первой из всех оставляла дворец, Потемкин упал перед нею на колени и заплакал. Потом говорили, что Потемкин плакал оттого, что чувствовал приближение смерти.

После грандиозного праздника в Таврическом дворце Потемкин пробыл в Петербурге еще два с лишним месяца.

Двадцать третьего июля 1791 года он отужинал в компании Платона Зубова и других гостей, которых новый фаворит позвал на проводы Светлейшего. Ужин проходил в Царском Селе. Среди гостей был и банкир Екатерины барон Сутерланд, с которым мы еще встретимся.

Двадцать четвертого июля, в шестом часу утра, простившись с Екатериной, Потемкин уехал из Царского Села в Галац, где оставленный им командующим армией князь Н. В. Репнин 31 июля подписал предварительные условия мира с Турцией. Репнин намеренно не стал ждать Потемкина, чтобы оставить для потомков под протоколом не его, а свое имя.

Потемкин узнал об этом в дороге и расстроился пуще прежнего. 1 августа он прибыл к армии, а через три дня произошло событие, еще более омрачившее его. Не успел Потемкин приехать в Галац, как скончался родной брат великой княгини Марии Федоровны герцог Карл Вюртембергский – один из любимых его генералов.

При отпевании покойного в церкви Потемкин стоял возле гроба до конца. По обыкновению все расступились перед ним, когда он первым вышел из церкви. Потемкин был столь сильно удручен и задумчив, что, сойдя с паперти, вместо кареты подошел к погребальному катафалку. Он тут же в страхе отступил, но твердо уверовал, что это не простая случайность, а предзнаменование.

В тот же вечер он почувствовал озноб и жар, слег в постель, но докторов к себе не допускал, пока не стало совсем худо. Только тогда он приказал везти себя в Яссы, где находились лучшие врачи его армии.

Там болезнь ненадолго отпустила его, потом снова усилилась. 27 сентября, за трое суток до дня своего рождения, Потемкин причастился, ожидая скорую смерть, но судьбе было угодно ниспослать больному еще несколько мучительных дней, в которые он категорически отказывался от каких-либо лекарств и только подолгу молился.

Тридцатого сентября ему исполнилось 52 года, а еще через пять дней велел он везти себя в Николаев, взяв с собой любимую племянницу графиню Браницкую. В дороге ему стало совсем плохо. В ночь на 6 октября 1791 года больного вынесли из кареты, постелили в степи возле дороги ковер и положили на него Потемкина с иконой Богородицы в руках.

Он умер тихо, и, когда конвойный казак положил на глаза покойному медные пятаки, никто из сопровождавших Потемкина не поверил, что он мертв.

Браницкая, закричав, бросилась ему на грудь и старалась дыханием согреть его похолодевшие губы...

Всеведущий А. М. Тургенев потом писал: "Банкир Зюдерланд (Сутерланд), обедавший с князем Потемкиным в день отъезда, умер в Петербурге в тот же день, тот же час, чувствуя такую же тоску, как князь Потемкин чувствовал, умирая среди степи, ехавши из Ясс в Николаев... как все утверждают, ему был дан Зубовым медленно умерщвляющий яд".

Врачи, произведя вскрытие, обнаружили необычайно сильное разлитие желчи, которая обволокла многие органы, успев в некоторых местах даже затвердеть. Все это приписали они тому, что князь отказался от лечения, не принимал лекарств и делал все, чтобы погубить себя: ел во время болезни жирную пищу, обливался холодной водой и вместо того, чтобы спокойно лежать в постели, переезжал из одного места в другое по тряским дорогам, при жаре и сквозняках.

Забальзамировав Потемкина, его похоронили 23 ноября 1791 года в Херсоне в подпольном склепе церкви Святой Екатерины, не предавая земле, а оставив гроб на пьедестале.

Так он и стоял под богато украшенной драгоценными камнями иконой Спасителя, которой Екатерина II благословила его в 1774 году на Новороссийское генерал-губернаторство. Правда, через два года племянник покойного, граф А. Н. Самойлов, ссылаясь на права наследника, отобрал икону, а после смерти Екатерины II по приказу Павла I гроб погребли в земле в том же склепе, где он и стоял, а вход в склеп замуровали...

Новелла 14. Женитьба Александра Павловича

Когда Александру пошел пятнадцатый год, Екатерина решила, что пора подумать о его женитьбе. Поисками невесты занялся посланник при германских дворах граф Николай Петрович Румянцев, сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, будущий министр иностранных дел, основатель известного московского музея и библиотеки, носившей его имя.

Екатерина обратила внимание Румянцева на внучек маркграфа Баденского Карла-Фридриха – четырех дочерей наследного баденского принца Карла-Людвига и его высоконравственной и добродетельной супруги Амалии. Их дочери славилась хорошим воспитанием, добрым нравом, красотой и здоровьем.

Румянцеву следовало особенно внимательно присмотреться к двум старшим принцессам – одиннадцатилетней Луизе-Августе и девятилетней Фридерике-Доротее. В случае, если, по мнению Румянцева, девочки окажутся достойными

Российского императорского дома, следовало, собрав все необходимые сведения, добиться согласия родителей на поездку сестер в Петербург. Румянцев сразу же очаровался старшей – Луизой-Августой. Сопровождавший его в поездке в Карлсруэ граф Евграф Комаровский писал о ней так: "Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении".

Юному Александру после того, как сестры 31 октября 1792 года прибыли в Петербург, оставалось лишь остановить выбор на одной из них. И его избранницей оказалась старшая – Луиза, а младшая, пробыв в Петербурге до августа 1793 года, уехала обратно в Карлсруэ.

Воспитатель Александра А. Я. Протасов записал в своем дневнике:

"Александр Павлович обходился с принцессой старшей весьма стыдливо, но приметна была в нем большая тревога, и с того дня, полагаю я, начались первые его к ней чувства". Следует иметь в виду, что Александру еще не было пятнадцати лет и его смущение было вполне естественным.

В том же дневнике Протасова, в записи от 15 ноября 1793 года, находим мы и описание невесты Александра: "Черты лица ее очень хороши и соразмерны ее летам... Физиономия пресчастливая, она имеет величественную приятность, рост большой, все ее движения и привычки имеют нечто особо привлекательное... В ней виден разум, скромность и пристойность во всем ее поведении, доброта души ее написана в глазах, равно – и честность. Все ее движения показывают великую осторожность и благонравие: она настолько умна, что нашлась со всеми, ибо всех женщин, которые ей представились, умела обласкать или, лучше сказать, всех обоюбого пола людей, ее видевших, к себе привлекла".

После того как выбор был сделан, события пошли обычным порядком: невесту образовали в православии, крестили по греческому образцу, нарекли Елизаветой Алексеевной, обручили с Александром, а затем в конце октября 1793 года сыграли свадьбу.

Молодожены окунулись в жизнь, наполненную праздниками и нескончаемыми удовольствиями. У них появился свой двор, свой штат, а вместе с этим начались сплетни, интриги и борьба сразу же образовавшихся при молодом дворе враждебных друг другу партий.

Не обошлось и без скандалов, самым громким из которых стало настойчивое ухаживание за Елизаветой Алексеевной Платона Зубова.

Влюбившись в Елизавету и не встретив ответного чувства, Платон Александрович впал в меланхолию и по целым дням валялся на диване, заставляя играть для себя на флейте. Сладострастные и печальные звуки ввергали его в грусть и томление.

Пятнадцатого ноября 1795 года Александр писал В. П. Кочубею: "Вот уже год и несколько месяцев граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, которая воистину ведет себя как ангел".

А она и действительно вела себя как ангел, однажды написав своей матери об Александре: "Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не это".

Однако если Александр не сразу разобрался в происходившем, то его бабушка мгновенно все оценила и решительно положила конец ухаживаниям Зубова за Елизаветой. Платон быстро пришел в себя, забыл о своих чувствах к пятнадцатилетней великой княгине и снова полюбил шестидесятичетырехлетнюю императрицу.

Свадьба многое переменяла в жизни Александра. Он перестал учиться, признавая из учителей лишь Лагарпа, который продолжал сохранять свое

влияние на него. Из прежних привязанностей Александр сохранил только одну – к плац-парадам, разводам, фрунту.

Протасов писал о первых месяцах после женитьбы своего воспитанника: "Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, подражая брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Причина сему – ранняя женитьба и что уверили его высочество, что можно уже располагать самому собою..".

Очарованная своим старшим внуком, не замечая его недостатков, Екатерина твердо решила сделать Александра наследником престола. Причиной тому были не столько достоинства Александра, сколько ее нелюбовь к сыну Павлу.

Еще в 1780 году, после одной из бесед с сыном, Екатерина заметила: "Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти. Из нас сделают провинцию, зависящую от Пруссии. Жаль, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елизаветы, сопровождалась изменением всей системы русской политики".

С тех пор мысль о лишении Павла права наследования престола не оставляла Екатерину, причем все чаще она стала задумываться над тем, чтобы еще при своей жизни объявить цесаревичем Александра.

Еще накануне женитьбы внука Екатерина писала Гримму: "Сперва мы женим Александра, а там со временем и коронуем его".

Но Александр не желал трона, и у него возникли намерения отказаться от своего сана и уйти из дворца, сменив его на сельскую хижину. Об этом девятнадцатилетний Александр говорил своим друзьям – Виктору Павловичу Кочубею и князю Адаму Чарторижскому, с которым особенно сблизился в последние годы.

Встречаясь с князем Адамом, Александр утверждал, что наследственность престола – нелепость и несправедливость, ибо верховную власть народ должен вручать самому способному из своих сыновей, а не тому, кого поставил над обществом слепой случай рождения.

Когда же Александр узнал, что Екатерина не оставляет надежду предоставить престол ему, минуя его отца, он заявил, что сумеет уклониться от такой несправедливости, даже если для этого ему и Елизавете Алексеевне придется спасаться в Америке, где он надеялся стать свободным и счастливым.

Новелла 15. Кончина Екатерины Великой

Двадцать пятого июня 1796 года произошло важное событие в семье Павла – Мария Федоровна родила третьего сына. Это был будущий император Николай I.

Екатерина писала Гримму: "Мамаша родила огромнейшего мальчика. Голос у него – бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков (62 см), а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря".

А 13 августа в Петербург прибыл регент шведского престола герцог Карл Зюндерманландский со своим семнадцатилетним племянником – королем Швеции Густавом IV Вазой. Оба визитера скрывались под другими титулами. Регент назывался графом Гаагским, а король – графом Вазой. Они приехали для смотрин и возможного сватовства тринадцатилетней великой княжны Александры Павловны за короля Швеции.

Перед тем Екатерина немалыми подкупками, неприкрытыми угрозами и даже откровенной демонстрацией силы расстроила предыдущую помолвку Густава IV с герцогиней Мекленбургской и буквально заставила юного короля стать соискателем руки очаровательной русской принцессы.

Жених и его дядя были приняты с превеликим почетом и пышностью. Не только императрица, но и первые вельможи государства — Безбородко, Остерман, Строганов — давали в их честь один бал за другим. Шведы были очарованы невестой и приемом и официально попросили руку Александры Павловны у ее родителей и бабушки.

На 10 сентября была назначена помолвка, и когда весь двор, все сановники и генералы первых четырех классов, все иностранные резиденты приехали во дворец и вошли в Тронный зал, к ним вышла Екатерина в короне, в мантии и села на трон, а рядом встала прелестная невеста, трепещущая и взволнованная.

Долго ждали они жениха, но тот почему-то не появлялся. Тогда в апартаменты Густава IV Екатерина послала Платона Зубова и графа Моркова. Но и они через час вернулись без жениха. Оказалось, что Густав категорически потребовал перехода Александры Павловны в протестантство, в противном же случае объявлял свое сватовство недействительным и от помолвки и свадьбы отказывался. При этом известии Екатерина потеряла сознание — с ней приключился апоплексический удар. Заболела и несчастная невеста, считая себя опозоренной.

Вскоре Екатерине стало лучше, но она понимала, что удар может повториться и тогда возможна и смерть, и потому она возвратилась к делу о передаче трона своему старшему внуку.

шестнадцатого сентября она впервые прямо, откровенно и без обиняков высказала свое желание Александру, передав ему все документы, необходимые для объявления его наследником престола.

Как ни секретно происходило все это, но уже не только при дворе, но и в Петербурге стали говорить о готовящейся "коронной перемене", называя даже дату официального объявления Высочайшего Манифеста: либо 24 ноября 1796 года, в день тезоименитства Екатерины, либо 1 января 1797 года.

Получив пакет документов и внимательно прочитав их, Александр позвал своего верного дядьку Протасова, чтобы посоветоваться, как ему надлежит поступить. Прямой и честный Протасов ответил:

— Надобно обо всем доложить его императорскому высочеству, батюшке вашему.

И Александр, согласившись, попросил Протасова помочь ему в этом деле.

Семнадцатого сентября Александр и Константин присягнули на верность Павлу, дав ему слово сохранить сам факт присяги в тайне, а еще через неделю Александр письменно заверил Екатерину, что во всем согласен с ней, проявив, таким образом, совершеннейшее двуличие.

Восемнадцатого сентября с Екатериной случился еще один легкий удар, но она сумела скрыть его последствия, хотя до конца октября часто недомогала, ложась в постель среди дня, чего раньше почти не случалось.

В воскресенье, 2 ноября, состоялся большой парадный обед, на котором Екатерина показалась всем нездоровой и утомленной. Следующие два дня она не выходила из своих покоев, а вечером 4 ноября собрала у себя маленькое изысканное общество. Екатерина была весела и попеняла своему шуту Льву Нарышкину на то, что он боится разговоров о смерти, сама же стала в шутовском тоне рассказывать о недавней кончине короля Сардинии.

Проводив гостей, императрица, тяжело ступая из-за того, что в последние дни ноги ее сильно распухли, ушла к себе в опочивальню. А утром 5 ноября 1796 года, встав с постели совершенно больной, она с трудом дошла до клозета и скрылась за дверь. Там оставалась она необычайно долго. Когда камердинер решился позвать Зубова, чтобы тот вошел в клозет, — было уже поздно: императрица лежала на полу, потеряв сознание. Ее настиг еще один удар, третий и последний.

Она умерла, не приходя в сознание, утром 6 ноября, в три четверти десятого.

* * *

Заканчивая сказания об Екатерине Великой, я приведу эпитафию, написанную ею самой в один из часов досуга: "Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года.

Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра II. Четырнадцать лет от роду она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Поощающая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою, и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях". Сколь бы противоречивой Екатерина ни казалась, автор согласен с тем, что сказала о себе эта великая в полном смысле слова женщина и императрица.

Сказания об императоре Павле и его сыновьях — Александре и Николае

Новелла 1. Начало царствования Павла Петровича

Екатерина была еще жива, когда Павлу в ночь на 5 ноября приснился чудной сон: ему казалось, что некая неведомая сила поднимает его и возносит к небу, заставляя парить над облаками. Это повторилось несколько раз, и, когда Павел в очередной раз проснулся, как бы вернувшись на землю, он увидел, что Мария Федоровна тоже не спит. Павел спросил жену, почему она бодрствует, и Мария Федоровна ответила, что всю ночь ее не оставляет сильная тревога.

За обедом он рассказал о своем сне ближайшим придворным, а вскоре в Гатчину один за другим примчались несколько курьеров из Петербурга с одной и той же вестью — государыня при смерти.

Первым прискакал брат фаворита Николай Зубов, посланный к Павлу Платоном, который очень боялся грядущего царствования и решил еще до кончины своей повелительницы навести мосты между Петербургом и Гатчиной, рассчитывая на милость нового императора и забвение бывшего неудовольствия.

Павел, увидев Николая Зубова, решил, что тот прибыл, чтобы арестовать его, но, когда узнал об истинной причине появления того в Гатчине, чуть не упал в обморок.

Вторым прискакал Федор Ростопчин, которого послал к Павлу Александр, а вслед за ними появилась целая кавалькада курьеров: не было ни одного сановника, который бы не послал своего человека с известием о близкой смерти Екатерины. Среди нарочных были вестноши даже от дворцового повара и дворцового лакея.

Не медля ни минуты, Павел помчался в Петербург. За ним ехал длинный хвост возков, карет и открытых экипажей.

В девятом часу вечера 5 ноября Павел и Мария Федоровна прибыли в Зимний дворец, перед которым стояли тысячи петербуржцев.

Александр и Константин встретили отца в гатчинских мундирах и вместе с ним и матерью прошли в опочивальню Екатерины. Они застали больную в беспомощности и из беседы с врачами поняли, что часы императрицы сочтены.

В эти минуты во дворце появился прискакавший из Гатчины любимец Павла Алексей Андреевич Аракчеев. Он мчался в фельдъегерской тележке, без шинели, в одном мундире, и ехал столь быстро, что даже рубашка его оказалась забрызганной грязным снегом.

Александр, увидев это, отвел Аракчеева к себе в покои и там передел его в свою чистую рубашку. (Потом Аракчеев всю жизнь хранил эту рубашку и перед смертью завещал похоронить себя в ней.) Так символично началась дружба Аракчеева и Александра.

Отдав первые распоряжения, Павел направился в кабинет все еще живой Екатерины и сам стал отыскивать, собирать и запечатывать все находившиеся там бумаги, особенно усердно стараясь найти те, какие касались престолонаследия.

Так между опустевшим кабинетом императрицы и опочивальной, заполненной отчаявшимися врачами, провел Павел эту последнюю ночь жизни своей матери. И сам Павел, и Мария Федоровна, и их старшие дети всю ночь не смыкали глаз. То же самое творилось и с сотнями придворных, дворцовых служителей, офицеров и генералов, на глазах у которых нервный, возбужденный Павел то входил, то выходил из комнаты, где лежала умиравшая Екатерина. Как только он вышел в последний раз, раздался ужасный стон, который разнесся по всему дворцу, — Екатерина умерла. Тотчас же вышел доктор Роджерсон и сказал:

— Все кончено!

Павел повернулся на каблуках на пороге дверей, надел огромную шляпу и, держа по форме в правой руке трость, хрипло прокричал:

— Я ваш государь! Попа сюда!

Мгновенно явился священник, поставил аналой, положил на него Евангелие и крест и первой привел к присяге императрицу Марию Федоровну. После нее присягал цесаревич Александр. Когда текст присяги был произнесен полностью, Павел подошел к сыну и велел добавить к присяге слова: "И еще клянусь не посягать на жизнь государя и родителя моего".

Очевидец происходившего А. М. Тургенев писал, что "прибавленные слова к присяге поразили всех присутствующих как громовой удар". Примечательно, что они стали как бы пророчеством, сбывшимся через четыре с половиной года.

* * *

В первые часы после смерти матери Павел принял экстренные меры по приданию законности своему восшествию на престол.

Уже в день смерти Екатерины к присяге были приведены все чиновники Петербурга, а также Сенат, генералитет и Святейший Синод. Объявляя в манифесте о кончине Екатерины, Павел извещал о своем вступлении на престол и приказывал "верным Нашим подданным учинить Нам в верности присягу". Вслед за тем сразу же последовали приказы, содержание которых говорит само за себя: "О приеме Государем Императором на Себя звания Шефа и Полковника всех гвардии полков", "О запрещении генералам носить другие мундиры, кроме того корпуса, которому принадлежат, а офицерам другого одеяния, кроме мундиров", "О запрещении служащим, как генералитету, так и в штабах генеральских, носить мундиры разных цветов" и другие.

Александр объявлялся наследником престола и военным губернатором Петербурга, назначался шефом Семеновского полка, а Константин — шефом Конногвардейского. В ночь на 7 ноября в своих казармах была приведена к присяге вся гвардия. Утром начались вахт-парады, и как только Павел

провел первый из них, он в сопровождении Александра, как военного коменданта Петербурга, совершил верховой выезд на улицы столицы. Седьмого ноября с утра две сотни полицейских начали срывать с голов круглые шляпы, а фраки рвать в клочья. Одновременно все парадные двери начали перекрашивать в черно-белую шахматную клетку.

"В продолжение восьми часов царствования Павла, вступившего на всероссийский самодержавный трон, весь устроенный в государстве порядок правления, судопроизводства – одним словом, все пружины государственной машины были вывернуты, столкнуты из своих мест, все опрокинуто вверх дном и все оставлено и оставалось в сем исковерканном положении четыре года", – вспоминал А. М. Тургенев, сопровождавший Павла в его поездке по Петербургу.

Приехав на Царицын Луг, Павел трижды объехал вокруг оперного театра и, встав перед главным входом, обычным охриплым-сиповатым голосом прокричал флигель-адъютанту и второму военному губернатору Архарову:

– Николай Петрович! Чтобы театра, сударь, не было!

Вечером, когда Тургенев ехал мимо Царицына Луга, пятьсот рабочих при свете фонарей ровняли место, где утром стоял оперный театр. "Это событие, – писал Тургенев, – дало мне полное понятие о силе власти и ее могуществе в России".

Город присмирел. Страх усилился еще более после того, как 10 ноября в город церемониальным маршем под визг флейт и грохот барабанов гусиным (прусским) шагом вошли гатчинские войска. Они скорее напоминали иностранный оккупационный корпус, чем часть российских вооруженных сил. Гатчинцы немедленно были рассредоточены по гвардейским полкам, чтобы стать экзерцицимейстерами, сиречь профессорами шагистики и фрунта, а также ушами и очами нового государя.

Разумеется, тут же вспыхнул конфликт между гвардейцами и гатчинцами, разгоравшийся тем сильнее, чем глубже происходила ломка старых, екатерининских установлений. Дело дошло до того, что на смотре Екатеринославского гренадерского полка Аракчеев назвал георгиевские знамена этого полка "екатерининскими кубками". А ведь Аракчеев, кроме того, что был комендантом Петербурга, сразу же стал генерал-майором и командиром Преображенского полка, шефом которого был сам Павел.

Все, что составляло основу и суть предыдущего царствования, с первых же дней правления Павла ломалось, уничтожалось и предавалось анафеме.

В несколько дней Петербург, Москва, а затем и губернские города России неузнаваемо преобразились. Всюду появились черно-желтые полосатые будки, шлагбаумы, пуританская строгость в партикулярной одежде; запрещалось носить фраки, круглые шляпы и яковинские сапоги с отворотами. Для всех офицеров стало обязательным ношение мундира по всей форме во всякое время суток, при всех обстоятельствах. Любой из партикулярных граждан – будь то мужчина, женщина или ребенок – при встрече с императором обязаны были стать во фронт, а затем снять шляпу и кланяться. Равным образом это относилось и к тем, кто ехал в возках или каретах, – они обязаны были, выйдя из экипажа, кланяться императору. Нерасторопность и невнимательность наказывались арестом и препровождением на гауптвахту. Павел велел послать каждому командиру полка высочайшее именное повеление, в котором указывалось: "С получением сего следовать со вверенным вам полком на назначенные непрменные квартиры". Причем об этом перемещении не были уведомлены ни Военная коллегия, ни командовавшие войсками генералы. О местах новой дислокации знали лишь в собственной канцелярии Павла, но маршруты определялись произвольно командирами полков. Провианта

и фуража по пути следования полков заготовлено не было, и потому "великое переселение" армии напоминало нашествие татар.

Историк Н. К. Шильдер констатировал: "Выказанное императором Павлом миролюбие не замедлило отразиться на двух мероприятиях нового царствования. Ко всеобщей радости, назначенный Екатериной рекрутский набор был отменен и затем последовало мгновенное прекращение войны с Персией. Войска, действовавшие на восточном берегу Каспийского моря под предводительством графа Валериана Александровича Зубова, были немедленно отозваны в Россию, но неслыханным образом помимо их непосредственного начальника, брошенного на произвол судьбы среди неприятельского края и оставленного без всякого уведомления. Все достигнутое во время похода в Закавказье было брошено — без разбора, без толка, жертвуя всеми приобретенными уже выгодами и руководствуясь одним только соображением: уничтожить с корнем последнее, к сожалению, недоконченное предприятие Екатерины".

А. М. Тургенев писал: "Чтобы не быть зарезану толпою каких-либо бродяг, граф Зубов упросил бывшего при армии с казаками наказным атаманом бригадира Платова конвоировать его и весь штаб армии до крепости Баку, где приняли их на корабли русского флота и отвезли в Астрахань. По возвращении с войском бригадира Платова на Дон его схватили и отконвоировали в Петропавловскую крепость, где он и содержался в темном каземате более трех годов".

А один из полков Зубова — Сибирский драгунский — получил приказ следовать из Дербента в Тобольск. Около двух лет шел туда полк, и драгуны пришли в Тобольск не на конях и в седлах, а под седлами, то есть всю амуницию и конскую сбрую принесли на себе.

Блестящая, веселая, часто праздничная столица великой империи преобразилась в прусское захолустье, где, по словам адмирала

А. С. Шишкова, человека тонкого и наблюдательного, "настал иной век, иная жизнь, иное бытие".

За малейшее нарушение предписанных правил следовала неотвратимая кара — высылка из Петербурга, лишение должности, понижение в чине, арест или опала. Из-за этого доминантой общественного состояния стал страх. Но, пожалуй, более прочих боялись Павла его сыновья. Полковник Конной гвардии Н. А. Саблуков писал: "Оба великих князя смертельно боялись своего отца, и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист. При этом они всегда искали покровительства у других. Вот почему они внушали мало уважения и были непопулярны".

Вместе с тем Павел неожиданно для всех растворил ворота крепостей, острогов и тюрем. Он даровал свободу А. Н. Радищеву, Н. И. Новикову, национальному герою Польши Тадеушу Костюшко, выпустив на свободу и 12 000 его сотоварищей, разосланных Екатериной по медвежьим углам империи на каторгу, в ссылку и на поселение.

Последнее было воспринято как посмертное противостояние еще не похороненной Екатерине. Точно так же было оценено и еще одно распоряжение Павла, показавшееся даже кощунственным: 19 ноября, через две недели после смерти Екатерины, когда прах ее еще не был погребен, Павел приказал вынуть из-под пола Александро-Невской лавры останки Петра III и переложить их точно в такой же гроб, в каком покоилась и Екатерина. Именной указ об этом был дан 9 ноября, когда была учреждена Печальная комиссия во главе с князем Юсуповым, которой вменялось в обязанность перенести прах Петра III из Александро-Невского монастыря в Петропавловскую соборную церковь.

Двадцать пятого ноября произошла нелепейшая церемония: Павел торжественно возложил на гроб отца императорскую корону, произведя таким образом посмертную коронацию, которую Петр III не успел осуществить при жизни. Второго декабря гроб с прахом Петра III повезли в домовую церковь Зимнего дворца, где стоял гроб с телом Екатерины. От Александро-Невской лавры по Невскому проспекту при восемнадцатиградусном морозе шли с непокрытыми головами сотни сановников и генералов, а сразу же за гробом шествовали герои Ропши – главные из оставшихся в живых цареубийц – Алексей Орлов и Федор Барятинский.

Павел I заставил Алексея Орлова и Федора Барятинского четверть часа идти за гробом Петра III и стоять в соборе все время службы. Когда все кончилось и Орлов вернулся домой, его ждал подарок нового императора – золотая, усыпанная бриллиантами табакерка, на крышке которой вместо портрета царя была изображена виселица.

А еще через три дня оба гроба перевезли в Петропавловский собор, и лишь 18 декабря состоялась заключительная погребальная церемония, венчавшая похоронные торжества, затянувшиеся на полтора месяца и ставшие своеобразным символическим прологом нового царствования.

В день погребения родителей Павел объявил о коронации и произвел ее 5 апреля 1797 года, в день Пасхи, в Успенском соборе Московского Кремля. Пышность и торжественность коронационных торжеств не уступали такой же церемонии, состоявшейся здесь же тридцать пять лет назад.

В день коронации множество приближенных Павла получили чины, ордена, титулы, новые поместья. Среди тех, кто не был забыт новым императором, оказался и один из братьев фрейлины императрицы Катеньки Нелидовой – Аркадий, сразу же после смерти Екатерины назначенный флигель-адъютантом с чином подполковника; по случаю коронации он стал полковником. И это производство заставило говорить о себе больше, чем другие назначения. Отчего же это случилось и почему фигура полковника Нелидова привлекла к себе внимание всего петербургского света?

А дело было не в нем, а в его сестре Катеньке, о которой и расскажет следующая новелла.

Новелла 2. Катенька Нелидова

"Павел Петрович, – писал историк Е. С. Шумигорский, – в течение двадцати лет, в самое тяжелое время своей жизни, имел возле себя... преданного, бескорыстного друга, полагавшего свое личное счастье в счастье видеть его добрым, любимым и уважаемым и постоянно напоминавшего ему о вечных, христианских началах любви и правды. Другом этим была фрейлина его супруги, императрицы Марии Федоровны, – Екатерина Ивановна Нелидова..."

Катенька Нелидова – дочь поручика Ивана Дмитриевича Нелидова и Анны Александровны, урожденной Симоновой, появилась на свет 12 декабря 1758 года в селе Климятине Смоленской губернии. Ее родители имели 500 душ крестьян и считались богатыми помещиками. Кроме Катеньки у них была еще одна дочь – Наталья и шесть сыновей.

Родители Нелидовой хорошо понимали важность воспитания и образования, и потому шестилетнюю Катеньку в 1765 году мать отвезла в Петербург, в Смольный институт благородных девиц.

Курс в Смольном продолжался двенадцать лет. Пятьдесят воспитанниц первого набора были детьми от четырех до шести лет, учились прежде всего французскому и немецкому языкам и благородным манерам.

Во главе института стоял Иван Иванович Бецкой и вдова действительного статского советника французенка Софья Ивановна Делафон, умная и добрая женщина.

Под ее влиянием девочки жили дружной, веселой семьей, с удовольствием постигая языки, закон Божий, арифметику, историю, географию и даже физику, а также архитектуру и геральдику, музыку и танцы, рисование и лепку, рукоделие и токарное дело. Хорошо был подобран и круг чтения, воспитывавший у девочек нравственность, богобоязненность, любознательность.

В Смольном был у девочек свой театр, устраивались балы и ассамблеи, на которые приглашались по строгому выбору кавалеры, дамы и кадеты Сухопутного и Морского шляхетских корпусов.

Все это создавало в Смольном атмосферу башни из слоновой кости, превращая воспитанниц в наивных, совершенно не знавших жизни простушек.

И потому И. И. Бецкой, родившийся в Швеции и обучавшийся в Германии, по случаю первого выпуска своих воспитанниц удостоился таких стихов:

Иван Иваныч Бецкой,
Человек немецкий.
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур.

Однако далеко не все из них были "набитыми дурами". И уж это никак не относилось к Катеньке Нелидовой.

Когда ей не было еще и двенадцати лет, Екатерине сообщили о феномене Нелидовой. Она прослыла феноменом из-за чрезвычайной грации, прекрасного голоса, великолепных актерских и балетных способностей. К тому же она была умна, весела, имела прекрасный характер и крайне выразительное миловидное лицо.

Екатерина, познакомившись с девочкой, пленилась ею и подарила бриллиантовый перстень, а чуть позже попросила художника Д. Г. Левицкого написать портрет Нелидовой, на котором она изображена танцующей менуэт.

В 1775 году Нелидова была выпущена из Смольного и назначена фрейлиной великой княгини Натальи Алексеевны – первой жены Павла. После ее смерти Нелидова перешла в штат второй жены цесаревича – Марии Федоровны.

В 1781–1782 годах Павел и Мария Федоровна совершили путешествие в Германию, Италию, Швейцарию и Францию. Их сопровождала и Нелидова, сблизившаяся за эти годы с великим князем. Сначала их отношения были дружескими, но в 1785 году все при дворе уверились, что Павел и Нелидова стали любовниками.

Правда, сохранился в высшей степени убедительный документ, не позволяющий считать Нелидову любовницей Павла, а оценивать их отношения как платонический союз. Документ датирован началом 1790 года, когда Павел серьезно заболел и, ожидая смерти, направил Екатерине искреннее, откровенное письмо, желая оградить Нелидову от наветов и сплетен.

"Относительно этой связи, – писал Павел, – клянусь тем судилищем, перед которым мы все должны явиться... Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою своей крови? Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что

нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог".

И тем не менее отношения Павла и Нелидовой вносили разлад в жизнь великокняжеской четы, заставляли волноваться и переживать Марию Федоровну, ревновавшую мужа к своей фрейлине.

Чтобы не возвращаться к этому сюжету, скажем, что события развивались довольно мирно до начала 1792 года, когда Павел, всплыв, поссорился с матерью, разругался с женой, обвиняя Марию Федоровну в том, что она готовит ему участь Петра III. После этого он уехал в Гатчину, где жила тогда Нелидова. Ей-то и приписали все случившееся в Петербурге.

Тогда Нелидова подала Екатерине прошение об увольнении ее от двора и дозволении жить в Смольном, но ей было отказано. На следующий год она снова попросилась в Смольный, добилась своего и получила вместе с отставкой 10 000 рублей и небольшую ежегодную пенсию.

Осень 1793 года она все же провела по просьбе Павла вместе с ним в Гатчине, а потом периодически навещала его. Сначала это раздражало Марию Федоровну, но когда Екатерина решила передать престол не сыну, а внуку, то несчастье, обрушившееся на Павла, сблизило и примирило их, ибо обе они любили Павла.

А между тем спустя два с половиной года ревновавший Павла к Нелидовой его сердечный друг Иван Кутайсов нашел еще один предмет рыцарского платонического поклонения для великого князя – Наталью Федотовну Веригину, фрейлину Марии Федоровны. Она в это время была уже просватана за генерал-майора по флоту Сергея Ивановича Плещеева. Кутайсов убедил Павла, что Плещеев равнодушен к Марии Федоровне, и тому было предписано ехать в Москву. Привязанность Павла к Н. Ф. Веригиной не ускользнула от Нелидовой, и она снова ушла в Смольный.

Но со смертью Екатерины все переменялось, и уже 23 ноября Павел послал своей любимице богатый подарок, однако она не приняла его, написав Павлу, что ценила лишь его дружбу, а его дары всегда были ей скорее тягостны, чем приятны. Она отказалась от всех наград, согласившись принять лишь звание камер-фрейлины.

Двумя неделями раньше в Смольном побывала Мария Федоровна – теперь уже императрица – и после долгого и трогательного объяснения заключила с Нелидовой вечный дружественный союз. А вскоре в Смольный пожаловал и сам Павел с Марией Федоровной, с великим князем Александром и его женой Елизаветой Алексеевной. После этого такие визиты стали весьма частыми, потому что Нелидова по-прежнему не хотела появляться в императорских дворцах, приезжая туда крайне редко.

Войдя в полную силу фавора, Нелидова оставалась доброй, бескорыстной, всегда готовой заступиться за опальных.

Новелла 3. Два столпа империи и их сюзерен

После того как Павел вступил на трон, на смену главным действующим лицам предыдущего царствования пришли друзья Павла, преимущественно из его гатчинского окружения: А. А. Аракчеев, Ф. В. Ростопчин, С. И. Плещеев, П. Х. Обольянинов, И. П. Кутайсов, Г. Г. Кушелев, братья Куракины – Александр и Алексей Борисовичи – и другие. Не из гатчинского окружения оказались некоторые сановники. И среди них одну из первых ролей играл барон фон дер Пален. Однако же расскажем прежде о гатчинцах, и о первом из них – Аракчееве.

Павел осознанно противопоставил новых сановников вельможам екатерининского времени, особо выделив одного из своих гатчинских

любимцев — Алексея Андреевича Аракчеева. В день коронации Павел пожаловал ему титул барона с девизом "Без лести предан".

В год вступления Павла на российский престол Аракчееву было двадцать семь лет. Он происходил из бедной дворянской семьи. Его отцом был отставной поручик гвардии, владевший двумя десятками душ в Бежецком уезде Тверской губернии. Грамоте молодого Аракчеева учил сельский дьячок за 24 пуда зерна в год. Мальчик был смышлен, упорен, педантичен, строг к себе и, обучившись чтению, письму и четырем правилам арифметики, серьезно занялся самообразованием и в тринадцать лет успешно сдал экзамены в Петербургский артиллерийский и инженерный кадетский корпус.

Еще более развил силу воли, серьезность и трудолюбие, Аракчеев уже в пятнадцать лет стал помогать преподавателям корпуса в обучении отстающих кадетов.

В апреле 1787 года директор корпуса генерал-майор П. И. Мелиссино — соратник Потемкина и Суворова — издал уникальный приказ, которым семнадцатилетнему Аракчееву разрешалось посещать занятия когда ему будет угодно. "Вы сами себе составите план наук и будете одной совести вашей отдавать в оном отчет", — значилось в приказе, подписанном не как обычно, а совсем по-домашнему: "Ваш верный друг Петр Мелиссино".

По окончании корпуса Аракчеев был оставлен преподавателем математики и артиллерии, а потом рекомендован в артиллерийскую роту в Гатчину и уже через месяц за служебное рвение, дисциплинированность, аккуратность и отличное знание дела стал ежедневно обедать за одним столом с Павлом. Вскоре он стал и гатчинским военным комендантом, превратив войско цесаревича в безукоризненно отлаженный механизм.

В июне 1796 года по особому ходатайству Павла Екатерина произвела Аракчеева в полковники.

К этому времени относится следующая характеристика Аракчеева, принадлежащая перу флигель-адъютанта Н. А. Саблукова: "По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей. Уши у него были мясистые, большие, толстая, безобразная голова всегда склонена набок, цвет лица был у него земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри раздутые, большой рот и нависший лоб.

Глаза у него были впалые и серые, и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости... Благодаря своему уму, строгости и неутомимой деятельности Аракчеев сделался самым необходимым человеком в гарнизоне, страшилищем всех живущих в Гатчине и приобрел неограниченное доверие великого князя. Он был искренно предан Павлу, чрезвычайно усерден к службе и заботился о личной безопасности императора. У него был большой организаторский талант, и во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранства".

Особенно пышно расцвело тиранство Аракчеева, когда он был назначен заведующим квартирмейстерской частью, то есть Генеральным штабом. Он заставлял офицеров по десять часов в сутки заниматься бесполезной и бессмысленной работой по черчению никому не нужных планов, при малейшем ничтожнейшем поводе осыпая их бранью, а то и отпуская пощечины. Из-за этих недопустимых резкостей благополучная карьера Аракчеева неожиданно дала сбой. Случилось это из-за того, что во время смотра Преображенского полка Аракчеев за плохую выправку побил тростью нескольких преображенцев, а подполковника Лена обложил в присутствии его товарищей площадной бранью.

Гордый офицер не произнес в ответ ни слова, но, возвратившись домой, написал Аракчееву гневное, полное сдержанного достоинства письмо, после чего пустил себе пулю в висок.

Павел знал Лена, рекомендованного ему П. А. Румянцевым, и Аракчеев был 1 февраля 1798 года отправлен сначала в отпуск по болезни, а затем отставлен от службы. В мае того же года он был возвращен в строй, но в октябре 1799 года отставлен снова.

Обе отставки не стали для Аракчеева концом карьеры, а вот для Павла первая отставка сыграла роковую роль. Дело в том, что после отставки Аракчеева пост Петербургского военного губернатора занял пятидесятилетний кавалерийский генерал Петр Алексеевич фон дер Пален, занимавший перед тем должность Курляндского генерал-губернатора. И именно Пален потом сыграл важную роль в заговоре против Павла.

Остзейский барон фон дер Пален с пятнадцати лет служил в Конногвардейском полку, участвовал в двух русско-турецких войнах и во множестве боев проявил незаурядное мужество. Его смелость и невозмутимость, умение сохранять совершеннейшее спокойствие в критических ситуациях стали общепризнанными, а самого Палена считали одним из храбрейших генералов русской армии.

При его назначении на пост военного губернатора Петербурга немалую роль сыграл расклад дворцовых сил, тот своеобразный пасьянс интриг и протекций, без которого не обходилось ни одно из новых назначений на высокую должность. Первую скрипку играла воспитательница дочерей Павла, Шарлотта Карловна Ливен, с давних пор опекавшая свою добрую знакомую и дальнюю родственницу баронессу Юлиану Шёппинг. Юлианна была женой барона фон дер Палена.

Всезнающий А. М. Тургенев, отлично разбиравшийся в матримониальных хитросплетениях высшего света, писал, что баронесса Шёппинг была второй женой Палена. Что же касается его первой жены, то Тургенев сообщал следующее: "Урожденная Энгельгардт, племянница князя Потемкина и наложница его, была выдана замуж за полустгнившего графа Павла Скавронского, с которым якобы прижила двух дочерей. На самом же деле — так во всяком случае считали почти все современники — девочки эти были дочерьми Потемкина. Старшая из них по повелению Павла выдана была за князя Петра Ивановича Багратиона по возвращении его из Итальянского похода с Суворовым, а младшая — за графа Палена, с которым вскоре разошлась". То, что Пален разошелся с фактической дочерью Потемкина, не могло не импонировать Павлу, ненавидевшему Светлейшего даже после его смерти. Вторая же жена Палена — Юлианна Шёппинг — была креатурой Ш. К. Ливен, ближайшей в семье Павла придворной и статс-дамы императрицы. Современник Павла немецкий писатель Август Коцебу так характеризовал барона Палена: "При высоком росте, крепком телосложении, открытом, дружелюбном выражении лица он от природы был одарен умом быстрым и легко объемлющим все предметы. Эти качества соединены были в нем с душою благородною, презиравшею всякие мелочи. Его обхождение было суровое, но без жестокости. Всегда казалось, что он говорит то, что думает, выражений он не выбирал. Он самым верным образом представлял собою то, что немцы называют "рубака". Он охотно делал добро, охотно смягчал, когда мог, строгие повеления государя, но делал это исходя из собственных интересов, сохраняя вид, будто исполнял их безжалостно, когда иначе не мог поступать, что случалось довольно часто.

Почести и звания, которыми государь его осыпал, доставили ему, весьма естественно, горьких завистников, которые следили за каждым его шагом и всегда готовы были его ниспровергнуть (Пален кроме поста Петербургского

военного губернатора занимал должность в Коллегии иностранных дел и весьма много значивший при дворе Павла пост канцлера Мальтийского ордена, великим магистром которого был сам Павел. — В. Б.). Часто приходилось ему отвращать бурю от своей головы, и ничего не было необычного в том, что в иные недели часовые по два раза то приставлялись к его дверям, то отнимались. Оттого он должен был всегда быть настороже..."

Настороже были и другие сановники и генералы, ибо Павел все чаще впадал в приступы гнева и изгонял неугодных из обеих столиц, с министерских и генеральских постов, лишая званий, наград, имущества и чести.

Павел презрел права, вольности и привилегии тех, кто должен был составлять его опору и силу. Он запретил губернские дворянские собрания, отменил право избрания дворянских заседателей в уездные и губернские собрания и тем нанес оскорбление своим чиновникам и офицерам, уже полтора десятилетия почитавших себя вольными людьми, свободными от самодержавного произвола.

Павел унижал Сенат, никогда не бывал в нем, а его Общее собрание называл "овчим собранием", чем восстановил против себя и многих сенаторов, гордившихся тем, что были они членами Сената — Высокого и Правительствующего.

Не меньшим тираном и сумасбродом выглядел он и среди самых близких и родных ему людей. Александр и Константин боялись лишней раз попасться ему на глаза, а увидев отца, бледнели и трепетали. Даже тихая, добрая и ласковая невестка его, Елизавета Алексеевна, возненавидела своего свекра и мечтала о его свержении.

Четвертого августа 1797 года она писала своей матери: "Я, как и многие, ручаюсь головой, что часть войск имеет что-то на уме или что они, по крайней мере, надеются получить возможность, собравшись, что-либо устроить. О! Если бы кто-нибудь стоял во главе их! О, мама, в самом деле он тиран!"

Опасаясь революции, бунта, очередного дворцового переворота, Павел велел выстроить дворец-крепость, где он мог бы чувствовать себя в безопасности, и по недолгом размышлении поручил составить проект талантливому архитектору Василию Ивановичу Баженову, а строительство доверил итальянцу Винченце Бренне.

Новелла 4. Анна Лопухина

Замок, названный Михайловским, был заложен на месте старого Летнего дворца 26 февраля 1797 года, перед отъездом Павла на коронацию. Уже само время начала строительства говорило о необычайной поспешности в осуществлении задуманного предприятия: в конце зимы на Руси никогда не начинали строительства, относя закладку фундамента на конец весны — начало лета. Замок строили без передышки три с половиной года, освятив в ноябре 1800 года. В общем плане он представлял собой квадрат, внутри которого находился восьмиугольный двор. С внешней стороны размещались караульные помещения, каменные брустверы, наполненные водой рвы и пять мостов, два из которых были подъемными. Сложенный из дикого камня и серого гранита замок больше походил на крепость, чем на дворец.

Когда строительство замка только началось, Мария Федоровна почувствовала, что она вновь — в десятый раз — беременна. Поскольку Павел еще раньше решил назвать замок Михайловским, а беременность жены пришлось на разгар строительства, то и новорожденного сына он назвал Михаилом.

Роды были очень трудными, хотя специально для этого случая был приглашен берлинский профессор-акушер Мекель. "Этот господин, — писала графиня

Головина, — подкупленный, вероятно, теми, кто желал подозвать кредит императрицы к Нелидовой — именно Кутайсовым, объявил государю, что он не отвечает за жизнь императрицы в случае еще одних родов. Это послужило источником всевозможных интриг, происходивших в течение года".

Не трудно догадаться, что Павел перестал делить супружеское ложе с Марией Федоровной, не желая ставить под угрозу ее жизнь новой беременностью, и в связи с этим в его окружении строились различные планы по подысканию ему фаворитки.

Однако пока Кутайсов и Безбородко приглядывались то к одной, то к другой кандидатке, император не терял времени даром.

Князь Адам Чарторижский писал в своих мемуарах, что "однажды в Петергофе Павел, увлеченный тогда любовными ухаживаниями, встретил моего брата (Константина) в аллее петергофского сада, которая вела к одному из павильонов, занятому графиней Шуваловой, обер-гофмейстериной великой княгини Елизаветы. Император взял его за плечи, повернул и велел удалиться, прибавив: "Этот попугай не для вас, возвращайтесь туда, откуда пришли". Оказалось, что у графини была очень красивая горничная".

Были у императора и другие случайные связи, пока наконец 5 мая 1798 года он с сыновьями Александром и Константином не поехал в Москву и Казань. В Москве их приняли очень радушно, и расчувствовавшийся Павел уверовал, что москвичи — его истинные друзья и что именно в Москве ждет его счастье! Еще в дни коронационных торжеств Кутайсов и Безбородко обратили внимание Павла на девятнадцатилетнюю Анну Лопухину — дочь московского сенатора Петра Васильевича Лопухина. И вот состоялась новая встреча Павла и княжной Лопухиной. Она произошла на балу, который давал император в Лефортовском дворце во время грандиозных маневров.

А. М. Тургенев, участвовавший в маневрах и присутствовавший на том балу, писал: "Иван Павлович Кутайсов, близкий человек, поверенный во всех тайных делах и советник, начавший служение брадобреем и кончивший поприще служения обер-шталмейстером — чин действительного тайного советника — с титулом графского достоинства, с орденом Андрея Первозванного, был послан негониатором и полномочным министром трактовать инициативно с супругою Петра Васильевича, а мачехою Анны Петровны, Екатериною Николаевною, рожденною Щетневою, о приглашении Лопухина с его фамилиею в Санкт-Петербург. Негоциация продолжалась во все время маневров, и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, как за несколько минут до отъезда его величества в Казань.

В минуты переговоров, до изъявления согласия, для Петра Васильевича Лопухина были приготовлены две участи: при согласии — возведение в княжеское достоинство, с титулом светлости, и миллионное богатство; при отказе — опала и путешествие в пределы Восточной Сибири ловить соболей. В день отъезда Павла Петровича в Казань экипажи его и всей его свиты стояли у крыльца; государь ожидал негониатора с ультиматумом — "да" или "нет". Весь генералитет и все штаб-и обер-офицеры московского гарнизона толпились у подъезда. Я, пользуясь званием адъютанта фельдмаршала и качеством исправляющего должность бригад-майора при его величестве, стоял на высшей площадке крыльца; на этой же площадке ходил человек небольшого роста, портфель под мышкою, погруженный в глубокую задумчивость, глаза сверкали у него, как у волка в ночное время, — это был статс-секретарь его величества Петр Алексеевич Обресков; он сопутствовал государю и должен был сидеть в карете возле царя и докладывать его величеству дела, в производстве состоящие. Ответ Лопухиных тревожил состояние души Обрескова; ну, если негониатор привезет не "да", а "нет"! Тогда

докладывать дела Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогневанному отказом, было идти по ножевому лезвию. Все знали, что с разгневанным Павлом Петровичем встречаться было страшно.

Минут через десять скачет карета во всю конскую прыть; остановился экипаж, вышел из кареты Иван Павлович Кутайсов, вбежал на лестницу и с восхищением, громко, сказал Обрескову: "Все уладил, наша взяла", — и поспешил обрадовать приятною вестью. Через четверть часа Павел Петрович шествовал к экипажу в сопровождении фельдмаршала. Пред тем как сесть в карету, обнял графа Салтыкова и сказал:

— Иван Петрович! Я, сударь, совершенно вами доволен; благодарю вас и никогда не забуду вашей службы и усердия. Благодарю генералов, штаб-и обер-офицеров за их старание; я считаю себе большою честью командовать столь превосходною армиею.

Сел в карету, за государем влез в экипаж Обресков, и поскакали..."

Граф Ф. В. Ростопчин рассказывал в своих "Записках" о Лопухине, что тот, выйдя в отставку в чине полковника, был очень беден и женился где-то в провинции на довольно богатой наследнице.

В 1775 году, когда Екатерина приехала в Москву по случаю празднования Кучук-Кайнарджийского мира, обер-полицмейстер Архаров представил ей своего друга Лопухина, похвалив его трудолюбие, ум и расторопность.

Екатерина снова вернула его в службу и назначила обер-полицмейстером в Петербург. Получив здесь чин генерал-майора, Лопухин был отправлен в Москву гражданским губернатором, а после того как стал генерал-лейтенантом, получил место Ярославского и Вологодского генерал-губернатора, оставаясь на этом посту до восшествия на престол Павла.

Когда Павел устранил генерал-губернаторские должности, стараниями Безбородко, любовника жены Лопухина, Петр Васильевич стал московским сенатором и во время коронации получил орден Александра Невского. И вот новая милость стараниями того же Безбородко и Кутайсова.

Семья Лопухиных жила в Москве, на Тверской улице. Как только был оглашен указ о переводе Лопухина в Санкт-Петербург, вся московская знать поспешила к нему с изъявлениями сердечнейшей дружбы и преданности. Не забыли и пристрастий Екатерины Николаевны Лопухиной, известной своей великой набожностью: в дом Лопухиных понесли многие знаменитые московские иконы — Иверскую, Всех скорбящих радости, Утоли моя печали, Взыскания погибших и иные. В доме с утра до вечера служили напутственные молебны, святили воду и окропляли императорскую избранницу — юную Анну Петровну. Несколько раз ее клали на пол и через нее переносили чудотворные иконы. Наконец все было готово к отъезду, как вдруг Екатерина Николаевна заявила, что она поедет в Петербург только в том случае, если с ее семьей поедет и друг их дома подполковник Екатеринославского кирасирского полка Федор Петрович Уваров.

Почти ни для кого, в том числе и для мужа Екатерины Николаевны, не было секретом, что бравый кирасир находился на содержании у жены сенатора и это обходилось ей в 2000 рублей в год.

А. М. Тургенев, служивший вместе с Уваровым, хорошо знал и начало и продолжение семейной истории Лопухиных. Он писал: "Федор Петрович Уваров был довольно глупый человек. Счастлием его по службе обязан он не достоинствам своим, но широкоплечию своему, крепости мышц своих и крайней бедности своей. Супруга князя Петра Васильевича Лопухина искала себе ближнего человека; никто из нас на предложения ее не согласился. За товарищем моим Броком и за мною Катерина Николаевна волочилась безо всяких околичностей. Уваров кинулся в этот омут и выплыл из него, украшенный и возвышенный".

Однако Уварову пришлось все-таки остаться в Москве — без приказа он не посмел покинуть полк. Поэтому мачеха и падчерица отбыли в Петербург вдвоем. Их маршрут был продуман таким образом, что Лопухины приехали в Петербург за день до возвращения из Казани Павла.

А еще через два дня подполковник Уваров был произведен в полковники и назначен в лейб-гвардии Конный полк. Тут же Екатерина Николаевна перевела Уварову тысячу рублей ассигнациями, и он — впервые в жизни — поехал из одной столицы в другую не на перекладных телегах рядом с кучером, а в коляске.

Императрица и Нелидова встретили Павла в Тихвине и дальше поехали в одной карете, не замечая в нем никаких перемен. Но вскоре Павел посвятил их в свои планы относительно Лопухиной. Императрица не нашла ничего лучшего, как написать Лопухиной угрожающее письмо, которое конечно же вскрыли, прочли и передали Павлу. Он взбеленился сильнее обычного и выгнал из-за обеденного стола императрицу, вместе с которой ушла и Нелидова.

Анна Петровна Лопухина буквально околдовала сентиментального, порывистого, чувствительного Павла. И чем сердечнее относился Павел к своей фаворитке, тем холоднее становились его чувства к Нелидовой и Марии Федоровне. Дело кончилось тем, что по приказу Павла из Петербурга была выслана подруга Нелидовой графиня Буксгевден. Тогда Нелидова в знак солидарности с ней, протестуя таким образом против действий Павла, 5 сентября уехала в замок Буксгевденов Лоде, в Эстляндии. А буквально на следующий день Анна Петровна Лопухина была назначена камер-фрейлиной, а ее мачеха — статс-дамой. Тогда же и отец семейства П. В. Лопухин был произведен в действительные тайные советники, а месяцем раньше назначен генерал-прокурором Сената — высшим правительственным чиновником империи, наблюдавшим за законностью деятельности государственного аппарата. Он сместил князя А. В. Куракина, одного из близких людей Нелидовой, занимавшего этот пост с первого дня царствования Павла.

Третьего октября Анна Петровна была на первом придворном балу и осталась во дворце ужинать, после чего балы и ужины стали обычным для нее времяпрепровождением.

Следует заметить, что Павел испытал заметное облегчение после того, как Нелидова уехала из Петербурга. Она была далеко не столь "неземной", как старалась казаться окружающим. Порой между Павлом и Нелидовой происходили сцены, подобные тем, что случались у Петра III с Елизаветой Воронцовой. Очевидцем одной из них оказался полковник Николай Александрович Саблуков, бывший дежурным офицером в Гатчинском дворце. "Около самой офицерской караульной комнаты, — писал Саблуков, — была обширная прихожая, в которой стоял караул... Вдруг я услышал крик часового: "На караул!", выбежал из моей комнаты, и едва солдаты успели схватить ружья, а я — обнажить шпагу, как дверь коридора отворилась настежь, а император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вышел в комнату, и в ту же минуту дамский башмак с очень высоким каблуком полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задев. Император через мою комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Катерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак, надела его и вернулась туда же, откуда пришла. На следующий день, когда я снимал караул, его величество подошел и шепнул мне: "Мой дорогой, у нас вчера была ссора".

Даже если подобные сцены случались и не так часто, все равно у Павла имелись основания радоваться тому, что Нелидова хотя бы на время оставила его в покое.

А Нелидова прожила в замке Лоде почти полтора года, и в январе 1800 года возвратилась в Петербург в экипаже, присланном Павлом. Она вновь

поселилась в Смольном, куда к ней часто приезжала Мария Федоровна, но Павел не появился там ни разу.

За те полтора года, что Нелидова провела в Эстляндии, произошло множество событий. 19 января 1799 года отец Анны Лопухиной получил титул князя. Еще через месяц он стал светлейшим князем с девизом на пожалованном ему гербе: "Благодать". Девиз говорил об истинных причинах необычайно стремительного возвышения Петра Васильевича, ибо на древнееврейском языке слово "благодать" звучало как "Анна".

С этого времени награждение орденом Святой Анны, занимавшем прежде малое место в иерархии российских орденов, стало почти столь же престижным, как и награждение любимым орденом императора — Иоанна Иерусалимского.

Придворные карьеристы мечтали стать кавалерами ордена Святой Анны, особенно со знаком 1-го класса и полагавшейся к нему красной лентой с желтой каймой.

Одним из таких соискателей оказался и Ф. П. Уваров. Задумав получить орден, он решительно пристал с этим к светлейшей княгине Екатерине Николаевне Лопухиной. Однако в ту пору она была в ссоре с падчерицей и не смогла уважить своего любовника. Тогда Уваров после грубого и неприличного скандала порвал с ней. Екатерину Николаевну это повергло в уныние, она решила покончить с собой и приняла мышьяк.

Павел, услышав, что мачеха его фаворитки при смерти, послал к ней своего лейб-медика, сказав, что если княгиня умрет, то тот будет повешен.

Княгиню удалось спасти, а Анна Лопухина поведала Павлу причину поступка мачехи.

И как в старой доброй сказке, последовал счастливый финал: Федор Петрович Уваров получил вождеденный орден.

Роман Павла с Лопухиной вскоре приобрел новое развитие. Павел заподозрил, что его фаворитка испытывает нежные чувства к одному из его флигель-адъютантов, восемнадцатилетнему графу Александру Ивановичу Рибопьеру, и предложил ей выйти за него замуж. Однако Анна Петровна наотрез отказалась от замужества. Тогда Павел произвел молодого красавца в действительные камергеры и назначил сотрудником русской миссии в Вене сверх штата, что позволяло Рибопьеру вести светскую жизнь, наполненную утонченными удовольствиями и разнообразными развлечениями.

Тем не менее Павла не оставила мысль выдать Анну Петровну замуж, и вскоре произошел следующий случай. Павел всегда читал ей публиковавшиеся в газетах списки убитых и раненых русских офицеров в боевых действиях против французов в Италии. Среди раненых встретилась фамилия князя Павла Гавриловича Гагарина. Как только Лопухина услышала это имя, она заволновалась и побледнела. Это не укрылось от Павла, и он поинтересовался: "В чем дело?" Лопухина сказала, что князь — ее друг детства и, более того, ее жених. Она скрыла, что в действительности накануне отъезда Павла Гагарина в Италию они тайно обвенчались.

В тот же день А. В. Суворову в Италию было послано высочайшее повеление прислать Гагарина в Петербург, и 25 ноября он появился в столице с ключами от крепости Турин, за что немедленно был пожалован в генерал-адъютанты и оставлен в Петербурге для венчания с Анной Петровной.

Венчание состоялось 9 февраля 1800 года, и Павел приказал, чтобы свадебные торжества проходили в Зимнем дворце в его присутствии. На следующий день княгиня Гагарина была переименована из фрейлины в статс-даму, и ее влияние на Павла и положение при дворе осталось прежним.

Забегая вперед, скажем, что семейная жизнь княгини Гагариной оказалась не из счастливых. Она родила дочь, вскоре умершую, а сама прожила после свадьбы всего пять лет, скончавшись от чахотки 25 апреля 1805 года.

Новелла 5. Семейные дела цесаревича Александра Павловича

А теперь возвратимся к семейным перипетиям великого князя Александра Павловича и его молодой жены.

Восемнадцатого мая 1799 года Елизавета Алексеевна родила свою первую дочь – Марию. Однако девочка прожила всего год и два месяца, заболев воспалением мозга.

Историк Г. И. Чулков писал об отношениях Елизаветы Алексеевны и Александра в ту пору: "Но была одна красавица, которая оставалась равнодушной к чарам Александра. Это была его собственная жена, прелестная Елизавета Алексеевна. Правда, будучи невестой, и она пленилась юным великим князем, но ее романтическая мечта быстро сменилась чувством хотя и нежным, но вовсе не страстным и, главное, лишенным того любовного преклонения, без которого нет счастливого брака. Александр чувствовал это. Сердце его было уязвлено навсегда. Он чувствовал, что какой-нибудь Платон Зубов, ухаживания которого, конечно, оскорбляли юную принцессу, все-таки в ее глазах был более мужчина, чем Александр, ее собственный семнадцатилетний муж, еще склонный к отроческим забавам и не сознающий своей ответственности, как глава дома..."

Однако не имевшие никаких последствий ухаживания Платона Зубова остались в прежнем царствовании, а в новом рядом с Елизаветой Алексеевной возник более опасный соперник, совершенно неожиданный для Александра, – Адам Чарторижский.

"Когда Александр заметил, что его друг Адам Чарторижский тоже влюблен в Елизавету, – писал Чулков, – он понял, что, сохранит или не сохранит свою супружескую верность его голубоглазая подруга, все равно этот изящный и страстный поляк в ее глазах будет рыцарем. Чарторижскому было тогда двадцать четыре года. У него было романтическое прошлое. Он был образован, писал стихи, успел пожить в Европе. Все это внушало юной великой княгине не только любопытство... Рассказывали, что, когда у Елизаветы родилась девочка и ее показали Павлу, последний сказал статс-даме Ливен: "Сударыня, возможно ли, чтобы у мужа блондина и жены блондинки родился черненький младенец?" На что статс-дама ответила весьма находчиво: "Государь! Бог всемогущ!"

Следует заметить, что Адам Чарторижский был брюнетом, а Александр и Елизавета и вся их немецкая родня – блондинами.

Как бы то ни было, но официальный историограф и биограф императоров Павла I, Александра I и Николая I, профессор Н. К. Шильдер, знакомый со множеством материалов, но не имевший возможности называть вещи своими именами, писал, что после того, как родилась великая княжна Мария Александровна, отношения императрицы Марии Федоровны с великой княгиней Елизаветой Алексеевной еще более обострились, а письма на имя великой княгини велено было перлюстрировать. Легко было недоброжелателям Елизаветы Алексеевны, пользуясь этими обстоятельствами, возбудить в уме Павла подозрение против невестки и поселить путем клеветы раздор в семье. Двадцатого августа 1799 года граф Ростопчин в дневнике словесных приказаний пишет: "Гофмейстера князя Чарторижского послать министром к королю Сардинскому". 17 августа Ростопчин продолжает: "Отправить немедленно к его месту тайного советника Чарторижского".

Двадцать третьего августа 1799 года Чарторижский выехал из Петербурга в Италию отыскивать короля Сардинии, которого изгнали французы.

Чарторижский не мог уехать, не простившись с Александром. "Великий князь, – вспоминал Чарторижский, – выразил мне свое огорчение по поводу

моего отъезда. Он ближе узнал уже действительную жизнь, и она начала производить на него свое действие. Великий князь не мог совершенно противиться окружающим его примерам и так же искал развлечения в ухаживаниях за дамами, пользовавшимися наибольшим успехом в данную минуту".

* * *

Однако не только интрига неверной жены и лучшего друга, оказавшегося предателем, волновала царскую семью.

В день архистратига Михаила 8 ноября 1800 года было совершено торжественное освящение Михайловского замка. В десятом часу утра от Зимнего дворца к Михайловскому замку под грохот пушек двинулось парадное шествие мимо расставленных шпалерами войск. После молебна, отслуженного в домово́й церкви замка, и осмотра внутренних покоев состоялся обед, на котором присутствовало всего восемь человек: Павел и Мария Федоровна, великая княжна Мария Павловна, генералы П. А. Пален и М. И. Кутузов и трое царедворцев – Кутайсов, Строганов и Нарышкин.

Они сидели в сыром и холодном зале, который не могло согреть пламя каминов, непрерывно горевшее уже несколько суток.

Когда по приказу Павла писатель Август Коцебу посетил в 1801 году Михайловский замок, чтобы обрисовать его, он заметил, в частности, что "повсюду видны были следы разрушающей сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый в двух каминах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшиеся сверху донизу по углам. В комнатах императора и императрицы сырость до некоторой степени была устранена тем, что стены были обиты деревом; но все остальные терпели жестоко".

Описывая Михайловский замок, Коцебу упомянул и о надписи, шедшей по фризу и исполненной бронзовыми буквами: "Дому твоему подобает святыня Господня въ долготу дней". Букв в надписи было 47. "Долгота дней" хозяина замка – императора Павла – тоже равнялась 47 годам..

Михайловский замок напоминал огромный лабиринт, и нужно было прожить в нем не менее месяца, чтобы хоть немного привыкнуть к его очень сложной архитектонике. Множество темных переходов, потайных лестниц, замаскированных дверей было сделано в замке для того, чтобы ускользнуть от заговорщиков и убийц, если они неожиданно появятся во внутренних покоях.

В спальне императора тоже была потайная дверь, позволявшая выйти на скрытую от посторонних глаз лестницу, ведущую в комнаты под спальней, одна из которых принадлежала любимице Павла княгине Гагариной, как мы помним, в девичестве Лопухиной.

Став замужней дамой, Анна Петровна частенько оставалась ночевать в своей тайной опочивальне Михайловского замка, и чем чаще это случалось, тем ее муж становился надменнее, все полнее ощущая собственное величие и значимость.

А пока Павел тешился любовными утехами, изгонял и возвращал в полки и канцелярии сотни чиновников и офицеров, преподавал солдатам фрунт и экзерцицию, тратил время на множество мелочей – от дворцового этикета до составления программ и сценариев свадеб и приема послов, – окружавшие его придворные ловили себя на мысли, что так долго продолжаться не может. Многие вельможи и сановники, испытывавшие чувство ответственности за судьбу России, задавались вопросом: "Доколе коронованный безумец будет

безнаказанно играть судьбами многомиллионного народа! И что же следует предпринять, чтобы сей губительный порядок вещей переиначить и спасти Россию от тирана?"

Вывод был один – дворцовый переворот и насильственное устранение императора от власти.

Во главе заговора оказался вице-канцлер Российской империи, генерал-майор и камергер, граф Никита Петрович Панин, племянник графа Никиты Ивановича Панина – ближайшего сподвижника Екатерины II и главного воспитателя Павла Петровича в бытность его цесаревичем.

Никита Петрович в юности был другом цесаревича Павла и его камер-юнкером. Однако их отношения расстроились из-за неодобрительного отношения Панина к роману Павла с Нелидовой. Он защищал интересы Марии Федоровны, с которой его тоже связывали добрые отношения. В конфликт вмешалась Екатерина, взяв Панина под свое покровительство, назначив камергером своего двора и присвоив звание генерал-майора.

Как только Екатерина II умерла, Павел уволил Панина из армии, отправив послом в Берлин.

В 1799 году его вернули в Петербург и назначили вице-канцлером Коллегии иностранных дел. Панин был убежденным сторонником ограниченной монархии, которая опиралась бы на просвещенную родовую аристократию. Постоянно придерживаясь проанглийской ориентации, Панин видел будущее России в сохранении монархии, когда бы русская палата лордов играла главную роль, а палата общин находилась в подчиненном по отношению к первой палате положении.

Наблюдая развитие событий, Панин опасался как за судьбу династии, так и за судьбу дворянства, которое для него ассоциировалось с судьбой России. Панин считал, что если Павел останется у власти, то можно ожидать революции. или народного бунта, подобного пугачевскому, и тогда не только падет правящая династия, но погибнет и все российское дворянство.

Итак, перед холодным, рассудочным вице-канцлером встал вопрос: можно ли, рискуя судьбой Отечества, терпеть на троне умалишенного или же следует отстранить его от власти? Панин отвечал на этот вопрос однозначно – следует отстранить. Но он не мог исповедовать другой религии, кроме легитимности и верности монархии.

Он хотел лишь перемен на троне, но вовсе не был против династии. Более того, переворот для него был крайней мерой именно для спасения династии – семьи Романовых, – ибо законных путей выхода из кризиса он не видел. Поэтому вице-канцлер сразу же решил вовлечь в заговор Александра, чье согласие на отстранение Павла могло развязать руки заговорщикам. Зная мягкий характер Александра и его нелюбовь к крайним мерам, Панин отбросил возможность убийства Павла, а решил, что достаточно будет объявить императора умалишенным, требующим опеки, и назначить над ним регента – Александра, превратив дело в чисто семейное, когда главой семьи был бы уже не отстраненный от власти Павел, а его старший сын.

Ближайшим сподвижником Панина по заговору стал адмирал Иосиф де Рибас, который, находясь в Новороссии, сошелся с местным генерал-губернатором Платоном Александровичем Зубовым. Адмирал и бывший фаворит Екатерины II стали искренними друзьями.

После смерти Екатерины де Рибаса обвинили в служебных злоупотреблениях, и ему грозила ссылка в Сибирь, но его спас честный и неподкупный адмирал Н. С. Мордвинов, присланный во главе комиссии по расследованию его дела. Комиссия не нашла никаких злоупотреблений, и вместо Сибири де Рибас оказался в Петербурге в должности члена Адмиралтейств-коллегии. Там-то он

и сблизился через посредство братьев Зубовых с Н. П. Паниным. Третьим организатором заговора стал П. А. фон дер Пален, о котором уже шла речь. Князь Адам Чарторижский, лучше других знавший подоплеку заговора, писал в своих воспоминаниях, что летом 1800 года Н. П. Панин тайно встретился с Александром в купальне и нарисовал перед ним картину бедствий России и ее печальное будущее, если Павел и дальше будет править страной.

Панин сказал, что для Александра судьба России должна быть важнее судьбы его сумасшедшего отца. Он подчеркнул, что жизнь и свобода самого Александра, его матери и всей семьи находятся под угрозой. А избежать этой угрозы можно простым низложением Павла с престола, предоставив ему затем возможность наслаждаться спокойной и безопасной жизнью в одном из загородных дворцов Петербурга.

"Эта первая беседа, — утверждал Чарторижский, — внесла смятение в душу Александра, но не привела его к какому-нибудь решению".

Заговор развивался, в его орбиту втягивались новые люди, но они, разумеется, не знали имен руководителей. Дело продвигалось, как вдруг в ноябре 1800 года де Рибас тяжело заболел, а в канун смерти несколько суток находился в полном беспомоществе. Боясь, что в бреду он скажет что-нибудь опасное для заговорщиков, Н. П. Панин несколько суток не отходил от кровати больного, пока тот 2 декабря не "кончился". Смерть Рибаса совпала с отстранением от службы и ссылкой опального вице-канцлера в его смоленское имение Дугино. Правда, Панин вскоре добился разрешения жить в Москве и оттуда продолжал плести нити заговора. А в Петербурге с Александром часто встречался Пален, настойчиво убеждая его в необходимости низложения отца.

К этому времени активными участниками заговора стали братья Зубовы — Платон и Николай, английский посол Уитворт, многие офицеры и генералы гвардии.

Когда Екатерина II умерла, Платон Александрович Зубов находился в самом прекрасном возрасте. Светлейшим князем Платон Александрович стал за полгода до ее смерти, успев основательно испортить отношения с Павлом из-за своей позиции в вопросе о престолонаследии. Всегда и во всем соглашавшийся с императрицей и ни в чем ей не перечивший, он решительно поддержал ее в том, что престол следует передать Александру, минуя отца. Павел конечно же узнал об этом, но подавил в себе чувство неприязни, оставаясь великодушным и даже расположенным к Зубову. Последний же, напротив, затаил злобу и страх. Именно страх за свою и братьев судьбу заставил его послать в Гатчину Николая Зубова, как только его благодетельница потеряла сознание: тем самым Платон хотел показать Павлу свою к нему лояльность и приязнь.

Приехав в день смерти матери в Зимний дворец, Павел был растроган горем князя Платона, рыдавшего над усопшей Екатериной. Желая успокоить и утешить фаворита, Павел сказал ему: "Надеюсь, что и мне будете так же верно служить, как и ей служили".

Павел оставил Зубова при всех его должностях и привилегиях и даже купил для него за 100 000 рублей особняк на Морской улице, который велел отделать как дворец. Кроме того, он купил прекрасных лошадей и великолепные экипажи и все это подарил Платону Александровичу в день его рождения. Навестив Зубова в его новом доме, Павел поднял бокал шампанского и сказал: "Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго".

Когда ревизия, посланная в Новороссию, выявила множество финансовых злоупотреблений, Павел освободил Зубова от должности генерал-губернатора

Новороссии и Таврии, но не стал его наказывать, а отправил в отпуск на два года.

Зубов попросился за границу для лечения, и Павел дал разрешение. В пути Зубов навестил свои огромные имения, дарованные ему Екатериной II в Литве, а оттуда приехал в Ригу, где тогда губернатором был Пален. По случайному стечению обстоятельств Зубов приехал в Ригу в тот день, когда ожидали визита последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского, которого по приказу Павла должны были встречать с королевскими почестями. Из-за задержки в пути Понятовский в тот день не приехал, и на парадный обед в старом рыцарском замке, приготовленный в его честь, попал Зубов, создав тем самым впечатление, что все это сделано по случаю его приезда.

Павлу немедленно донесли о случившемся, и Пален мгновенно был уволен в отставку, причем все происшедшее в Риге император назвал "подлостью". Зубов уехал в Германию и там сблизился с российским послом в Берлине Никитой Петровичем Паниным. Эта дружба и стала надежной основой готовившегося ими заговора. По возвращении в Россию Зубова ждала уже настоящая опала; многие его имения были секвестированы, а сам он сослан в одну из своих владимирских усадеб под гласный надзор полиции. Казалось, что звезда счастливого Платона закатилась навсегда, но и здесь фортуна не оставила его — Панин и Пален добились возвращения его в Петербург.

Гневливый, но отходчивый Павел встретил Зубова в Михайловском замке с приветливостью и лаской и, обняв, сказал: "Платон Александрович! Забудьте все прошедшее!"

Двадцать третьего ноября 1800 года, когда де Рибас находился при смерти, а Панин уже собирался в ссылку, Платон Зубов получил чин генерала от инфантерии и назначение директором Первого кадетского корпуса. А еще через десять дней ему возвратили все отнятые ранее имения.

Несмотря на все это, дом Платона Зубова, подаренный ему Павлом, стал штаб-квартирой заговорщиков, где обсуждались планы свержения императора. Постепенно Пален и Зубов вызвали для службы в Петербурге всех недовольных Павлом опальных генералов и офицеров, на которых они могли положиться. По некоторым данным, их число превышало тысячу человек.

В начале 1801 года в Петербург приехал и Николай Зубов, до того проживавший в деревне. Он был отменно храбр и необычайно силен. Вместе с тем он был жесток, отличался самодурством и нравственной нечистоплотностью.

В его жизни особую роль сыграл великий Суворов. Николай Зубов долго служил под его знаменами, и именно его Суворов послал к Екатерине с известием о победе, одержанной под Рымником.

За это Зубов получил чин полковника, Суворов — графский титул с добавлением "Рымникский". В 1793 году Николай Зубов сам стал графом, а еще через год женился на любимой дочери Суворова — Наталье, которую отец называл "Суворочкой". Родство с великим полководцем придавало Николаю Зубову особый авторитет среди офицеров.

* * *

Определенную роль в обострении создавшейся ситуации сыграло то, что в самом начале 1801 года Павел вызвал в Петербург тринадцатилетнего племянника своей жены принца Евгения Вюртембергского. Этот мальчик еще в 1798 году получил от Павла звание генерал-майора и стал шефом драгунского полка. Воспитателем при нем был генерал барон Дибич, в прошлом адъютант

Фридриха Великого. 7 февраля принц Евгений был представлен Павлу и так сильно ему понравился, что Павел сказал Дибичу о своем намерении усыновить Евгения, прибавив, что он – владыка в своем доме и государстве и потому возведет принца на такую высокую ступень, которая приведет всех в изумление.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Александра и его сторонников и стало еще одним козырем в руках заговорщиков, так как было ясно, о какой "высокой ступени" для усыновленного принца говорил император. Разумеется, на этой "высокой ступени" двоим стоять было невозможно, и Александр понимал, чем это все может кончиться лично для него.

Что касается Марии Федоровны, то она стала помехой на пути к безоблачному счастью императора с княгиней Гагариной, которую он, по упорным слухам, хотел возвести на престол, отослав Марию Федоровну в ссылку.

Все это привело к тому, что заговорщики твердо решили убрать Павла, но дату переворота пока не назначили. Ускорить осуществление этих намерений их заставило непредвиденное обстоятельство.

Седьмого марта в семь часов утра Пален, как обычно, вошел в кабинет Павла для доклада. Не успел Пален приступить к докладу, как Павел спросил:

– Господин Пален, были ли вы здесь в 1762 году?

Пален мгновенно сообразил, что императора почему-то заинтересовал последний дворцовый переворот.

– Почему вы, ваше величество, задаете мне этот вопрос? – спросил насторожившийся Пален, выигрывая время на обдумывание и одновременно проясняя ситуацию.

– Да потому, что хотят повторить тысяча семьсот шестьдесят второй год, – сказал Павел

Пален тотчас же овладел собой и спокойно ответил:

– Да, государь, этого хотят. Я это знаю и тоже состою в заговоре, чтобы выведать планы заговорщиков и сосредоточить нити заговора в своих руках. Не зная, насколько Павел осведомлен о составе заговорщиков, Пален назвал и Александра и тут же попросил императора дать ему ордер на арест цесаревича. Павел одобрил его предусмотрительность и выдал ему такой документ, подписав его, но не поставив даты.

Пален взял ордер и с ним прошел в апартаменты Александра, решительно потребовав назначить как можно более близкую дату переворота, так как иначе и Александра, и Константина, и многих других ждет Петропавловская крепость.

Александр очень испугался, но он не хотел смерти отца и потому попросил ограничиться арестом Павла.

Было решено объявить регентом Александра, а Павла доставить под крепким караулом в один из загородных дворцов. Была установлена и дата переворота – 11 марта.

Новелла 6. 11 марта 1801 года

В этот день генерал от инфантерии граф Михаил Илларионович Кутузов вместе со своей старшей дочерью Прасковьей Толстой, статс-дамой императрицы Марии Федоровны, были приглашены в Михайловский замок к августейшему столу. Стол был накрыт на двадцать кувертов, причем впервые стоял сервиз, на котором красовались изящно и тонко нарисованные изображения Михайловского замка. Павел, по очереди поднимая тарелки, чашки и другие предметы из сервиза, нежно целовал их один за другим. Он восхищался вслух прелестью сервиза и хвалил художников-мастеров Императорского фарфорового

завода. Все сидевшие за столом разделяли его восторги. Павел любил застолья с молодыми людьми, а их на этот раз было здесь немало: Александр, Константин и их жены – Елизавета и Анна едва перешагнули порог двадцатилетия, а младшей из сидевших за столом, великой княжне Марии, недавно пошел шестнадцатый год. Присутствовали здесь же статс-дамы Прасковья Толстая и графиня Пален, графы Строганов и Шереметев, шталмейстер Муханов, обер-гофмаршал Нарышкин и четыре другие статс-дамы. Сейчас Павел был сумрачен, сразу же стал много пить и вскоре заметно опьянел.

Но не только он был мрачен, еще более бледным и печальным выглядел Александр.

– Не болен ли ты? – спросил его отец-император.

Александр ответил, что чувствует себя хорошо.

И вдруг Павел сказал:

– А я сегодня видел неприятный сон.

(Вспомните, какой сон приснился ему в день смерти матери и как он потом сбылся. После этого Павел уверовал в вещие сны окончательно и всегда пытался разгадать их скрытый смысл.)

Все затихли.

– Мне снилось, – продолжал император, – что на меня натягивают тесный парчовый кафтан и мне больно в нем.

Александр побледнел еще более.

Об этом вечере много лет спустя М. И. Кутузов рассказывал своему старому приятелю генералу Александру Федоровичу Ланжерону: "Мы ужинали с государем, и нас было двадцать человек... После ужина он разговаривал со мной и, взглянув в зеркало, стекло которого давало неправильное отражение, сказал, смеясь: "Странное зеркало, я вижу в нем свою шею свернутой". Полтора часа спустя он был трупом".

Современники отмечали, что Кутузов был единственным, кому довелось провести последний вечер и с Екатериной II, и с Павлом I.

Потом вспоминали, что за несколько дней до смерти Павел сказал камер-фрейлине Анне Степановне Протасовой о Михайловском замке и причинах его любви к нему: "На этом месте я родился, здесь хочу и умереть". Дело в том, что Михайловский замок был построен на месте деревянного Летнего дворца, в котором Павел родился.

Ужин кончился в половине десятого. Павел ушел к себе в спальню и велел вызвать к нему полковника Н. А. Саблукова, конногвардейский эскадрон которого охранял замок. Явившемуся Саблукову Павел приказал забрать свой караул, ибо император не мог доверять конногвардейцам, чьим шефом был Константин Павлович. Им на смену в караул заступили гвардейцы Преображенского и Семеновского полков, что было не лучше, так как шефом Семеновского полка был Александр, а командиром Преображенского – генерал-майор Талызин, один из активных заговорщиков.

Зная о существовании заговора, Павел вызвал в Петербург Аракчеева, и тот с минуты на минуту должен был примчаться в столицу. Ограничившись этим, Павел ушел спать.

А в это время в двух домах Петербурга – у Палена и у Платона Зубова – шли большие застолья, на которые были приглашены одни мужчины.

Пален собрал у себя несколько десятков гвардейских офицеров, большинство из которых еще не знали о готовящемся заговоре. Подготавливая их к предстоящему событию и настраивая на недовольство Павлом, он сказал:

– Господа! Государь приказал объявить вам, что он службой вашей чрезвычайно недоволен, ежедневно и на каждом шагу примечает ваше нерадение, леность и невнимание к его приказаниям, так что ежели он и

впредь будет замечать подобное, то разошлет всех по таким местам, где и костей ваших не сыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше.

Сам же Пален отправился в дом Зубова, перед тем приказав раньше обычного закрыть заставы, чтобы не пропустить в город Аракчеева. И этот шаг оказался удачным: Аракчеев был остановлен у заставы и не пропущен в Петербург.

В это же время у Платона Зубова собралось на ужин сто двадцать офицеров и генералов, на которых можно было вполне положиться. Некоторые еще не знали о существовании заговора, но когда застольные разговоры, умело направляемые хозяином дома в нужное русло, захлестнули его подвыпивших гостей, то все пришли к соглашению, что такой император, как Павел, не имеет нрава управлять Россией.

Особенно настойчиво Платон Зубов говорил о том, что цесаревич Александр в отчаянии от бедствий России и согласен спасти Отечество, низвергнув отца-императора и заставив его подписать отречение от престола, даже перед самым финалом заговора никто не говорил ни единого слова об убийстве Павла, подчеркивая, что речь идет лишь о его отречении от престола. Оставив Зубова с гостями, Пален уехал во дворец, но вскоре вернулся и сообщил, что все идет по плану. Он добавил, что Александр знаком с планом, совершенно спокоен и ждет их помощи.

Пален и братья Зубовы – Платон и Николай – пили мало, остальные же были сильно навеселе. В полночь заговорщики вышли из дома, разделившись на две группы по шестьдесят человек. Во главе первой шли Платон и Николай Зубовы и впервые оказавшийся среди заговорщиков генерал Л. Л. Беннигсен. Они шли прямо к Михайловскому замку. Вторая группа, возглавляемая Паленом, направилась к Летнему саду, обходя замок с другой стороны.

Плац-адъютант Павла, шедший в первой группе, знал по своей должности все входы и выходы, все лестницы и переходы замка, и потому заговорщики бесшумно проникли внутрь и беспрепятственно прошли до передней императора, расположенной рядом с его спальней.

В передней спали два хорошо вооруженных камер-гусара. Заговорщики постучали в дверь.

– Что такое? – услышали они голос одного из гусар.

Шедший вместе с заговорщиками один из флигель-адъютантов ответил:

– Пожар!

Гусары хорошо знали его голос и знали также, что он обязан в подобных случаях извещать императора в любое время суток, так как пожар угрожает его жизни. Гусары тут же отворили дверь, но, увидев толпу вооруженных людей, схватились за оружие. Одного из них тут же зарубил саблей князь Яшвиль, другой успел убежать в соседнюю комнату, где спали четыре фельдъегеря, и закричал:

– Бунт!

Но помощи императору оттуда не последовало; фельдъегери, испугавшись, заперлись и затаились.

Когда же заговорщики подошли к двери туалетной комнаты, их увидел дежурный камер-лакей, который, почувствовав недоброе, стал кричать и звать на помощь.

Его тут же убили, оттащили в сторону и все же остановились перед дверью спальни, напуганные его криками.

тогда силач и храбрец Николай Зубов проговорил:

– Все кончено, господа, надобно бежать...

Но ему тут же возразил решительный и хладнокровный Беннигсен:

— Как! Вы довели нас до этого места и предлагаете теперь отступление? Мы слишком далеко зашли. Отступления для нас быть не может, иначе мы все погибнем. Бутылка раскупорена, господа, надо из нее пить. Вперед! Заговорщики воспрянули духом и вломались в спальню. Но она была пуста. Обескураженные, они заметались по комнате и вдруг нашли Павла, спрятавшегося за портьерой у двери, ведущей в спальню Марии Федоровны. ...Если бы он не приказал забить эту дверь гвоздями, опасаясь ночных соблазнов, то смог бы уйти от смертельной опасности. Выскользнул он бесшумно в спальню жены, перед ним открылись бы десятки комнат, коридоров, лестниц и переходов замка, где найти его было бы совсем непросто. Но дверь была закрыта наглухо, и насмерть перепугавшийся Павел затаился за портьерой, забыв даже о потайной лестнице, ведущей в спальню его фаворитки.

Испуганного Павла вытащили из-за портьеры и силой усадили за стол. Платон Зубов положил перед ним заранее написанный акт об отречении от престола в пользу Александра, но Павел, хотя и был испуган, категорически отказался подписывать этот документ.

И вдруг в эти самые мгновения за дверью раздался топот множества ног, звон оружия и шум десятков голосов. Заговорщики испугались, они не знали, что по коридору идут их сотоварищи из группы Палена, а подумали, что там верные Павлу гвардейцы, и начали бить и душить упрямого императора. Есть версия, что Пален намеренно шел медленно, чтобы в случае, если отряд Зубовых и Беннигсена попадет в западню, то Пален изобразит себя и своих офицеров спасителями Павла, спешащими ему на выручку.

Когда же Пален вошел в спальню, дело было кончено, тело мертвого императора пинали и топтали, таская по полу спальни.

Август Коцебу, на следующий день побывавший на месте убийства, оставил подробные записки, в основу которых были положены рассказы участников и очевидцев убийства. Его версия вкратце такова.

Когда Платон Зубов потребовал от Павла подписи под актом об отречении и Павел отказался, стоявший рядом офицер Аргамаков ударил императора в висок рукояткой пистолета. Павел стал падать и пытался удержаться за декоративную решетку, выпиленную из слоновой кости Марией Федоровной и подаренную ему. Он схватился за маленькие декоративные вазы, приделанные к решетке, но они отломались. Павел попытался встать на ноги, но Яшвиль бросился на него, повалил на пол, и в этом, вторичном, падении Павел ударился головой о камин и чуть не потерял сознание. Тогда Яшвиль и Мансуров накинули на шею Павлу офицерский шарф и стали душить.

Павел мгновенно засунул руку между шеей и шарфом и держал ее так крепко, что никто не смог вытащить руку из-под шарфа. "Тогда какой-то изверг, — пишет Коцебу, — взял его за самые чувствительные части тела и стиснул их. Боль заставила его отвести туда руку, и шарф был затянут. Вслед за ним вошел граф Пален. Многие утверждали, что он подслушивал у дверей".

Убедившись, что все уже кончено, Пален вышел из спальни и отдал распоряжения об аресте наиболее верных покойному императору людей — коменданта Михайловского замка П. О. Котлубицкого, обер-гофмаршала Нарышкина, генерал-прокурора П. Х. Обольянинова, инспектора кавалерии Литовской и Лифляндской инспекций генерал-лейтенанта А. С. Кологривова, командира Измайловского полка генерал-лейтенанта П. Ф. Малютина и жившего в Михайловском замке любимца Павла графа Г. Г. Кушелева.

Затем Пален обошел залы замка, где стояли солдаты, объявил о смерти Павла и прокричал "Ура!" новому императору. Однако солдаты молчали.

Опоздавший к началу событий Валериан Зубов появился в Михайловском замке, когда все уже было кончено. Он проходил через залы, где только что

побывал Пален, и, не зная, как отнеслись ко всему случившемуся солдаты, тоже поздравил их, но в ответ получил лишь злые взгляды и недовольный ропот..

В это время Александр, находившийся в том же Михайловском замке, только в другом его крыле, лежал на постели не раздеваясь. Около часа ночи к нему вошел Николай Зубов, всклокоченный, красный от волнения, в помятом мундире, и хрипло произнес:

– Все исполнено.

– Что исполнено? – спросил Александр и, поняв, что его отец убит, безутешно зарыдал.

В этот момент возле него появился спокойный, подтянутый Пален и, чуть поморщившись, холодно произнес:

– Ступайте царствовать, государь.

..Первые минуты и часы царствования Александра оказались самыми тяжелыми в его жизни. Пален провел его по коридорам ночного Михайловского замка, заполненным пьяными, сильно возбужденными, громко говорящими офицерами. Некоторые из них держали в руках горящие факелы, и кровавый отсвет огня наверняка казался трепещущему, близкому к обмороку Александру зловещим. Когда они вошли в спальню Павла, Александр увидел обезображенное ударами сапог лицо своего мертвого отца. Его потрясло и то, что он увидел, но еще более – коварство и безжалостность, с какой все это было сделано. Ведь он надеялся, что отца только арестуют, а вместо этого его убили, причем – жестоко, нисколько не думая о сыновних чувствах Александра, в глубине души все же любившего отца.

Еще раз взглядевшись в синее, распухшее лицо покойного, до неузнаваемости обезображенное ударами сапог, Александр вскрикнул и, потеряв сознание, упал на спину во весь рост, сильно стукнувшись головой об пол.

* * *

Когда слух об убийстве Павла дошел до Марии Федоровны, она выбежала из своих покоев, не владея собой от гнева и отчаяния, и явилась перед заговорщиками. Ее крики разносились по всем коридорам. Заметив гренадеров, она несколько раз повторила им: "Итак, нет больше императора, он пал жертвой изменников. Теперь я – ваша императрица, я одна ваша законная государыня, защищайте меня, идите за мной!" Беннитсен и Пален с большим трудом, силой увели Марию Федоровну в ее комнаты, но она снова пыталась выбежать в коридор, решившись захватить власть и отомстить за убийство мужа. Но императрица Мария ни наружностью, ни характером не была способна возбудить в окружающих энтузиазм или безотчетную преданность. Ее многократные призывы к солдатам не произвели никакого впечатления. Может быть, этому способствовал и немецкий акцент, сохранившийся у нее в русской речи. Часовые скрестили оружие, и императрица отошла от двери. Адам Чарторижский писал: "Я никогда ничего не слышал о первом свидании матери и сына после совершенного преступления. Что говорили они друг другу? Какие могли они дать объяснения по поводу того, что произошло? Позже они поняли и оправдали друг друга, но в эти первые страшные минуты император Александр, уничтоженный угрызениями совести и отчаянием, казалось, был не в состоянии произнести ни одного слова или о чем бы то ни было думать. С другой стороны, императрица, его мать, была в исступлении от горя и злобы, лишавших ее всякого чувства меры и способности рассуждать.

Из членов императорской фамилии среди ужасного беспорядка и смятения, царивших в эту ночь во дворце, только одна молодая императрица, по словам

всех, сохранила присутствие духа. Император Александр часто говорил об этом. Она не оставляла его всю ночь и отходила от него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах, уговорить ее прекратить свои вспышки, которые могли стать опасными, когда заговорщики, опьяненные успехом и знавшие, как они должны опасаться ее мести, являлись хозяевами во дворце. Одним словом, в эту ночь только императрица Елизавета сохранила самообладание и проявила моральную силу, которую все признали. Она явилась тогда посредницей между мужем, свекровью и заговорщиками и старалась примирить одних и утешить других..."
Вместе с Марией Федоровной страшно горевала еще и Нелидова. Узнав об убийстве Павла, она враз поседела, и, как уверяли видевшие ее в эти дни, ее лицо покрылось морщинами и превратилось из бело-розового в желтовато-свинцовое. До самой кончины Марии Федоровны, последовавшей в 1828 году, Нелидова сохраняла со вдовствующей императрицей наилучшие отношения. После же ее смерти продолжала жить в Смольном до конца своих дней. Она скончалась 2 января 1839 года на восемьдесят третьем году жизни.

* * *

Проделав за короткое время большую работу в области политики внутренней и в области политики внешней, Александр одновременно подготовился и к акту коронации. Остановившись на трое суток в загородном Петровском дворце, Александр и Елизавета Алексеевна.

8 сентября торжественно въехали в Первопрестольную.

9 сентября Александр отправился верхом на коне на прогулку. Как только он появился на Тверской, москвичи кинулись к нему, осыпая поцелуями сапоги и стремяна его коня.

Пятнадцатого сентября, в воскресенье, в Успенском соборе митрополит Платон возложил императорскую корону на голову Александра.

Почти все, кто сопровождал нового императора в его поездке в Москву, единодушно отмечали, что ни разу не видели его радостным, а тем более смеющимся. Он был постоянно задумчив, почти всегда печален и улыбаться заставлял себя чаще всего из-за обстоятельств дворцового этикета.

Мысли об убитом отце не оставляли Александра ни на минуту, ибо в Москве, где он был с ним совсем недавно, все напоминало ему о Павле. И уж буквально каждый момент коронационных торжеств, каждый шаг по Кремлю, точно по тому же маршруту, по какому за четыре года перед тем шел он вместе с покойным отцом, вызывали в памяти предыдущую коронацию.

Раскаяние и благочестивые добрые намерения выразились и в издании в эти же дни указов о пересмотре старых уголовных дел, об отмене пытки, о широкой амнистии и щедрой благотворительности.

Новелла 7. Сердечные истории августейших братьев

Теперь же следует рассказать и об одном внутрисемейном деле императорской фамилии, получившем в то время довольно громкий общественный резонанс.

А. М. Тургенев писал: "Связавшись с непотребною княжною Четвертинской (имеется в виду Жанетта Антоновна Святополк-Четвертинская), Константин вознамерился прогнать от себя законную супругу свою, великую княгиню Анну Федоровну, урожденную принцессу Саксен-Кобургскую. Великая княгиня была беременна, а Константин, предавшись пьянству и разврату, невероятно и невозможно выразить какие причинял ей оскорбления! Великая княгиня не только не жаловалась, но терпела все с кротостью. Даже единственный друг

ее, императрица Елизавета, не все ведала, что великая княгиня претерпевала. Глупая вдовствующая императрица Мария не терпела великой княгини по какой-то наследственной вражде дома Вюртембергского с домом Кобургским". Далее Тургенев сообщает, что близкий друг и собутыльник Константина штаб-ротмистр Кавалергардского полка Иван Лангинович Линев согласился за деньги оклеветать жену Константина, "сознавшись" в любовной связи с ней, чего на самом деле не было.

"Глупая вдовствующая императрица Мария раскричалась, не хотела видеть великую княгиню. На третий день гнуснейшей клеветы развратнейшего чудовища Константина прекрасная, кроткая, любезная великая княгиня Анна Федоровна навсегда оставила Россию! Презреннейший Линев, получив отставку, поехал в чужие края, чтобы показать, что Анна Федоровна, будучи страстно влюблена в него, требовала, чтобы он находился при ней... В России все были уверены, что Линев — любовник Анны Федоровны, но ничего нет несправедливей в мире этой клеветы".

Дело кончилось тем, что великая княгиня Анна Федоровна уехала к своим родителям и только через девятнадцать лет, в 1820 году, дала развод Константину.

После отъезда жены Константин пустился "во вся тяжкия", не брезгуя даже откровенной сексуальной уголовщиной.

А. М. Тургенев записал и то, что тщательно скрывалось от посторонних ушей и глаз, назвав этот фрагмент своих воспоминаний "Эпизод с госпожою Арауж". Развратнейший и вечно пьяный Константин набрал себе в адъютанты развратнейших, бессовестнейших и бесчестнейших людей — Н. А. Чичерина, Олсуфьева, Нефедьева, А. С. Шульгина, К. Ф. Баура и Янковича-Демареева. Им на глаза попала молодая красивая вдова банкира Араужа, мать двоих малолетних дочерей, женщина скромная и богобоязненная. Адъютант Константина Баур знал госпожу Арауж с детства и на правах близкого знакомого часто бывал в доме ее родителей. О красавице вдове узнал Константин и стал домогаться близости с нею, но Арауж решительно отказала великому князю. Тогда Константин поклялся, что все равно добьется своего во что бы то ни стало.

Константин послал в дом Арауж карету и велел слуге сказать, что ее просит заехать в Зимний дворец живущий там друг ее Баур, к тому же заболевший, Арауж поверила и поехала во дворец. Однако ее привели не к Бауру, а к Константину, окруженному толпой пьяных офицеров. Баура среди них не было. "Благопристойность, — пишет А. М. Тургенев, — не позволяет пересказать, что изверги, начиная с великого князя, с ней делали! До того даже, что когда Арауж от насилия, ей сделанного двадцатью или более людей, лишилась жизни, изверги, а именно Шульгин и Чичерин, еще продолжали действие! Бездыханное тело Арауж с переломанными суставами в руках и ногах было привезено в дом ее матери и брошено в прихожей комнате".

Только из-за того, что Арауж, как и ее покойный муж, были прусскими подданными, по требованию прусского посланника было начато следствие. Во главе комиссии был поставлен Д. А. Гурьев, в комиссия, дав заключение, что Арауж умерла, объяснила это эпилептическим припадком, во время которого она и поломала себе руки и ноги. Такое заключение обошлось Константину в двадцать тысяч рублей.

К сказанному следует добавить, что в это время Константин, по словам А. М. Тургенева, болел плохо залеченным сифилисом, но это не останавливало светских дам, которые искали близости с ним.

Камергер П. Н. Нарышкин угодливо предлагал Константину и собственную жену, и ее родную сестру, ожидая, когда великий князь выпустит из спальни одну из них и тотчас же призовет другую.

В отличие от Александра Константин, активно участвовавший в заговоре, угрызений совести из-за смерти отца не испытывал и от душевных переживаний был совершенно избавлен. Правда, после смерти госпожи Арауж безобразные оргии и кутежи несколько приутихли, но в основе своей Константин оставался прежним — убежденным в безнаказанности, разнузданным развратником, кутилой и хамом. Даже если А. М. Тургенев что-то и преувеличил, то все равно эта история делает Константина Павловича самым мерзким из всей династии Романовых.

* * *

У фаворитки Константина Павловича — Жанетты Антоновны Святополк-Четвертинской была старшая сестра, по мужу — Нарышкина. Ее звали Мария Антоновна, и она была безоговорочно признана первой красавицей России. Нарышкина и стала не венчанной женой Александра, из-за чего ее муж в большом петербургском свете носил прозвище "Великий магистр масонской ложи рогоносцев". Лев Кириллович все прекрасно знал, но безропотно вынужден был делить свое супружеское ложе с августейшим соперником. Злоязыкие придворные презрительно осуждали обер-гофмейстера, но не было ни одного мужчины, который осудил бы Александра, ибо Нарышкина была божественно хороша и оттого абсолютно неотразима. "Разинув рот, стоял я в театре перед ее ложей и преглупым образом дивился красоте ее, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной", — писал один из ее современников. А великий полководец, шестидесятилетний Кутузов, покоровший немало сердец светских прелестниц, говоря о Нарышкиной, заметил как-то в письме одной из своих дочерей: "Если я боготворю женщин, то потому только, что она (т. е. Нарышкина) — сего пола". Ее отцом был польский князь Антоний-Станислав Четвертинский, убитый варшавскими повстанцами в 1794 году за приверженность к России, а мать — баронесса Кампенгауз. У Марии Антоновны был брат Борис и сестра Жанетта, о которой коротко упоминалось в связи с отъездом великой княгини Анны Федоровны, так как именно княгиня Жанетта Антоновна Святополк-Четвертинская была одной из причин разрыва Анны Федоровны с Константином. Жанетта Антоновна была тоже красива, но не столь прекрасна и пленительна, как ее сестра, привлекая больше живостью характера и легкостью нрава. Встретив Жанетту, Константин стал забывать свою тогдашнюю любовь — сильную, нежную, кажется, единственно светлую и настоящую, которая владела им вот уже несколько лет, — любовь к польской княжне Елене Любомирской, девушке из старинного знатного магнатского рода. В 1799 году Константин Павлович был отправлен в Ровно инспектировать пограничные войска и там познакомился с гостеприимным, вскоре ставшим милым его сердцу домом князей Любомирских, лучшим украшением которого оказалась юная и прекрасная княжна Елена. Внезапно вспыхнувшая любовь к ней была настолько сильна, что Константин решил развестись с Анной Федоровной и жениться на Елене Любомирской. Уехав в Петербург, он слал ей письмо за письмом. "Я теперь так живо воспринимаю, так глубоко чувствую, как раньше никогда", — писал Константин Павлович, чего не писал никому и никогда. А 26 ноября 1800 года и на следующий день в еще одном письме он совершенно неожиданно выступает натурой нежной и чувствительной: "Когда же я снова увижу милый Ровно и его дорогих и добрых обитателей! Как счастлив был бы я, если бы имел счастье снова увидеть вас и опять побывать в Ровно, где я провел наиболее счастливые моменты моей жизни. Когда я вспоминаю об этом счастливом времени, которое я провел у вас, я

плачу и в то же время думаю, когда опять я буду среди вас?" В феврале 1801 года он пишет Елене: "Мне скучно. С начала года у нас были балы и маскарады, но я скучал, и все спрашивали у меня, почему я не танцую? Тогда я отвечал самому себе: увы, я не в Ровно! Если я не увижу вас снова, я умру от тоски и печали, и если бы мне дано было императором позволение уехать к вам, только один Бог знает, как я был бы счастлив!" Но чувство это угасло после того, как при дворе появились сестры Четвертинские, и Александр увлекся Марией, а Константин – Жанеттой. Константин уже намеревался жениться на Жанетте Четвертинской, как вдруг увлекся, и очень серьезно, продавщицей из модного французского магазина Жозефиной Фридрихе, о чем – чуть позже.

После того как Адам Чарторижский вернулся из Италии, его прежние отношения с Елизаветой Алексеевной не возобновились, но и к мужу она чувств своих не переменила, оставаясь по-прежнему апатичной.

Историк Г. И. Чулков писал:

"Сердечная рана, которую почувствовал Александр, заметив холодность своей жены, не исцелялась. По-видимому, молодой муж старался утешиться ухаживаниями за хорошенькими дамами, и это еще усилило взаимное охлаждение. В конце концов молодые супруги дали друг другу свободу. Однако Елизавета была не совсем равнодушна к поведению своего мужа. В 1804 году в одном из писем к матери Елизавета Алексеевна горько жаловалась на соперницу – Марию Антоновну Нарышкину, которая на балу сообщила императрице о своей беременности. "Какую надо иметь голову, чтобы объявить мне об этом! Ведь она прекрасно знает, что я понимаю, каким образом она забеременела. Я не знаю, что от этого произойдет и чем все это кончится!". Связь с Четвертинской-Нарышкиной продолжалась у Александра четырнадцать лет. Утверждали, что результатом многолетней связи было трое детей: Марина, София и Эммануил. Нарышкина, однако, обманывала и мужа, и Александра то с князем Гагариным, высланным за это за границу, то с генерал-адъютантом графом Адамом Ожаровским, а потом и с множеством других ветреников и волокит. Однажды на даче Нарышкиных в Петергофе внезапно приехавший Александр вошел в спальню Марии Антоновны и, открыв дверь, увидел, как кто-то нырнул в платяной шкаф. Это был Ожаровский. Александр открыл шкаф и сказал своему любимцу: "Ты похитил у меня самое дорогое. Тем не менее с тобой я и дальше буду обращаться как с другом. Твой стыд будет моей мезью". Александр так и поступил. Но напрасно было бы думать, что Мария Антоновна Нарышкина была единственной всепоглощающей страстью Александра даже в те годы, когда она была верна ему. Любовные похождения Александра были чрезвычайно многочисленны, и в чувствах своих он был весьма непостоянен. В изданной в Лондоне в 1908 году и запрещенной в России тогда же нелегальной брошюре "Александр I, его личность, правление и интимная жизнь" утверждалось, что "некоторое время серьезную конкуренцию Нарышкиной составила графиня Бобринская, и из этой связи Александра происходит польский род Варпаховских".

Графиня Мария Алексеевна Бобринская была единственной дочерью сына Екатерины II и Григория Орлова – Алексея Григорьевича и приходилась, таким образом, Александру двоюродной сестрой. Известно, что графиня была выдана замуж за князя Сергея Николаевича Голицына, имела от него троих сыновей и славилась нравственностью и верностью своему мужу. Каким образом могла она стать родоначальницей польской фамилии Варпаховских – остается невыясненным, да и вряд ли будет выяснено, ибо представляется неправдоподобным.

Гораздо более определенно можно проследить своеобразный "роман" Александра с одной из загадочных женщин того времени – Анной де Пальмье. Анна де Пальмье, побочная дочь статс-секретаря Екатерины II Ивана Перфильевича Елагина, секретная агентка Екатерины II, Павла I и Александра I, в 1806 году, будучи 34 лет от роду, привлекла благосклонное внимание двадцатидевятилетнего императора. Александр стал демонстративно проезжать мимо дома, где жила Анна де Пальмье, и, завидев ее, кланялся особенно учтиво и улыбался особенно ласково. Так продолжалось целую неделю. Анна де Пальмье, блюдя свое незапятнанное имя, ибо была девицей и, что еще более важно, принципиальной мужененавистницей, через неделю задернула шторы на своих окнах и перестала, таким образом, отвечать на поклоны Александра.

Еще через неделю Александр понял, что девица де Пальмье не принимает его ухаживаний, и перестал ездить мимо ее окон.

Однако в одном из соседних домов заметил Александр молодую пригожую немку – купчиху Бахарахтову "и лучше успел", как лапидарно заметила неприступная Анна де Пальмье в оставленных ею "Мемуарах".

Конечно же, Пальмье и Бахарахтова – случайные бабочки-однодневки в жизни Александра, многие же другие остались неизвестными. Тех, кто основательно кружил головы Александру и Константину, кроме сестер Святополк-Четвертинских, было не так уж много.

* * *

Среди женщин, сопровождавших Константина многие годы, была мать его единственного сына – Жозефина Фридрихс, с которой цесаревич познакомился в 1805 году на одном из балов-маскарадов. Историю Жозефины и Константина описал сын адъютанта цесаревича К. П. Колзаков, узнавший ее от своего отца.

...После того как Наполеон стал императором и объявил амнистию эмигрантам, многие из них возвратились на родину. Тогда-то в одной из тихих улочек Парижа появилась мадам Террей, владелица модного магазина, проведшая годы эмиграции в Германии, где была гувернанткой в богатой дворянской семье. Среди ее работниц была очень миловидная четырнадцатилетняя девочка по имени Жозефина.

Однажды в магазин пришел богатый англичанин, и девочка его очаровала. Кончилось тем, что он попросил родителей Жозефины разрешить их дочери поехать с ним в Англию. Он обещал отдать девочку в один из лучших пансионов, а когда станет она совершеннолетней, сделать ей предложение и, если Жозефина согласится, жениться.

Родители, получив в подтверждение серьезности намерений будущего мужа Жозефины большие деньги, доверили ему дочь и разрешили ей поехать в Англию.

А вскоре дела госпожи Террей пошли плохо, и она, продав магазин, уехала в Петербург, где, по слухам, к эмигрантам-французам относились как нельзя лучше. Так и случилось: госпожа Террей открыла в Петербурге модный магазин и вновь стала процветать.

В конце 1805 года, прогуливаясь по Невскому проспекту, она встретила красивую молодую даму, которая, вскрикнув, бросилась ей на шею. Это оказалась Жозефина. Мадам Террей тотчас же пригласила ее к себе домой и узнала ее историю.

Оказалось, что как только Жозефина окончила пансион, ее благодетель внезапно умер, не успев оставить ей завещания, и родственники покойного забрали все имущество и деньги себе.

Жозефина, предоставленная самой себе, сначала хотела вернуться к родителям, но тут подвернулся приехавший в Лондон русский полковник и флигель-адъютант императора Александра барон Фридрихс, который сделал ей предложение. После свадьбы полковник уехал в Россию, пообещав немедленно по приезде в Петербург выслать ей деньги на дорогу. Но прошло два месяца, а ни денег, ни писем от мужа не было. И тогда Жозефина продала все драгоценности и, сев на корабль, приплыла в Петербург. Здесь вскоре же она узнала, что никакого барона, полковника и флигель-адъютанта Фридрихса нет, а есть носящий такую же фамилию фельдъегерь, который и был недавно в Лондоне. Она отыскала штаб фельдъегерского корпуса, там ей назвали адрес Фридрихса, и когда она пришла, то оказалось, что это – простая солдатская казарма, а всего имущества у ее мужа – солдатская койка. К тому же Фридрихса в казарме не оказалось: он был в отъезде по службе, на сей раз на Кавказе. Не успела Жозефина обосноваться у гостеприимной госпожи Террей, как вдруг объявился ее муж и умолил ее быть вместе с ним. Однако Фридрихс оказался грубым и невежественным человеком, и Жозефина, пожив с ним в бедной и тесной квартирке, снятой по случаю, решила на окончательный разрыв. Это произошло после того, как на одном из маскарадов она познакомилась с высоким незнакомцем, оказавшимся Константином Павловичем. Жозефина нашла в нем любовника и друга, и в 1808 году родила сына – Павла Константиновича Александрова. Его крестным отцом был Александр I. В 1812 году Павел был возведен в дворянское достоинство и тогда же, четырехлетним, был записан юнкером в лейб-гвардии Конный полк, а через несколько дней произведен в корнеты. Получив хорошее домашнее образование, Александров в 1823 году начал действительную военную службу в чине поручика. В 1837 году он уже был полковником, в 1846-м – генерал-майором свиты императора Николая I – своего родного дяди. Умер он в 1857 году генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, оставив дочь – Александру Павловну, в замужестве княгиню Львову.

Новелла 8. Любовь и смерть кавалергарда Алексея Охотникова

А двумя годами раньше рождения внебрачного сына у Константина у его старшего брата родилась дочь. И хотя рождена она была в законном браке, радости от ее появления на свет августейший отец не испытал. С рождением второй дочери Елизаветы Алексеевны связывали загадочную, как мы теперь сказали бы – детективную, историю, героем, а точнее сказать жертвой, которой стал близкий императрице человек – ротмистр Алексей Яковлевич Охотников. Охотников был кавалергардом, и потому его биография была помещена в "Сборнике биографий кавалергардов 1801-1826", составленном С. А. Панчулидзевым и вышедшем в свет в Санкт-Петербурге в 1906 году. С. А. Панчулидзеv сообщает, что за два года до своей смерти двадцатичетырехлетний штабс-ротмистр Кавалергардского полка Алексей Яковлевич Охотников влюбился в Елизавету Алексеевну, зная, что Александр избегает ее из-за своей любви к Нарышкиной. Он знал также, что императрица совершенно неприступна из-за того, что, несмотря ни на что, любит своего мужа. Охотников не терял надежды, и вскоре Елизавета Алексеевна откликнулась на его чувство. Об их близости узнал Константин Павлович и вечером 4 октября 1806 года нанятый им убийца ударил Охотникова кинжалом в бок, когда штабс-ротмистр выходил из театра. Раненого Охотникова привезли домой без чувств. Когда он пришел в себя, то прежде всего попросил все случившееся сохранить в тайне, объясняя свою

рану Дуэлью. Домашние знали, что за дуэли полагалось строгое наказание, и потому молчали. К нему немедленно приехал личный хирург Елизаветы Алексеевны, перевязал рану и, опасаясь роковых последствий, остался ночевать в соседней комнате. Ночью врач встал, подошел к постели Охотникова и обнаружил, что она пуста.

Врач кинулся в гостиную и увидел, что Охотников лежит без чувств на диване, а на столе лежало только что оконченное письмо к Елизавете Алексеевне, в котором раненый, успокаивая находившуюся в эти дни на последнем месяце беременности императрицу, умолял не верить городским слухам о его тяжелом ранении и заверял, что все в порядке.

Доктор уложил Охотникова в постель и обещал передать письмо в руки Елизаветы Алексеевны.

Несмотря на уход и заботы, рана не заживала и через три недели Алексей Яковлевич почувствовал, что умирает. Безутешно скорбевшая императрица предупредила своего возлюбленного о том, что приедет к нему, и послала в дом к умирающему свою родную сестру, принцессу Амалию Баденскую, которая жила тогда в Петербурге и стала посредницей между императрицей и Охотниковым. Амалия приехала к Охотникову и сказала, что Елизавета Алексеевна будет у него в девять часов вечера. Охотникова одели в мундир, убрали комнату, где он лежал, цветами, но значительные перемены в лице, болезненная худоба и сильный жар все же бросились в глаза Елизавете Алексеевне. Она с трудом сдерживала рыдания, стараясь быть спокойной и даже веселой. Когда она, прощаясь, поцеловала больного в губы, Охотников сказал: "Я умираю счастливым, но дайте мне что-нибудь, что унесу с собою".

Елизавета Алексеевна отстригла локон, положила его в золотой медальон и сняла с пальца кольцо.

Утром он причастился, исповедался и, попросив кольцо и медальон положить в его гроб, тихо скончался.

Узнав о смерти своего возлюбленного, Елизавета Алексеевна едва не умерла от горя. Ни гнев Александра, ни боязнь скандала, ни то, что она была на последних днях беременности, не могли ее остановить. Она бежала из дворца и, приехав в дом Охотникова, долго стояла у его гроба на коленях, рыдая и молясь.

Охотников умер 30 октября, а 3 ноября, на четвертый день после его смерти и почти сразу после похорон, Елизавета Алексеевна родила дочь, названную Елизаветой. С первого же дня мать безумно полюбила девочку, называя ее "котеночком". Это слово – "котеночек" – она писала по-русски в письмах своих к матери, хотя, разумеется, язык этих писем был французским.

Свекровь императрица Мария Федоровна говорила об этом ребенке одному близкому ей человеку: "Я никогда не могла понять отношения моего сына к нему и к его матери. Только после смерти девочки поверил он мне эту тайну, что его жена, признавшись ему в своей беременности, хотела уйти, уехать. Мой сын поступил с ней с величайшим великодушием". Елизавета Алексеевна, оказавшаяся несчастной любовницей и покинутой женой, оказалась и несчастной матерью. Ее Лизанька прожила, как и дочь Чарторижского – Мария, совсем недолго и умерла через полтора года, 30 апреля 1808 года. Девочку похоронили на одном кладбище с ее отцом – в Александро-Невской лавре, и когда осиротевшая мать приезжала к ней на могилу, она навещала и могилу Охотникова, над которой через полгода после его похорон был поставлен дорогой и большой памятник: на скале возле сломанного молнией дуба стояла коленапреклоненная женщина, держащая в руках погребальную урну... Небогатые родственники Охотникова не могли поставить такой памятник. Это сделала безутешная Елизавета Алексеевна.

Новелла 9. Таинственная мадемуазель Жорж

А теперь расскажем об одном до конца не выясненном эпизоде, переплетающимся как с большой политикой, так и с интимной жизнью Александра, когда одной из его мимолетных любовниц стала парижская актриса мадемуазель Жорж, бывшая перед тем любовницей Наполеона. Академик Фредерик Массон в книге "Наполеон и его женщины" так говорит о мадемуазель Жорж: "Жорж в 17 лет была прекрасна, бесподобно прекрасна; голова, плечи, тело – все просилось на картину... Он (Наполеон) был большим поклонником ее красоты, но ему очень нравился и ее бойкий, живой ум". Однако не прошло и года, как Жорж тайком покинула Париж и уехала в Россию. Это случилось после того, как в Париж прибыл русский посол граф П. А. Толстой. Отправляя Толстого в Париж, Александр написал ему: "Мне вовсе не нужен дипломат, а храбрый и честный воин, и эти качества принадлежат вам". Александр не знал тогда, насколько точно определил он качества своего посла – Толстой оказался храбрым воином, совершенно непригодным к дипломатии, хотя его взгляд на перспективу был абсолютно правильным. Он не верил в миролюбие Наполеона и призывал Александра готовиться к большой войне с Францией, что и послужило причиной скорого отъезда его в Петербург.

Вместе с графом Толстым в Париж приехал один из внуков княгини Ливен – Бенкендорф. Он стал организатором большой дворцовой интриги, в центр которой попала несравненная красавица мадемуазель Жорж. Бенкендорф признался Жорж в любви и организовал ее побег в Петербург, пообещав жениться. 11 мая 1808 года Жорж, сопровождаемая танцором из Оперы Дюпором, для конспирации переодетым женщиной, выехала в Петербург. Вскоре она прибыла туда и в письмах родным уже стала подписываться двойной фамилией – Жорж-Бенкендорф, хотя в Петербурге о замужестве речь уже не шла. Интрига состояла в том, что Жорж была намечена Бенкендорфом и его соучастниками в любовницы Александру для того, чтобы царь отвернулся от Нарышкиной, а затем возвратился к Елизавете Алексеевне. Однако интрига, благополучно начавшись, не получила развития. Жорж приехала к царю в Петергоф, получила за свой визит алмазную пряжку, но повторного приглашения не получила и перешла к Константину Павловичу, который так же не очаровался ею, заявив: "Ваша мадемуазель Жорж в своей области не стоит того, чего стоит в своей моя парадная лошадь".

Не добившись успеха у августейших братьев, мадемуазель утешилась интрижками и связями с офицерами и придворными, а после 1812 года вернулась в Париж и заняла свое прежнее место в театре. Любопытно, что по возвращении в Париж Наполеон приказал выплатить актрисе ее жалованье за те годы, какие она провела в Петербурге. Возникает вопрос: за какие услуги Франции получила она эти деньги?

* * *

А после того прошла война 1812 года, и русская армия, освободив Европу, взяла вместе с войсками союзников Париж. Злой гений монархов Европы – Наполеон Бонапарт – подписал отречение от престола и был сослан на остров Эльбу, а союзники осенью 1814 года съехались в Вене, чтобы решить все дела послевоенной Европы.

Новелла 10. "Танцующий конгресс": любовь и политика

Второго сентября 1814 года Александр отправился на Конгресс в Вену. По дороге он заехал в Пулавы, имение Чарторижских, где вновь подтвердил решимость восстановить независимую Польшу. Взяв с собой князя Адама, он отправился в Австрию и через неделю въехал в Вену вместе с Фридрихом-Вильгельмом III. 15 сентября в Вену прибыла со своими фрейлинами Елизавета Алексеевна, цесаревич Константин и великие княгини Марий и Екатерина.

Александр был отведен один из самых роскошных дворцов императора Франца — Хофбург.

Два императора, дюжина королей и больше сотни владетельных особ собрались на этот "Танцующий Конгресс", продолжавшийся необычайно долго — до июня 1815 года. Среди участников Конгресса был и Адам Чарторижский.

Князь Адам и Елизавета Алексеевна встретились в Вене осенью 1814 года, через 15 лет после разлуки. Вот какие отрывки из "Дневника" Чарторижского опубликовал через сто лет, в 1916 году, профессор Шимон Аскенази в журнале "Голос минувшего": "Здесь я вижу ее, сильно изменившуюся, но для меня всегда ту же со стороны ее и моих чувств. Они утратили свой пыл, но в них сохранилось достаточно силы, чтобы не видеть ее было великой мукой... Всем она нравится. В некоторых отношениях похорошела. Я несчастлив и печален, каким давно не был".

"3 декабря. Попадаю к Нарышкину. Вторая встреча. Признаны новые обязанности. Она всегда истинный ангел... Моя тетка (княгиня Елизавета Любомирская, урожденная Чарторижская) сплетничает; мой отец сказал ей о ней. Наука, что мало можно кому доверить настоящую и важную тайну. Третья встреча при посредстве Нарышкина. Визит императора к моей тетке. Ее визит и письмо. Жар, и сны, и угрызения, укоряющие в виновности. Стан и лицо изменились, однако все та же очаровательность, а душа ангельская".

"18 января 1815 года. К ней пишу..."

"До 28 января. Письмо отдано и сейчас на следующий день вижу. Разнообразие моих чувств. Она всегда первый и единственный предмет. Обмен кольцами. Ее доброта, ее чувства иного рода. Она не хочет остаться в Германии, она приносит себя в жертву... Мои сплины (хандра); я испорчен доброжелательностью и любовью; душа не может подняться до ее превосходства".

"Я желаю ей счастья и завидую ему: страстно люблю, а все-таки я все посвятил бы, а святость чувства недостаточно сохраняю. Долгая неуверенность, противоречивость, и неустанные обиды, и двадцатилетнее ожидание, и ее уже в течение стольких лет скрытое чувство разрушили правильный порядок сердца. Несчастья одной неверности (Чарторижский здесь, по-видимому, имеет в виду трагический роман Елизаветы Алексеевны, состоявшийся в 1806 году, через семь лет после того, как они расстались, и героем которого был А. Я. Охотников, о чем здесь уже рассказывалось) потрясли некоторые самые деликатные принципы. Но это не оправдывает, меня, так как я от сердца простил, и она не прощения, не любви, уважения и обожания достойна".

"16 февраля. Великая печаль угнетает меня и (я испытываю) отвращение к свету. Она, быть может, недовольна".

"До 3 марта. Боязнь за перемену в ней потрясает, Меня сильнее всего своею жалостью, печаль так сильна, что я чувствую себя больным. Пишу к ней; мой разговор с императором... Поднимаю материя о ней".

"8 марта. Ее отъезд. В канун отъезда, утром, прощаюсь. Сила этого союза достойна внимания, между тем как время и отдаление и неизбежность должны были стереть чувство и потушить его одними препятствиями, оно собственной силой все преодолевает. Ничто уже не говорит в его пользу, ни желание

счастья и наслаждения, ни рассудительность, ни какая бы то ни было надежда, ничто мирское и человеческое; однако оно сильнее стольких различных побуждений. Я говорю и пишу о необходимости брака (Чарторижскому в это время было 45 лет, но он все еще был холост). Она радуется известию о появлении Наполеона, в надежде, что на более долгое время останется в Германии. Перемена во мне – чувства искренние, глубокие, которые захватывают всю душу и проникают насквозь, принадлежали и принадлежат только ей".

Такого рода откровения, ни для кого из посторонних не предназначенные, убедительно свидетельствуют о глубине и продолжительности чувств, что позволяет говорить не о какой-то мимолетной любовной интрижке, а о серьезной и прочной душевной привязанности, которую и Чарторижский и Елизавета Алексеевна сохраняли и в дальнейшем.

* * *

В Вену кроме Елизаветы Алексеевны приехала и Нарышкина с мужем. Александр знал, что Конгресс будет долгим, и побоялся оставить ветреную прелестницу в Петербурге: в это время у неотразимой Марии Антоновны объявилось несметное множество поклонников, что крайне раздражало и даже мучило Александра.

Он решил отвечать ей тем же, и так как Александр ни в чем не терпел соперничества, то число его любовниц было не меньшим. Особенно ярко проявилось это в Вене, на Конгрессе. Одной из первых жертв Александра-любовника стала ослепительная красавица графиня Юлия Зичи. Но прошло несколько дней, и он променял Зичи на княгиню Багратион – вдову Петра Ивановича, погибшего за два года перед тем. Эта победа над "русской Андромедой", как звали княгиню в Вене, была тем более приятна Александру, что он покорила любовницу самого Меттерниха, с которым у него были давние нелады. А княгиня Багратион радовалась тому, что русский император предпочел ее всем прочим дамам и что уязвила свою счастливую соперницу герцогиню Саган, преуспевшую в борьбе за любвеобильного австрийского канцлера. Ободренная успехом у Меттерниха, Саган забирается в карету к царю, но он – так, во всяком случае, рассказывал потом Александр – не воспользовался благоприятной ситуацией якобы из-за того, что герцогиня показалась ему слишком глупой. Здесь уместно будет усомниться в правдивости и щепетильности Александра: в бесконечном перечне его увлечений и побед далеко не все женщины были кладями премудрости. А еще более это сообщение вызывает сомнение и потому, что распространительницей его была княгиня Багратион, о чувствах которой к мадам Саган мы уже осведомлены.

Между увлечением княгиней Багратион и встречами с совершенно случайными кокетками Александр соблазняет и еще одну великосветскую красавицу – графиню Эстергази, что позволяет венским острословам утверждать, что баварский король – пьет за всех, вюртембергский король – ест за всех, а русский царь – любит за всех. Добавляли, что русский царь и танцует если не за всех, то конечно же больше всех и едва ли не лучше всех. Агенты венской полиции, ответственные за безопасность Александра, повсюду незаметно сопровождавшие его и неотступно следившие за всеми его похождениями. Причисляли к сонму погубленных им красавиц еще и венгерскую графиню Сегеньи, и графиню Юлию Зичи, и княгиню Ауэрсперг, и многих иных. А кроме того, Александр звал в Вену своих прежних любовниц из разных стран Европы.

Вот что писал он во Франкфурт Луизе фон Бетман, с которой сошелся в этом городе в 1813 году: "Наконец, я имею известие от тебя, моя любимая. Глаза мои, так долго лишенные этого счастья, наконец, узрели дорогой почерк, глядя на который я понимаю, как ты мне дорога, как все в мире скрывается от моих глаз, когда я получаю что-нибудь от тебя". Луиза не смогла приехать в Вену, и тогда он вызвал из Петербурга двух купчих-немок – Шмидт и Шварц, которые не замедлили явиться, чем вызвали бурное негодование местных претенденток на сердце русского царя. И все же всех приключений у царя не знала даже тайная австрийская полиция: Александр был настолько искушен в этих играх, что попался с поличным крайне редко.

Новелла 11. Матримониальные дела Константина и Николая Павловичей

Во время Венского конгресса Наполеон совершил побег с Эльбы, героически сопротивлялся своим врагам сто дней, был снова разгромлен, на сей раз – окончательно и отправлен на остров Святой Елены, где потом и умер. Оставив во Франции большой экспедиционный корпус, Александр выехал из Парижа и кружным путем отправился в Петербург. Однако прежде чем оказаться в России, он направился к своему союзнику, другу и предполагаемому новому родственнику – прусскому королю Фридриху-Вильгельму III.

Король встретил его около Берлина и торжественно вступил с Александром в свою столицу. Эта встреча была необычайно сердечной, ибо старые друзья отныне становились ближайшими родственниками: Фридрих-Вильгельм выдавал свою семнадцатилетнюю дочь Шарлотту за великого князя Николая Павловича. Однако из-за молодости жениха и невесты дело пока что ограничилось знакомством, а все прочее решено было отложить до совершеннолетия Николая.

В начале 1816 года родители Николая и Шарлотты обменялись письмами о том, чтобы невеста начала заниматься изучением православного катехизиса и русского языка, для чего в Берлин был послан протоиерей Музовский. Однако прошло еще полтора года, прежде чем состоялось обручение и свадьба. Произошло это летом 1817 года. Правда, перед тем, во время большого заграничного путешествия, совершенного в 1816 году, Николай три недели провел в Берлине, окончательно убедившись, что он любит свою невесту. Потом Николай четыре месяца провел в Англии, после чего, посетив своих замужних сестер – Анну Павловну в Брюсселе, а Екатерину Павловну в Штуттгарте, – снова поспешил в Берлин, к Шарлотте. Николай вернулся в Петербург 27 апреля 1817 года, а уже в начале июня выехал к прусской границе встречать невесту, ехавшую на свадьбу. Восемнадцатого июня император Александр и вдовствующая императрица Мария Федоровна сердечно приветствовали свою новую родственницу. А 1 июля, в день рождения Шарлотты, была отпразднована и свадьба. Перед тем, как это бывало и раньше, произошло миропомазание новой православной великой княгини, которая стала носить имя Александры Федоровны.

* * *

В марте 1819 года Александр провел смотр 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии. Командиром бригады был его брат, великий князь Николай Павлович. После смотра, который царь весьма высоко оценил, Александр остался обедать у Николая и его жены и, окончив трапезу, сел между ними и вдруг стал очень серьезным. Он сказал, что остался весьма доволен смотром и

вдвойне рад тому, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, так как на нем будет лежать большая ответственность, ибо он видит в Николае своего преемника.

— И все это должно случиться гораздо скорее, — сказал Александр, — чем можно было ожидать, так как ты заступишь мое место еще при моей жизни, потому что цесаревич Константин отказывается от своих прав на престол. Николай Павлович и Александра Федоровна буквально онемели от изумления. Между тем Александр продолжал:

— Вы удивлены, но знайте же, что мой брат Константин, который никогда не интересовался престолом, решился тверже, чем когда-либо, отказаться от него официально и передать свои права тебе и твоему потомству. Что же касается меня, то я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира.

Николай стал уверять старшего брата, что только он может править империей, что он еще молод и крепок, но Александр стоял на своем. В том же году осенью, находясь в Варшаве, Александр имел беседу и с Константином и пытался еще раз убедить его не отказываться от престола, не сказав ему о своем разговоре с Николаем, происшедшем минувшей весной. — Я должен сказать тебе, брат, — проговорил Александр, — что я хочу абдикировать. (Абдикировать — отречься от престола.) Я устал и не в силах сносить тяготы правления. Я предупреждаю об этом тебя для того, чтобы ты подумал, что необходимо будет делать тебе в таком случае.

Константин ответил так:

— Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего. Я буду вам служить и, ежели нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то сочли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле, я докажу преданность мою к вам как благодетелю моему.

В ответ Александр обнял брата и поцеловал его так крепко, как никогда прежде.

Прощаясь, Александр еще раз повторил:

— Когда придет время абдикировать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке.

* * *

Теперь же возвратимся к беспутному и даже преступному Константину. Его матримониальные, то есть относящиеся к браку, дела были запутаны в связи с тем, что жена его уехала, не дав своему августейшему мужу развода, и с тех пор Константин считался соломенным вдовцом. Им он оставался и после того, как встретил Жозефину Фридрихе, которая родила цесаревичу единственного сына — Павла, носившего фамилию "Александров". Разумеется, Жозефина хотела стать законной женой Константина, но мешало этому ее происхождение. Несмотря на создавшуюся ситуацию, когда император Александр находился в Варшаве, он часто встречался и с братом, и с его невенчанной женой Жозефиной Фридрихе, и с их сыном, а своим крестником Павлом Александровым. Жозефина сопровождала Константина в заграничном походе 1813–1814 годов, а когда война кончилась, приехала к нему вместе с сыном в Варшаву, где великий князь занимал пост главнокомандующего польской армии.

Знавшие Жозефину Фридрихе отмечали, что, "обладая душою прекрасною, она пользовалась положением и влиянием только для того, чтобы делать добро другим... Сострадательная к несчастным, она нередко принимала участие в смягчении горькой участи политических преступников, и многие из них обязаны ей своим помилованием... Она не была красавицей. Роста среднего, с

темно-русыми, почти черными волосами, с маленькими кудрями на лбу, она имела лицо неправильное: маленький носик, несколько вздернутый, губы тонкие, всегда улыбающиеся, цвет лица чистый, слегка румяный; но главную ее прелесть составляли глаза — большие карие, осененные длинными черными ресницами, с выражением необыкновенной доброты.

— Как и большая часть ее соотечественниц, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и в дружеской беседе была очень веселого нрава".

Константин все свое время отдавал организации армии, вникая во все мелочи армейского быта, и крайне резко появлялся на балах и в театрах.

И вдруг однажды на балу во дворце князя Иосифа Зайончека сорокалетьей Константин увидел прелестную голубоглазую, курносую двадцатилетнюю блондинку, сразу же пленившую цесаревича. Это была графиня Жаннетта Грудзинская, одна из трех дочерей отставного прусского полковника, бросившего свою жену — мать Жаннетты — и жившего теперь в герцогстве Познаньском.

Константин узнал, что мать юной графини живет в Варшаве и новым ее мужем является граф Бронниц, а три ее юные дочери воспитывались в варшавском пансионе французской эмигрантки мадам Воше и сразу после окончания войны уехали в Париж, где и завершили свое образование и воспитание.

В 1815 году Жаннетта Грудзинская возвратилась в Варшаву и стала признанной королевой аристократических салонов. В этом же году цесаревич встретил ее и влюбился на всю жизнь.

Отчим Жаннетты Грудзинской, граф Бронниц, был человеком веселого нрава и отличным собутыльником. Этого было достаточно, чтобы Константин Павлович принял его к себе на службу и сделал гофмаршалом своего двора.

Познакомившись с Жаннеттой Грудзинской, Константин стал ездить в дом графа Бронница и просиживал там все вечера, всегда в парадном мундире и при всех орденах.

Осенью 1816 года Константин рассказал брату о новом своем увлечении, но пока не представил графиню, отложив это до лучших времен.

* * *

Забегая вперед, скажем, что 7 марта 1820 года, уступив настойчивым просьбам Константина, Жозефина Фридрихс согласилась выйти замуж за полковника Вейса. И сразу же после этого Константин получил официальный развод от великой княгини Анны Федоровны, которая не жила с ним уже девятнадцать лет, с 1801 года, когда, оскорбленная, уехала за границу и более уже в Россию не возвращалась.

После того Константин иногда виделся с нею, последний раз побывав у нее в Париже в 1814 году и даже предложив ей вернуться в Россию и возобновить прежние с ним отношения. Однако Анна Федоровна отказалась, заявив, что это невозможно "в виду фактов". Что же это были за "факты"? О причинах размолвки мы узнаем из письма Марии Федоровны Константину.

"Обратитесь к самому себе, — писала мать сыну, — и спросите совесть свою, оправдает ли она ветренность, горячность, вспыльчивость при начале несогласия между вами и великою княгиней существующею, оказанные вами вопреки моим сильнейшим представлениям при возвращении вашем из инспекции в последнюю осень царствования покойного вашего отца (то есть осенью 1800 года), когда я в присутствии брата вашего просила, умоляла вас жить в супружеском с женою дружелюбии, а вы против всех стараний матери вашей остались непреклонны. Спросите сами у себя: укоризны сердца вашего позволяют ли вам помышлять о разводе?"

Константин же, настаивая на разводе, заверял императрицу-мать, что, как только развод будет ему дан, он тут же вступит во второй брак и отстанет "от зловредных своих обычаев". А что это были за "зловредные обычаи", мы уже знаем.

Теперь ситуация в корне переменялась, и 20 марта 1820 года был издан манифест "О расторжении брака великого князя цесаревича Константина Павловича с великою княгиней Анною Федоровною и о дополнительном Постановлении об императорской фамилии".

Манифест появился после того, как Константин согласился передать свои права на престол великому князю Николаю Павловичу. И решающим при этом было вовсе не то, что Александру понравилось серьезное отношение Николая к военному делу и отличное состояние его гвардейской бригады, а то, что 17 апреля 1818 года в архиерейском доме Чудова монастыря, в Кремле, у Николая Павловича и Александры Федоровны в 11 часов утра родился мальчик.

* * *

Была Светлая Среда Пасхи, и это обстоятельство сочли в высшей степени добрым предзнаменованием. Отметим также, что мальчик родился в Кремле и что последний такой случай произошел здесь около полутора веков назад, когда 30 мая 1672 года здесь же, в Кремле, родился первый российский император Петр Великий.

Тут же распорядились известить москвичей о происшедшем событии, и над городом прогремел 201 пушечный залп. На следующий день в Успенском соборе архиепископ Московский Августин отслужил благодарственный молебен, и в этот же день придворный поэт Василий Андреевич Жуковский, уже сумевший снискать себе всероссийскую славу, поднес счастливым родителям торжественную оду, посвященную новорожденному. Жуковский, будто предвосхищая события, писал:

Да встретит он обильный чеством век.
Да славного участник славный будет
И на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий – "Человек".
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех – свое позабывать!
Лишь в голосе Отечества свободном
С смирением дела свои читать –
Вот правила царей великих внуку...

Жуковский, написав это, тогда еще не знал, что пройдет несколько лет и именно он станет более прочих ответственен за то, чтобы Александр Николаевич выполнил наставления и пожелания, высказанные им в этом стихотворении: и не забывать "святейшего из званий – "Человек", и жить для блага и величия подданных, я исполнять многие иные великие правила, ибо судьбе будет угодно именно его, Жуковского, сделать главным воспитателем будущего императора.

Известие о рождении племянника Александр получил вечером 27 апреля в местечке Бельцы, где он остановился на ночлег по пути из Варшавы в Одессу. Он тут же поздравил родителей с первенцем и сообщил, что назначает племянника шефом лейб-гвардии гусарского полка.

Пятого мая в Чудов монастырь пожаловали вдовствующая императрица-мать Мария Федоровна, царствующая императрица Елизавета Алексеевна, все прочие члены императорского Дома и высшие сановники двора и Первопрестольной.

Новорожденного на бархатной подушке внесла в собор Шарлотта Карловна Ливен. Справа от нее шел главнокомандующий Москвы, генерал от кавалерии граф Торماسов, слева – предводитель московского дворянства князь Юсупов. Вел службу Августин, а обряд крещения производил протопресвитер Криницкий – духовник императорского Дома. Как только крещение кончилось, над Москвой вновь прогремел 201 залп, на сей раз сопровождавшийся звоном колоколов всех кремлевских соборов и городских церквей. Всю ночь Москва и Кремль были иллюминированы, а в городе вокруг накрытых столов с утра и до вечера шел народный праздник. И эти торжества – правда, потом уже без угощения народа – продолжались до конца июня.

* * *

А теперь перенесемся в год 1820-й, когда Александр решил сделать наследником престола не своего брата Константина, следующего за ним по старшинству, а Николая, прежде всего потому, что у того родился сын, а ни у него самого, ни у Константина законных детей не было. Отказываясь от престола, Константин потребовал взамен разрешения жениться на Жаннетте Грудзинской. Но так как предстоящий брак мог считаться только мorganaticким, не дающим потомству от него прав на престол, то и он вопроса не решал.

Двенадцатого мая 1820 года счастливый Константин приехал к Замоквой церкви в легком открытом кабриолете, запряженном всего лишь парой лошадей, которыми он правил сам.

Молодая красавица невеста уже ждала его в церкви, и после того как венчание состоялось, поехала вместе с Константином в Бельведер – его загородный дворец. Жители Варшавы уже знали о случившемся, и на протяжении семи верст – от замка до Бельведера – Жаннетта и Константин ехали мимо густых рядов бурно приветствовавших их варшавян. В связи с венчанием Константина 8 июля 1820 года в Петербурге был издан Высочайший Манифест, в котором указывалось, что великокняжеский титул не может быть передан ни супруге Константина, ни их детям. Затем сообщалось, что Константину даруется имение Лович, и говорилось в манифесте: "...положили мы удостоить и сим удостоиваем нынешнюю супругу возлюбленного брата Нашего великого князя Константина Павловича, Иоанну Грудзинскую, к восприятию и ношению титула княгини Ловицкой". Полным титулом следовало именовать жену великого князя "Светлейшей княгиней".

Жаннетта в самое короткое время сумела очаровать всех членов царской семьи и во всех торжественных случаях являлась вместе с императорской фамилией.

В новом браке Константин сильно переменялся – он уверял всех, что теперь совершенно счастлив, и особенно был благодарен жене за то, что она стала нежно опекать его сына – двенадцатилетнего Павла Александрова, оставшегося жить с отцом.

Один из воспитателей Павла Александрова – граф Мориоль – писал, что после женитьбы на Жаннетте Грудзинской Константин полюбил тихую, уединенную семейную жизнь. Он не устраивал ни балов, ни вечеров, ни званых ужинов, а предпочитал всему этому чай в очень узком кругу, чтение вслух и обсуждение газетных новостей. Любимыми темами застольных бесед были мистика и метафизика. Константин много спал, принимал только нескольких генералов и чиновников, без которых не могла действовать администрация, и совершенно отстранился от жизни варшавского общества.

Все перипетии с разводом происходили в глубокой тайне от Жозефины Вейс, выданной замуж за две недели до официального разрешения Константину

жениться на графине Грудзинской. Когда же Жозефина узнала, что ее возлюбленный получил развод, а вслед за тем и женился, то приняла все это как потрясающую жизненную неудачу, которой могло бы не случиться, если бы она подождала еще немного. Происшедшее так сильно удручило несчастную Жозефину, что она заболела и, так и не поправившись, 5 апреля 1824 года умерла.

Новелла 12. Смерть Александра I

В последние годы у Александра одно несчастье следовало за другим: 23 июля 1824 года от чахотки умерла его любимая дочь, пятнадцатилетняя Соня Нарышкина, в это же время он окончательно убедился в существовании направленного против него заговора офицеров, которые потом войдут в историю как "декабристы", 7 ноября 1824 года, находясь в Петербурге, он стал свидетелем самого страшного наводнения, которое воспринял как кару Господню за собственные грехи.

В самом конце 1824 года умер командующий Гвардейским корпусом генерал от кавалерии, генерал-адъютант Ф. П. Уваров – стародавний друг Александра. Почти тогда же сильно заболела императрица Елизавета Алексеевна.

Все это тяжело отразилось на самочувствии, настроении и характере Александра – он стал мрачен, как никогда ранее, и более обычного замкнулся и стал избегать людей. К тому же к нему продолжали поступать сведения о тайных революционных обществах. В 1824 году он написал записку, найденную в письменном столе после его смерти:

"Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров: сверх сего большая часть разных штаб-и обер-офицеров". И когда наступил 1825 год – последний год царствования, – Александр встретил его в состоянии горя и покаяния.

Было заметно, что стал он апатичен и с большим безразличием, несвойственным ему прежде, стал относиться к государственным делам. Более всего занимало теперь Александра здоровье его больной жены, и он подолгу просиживал в ее покоях, беседовал с нею, с врачами и строил разные планы насчет ее выздоровления. О старом было забыто.

Весной 1824 года в Петербург приехал король Нидерландов Вильгельм VI Оранский. В 1816 году самая младшая сестра Александра – великая княжна Анна Павловна – вышла замуж за Вильгельма Оранского, и он стал Александровым шурином.

Испытывая к Оранскому и дружеские и родственные чувства, Александр признался, что давно уже хочет оставить престол и уйти в частную жизнь. Гость стал всячески его отговаривать, но Александр тверд.

После того как знатный гость покинул Петербург, Александр отправился в очередное путешествие – на сей раз в Варшаву, но через два месяца возвратился в Петербург для того, чтобы совершить еще одно путешествие – в Таганрог, где, по мнению врачей, болезнь Елизаветы Алексеевны должна была пройти.

Из Таганрога после выздоровления жены Александр намеревался проехать в Крым, потом на Кавказ и после всего этого – в Сибирь.

Он уже почти собрался в дорогу, как вдруг Аракчеев привез к нему унтер-офицера 3-го Украинского полка Шервуда, доложившего Аракчееву о

существовании "Южного общества". Теперь уже о заговоре знал Аракчеев, и Александр не мог делать вид, что ничего не знает.

Он приказал Аракчееву проследить за тем, чтобы Шервуду было оказано всяческое содействие к раскрытию заговора.

После этого 1 сентября 1825 года Александр отправился в Таганрог, а Елизавета Алексеевна должна была выехать двумя днями позже.

Перед любым отъездом из Петербурга Александр всегда служил молебен в Казанском соборе. Однако перед последней в его жизни поездкой порядок этот был нарушен. И вот почему. 30 августа 1825 года в Александро-Невской лавре служили литургию в честь перенесения мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург. Отстояв литургию, Александр попросил митрополита отслужить послезавтра, 1 сентября, в 4 часа утра и молебен в связи с его отъездом из Петербурга. Однако попросил, чтобы эта его просьба осталась в тайне.

Накануне Александр прислал множество свечей, ладана и масла, а митрополит приказал приготовить для него облачение малинового бархата по золотой основе, сказав, что хотя посещение храма столь высокой особой и требует светлоторжественного облачения, но в этом случае он считает неподобающим одеться в светлые ризы, ибо после молебна всем предстоит разлука с государем.

Около четырех часов утра 1 сентября митрополит, архимандриты и лаврская братия вышли к воротам, чтобы встретить царя. Было темно и абсолютно тихо. В четверть пятого к воротам подкатила легкая коляска, запряженная тройкой, и из коляски вышел Александр, приехавший в лавру с одним лишь кучерам. Он был одет в вицмундир, на голове его была фуражка, а сверху накинут серый плащ, У государя не было даже шпаги.

Он извинился за опоздание, приложился к кресту, приказал затворить за собой ворота и пошел в собор.

Перед ракой Александра Невского царь остановился и начал слушать чин благословения в путешествие.

Когда началось чтение Евангелия, Александр встал на колени и попросил митрополита положить Евангелие ему на голову. Так и стоял он с книгой на голове, пока митрополит не кончил чтение. При этом присутствующие монахи пели тропарь: "Спаси, Господи, люди твоя".

Известный русский историк М. И. Богданович коснулся этого сюжета в последнем томе своей шеститомной "Истории царствования императора Александра I и России в его время", изданной в Петербурге в 1869–1871 годах. Он утверждал, что в Александро-Невской лавре утром 1 сентября служили по просьбе Александра не молебен о благополучном путешествии, а панихиду.

Так как при этом в соборе были только православные монахи и священники, то они не могли спутать молебен с панихидой, а кроме них, никто не мог сообщить М. И. Богдановичу такую подробность.

Настораживает в пользу версии о том, что это была панихида, также и то, что, уезжая из Петербурга, Александр никогда не служил молебна без свиты и сопровождавших его лиц.

Заметим также, что вместе с Александром отправился в дорогу не только его кучер Илья Байков, но и начальник Главного штаба барон Дибич, лейб-медики Виллие и Тарасов, вагонмейстер – начальник обоза, осуществлявший руководство всей ходовой частью: экипажами, лошадьми, упряжью, фуражной частью и проч., – полковник Саломка, четыре офицера и немалое число прислуги.

Все эти люди ехали в других экипажах, но отъехали кто раньше, а кто позже Александра и собрались вместе только по дороге на Чугуев. А в Александроневской лавре не было даже и царского кучера.

Теперь снова вернемся в собор лавры.

После того как служба кончилась, Александру дали поцеловать крест, окропили святой водой и благословили иконой.

Александр попросил одного из диаконов положить эту икону в его коляску.

Выйдя с царем из собора, митрополит спросил, не хочет ли он пожаловать к нему в келью.

— Очень хорошо, — ответил Александр, — только ненадолго. Я уже и так полчаса по маршруту промешкал.

В гостиной, оставшись один на один с митрополитом, царь согласился навестить одного из схимников, а потом прошел и в его келью.

..Мрачная картина предстала перед Александром, как только дверь в келью распахнулась. Пол кельи и все стены до половины были обиты черным сукном. Слева, у стены, стояло высокое распятие с Богородицей и евангелистом Иоанном по бокам. У другой стены стояла длинная черная деревянная скамья. Тусклая лампада, висевшая в углу под иконами, скупо освещала келью.

— И это все имущество схимника? — спросил царь у митрополита. — Где же он спит?

— Он спит на полу, — ответил митрополит.

— Нет, — возразил схимник, — у меня есть постель, идем, государь, я покажу ее тебе.

И с этими словами шагнул за перегородку, которой Александр в полумраке не заметил. За перегородкой увидел царь стол, на котором стоял черный гроб, а в нем лежали схима, свечи и все, что надлежало иметь при погребении.

— Смотри, государь, — сказал монах, — вот постель моя, и не моя только, но всех нас. В нее все мы, государь, ляжем и будем спать долго!

Несколько минут простоял Александр в глубокой задумчивости, а потом вышел из кельи, прошел к коляске и, сев в нее, сказал сопровождавшим его:

— Помолитесь обо мне и о жене моей.

..Выехав за город, Александр привстал в коляске и долго смотрел на исчезающий город...

* * *

В Таганрог приехал он 14 сентября, а еще через неделю встретил и Елизавету Алексеевну. Императрица, в Петербурге почти не покидавшая постели, вышла из кареты неожиданно довольно бодро и сама пошла в дом, который занял и приготовил к ее встрече Александр.

Пробыв возле выздоравливающей жены три недели, Александр решил нанести короткий визит в сравнительно недалекую землю Войска Донского.

За четыре дня он побывал в Новочеркасске, станице Аксайской и Нахичевани (пригород Ростова-на-Дону) и снова приехал в Таганрог.

Здесь принял он генерала графа И. О. Витта, сообщившего о последних замыслах членов "Южного общества", а также о новом составе этой организации.

Витт был начальником южных военных поселений. Он привез Александру сообщение одного из заговорщиков — Бошняка и 18 октября 1825 года устно передал его царю.

Витт сообщил, что существует пять заговорщических "вент" (отраслей) тайного общества, что заговор зреет в тринадцати полках и пяти артиллерийских ротах.

Все это не могло не повлиять на настроение Александра, и он, по-видимому, еще раз ощутил всю тяжесть короны и еще раз пожелал избавиться от нее.

Однако вновь ограничился лишь тем, что попросил Витта продолжать следить за заговорщиками.

После этого Александр собрался ехать в Крым.

Перед поездкой в Крым, 19 октября, в четыре часа дня, сел он писать письмо матери. Но вдруг нашла туча и стало темно. Александр велел подать свечи, но камердинер ответил:

— На Руси со свечами днем писать нехорошо: люди на улице увидят свечи в доме и скажут, что здесь покойник.

— Ну, хорошо, — согласился Александр, — переждем тучу, не станем зажигать свечи.

В Таганроге помимо Витта оказался граф М. С. Воронцов — Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, имевший прекрасные богатые имения на Южном берегу Крыма.

Он пригласил царя посетить свои владения, и вместе с небольшой свитой Александр 20 октября выехал из Таганрога в Крым.

Подъезжая к Гурзуфу, Александр вышел из экипажа, проскакав последние 35 верст по Южному берегу Крыма верхом. Сопровождавшие царя экипажи остановились у Байдарских ворот. Царские повара также остались при экипажах.

То, что царь в дороге ел хотя и хорошо приготовленную пищу, но все же не совсем похожую на ту, что в Петербурге, и послужило, по мнению лейб-медика Виллие, причиной его грядущей смертельной болезни. Виллие отметил также, что вопреки обыкновению царь ел в эти дни намного больше фруктов, чем обычно.

Для человека, проделавшего множество походов и часто довольствовавшегося самым малым, едва ли все это могло стать причиной смертельной болезни. Двадцать пятого октября царь приехал в Гурзуф. На следующий день поехал он в имение графа Воронцова — Алупку, осмотрев по дороге Никитинский сад. В тот же день побывал он у графа Кушелева-Безбородко в Ореанде, которую совсем недавно купил у него.

Н. К. Шильдер писал: "Там, по-видимому, Александр нашел тот уголок в Европе, о котором некогда мечтал и где желал бы навсегда поселиться...

— Я скоро переселюсь в Крым, — сказал Александр, — я буду жить частным человеком. Я отслужил двадцать пять лет, и солдату в этот срок дают отставку.

Князю Волконскому он говорил:

— И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем.

Затем в одиночку отправился он к княгине Голицыной, однако из-за того, что в имении ее была лихорадка, Александр заночевал у жившего по соседству с ней богатого татарина и вернулся в Алупку на следующий день к вечеру. 27 октября пошел он из Алупки пешком, но потом сел верхом и проехал более сорока верст. В середине этого дня он впервые пожаловался на усталость и пересел в коляску.

Осмотрев стоявший неподалеку от Байдар греческий батальон, Александр проехал к монастырю Святого Георгия и уже при свете факелов прибыл в Севастополь, сделав все же поздно вечером смотр морским полкам.

Двадцать восьмого октября царь осматривал порт и крепость, присутствовал при спуске корабля и совершал на катере морскую прогулку на Александровскую батарею, пройдя морем пять верст.

На следующее утро он осматривал Севастополь, в полдень отправился в Бахчисарай, а 30 октября посетил караимскую крепость Чуфут-Кале и расположенный неподалеку скальный христианский монастырь.

Именно 30 октября Виллие впервые заметил недомогание Александра и предложил ему лекарство, но царь отказался.

Затем Александр снова возвратился в Бахчисарай, откуда проехал в Евпаторию.

Сопровождавшие царя отметили, что в Евпатории был еще карантин и Александр, обходя церкви, мечети, синагоги и казармы, заходил также и на противолихорадочные карантинные. Царь долго беседовал с одним турецким капитаном, еще не выдержавшим карантина, после чего к концу дня он почувствовал себя заболевшим.

Третьего ноября на последней станции перед Ореховом – уездным городом Екатеринославской губернии – Александр встретил ехавшего из Таганрога фельдъегеря Маскова. Александр велел ему ехать обратно. После этого ямщик, везший Маскова, погнав лошадей и на повороте, наехав на ухаб, выбросил фельдъегеря из коляски. Тот ударился головой и из-за перелома основания черепа умер на месте. Подоспевший доктор Тарасов мог только констатировать наступившую смерть. Когда Тарасов приехал в Орехов, где остановился Александр, и доложил царю о смерти Маскова, царь заплакал и сказал: "Какое несчастье! Очень жаль этого человека!" "При этом, – писал Тарасов, – я не мог не заметить в государе необыкновенного выражения лица; оно представляло что-то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба".

На следующий день, приехав в Мариуполь, Александр впервые признался Виллие, что заболел. Виллие увидел, что у царя посинели ногти, а тело содрогалось то от озноба, то от жара.

Вскоре лихорадка вроде бы оставила Александра, но слабость и отсутствие аппетита продолжались.

Пятого ноября Александр вернулся в Таганрог и в разговоре с Волконским сказал, что в дороге перенес он приступ лихорадки, но теперь все миновало.

Однако уже на следующий день болезнь повторилась с возросшею силой. Лицо царя пожелтело, его постоянно бросало в жар, и это состояние не оставляло его еще несколько дней.

Девятого ноября он разрешил написать о своей болезни матери, а на следующий день случился с ним глубокий обморок, но дотом больному снова стало лучше, в этот же день он приказал написать о его болезни и Константину.

Десятого ноября в "Записках" Виллие, которые он начал вести со дня возвращения в Таганрог, появилась многозначительная запись: "Начиная с 8-го числа, я замечаю: что-то такое другое его занимает больше, чем выздоровление, и беспокоит его мысли". А на следующий день больной категорически отказался принимать лекарства и делать промывание желудка. Виллие записал, что Александр даже пришел в бешенство, услышав о лечении. И Виллие вынужден был записать 12 ноября: "Сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его принимать их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я – несчастный". А 13-го стало и совсем плохо – царь впал в сонливость, что было дурным знаком, дыхание его стало прерывистым, сопровождающимся спазмами, но от лекарств он по-прежнему отказывался.

Четырнадцатого ноября улучшения не наступило, но Александр снова отказывался от лечения. В 8 часов вечера он попытался встать с постели, но потерял сознание и упал. Все это произошло при Елизавете Алексеевне, и доктора, не находя иного выхода, решились на крайнее средство – психологически воздействовать на Александра, предложив ему совершить причастие, что заставило бы больного поверить, что дела его плохи и ему грозит смерть.

Пока готовили к причастию местного священника Алексея Федотова, Виллие попробовал обмануть больного, примешав лекарство в питье, но Александр отказался и от питья, сказав Виллие: "Уходите". Виллие заплакал, а Александр, увидев это, сказал: "Подойдите, мой дорогой друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня – мои причины".

Из-за того, что положение больного стало тяжелым, причащение было решено отложить до следующего дня. Однако в 6 часов утра 15 ноября, когда Александр проснулся, он сам попросил священника, чтобы исповедаться и причаститься. Сидевший возле него всю ночь доктор Тарасов записал, что "император, просыпаясь по временам, читал молитвы и псалмы, не открывая глаз", а когда священник вошел, то Александр "твердым голосом сказал: "Я хочу исповедаться и причаститься Святых Тайн. Прошу исповедать меня не как императора, но как простого мирянина".

После исповеди и причастия отец Алексей опустился на колени и с крестом в руках стал просить больного послушать врачей и начать принимать лекарства.

И Александр согласился. Тогда после ухода священника ему поставили пиявки, но он тут же посрывает их все. Потом Виллие писал, что Александр, по-видимому, искал смерти, ибо иначе его поступок объяснить нельзя. Забегая чуть вперед, скажем, что больному оставалось жить всего три дня. И отметим, что за эти последние три дня записи всех, кто был рядом с императором, необычайно кратки и весьма противоречивы. Следует добавить, что после смерти Александра записи Елизаветы Алексеевны были увезены в Петербург и уничтожены по приказу Николая начиная с 11 ноября 1825 года, а записи других очевидцев событий многие вопросы оставляют без ответа. К тому же беспристрастный анализ такого важного документа, как официальный журнал, который вел П. М. Волконский, показывает, что записи за последнюю неделю болезни Александра переписаны заново. Отметим, что и дневник Марии Федоровны тоже был уничтожен. Наконец, многие документы сильно противоречат друг другу. Так, например, 17 ноября Тарасов записал, что "болезнь достигла высшей степени своего развития", а Елизавета Алексеевна в этот же день написала Марии Федоровне следующее: "Сегодня наступило очень решительное улучшение в состоянии здоровья императора... Сегодня сам Виллие говорит, что состояние здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно".

И именно в это время, в ночь с 17 на 18 ноября, произошло и еще нечто плохо объяснимое. "Князь Волконский, – пишет Виллие, – в первый раз завладел моей постелью, чтобы быть ближе к императору. Барон Дибич находится внизу". Возникает вопрос: если больному было совсем плохо, то почему рядом с ним не остался врач, а поселился генерал-адъютант? А если больному стало хорошо, то тем более логично предположить, что место врача скорее других могла бы занять Елизавета Алексеевна. Но этого не случилось – рядом оказался самый доверенный из всех членов свиты, друг детства Александра и его ближайший соратник и спутник всех его походов и путешествий, которому царь верил так же, как Аракчееву. А если это так, то, значит, Волконский в эту ночь был нужнее Александру, чем кто бы то ни было другой, а никого другого в спальне у императора в эту ночь не было. На следующее утро, 18 ноября, Волконский прислал К одному из таганрогских дворян – Шихматову – просьбу приготовить дом для императрицы, хотя именно утром 18-го, по свидетельству всех, царь чувствовал себя хорошо. Князь проявил большую предусмотрительность в ожидании близкой кончины Александра, хотя в это время о смертельном исходе болезни думать было вроде бы преждевременно.

Однако Волконский оказался провидцем. Вечером Александру стало совсем плохо, и с тех пор он уже более не приходил в сознание. Он умер на следующее утро, 19 ноября 1825 года, в 10 часов 50 минут.

По странному стечению обстоятельств в момент его смерти в комнате была только одна Елизавета Алексеевна. Она закрыла покойному глаза и подвязала платком челюсть. После чего, по одним свидетельствам, тотчас же потеряла сознание, а по другим – около получаса молилась, стоя на коленях, рядом с покойным.

* * *

Вскрытие тела было произведено в тот же день.

Девять присутствовавших при этом врачей, от "Дмитриевского вотчинного госпиталя младшего лекаря Яковлева" до "барона Якова Виллие, тайного советника" согласились с тем, что смерть наступила вследствие "жестокой горячки с приливом крови в мозговые сосуды и последующими затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга".

Когда же один из биографов Александра, князь В. В. Барятинский, попросил четырех лучших врачей России начала XX века дать свое заключение о причинах смерти на основании "Акта о вскрытии", то все они, независимо друг от друга, признали, что данные "Акта о вскрытии" создают впечатление, что речь идет не об Александре, а о другом покойном, ибо никаких данных о том, что покойный страдал именно тем, чем болел Александр, из документа не проистекает.

Кроме того, не все в порядке оказалось и с соблюдением формы "Акта о вскрытии": доктор Тарасов его не подписывал, о чем впоследствии сообщил в своих "Воспоминаниях".

Лишь 29 декабря 1825 года, на сороковой день после кончины Александра, через полмесяца после восстания на Сенатской площади, когда уже вовсю работала следственная комиссия, гроб с телом Александра повезли в Петербург. Погребальную процессию возглавлял генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, прошедший с покойным весь заграничный поход начальником его личной охраны – императорского лейб-конвоя.

В тот же самый день, когда траурный кортеж двинулся в путь, восстал Черниговский полк, поднятый С. И. Муравьевым-Апостолом и его единомышленниками. И в то время, как мертвого императора везли в Петербург, в окрестностях Василькова и Белой Церкви последним эхом Сенатской площади раскатывалась артиллерийская канонада карательных полков правительственных войск.

А здесь, в Екатеринославской губернии, откуда двинулся траурный кортеж, было тихо, и к дороге, по которой везли гроб, сходились со всех сторон люди всяческих состояний и званий, а на границы девяти губерний – Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Орловской, Тульской, Московской, Тверской, Новгородской и Санкт-Петербургской – выходили гражданские, военные и духовные власти и делегации всех сословий.

Третьего февраля 1826 года гроб с телом Александра привезли в Москву и поставили в Кремле, в Архангельском соборе, среди гробниц русских царей. Кремлевские ворота были заперты и охранялись артиллерией, так как отголоски недавних событий в Петербурге и под Белой Церковью все еще вынуждали власти к сугубой осторожности.

По пути из Москвы в Петербург гроб несколько раз вскрывали, проверяя сохранность тела.

В Тосно, на последней остановке перед Царским Селом, траурный кортеж встретила Мария Федоровна, и при ней гроб был вскрыт еще раз. Увидев

Александра, она громко воскликнула: "Да, это мой сын!" То же самое она повторила, когда гроб был вскрыт в последний раз, 1 марта, уже в Царском Селе, при всех членах императорской фамилии. Эти возгласы, казалось, были предназначены для того, чтобы убедить присутствующих, что в гробу лежит именно Александр, а не кто-то другой.

Шестого марта гроб перевезли в Казанский собор и оставили его закрытым еще на неделю для прощания с народом.

И лишь 13 марта 1826 года, через два с половиной месяца после кончины, тело Александра было погребено в Петропавловском соборе.

* * *

Проболев в Таганроге после смерти Александра еще пять с половиной месяцев, Елизавета Алексеевна в конце апреля решила ехать в Петербург. Оттуда навстречу выехала мать Александра – Мария Федоровна. Она доехала до Калуги и остановилась, ожидая там свою больную невестку.

А Елизавете Алексеевне в дороге становилось все хуже и хуже.

Четвертого мая 1826 года, остановившись в Белеве, в девяносто верстах от Калуги, она умерла, пережив своего мужа менее чем на полгода...

Новелла 13. Нераскрытая тайна Александра Павловича – Федор Кузьмич

В русской истории, очень богатой нераскрытыми тайнами, есть одна из самых загадочных – это тайна смерти Александра I. Ходили многочисленные слухи и рассказы о том, что Александр не умер в Таганроге, а выздоровел. Приказав положить в гроб вместо себя другого человека, сам отправился в неизвестные края, явившись дотом в Пермской губернии под видом бродяги, не помнящего родства.

Однако, прежде чем перейти к пересказу того, что называли "легендой о старце Феодоре Козьмиче", или, вроде, "Феодоре Кузьмиче", необходимо еще раз обратиться к эпизодам уже нам знакомым и осветить обстоятельства болезни и смерти императора с точки зрения сторонников версии, что император Александр I и бродяга Федор Кузьмич – один и тот же человек. Первое, на что обращают они внимание, это – на стойкое, проходящее через всю жизнь Александра желание отказаться от престола. Они выстраивают в один ряд его откровения Лагарпу, когда еще совсем молодым Александр заявлял о желании жить с ним рядом в Швейцарии, затем вспоминают о письме девятнадцатилетнего Александра к другу юности В. П. Кочубею, где он 10 мая 1796 года писал; "Я знаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее, для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Я обсудил этот предмет со всех сторон. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения (поселиться с женой на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и изучении природы)".

Кроме того, в одном ряду с письмом к Кочубею вспоминают и высказанное им как-то в молодости пожелание уехать от двора, хотя бы и в Америку. Затем выстраивают целую цепь случаев, когда речь шла уже об отказе от наследования трона, после того, как августейшая бабка Екатерина хотела возвести внука на престол, минуя собственного сына Павла Петровича. Вспоминают и о том, что Александр посвятил отца в это намерение Екатерины, доказав тем самым искренность своего отказа. Приводят его высказывание о невозможности править страной, если на это нет сил,

произнесенное в Киеве 8 сентября 1817 года; намерение передать трон брату Николаю, высказанное после маневров в Красном Селе летом 1819 года; разговор с Константином Павловичем в Варшаве осенью того же года, когда Александр заявил, что твердо "намерен абдикировать"; и признание в том же самом Вильгельму Оранскому весной 1825 года.

Таким образом, вырисовывается довольно длинный ряд неоднократных и убедительных свидетельств разных лиц о намерении Александра еще при жизни оставить престол.

Одно из подтверждений такого намерения, выходящее за рамки 1825 года, не было еще приведено: речь идет о дневниковой записи жены Николая I — императрицы Александры Федоровны.

Пятнадцатого августа 1826 года, когда Александра Федоровна и Николай находились в Москве по случаю их коронации и восшествия на престол, новопомазанная императрица записала в тот самый высокотожественный день: "Наверно, при виде народа я буду думать и о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал; "Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня и я, потерянный в толпе, буду кричать вам "Ура!".

Последний эпизод подтверждает то, что у Александра было намерение, уйдя от власти при жизни, затем спрятаться среди пятидесяти миллионов своих прежних подданных и со стороны наблюдать за ходом событий.

Сторонники правдивости версии о идентичности Александра и Федора Кузьмича выдвигают идею, что вместо Александра в гроб был положен другой человек и придерживаются трех вариантов: 1) это был фельдъегерь Масков, умерший не сразу — 3 ноября, а накануне 19-го, после чего был положен в постель выздоровевшего Александра и был выдан за якобы умершего императора; 2) это был забитый шпицрутенами солдат, похожий на Александра (такой точки зрения придерживался Л. Н. Толстой в незавершенной повести "Посмертные записки старца Федора Кузьмича"), и 3) за усопшего царя был выдан скончавшийся от болезни солдат из таганрогского гарнизона. Сторонники этой версии приводят воспоминания и рассказы доктора Тарасова.

В отличие от первого лейб-медика Василия Яковлевича Виллие — опытного врача и не менее опытного царедворца, Дмитрий Клементьевич Тарасов вторым достоинством не обладал. Он был сыном бедного священника, и только случай сделал его царским лейб-хирургом.

Тарасов находился у постели Александра пять последних суток — с 14 по 19 ноября 1825 года.

В своих "Воспоминаниях" Тарасов резко расходится со всеми другими очевидцами смерти Александра, утверждая, что еще за час до кончины он был в сознании и умирал спокойным и умиротворенным.

Когда же врачи, вскрывавшие тело Александра, подписали об этом соответствующий акт, Тарасов его не подписал, а подпись его была подделана.

Дальше — больше: когда князь Волконский попросил Тарасова бальзамировать тело, он отказался, мотивируя свое несогласие тем, что всегда испытывал к государю "сыновнее чувство и благоговение". Затем Тарасов сопровождал гроб Александра из Таганрога в Петербург, весле чего остался служить придворным врачом. А дальше мы расскажем о том, что произошло после официальных похорон императора.

В бытность Тарасова в Царском Селе к нему иногда приезжал его племянник — воспитанник Петербургского Императорского училища правоведения, ставший затем профессором Московского университета.

Профессор Иван Трофимович Тарасов оставил воспоминания о том, что его дядя, касаясь Александра I, всегда говорил: "Это был святой человек" или: "Это был человек святой жизни".

Доктор Тарасов охотно рассказывал об Александре, но никогда ни слова не произнес о его кончине. Как только распространилась весть о старце Федоре Кузьмиче, то он и здесь всячески избегал каких бы то ни было разговоров. И. Т. Тарасов утверждал, что его дядя, несмотря на то, что был глубоко религиозен, никогда не служил панихиды по Александру. И лишь в 1864 году, когда до Петербурга дошла весть о смерти Федора Кузьмича, доктор Тарасов стал служить панихиды, однако делал это тайно.

Его племянник узнал об этом не от дяди, а от его кучера. Кроме того, он узнал, что эти панихиды доктор Тарасов служил где угодно – в Исаакиевском и в Казанском соборах, в приходских церквях, но никогда – в Петропавловском соборе, где находилась официальная могила Александра. Однажды мать профессора И. Т. Тарасова сказала в присутствии тогда уже пожилого Дмитрия Клементьевича:

– Отчего же император Александр Павлович не мог принять образа Федора Кузьмича? Всяко бывает, судьбы Божии неисповедимы.

Доктор Тарасов страшно взволновался, как будто эти слова задели его за больное место.

И еще на одно обстоятельство, касающееся доктора Д. К. Тарасова, обращают внимание сторонники этой версии: он был необычайно богат, имея и большой капитал, и собственные дома, которых не смог бы нажить самой блестящей медицинской практикой.

То, что вы прочли сейчас о докторе Тарасове, есть лишь один из многих аргументов в пользу того, что Александр не умер в Таганроге 19 ноября 1825 года, но если перечислять их все, то нужно было бы написать еще одну книгу, не меньшую по объему, чем эта. Десятки квалифицированных историков вот уже полтора века пытаются ответить на вопрос: умер ли Александр в 1825 году в Таганроге или же он умер 20 января 1864 года в Томске совсем под другим именем?

* * *

Ранней осенью 1836 года к одной из кузниц, расположенной на окраине города Красноуфимска Пермской губернии, подъехал высокий старик крестьянин с длинной окладистой бородой. Кузнец обратил внимание на то, что лошадь под стариком была хорошей породы, да и живость, и манера речи мужика крестьянскими отнюдь не были.

Кузнец начал расспрашивать старика, где купил он такую лошадь, откуда едет, но старик отвечал неохотно неопределенно, и кузнец задержал его и отвел в Красноуфимск, в полицию. Старик при этом ни малейшего сопротивления не оказал.

На допросе назвался он крестьянином Федором Кузьмичом и объявил, что он – бродяга, не помнящий родства.

Его посадили в тюрьму, затем высекли плетью и сослали в Сибирь.

Двадцать шестого марта 1837 года Федор Кузьмич был доставлен с 643-й партией каторжан в село Зерцалы и определен в работу на каторжный Краснореченский винокурный завод.

Здесь отличался он от всех прочих незлобивостью, смирением, хорошей грамотностью и слыл за человека праведной жизни и великого ума.

В 1842 году казак соседней Белоярской станицы С. Н. Сидоров уговорил старца переселиться к нему во двор и для того построил Федору Кузьмичу избушку-келью.

Старец согласился и некоторое время спокойно жил в Белоярской. Здесь случилось так, что в гостях у Сидорова оказался казак Березин, долго служивший в Петербурге, и он опознал в Федоре Кузьмиче императора Александра. Вслед за тем опознал его и отец Иоанн Александровский, служивший ранее в Петербурге полковым священником. Он сказал, что много раз видел императора. Александра и ошибиться не мог.

После этих встреч старец ушел в Зерцалы, а оттуда в енисейскую тайгу на золотые прииски и проработал там простым рабочим несколько лет.

Потом — с 1849 года — жил старец у богатого и набожного краснореченского крестьянина И. Г. Латышева, который построил для Федора Кузьмича возле своей пасеки маленькую избушку. В ней был топчан с деревянным брусом вместо подушки, маленький столик и три скамейки.

В переднем углу висели иконы Христа, Богородицы и, маленький образок Александра Невского.

Уместно будет заметить и еще одну любопытную подробность: особенно торжественным для себя днем Федор Кузьмич почитал день святого Александра Невского и отмечал его так, как если бы это был день его именин.

В одной с ним каторжной партии пришли две крепостные крестьянки — Мария и Марфа. Они жили раньше около Печорского монастыря в Псковской губернии и за какие-то провинности были сосланы их помещиком в Сибирь.

Федор Кузьмич подружился с ними и в большие праздники приходил после обедни к ним в избушку. В день Александра Невского Мария и Марфа пекли для него пироги и угощали другими яствами.

Старец в этот день бывал весел, ел то, от чего обычно воздерживался, и часто вспоминал, как раньше проходил праздник Александра Невского в Петербурге. Он рассказывал, как из Казанского собора в Александро-Невскую лавру шел крестный ход, как палили пушки, как весь вечер до полуночи была иллюминация, на балконах вывешивали ковры, а во дворцах и гвардейских полках гудели празднества.

Федора Кузьмича в Краснореченске однажды посетил Иркутский епископ Афанасий и, к удивлению многих, долго говорил с ним по-французски, когда же уходил, то выразил Федору Кузьмичу знаки особого уважения.

Вспоминают и такое. Какой-то дворцовый петербургский истопник был сослан в одну из соседних деревень, заболел и попросил, чтобы его привели к старцу, излечивавшему многих недужных. Его товарищ по ссылке, тоже бывший придворный истопник, привел больного к старцу. Когда больной услышал знакомый голос императора, то упал без чувств. И хотя старец попросил не говорить о том, что он узнал его, молва об этом вскоре широко разнеслась по окрестностям.

Десятки людей потянулись за исцелением к Федору Кузьмичу со всех сторон. И он снова ушел на другое место, поселившись возле деревни Коробейниково. Но и здесь его не оставляли в покое. Многие простые люди, приходившие к нему за советом и исцелением, не раз замечали возле избушки старца знатных господ, дам и офицеров.

Однажды приехал к нему томский золотопромышленник С. Ф. Хромов с дочерью и, пока ждал у избы, увидел, как вышли оттуда гусарский офицер и дама — оба молодые и красивые, а с ними и старец. Когда Федор Кузьмич прощался с ними, офицер наклонился и поцеловал ему руку, чего старец не позволял никому.

Вернувшись к избе, старец с сияющими глазами сказал:

— Деды-то меня каким знали! Отцы-то меня каким знали! Дети каким знали! А внуки и правнуки вот каким видят!

Он прожил возле деревни Коробейникове с 1851 по 1854 год и опять переехал в Краснореченское. Теперь Латышев построил ему еще одну избушку, в стороне от дороги, на самой горе, у обрыва.

В это время познакомился он с бедной крестьянской девушкой из Краснореченска – Александрой. Когда ей сравнялось двадцать лет, она захотела пойти на богомолье, и Федор Кузьмич, отправляя ее в путь, составил подробный план путешествия, ибо знал все монастыри и святыни России.

Конечной целью паломничества была Почаевская лавра, где в это время находилась графиня Остен-Сакен. Оказавшись в Почаеве, крестьянка и графиня познакомились, и Остен-Сакен пригласила девушку в недалекий от лавры Кременчуг, где она жила с мужем Д. Е. Остен-Сакеном.

В это время в Кременчуг приехал император Николай I и остановился в доме Остен-Сакена. Царь с интересом расспрашивал смышленную, бывалую сибирячку о делах у нее на родине, спрашивал и сколько поп за свадьбу берет, и как себя девушки ведут, и что люди едят, и о многом прочем.

Сашенька так понравилась Николаю, что он даже оставил ей записку, сказав, что если она окажется в Петербурге, то пусть приходит к нему в гости.

Когда она возвратилась к себе в Краснореченское, то обо всем с ней случившемся рассказала Федору Кузьмичу.

Между прочим она сказала, что в доме Остен-Сакена видела портрет императора Александра I и удивилась их сходству, заметив, что на портрете Александр так же держал руку за поясом, как и Федор Кузьмич.

При этих словах старец изменился в лице и вышел во вторую комнатку, повернувшись к девушке спиной, но она все равно заметила, что он беззвучно заплакал и рукавом рубахи стал вытирать слезы.

В 1858 году С. Ф. Храмов уговорил Федора Кузьмича переехать к нему в Томск.

Перед отъездом старец перенес из своей избушки в часовню села Зерцалы икону Печорской Божьей Матери и Евангелие. В день отъезда – 31 октября 1858 года – он пригласил нескольких жителей села в часовню и, отслужив молебен, нарисовал на бумаге разноцветный вензель, основой которого была буква "А" с короной над нею, а вместо палочки в букве был изображен летящий голубь.

Старец вложил бумагу с вензелем в икону, сказав при этом:

– Под этой литерой (буквой) хранится тайна – вся моя жизнь. Узнаете, кто был.

В доме Хромова Федор Кузьмич прожил шесть лет. Там произошло множество интересных случаев, из которых нельзя не упомянуть хотя бы о некоторых. Чиновница Бердяева захотела снять квартиру в семейном доме и зашла к С. Ф. Хромову. Там она неожиданно столкнулась с Федором Кузьмичом и, увидев его, упала в обморок. Придя в себя, она объяснила происшедшее тем, что в старце признала Александра I, которого довелось ей видеть.

В доме С. Ф. Хромова часто бывал некто И. В. Зайков.

Когда великий князь Николай Михайлович, внук Николая I, задумал писать двухтомный труд об Александре I, включив туда и сюжет о старце Федоре Кузьмиче, он прислал в Томск своего доверенного Н. А. Лашкова. И хотя в этом труде ("Император Александр I. Опыт исторического исследования". Т. 1–2. СПб., 1912) автор отверг идентичность Федора Кузьмича Александру I, он все же добросовестно отнесся к сбору материала и к его проверке.

Лашков, приехав в Томск, встретился с Зайковым и узнал от него, что "старец был глуховат на одно ухо, потому говорил немного наклонившись (вспомним, что и Александр был с юности глуховат на одно ухо, получив травму при учебных артиллерийских стрельбах). При нас во время разговора

он или ходил по келье, заложив пальцы правой руки за пояс, или стоял прямо, повернувшись спиной к окошку... Во время разговоров обсуждались всевозможные вопросы: государственные, политические и общественные. Говорили иногда на иностранных языках и разбирали такие вопросы и реформы, как всеобщая воинская повинность, освобождение крестьян, война 1812 года, причем старец обнаруживал такое знание этих событий, что сразу было видно, что он был одним из главных действующих лиц".

Известный томский краевед И. Г. Чистяков, близко знавший Федора Кузьмича, писал, что он хорошо владел иностранными языками, хорошо знал современные политические события и высшее общество: "Рассказывая крестьянам или своим посетителям о военных походах, особенно о событиях 1812 года, он как бы перерождался: глаза его начинали гореть ярким блеском, и он весь оживал... Например, рассказывал он о том, что, когда Александр I в 1814 году въезжал в Париж, под ноги его лошади постилали шелковые платки и материи, а дамы бросали на дорогу цветы и букеты; что Александру это было очень приятно; во время этого въезда граф Меттерних ехал справа от Александра и имел под собой на седле подушку".

Имеется и немало других свидетельств, подобных вышеприведенным.

8 конце 1863 года силы стали покидать старца, которому, по его словам, шел уже 87-й год. (Вспомним, что Александр родился в 1777 году – и здесь возраст и того и другого совпадает.)

Девятнадцатого января 1864 года С. Ф. Хромов зашел в избушку к Федору Кузьмичу и, помолившись, сказал, встав перед больным на колени:

– Благослови меня, батюшка, спросить тебя об одном важном деле.

– Говори, Бог тебя благословит.

– Есть молва, что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный. Правда ли это?

– Чудны дела твои, Господи. Нет тайны, которая бы не открылась, – ответил Федор Кузьмич и замолк.

На следующий день старец сказал Хромову:

– Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда я умру, не величь меня, схорони просто.

Федор Кузьмич скончался в своей избушке, находившейся возле дома

С. Ф. Хромова, в 8 часов 45 минут вечера 20 января 1864 года.

Его похоронили на кладбище томского Алексеевского мужского монастыря.

На кресте была выбита надпись: "Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года".

По-видимому, усмотрев намек на Александра I в словах: "Великого Благословенного", томский губернатор Мерцалов велел два этих слова замазать белой краской...

Свидетели жизни старца в Сибири добавляют, что Федор Кузьмич был необыкновенно чистоплотен, ежедневно менял чулки и имел всегда очень тонкие носовые платки. Иногда замечали, что, оставаясь один и не подозревая, что за ним следят или же наблюдают, он ходил четким военным шагом, отбивая такт и отмахивая рукой...

Все это я представляю на суд читателей, в ожидании того, что, может быть, вскоре мы узнаем и еще кое-что иное об Александре I и старце Федоре Кузьмиче...

Новелла 14. "Вступаю на престол ценою крови моих подданных..."

Теперь нам предстоит возвратиться на четыре десятилетия назад, в конец 1825 года, когда закончилось короткое, но бурное междуцарствие

Константина и Николая, когда в очередной раз качнулся, но тут же снова твердо и прочно стал государев престол и одиннадцатый российский император начал готовиться к очередной коронации и восхождению на прародительский российский трон.

...Двадцать седьмого ноября 1825 года великий князь Николай Павлович, получив извещение о смерти Александра, созвал Государственный совет, который решил, что престол должен перейти к Константину. И Николай, первым из присутствующих, принес присягу Константину, а на следующий день был издан указ о повсеместной присяге новому императору. Однако Константин решительно отказался от престола, заявив, что императором он признает Николая и присягает ему на верность.

Пока курьеры носились между Варшавой и Петербургом, отношение к происшедшему было неоднозначным – Москва 30 ноября присягнула Константину, а в Петербурге дело отложили до 14 декабря. По-разному восприняли вопрос о престолонаследии и в провинции.

Двенадцатого декабря Николай получил от Дибича письмо из Таганрога, где подробно рассказывалось о заговоре в армии и созданных там тайных обществах. Отношение Николая к этому сообщению оказалось диаметрально противоположным тому, какое проявил Александр в аналогичной ситуации тремя годами раньше. Ко всему прочему, в этот же самый день к Николаю явился поручик лейб-гвардии Егерского полка Л. И. Ростовцев и предупредил о готовящемся вооруженном выступлении в столице, не называя, правда, имен заговорщиков.

Николай немедленно познакомил со всем этим Санкт-Петербургского военного губернатора Милорадовича, начальника штаба гвардейского корпуса Бенкендорфа и князя А. Н. Голицына, одного из трех доверенных лиц покойного императора, посвященного в тайну пакета, хранящегося в алтаре Успенского собора и заключающего в себе завещание Александра о престолонаследии.

Как только совещание закончилось, из Варшавы прибыл курьер с письмом от Константина об окончательном отказе от трона.

На следующий день, 13 декабря, был составлен манифест о вступлении на престол Николая I. В манифесте, датированном 12 декабря, приводились и основания этого решения – воля Александра, высказанная и зафиксированная им в октябре 1823 года в вышеупомянутом письме, оставленном в Успенском соборе. Кроме того, сообщалось и о ряде писем Константина, Николая, о грамотах Александра и Константина, где наследником престола признавался Николай, а цесаревичем – его старший сын Александр.

О том, что Александр стал цесаревичем, сообщил семилетнему мальчику флигель-адъютант Николая А. П. Кавелин. Лейб-медик Мердер, присутствовавший при этом, вспоминал, что, когда Кавелин зачитал Александру официальный текст манифеста, впечатлительный В сентиментальный мальчик заплакал.

Присяга Николаю началась утром 14 декабря. В семь часов утра присягнули Сенат и Синод, а чуть позже начали приводить к присяге и полки Петербургского гарнизона. Этим-то и воспользовались члены тайных революционных организаций и объявили верность ранее принесенной присяге – государю императору Константину Павловичу, а обнародованный Манифест от 12 декабря – противозаконным.

Первым вышел из казарм лейб-гвардии Московский полк, а следом за ним – лейб-гвардии Гренадерский; чуть позже – часть Морского гвардейского экипажа. Все эти войска сошлись на Сенатской площади, и к ним примкнули офицеры некоторых других полков, а также немало сочувствовавших штатских.

Узнав о начале мятежа, Николай и Александра Федоровна уединились в церкви Зимнего дворца в там, стоя на коленях у алтаря, поклялись умереть на троне. Николай говорил потом, что он примирился с мыслью о возможной скорой смерти, но высшее внушение говорило ему, что у него нет права оставить престол – так, во всяком случае, рассказывал царь писателю и путешественнику маркизу де Кюстину в 1839 году.

Николай, выйдя из церкви, оставил Александру Федоровну в глубине дворца, а сам возглавил действия по подавлению мятежа, быстро и энергично мобилизовав почти все другие воинские части столичного гарнизона. Пока мятежники неподвижно стояли, выстроившись в каре, Николай сосредоточивал против них и конницу, и артиллерию, послав сначала на уговоры любимца солдат, соратника Суворова и Кутузова храбреца Милорадовича. Опасаясь, что он может увлечь солдат за собой, отставной поручик П. Г. Каховский, пришедший на площадь с Гвардейским экипажем, смертельно ранил Милорадовича и вслед за тем – командира гренадерского полка полковника Стюрлера. Когда Милорадовича отнесли в подъезд одного из домов, он спросил хирурга, вынувшего из его тела пулю: "Ну что? Пистолетная или ружейная?" И когда хирург ответил: "Пистолетная", Милорадович улыбнулся, довольный: "Я так и знал – солдат не стал бы стрелять в меня". Умирая, Милорадович велел всех своих крестьян отпустить на волю.

Не поддались мятежники и на уговоры митрополита Серафима. Тогда в три часа дня Николай бросил в атаку конную гвардию и кавалергардов, но из-за сильной гололедицы и встречного ружейного огня кавалеристы успеха не добились. Перелом в ход сражения принесла артиллерия – четыре орудия, открыв огонь картечью, пробиты в каре бреши, расстроив ряды восставших, бросившихся бежать по невскому льду. По бежавшим открыли ружейный огонь и начали бить по льду ядрами. Сохранились свидетельства, что к одному из последних полков, все еще неподвижно стоявших на площади, выехал Николай и крикнул: "На колени!" Солдаты повиновались, и тогда царь дал им команду вернуться в казармы.

А в то время, когда Николай был на площади, обе императрицы ожидали его в Голубой гостиной Зимнего дворца. Александра Федоровна волновалась необычайно сильно, в то время как императрица-мать сохраняла полное спокойствие.

Все царские дети – а было их уже четверо – Александр и три его сестры: Мария, Ольга и Александра – жили в Аничковом дворце. Девочек решили оставить на месте, а за Александром поехали Кавелин и Мердер. Мальчика посадили для конспирации в обычную извозчичью карету и подвезли со стороны набережной к Зимнему дворцу, затем привели в Голубую гостиную. Увидев сына, мать обняла его, и мальчик почувствовал, как дрожат ее руки. Через некоторое время стрельба прекратилась, и вдруг сидящие в гостиной слышали дробь барабанов. Все заулыбались, понимая, что идет император. Эту сцену семилетний цесаревич запомнил на всю жизнь.

Возвратившись во дворец, Николай увидел, что у императрицы из-за пережитых волнений начала трястись голова, и этот тик не проходил у нее до конца жизни.

Когда Николай и Александра Федоровна встретились впервые после мятежа, императрица упала на грудь мужу, и сам Николай почувствовал состояние, близкое к обмороку. Воскликнув: "Какое начало царствования!" – император пошатнулся и упал на руки одного из приближенных.

Вечером 14 декабря, когда в Зимний дворец начали привозить первых арестованных, Николай писал командующему 2-й армией графу Сакену: "Любезный граф! Что могу сказать вам? Я ваш законный государь, и Богу было угодно, чтобы я стал самым несчастливym из государей, потому что я

вступил на престол ценою крова моих подданных! Великий Боже, какое положение!"

Те же самые чувства, почти в тех же словах, излил он и в письме к Константину Павловичу.

Правда, с течением времени Николай переосмыслил свое отношение к событиям 14 декабря 1825 года, по-иному оценив и собственные действия, но для этого потребовалось и много времени, и немало размышлений. О том, каким виделось ему все случившееся тогда в Петербурге, рассказал в своей книге "Россия в 1839 году" Астольф де Кюстин, передававший свою беседу с Николаем следующим образом:

"— Уже начало царствования обеспечило вам справедливые похвалы, а во время холеры (имеется в виду "Холерный бунт", произошедший в Петербурге в июне 1831 г. — В. Б.) вы поднялись еще на гораздо большую высоту. При этом втором восстании вы проявили ту же власть, но сдержанную благородной преданностью человечеству. Силы никогда не покидали вас в минуты опасности...

— Вы воскрешаете в моей памяти минуты, без сомнения лучшие в моей жизни, но казавшиеся мне тогда самыми ужасными.

— Я понимаю это, ваше величество. Чтобы покорить природу в себе и других, необходимо усилие...

— Страшное усилие, — прервал меня государь, — отчет в котором отдаешь себе лишь много позже.

— Да, но в это время чувствуешь себя вдохновленным.

— Я этого не чувствовал, я исполнял лишь свой долг. В подобных случаях никто не может знать заранее, что он скажет. Бросаясь навстречу опасности, не спрашивая себя, как из нее выйдешь".

А в тот день, вернувшись с Сенатской площади, Николай взял Сашу за руку и, одетого в гвардейскую форму, вывел во двор Зимнего дворца, где стоял верный ему гвардейский саперный батальон, шефом которого был он сам. И это запомнил Саша. Казалось бы, слезы матери, всеобщее волнение, окружавшее его в Зимнем дворце, волнение, столь необычное в сдержанной на проявление чувств царской семье, должны были заронить в его сердце ненависть к тем, кто заставил всех его близких несколько часов трепетать за жизнь отца. Однако этого не произошло... Через пять лет после тревожного дня 14 декабря, уже в 1830 году, отец как-то зашел на урок к сыну и стал слушать, как Жуковский рассказывает ему о событиях 14 декабря 1825 года. Когда рассказ был окончен, Николай спросил: "Саша, как бы ты наказал их?" И мальчик, потупив глаза, тихо ответил: "Я бы простил их". А еще через семь лет после этого Александр первым из русских цесаревичей поехал в Сибирь. Он не только с симпатией и интересом отнесся к декабристам, все еще отбывавшим наказание, но, возвратившись в Петербург, предстал перед отцом горячим их заступником, просившим простить бывших бунтовщиков и отпустить на свободу...

Встреча с де Кюстином происходила 14 лет спустя, но в тот вечер — 14 декабря 1825 года, — еще не остыв от только что полученных впечатлений, Николай был, несомненно, искренен с самыми близкими ему людьми — Константином и Сакеном. Да и как не быть искренним, ведь такое начало царствования даже из самых простых прагматических соображений действительно сильно вредило ему, а кроме того, ставило лицом к лицу с темной, таинственной и необузданной силой российских карбонариев. И потому Николай решил лично удостовериться во всем случившемся и из первых рук узнать правду, какой бы ужасной она ни была.

Как только в Зимнем появились пленные заговорщики, он сам начал допрашивать их, взяв себе в помощники начальника штаба 1-й армии генерала

К. Ф. Толя, так как все офицеры Санкт-Петербургского гарнизона входили в ее состав, и генерала В. В. Левашова, четыре года назад возглавлявшего Военный суд по делу о возмущении в Семеновском полку.

Одними из первых были приведены К. Ф. Рылеев, князь Е. П. Оболенский, князь С. П. Трубецкой. Оболенский к концу дня возглавил командование всеми силами мятежников, а Трубецкой, хотя и не явился на площадь, но накануне восстания был назначен диктатором. Первых арестованных Николай допрашивал до полудня 15 декабря, а затем приказал создать Особый комитет для следствия о тайных обществах, вскоре названный Следственной комиссией, в который вошли великий князь Михаил Павлович и еще девять генералов и генерал-адъютантов. Председателем же был назначен военный министр А. И. Татищев.

Тридцатого мая 1826 года следствие было закончено, и через день создан Верховный уголовный суд под председательством князя П. В. Лопухина, состоявший более чем из шестидесяти членов, представлявших Сенат, Государственный совет и Синод. Перед судом предстал 121 декабрист.

Окончательное решение о мере наказания преступников принимал Николай Он смягчил первоначальный приговор Верховного суда, оставив смертную казнь пяти осужденным вместо тридцати шести приговоренных судом. Остальные обвиняемые были осуждены к разным срокам заключения – вплоть до вечной каторги, а большинство разжалованы в рядовые и разосланы по отдаленным гарнизонам. Из солдат, участвовавших в восстании, был создан сводный полк двухбатальонного состава, который уже в феврале 1826 года был отправлен на границу с Персией, где вскоре началась война.

Утвердившись у власти, Николай должен был подумать и о коронации. Но прежде чем она произошла, было решено довести до конца процесс над декабристами.

Тринадцатого июля 1826 года главные заговорщики – П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский, М. П. Бестужев-Рюмин и С. И. Муравьев-Апостол – были повешены, а остальные остались в казематах, ожидая этапа в Сибирь.

После этого начались сборы к отъезду в Москву, и в середине августа вся императорская фамилия прибыла в Первопрестольную.

Новелла 15. Маленькие шалости коронованного сатира

Николай Павлович родился, жил и правил в стране, где каждый дворянин почитал за счастье и честь отдать жизнь за своего обожаемого монарха, – так мог ли он не отдать ему свою жену или дочь для удовлетворения его мимолетного желания?

Современник Николая, француз Галле де Кюльтюр, писал: "Царь – самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекая внимание божества, попадает под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья. "Неужели же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?" – спросил я даму, любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. "Никогда, – ответила она с выражением крайнего изумления. – Как это возможно?" – "Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратиться к вам". – "Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю как

все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом".

Николай начал свои любовные похождения еще до того, как влюбился в свою будущую жену. Он был очень крепок, от природы влюбчив и в юности не по годам зрел.

Одним из первых шагов на пути любострастия, вернее, одним из первых бастионов в крепости Амура стал для Николая Смольнинский институт благородных девиц, по иронии судьбы созданный в монастыре. А

"настоятельница" этого монастыря была графиня Юлия Федоровна Адлерберг, которая облегчала своему сыну Владимиру Федоровичу – лучшему другу юности цесаревича Николая, бывшему на пять лет старше Николая, – и самому цесаревичу их победы над своими воспитанницами.

Похождения двух закадычных друзей продолжались очень долго. Они и женились одновременно. Когда у Николая была свадьба с Александрой Федоровной, у Адлерберга почти тогда же состоялась свадьба с Марией Васильевной Нелидовой. В один день играть обе свадьбы было невозможно из-за того, что друзья не смогли бы побывать на торжествах друг у друга, а так каждый из них мог быть свидетелем на свадьбе у другого.

Первое время после свадьбы и Николай Павлович, и Владимир Федорович несколько умерили свою любовную прыть, но потом природа взяла свое, и все вернулось на круги своя.

Современник Николая, будущий известный литературный и общественно-политический деятель Николай Александрович Добролюбов, писал: "Всякому известно, что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей. Можно сказать положительно, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушений на ее любовь самого государя или кого-нибудь из его августейшего семейства. Едва ли осталась хоть одна из них, которая бы сохранила свою чистоту до замужества. Обыкновенный порядок был такой: брали девушку знатной фамилии во фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего, самодержавного государя нашего, и затем императрица Александра (жена Николая) начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов".

По слухам, так была выдана замуж фрейлина баронесса Фредерикс. Ее мужем стал полковник Никитин.

Мимолетной любовницей Николая называли и фрейлину Рамзай, дочь финляндского генерал-губернатора.

Незаурядную карьеру сделал сенатор Михаил Петрович Бутурлин, сыграв роль сводника между императором и женой своего родного брата, военного писателя Дмитрия Петровича Бутурлина, – известной красавицей Елизаветой Михайловной, урожденной Комбурлей. (С этими дамами, а также и с некоторыми другими мы еще встретимся на страницах этой книги.) Александра Федоровна, желая удержать мужа в доме и хоть как-то препятствовать его похождениям на стороне, приближала ко двору женщин, которые, нравясь Николаю, не вызвали дурных чувств и у нее самой.

Голландский полковник Фридрих Гагерн, побывавший в Петербурге в 1839 году, писал:

"Императрица любит окружать себя красивыми женщинами, составляющими украшение ее двора... Я ограничусь при этом только замужними, а о фрейлинах после. Красивейшие суть: госпожи Крюденер, Пашкова, урожденная Баранова, княгиня Юсупова, Бутурлина, Баратынская, принцесса Або-Мелик".

Намекая на то, что именно эти дамы были предметом страсти императора, Гагерн упоминает затем и фрейлин императрицы: Нелидову, Пашкову и Фредерикс. Из названных Гагерном фрейлин особо должна быть отмечена Варвара Аркадьевна Нелидова – племянница фаворитки императора Павла

Екатерины Ивановны Нелидовой, передавшей своей племяннице колдовские чары необычайной привлекательности.

Николай любил ее до конца своих дней, и если императрица и ревновала его к кому-нибудь, то это была именно она – молчаливая, во многом загадочная и непредсказуемая красавица, остававшаяся незамужней до конца своих дней. У Нелидовой был родственник – Петр Андреевич Клейнмихель, пожалуй, одна из самых одиозных фигур во время царствования Николая. Начав свою военную карьеру в 1812 году адъютантом Аракчеева, он через семь лет стал начальником штаба военных поселений, а затем – в 1826 году – и генерал-адъютантом в свите Николая. Свою дальнейшую карьеру он сделал благодаря родству с фавориткой Николая фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой. Еще более возвысился Клейнмихель, взяв на себя более чем деликатную миссию воспитания внебрачных детей Николая.

А все началось после того, как П. А. Клейнмихель женился во второй раз на молодой, богатой, бездетной вдове Клеопатре Петровне Хорват, урожденной Ильинской. Ее родная сестра, Елизавета Петровна Ильинская, была замужем за Аркадием Аркадьевичем Нелидовым, у которого была сестра-смольнянка Варвара Аркадьевна. Когда В. А. Нелидова была выпущена из Смольного, она стала жить в служебной квартире Клейнмихелей, размещавшейся в доме Главного штаба на площади против Зимнего дворца. На красавицу Варвару Нелидову и обратил внимание Николай. У П. А. Клейнмихеля от второго брака было пять сыновей и три дочери, хотя было известно, что первая жена разошлась с ним из-за того, что Петр Андреевич был бесплоден. Это подтверждает в своих мемуарах и военный инженер барон А. И. Дельвиг, двоюродный брат поэта А. А. Дельвига, служивший под началом Клейнмихеля. Рассказывали, что когда очередная любовница императора оказывалась в положении, то жена Клейнмихеля – графиня Клеопатра Петровна, урожденная Ильинская, – имитировала беременность, увеличивая объем талии подкладными подушечками и поясами и все более наращивая живот, пока не происходили роды у пасии Николая Павловича. Тогда и Клеопатра Петровна оповещала о том, что родила, и предъявляла обществу очередного сына или очередную дочь, давая им фамилию своего мужа, хотя у нее самой своих детей не было. Князь П. В. Долгоруков в части II "Российской родословной книги", изданной в 1855 году, упомянул только отца, мать и трех сестер П. А. Клейнмихеля, отказывая ему в более старинном благородном происхождении, а о нем самом упомянул только, что ныне он генерал от инфантерии, генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения и всех российских орденов кавалер, возведенный в графское Российской империи достоинство 26 марта 1839 года. Ни о жене его, ни о детях Долгоруков не сказал ни одного слова. Это объясняется как совершенно нетерпимым отношением генеалога к ненавистному ему Клейнмихелю, так и одиозным происхождением его "сыновей" и "дочерей", которых Долгоруков, как ученый, не мог признать потомками Клейнмихеля, хорошо зная, что все они вовсе не его дети.

Новелла 16. Великосветская история, приключившаяся с внучкой великого Кутузова

В 1833 году притчей во языцех стала следующая история. Вернее, в это время история только началась, а набирала силу и обрастала новыми подробностями еще несколько лет. Она, эта история, не имела никакого отношения к делам государственным, хотя в некотором смысле была политической, ибо касалась сфер династических, теснейшим образом

связанных с царствующим Домом. Все началось с того, что в 1833 году в Петербург после долгих странствий по Европе возвратилась внучка покойного фельдмаршала М. И. Кутузова 28-летняя Елизавета Федоровна Тизенгаузен. Имеет смысл дать краткий генеалогический очерк, относящийся к Елизавете Федоровне.

У Михаила Илларионовича было пять дочерей, самой любимой из которых была Лизанька, вышедшая замуж за остзейского аристократа графа Фердинанда Тизенгаузена. Кутузов любил его больше всех других своих зятьев, признаваясь, что Фердинанд, которого на русский манер называли Федором, дорог и мил ему как родной сын.

В свое время судьба подарила Кутузову и родного сына – Мишеньку, но его в младенчестве "заспала", то есть во сне придавила до смерти, кормилица, крепостная крестьянка. В день смерти сына Кутузов не был дома – он служил далеко от Петербурга и, получив письмо от жены, долго плакал и молился. В ответном письме жене Екатерине Ильиничне сразу после слов утешения и призыву к смирению с волей Божией просил ее пожалеть несчастную кормилицу, которая так любила маленького Мишеньку и теперь от великого горя может наложить на себя руки. После смерти Мишеньки у Кутузовых больше не было сына, и потому, когда в их семье появился зять – Фердинанд Тизенгаузен, он занял в сердце Михаила Илларионовича сыновнее место. Брак Лизаньки и Федора был счастливым. Молодые любили друг друга, и вскоре у них родились две дочери – Дашенька и Лизанька. Успешной была и карьера графа Тизенгаузена – к 1805 году он был уже полковником и флигель-адъютантом Александра I. Однако и карьера, и семейное счастье, и сама жизнь оборвались в один момент – в трагической для русских битве при Аустерлице, где главнокомандующим был Кутузов, Фердинанд Тизенгаузен был убит. Многие видели, как, держась за край телеги, на которой везли тело Тизенгаузена, шел по грязи его несчастный тесть и, не стесняясь, плакал. Через шесть лет после этого Лизанька вышла замуж еще раз. Ее мужем стал генерал-майор Николай Федорович Хитрово, участник войн с Наполеоном, соратник Кутузова, сильно израненный и оттого переведенный служить по Министерству иностранных дел. В 1815 году Н. Ф. Хитрово был назначен послом в Великое герцогство Тосканское, и Лизанька уехала вместе с ним и дочерьми во Флоренцию. Там прожили они четыре года. Николай Федорович почти все это время болел и в 1819 году умер. Лизаньке было тогда 36 лет, а ее дочерям – 15 и 14. Целый год носила вдова траур по умершему, а когда она впервые выехала вместе с дочерьми на бал, в ее старшую – Дарью, или, как звали ее на европейский лад – Долли, влюбился австрийский посланник граф Фикельмон.

Он был богат, холост и, несмотря на свои 43 года, рискнул сделать предложение шестнадцатилетней Долли.

Третьего июня 1821 года Дашенька Тизенгаузен стала графиней Фикельмон, выйдя замуж не по расчету, но по любви, и сохранила это чувство к мужу до конца его дней. А через два года Елизавета Михайловна Тизенгаузен, оставив своих дочерей во Флоренции, возвратилась в Петербург. Там стала она хозяйкой популярнейшего, модного литературно-музыкального салона, где бывал и Александр I, и Пушкин, и Жуковский, и Гоголь, а в 1839 году появился и Лермонтов.

Меж тем Долли Фикельмон и Елизавета Тизенгаузен вместе и порознь ездили по Италии и Германии, заводя знакомства с писателями и художниками, философами и артистами. Их друзьями стали братья Александр и Карл Брюлловы, французская писательница мадам де Сталь, немецкий философ и писатель Фридрих Шлегель.

Однажды, оказавшись в Берлине, сестры были приглашены на бал во дворец прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Король в свое время был другом Кутузова, искренне любил и почитал фельдмаршала и потому с особой сердечностью отнесся к внукам великого полководца, пожаловавшим к нему на бал.

Особенно же пришлось по душе старому королю младшая из сестер – Лизанька. Фридриху-Вильгельму шел шестой десяток, он вдовел уже много лет, и молодая красавица графиня Тизенгаузен совершенно очаровала старого короля. Чувство это оказалось настолько серьезным и прочным, что король сделал Лизаньке официальное предложение, не посчитав такой брак мезальянсом[2]. И хотя графиня Тизенгаузен не была особой королевской крови, но она была внучкой Светлейшего князя Кутузова – освободителя Германии, командовавшего прусскими войсками во многих славных сражениях, высокочтимого его подданными, и потому сделанное Лизаньке предложение должно было быть воспринято не только с пониманием, но и с одобрением. Однако, посоветовавшись с матерью, Лизанька королю отказала, сославшись на то, что она не может стать королевой, ибо к такой судьбе следует готовить себя с рождения. Но, не желая огорчить короля, пообещала сохранить к нему чувства сердечной привязанности и одарить своей дружбой. Случай этот не афишировался, и, как полагали, со временем страсти угасли, и все вернулось на круги своя.

В 1829 году графа Фикельмона назначили австрийским послом в Россию, и Долли вместе с ним уехала в Петербург, создав там вскоре еще один салон, не менее популярный, чем салон ее матери. А Лизанька Тизенгаузен по-прежнему оставалась в Европе и возвратилась в Петербург в 1833 году, сразу же став камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Следует заметить, что графиня Елизавета Федоровна Тизенгаузен вернулась в Россию незамужней, но привезла с собою шестилетнего мальчика, которого представила сыном своей внезапно скончавшейся подруги – венгерской графини Форгач. Так как мальчик остался сиротой, то Елизавета Федоровна усыновила его и забрала с собою в Петербург. Императрица, горячо полюбившая свою новую камер-фрейлину, перенесла любовь и на ее приемного сына – Феликса Форгача. Императрица была дочерью Фридриха-2 Мезальянс – брак с лицом низшего социального положения, неравный брак.

Вильгельма III, и дружба Александры Федоровны с графиней Тизенгаузен, которая слыла другом ее отца, ни у кого не вызвала удивления. Удивление вызывало другое – чем старше становился Феликс Форгач, тем он делался все более и более похожим на прусского короля. А далее следует сказать и о судьбе Феликса Форгача, так как его потомки сыграли не последнюю роль в истории Дома Романовых.

В 1836 году Феликса определили в Артиллерийское училище под именем Феликса Николаевича Эльстона, а после того, как он женился на графине Сумароковой, 8 сентября 1856 года указом Александра II ему был присвоен титул графа и повелено было "впредь именоваться графом Сумароковым-Эльстон". Сын Ф. Н. Сумарокова-Эльстона, Феликс Феликсович, женившись на княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, из-за пресечения мужского потомства в роде Юсуповых еще одним императорским указом унаследовал и княжеский титул своей жены и стал именоваться "князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон". И наконец, внук первого Эльстона и сын первого Юсупова-Сумарокова-Эльстона – Феликс Феликсович Второй – в 1914 году женился на племяннице Николая II – великой княжне Ирине Александровне, еще более укрепив свое кровное родство с семьей Романовых.

Этот Ф. Ф. Юсупов вошел в историю России более всего тем, что организовал убийство известного Григория Распутина. Однако об этом не будет рассказано здесь, ибо эта книга оканчивается за четверть века перед тем.

Новелла 17. Театральная история в городе Чембаре

...Весной 1836 года Николай получил новую пьесу Гоголя "Ревизор". Он прочел ее и разрешил к постановке. 19 апреля в Александринском театре состоялась премьера. Присутствовавший по должности на этом спектакле "инспектор репертуара российской труппы" А. И. Храповицкий записал: "В первый раз "Ревизор". Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество". Спектакль удался, может быть, и потому, что роль Марии Антоновны играла любовь Николая Павловича – Асенкова.

Затем по Петербургу пошел слух, что Николай после спектакля сказал: "Ну, пьеска! Всем досталось, а мне более всех!"

Летом 1836 года Николай решил посетить город Чугуев. А надо сказать, Николай очень любил быструю езду. Он ездил и в одноконной легкой тележке, и одвуконь, случалось, и на тройке, но когда предстояла ему дальняя дорога – в Варшаву, Москву, Севастополь или какой иной далекий от Петербурга город, то в сани или в коляску впрягали ему непременно четверку царских, курьерских лошадей.

Для того чтобы езда была наивозможно скорой, на каждой почтовой станции стояли готовые лошади, называемые "курьерскими". Их было не менее двенадцати, то есть три упряжки. Ни один гражданин империи, кроме самого Николая и скакавшего впереди него фельдъегеря, не имел права ни под каким видом брать этих лошадей. Николай почти никогда не ездил в карете или вообще в каком-либо ином крытом экипаже. Летом у него была крепкая рессорная тележка, а зимой – широкие сани – пошевни, покрытые коврами. Перед ним с интервалом в час мчался курьер, предупреждая станционных зрителей о скором прибытии государя. За время, оставшееся до его приезда, нужно было вывести на дорогу свежих лошадей в полной сбруе и готового к дороге ямщика и, когда царский выезд примчится, не более чем за минуту отстегнуть старых лошадей и запрячь новых. Зимними ночами в нескольких сажнях перед императорским выездом скакал еще один курьер. В его санях лежали десятки факелов, которыми он освещал дорогу.

Ямщики обязаны были гнать лошадей во всю их прыть, не замедляя бега и при подъезде к станциям. Лошади осаживались на всем скаку перед стоявшей на дороге четверкой, отчего одна или две, а случалось и все четыре падали замертво, будто пораженные молнией. "Во время одного из проездов государя от Варшавы до Петербурга, – писал современник Николая А. В. Эвальд, – были убиты таким образом 144 лошади". Конечно же, дворцовое конюшенное ведомство преувеличивало цифру павших лошадей, называя огромные неустойки, которые оно якобы платило потерпевшим.

Итак, летом 1836 года Николай решил посетить город Чугуев – центр военных поселений Харьковской губернии, и потому статс-секретарь Блудов уведомил всех губернаторов, через губернии которых должен был ехать царь, о подготовке к встрече.

Маршрут был круглым: из Петербурга – в Москву, а затем – Владимир, Нижний Новгород, Симбирск, Пенза, Тамбов, где царь намерен был съехаться с Александрой Федоровной, и далее, уже вместе, двигаться к Чугуеву. Всем губернаторам было приказано исправлять и чинить гати, мосты и дороги, заготавливать в необходимом количестве лошадей, дабы во время путешествия

его величества не могло встретиться каких-либо остановок и затруднений и чтобы путешествие совершилось со всевозможным удобством, спокойствием и безопасностью. Государь также повелеть соизволил, чтобы "нигде к принятию его величества со стороны дворянства, радских и земских полиций и других начальствующих лиц никаких встреч не приготавливалось".

Взяв с собою неизменного В. Ф. Адлерберга, все чаще оказывавшегося рядом А. Х. Бенкендорфа, лейб-медика Николая Федоровича Арендта, состоявшего в этой должности уже семь лет, и еще десять человек свитских, чиновников и слуг, Николай отправился в путь.

Путешествие, начавшееся по графику, благополучно продолжалось до самой Пензы, куда он прибыл со своим кортежем 24 августа. Посетив кафедральный собор, отужинав и переночевав в доме губернатора, Николай принял городское пензенское общество, сделал смотр гарнизонному батальону, посетил тюрьму, дом инвалидов, гимназию, училище садоводства и, отобедав с губернатором и местным предводителем дворянства, в пять часов пополудни 25 августа отбыл в Тамбов, посадив в свою коляску Бенкендорфа. И на этот раз Николай мчался как на пожар, останавливаясь только для того, чтобы перепрячь лошадей на станциях. Экипаж проскакал к полуночи более ста верст. Мчавшаяся впереди всех коляска Николая во время спуска с не очень крутой горы вдруг пошла вбок и перевернулась. Николай от удара головой потерял сознание, а как только очнулся, то оказалось, что сломал левую ключицу. Бенкендорф отделался довольно легким ушибом, ящик разбился довольно сильно, а сидевший на козлах рядом с ним камердинер едва дышал. Стоявший на запятках фореитор совсем не пострадал, и когда Николай пришел в себя, то велел фореитору скакать в ближайший уездный город Чембар за помощью. Фореитор ускакал, как вдруг возле Бенкендорфа и Николая появился отставной унтер-офицер Байгузов, отпущенный "под чистую" и пробиравшийся к своей деревне, до которой оставался всего один переход. Пораженный необычайной встречей с царем – в ночи, в глуши, а всего более тем, что царь лежит у его ног, – Байгузов опустился на колени, снял с пояса манерку и дал Николаю напиться. А потом сел рядом с ним, положил голову царя к себе на колени, и они стали ждать помощи.

Бенкендорф в это время пытался привести в чувство впавшего в беспамятство камердинера, а ящик лежал на земле и стонал, делая вид, что умирает, хотя, может быть, так оно и было на самом деле.

Арендта и других слуг и свитских не было – они ездили не столь стремительно, как Николай, и обычно отставали на одну-две станции.

Вскоре прибыли из Чембара уездный предводитель дворянства Яков Подладчиков, исправник, городничий и уездный доктор Цвернер.

Николай боялся, что уездный врач, узнав его, с перепугу сделает что-нибудь не то, и приказал Бенкендорфу закрыть ему лицо платком.

Однако не тут-то было. Цвернер узнал его и совершенно спокойно спросил: – Что с вами, ваше величество?

А потом так же спокойно сделал перевязку, которую, кстати сказать, лейб-медик Арендт, вскоре доехавший до Чембара, признал безукоризненной.

Николая усадили в коляску предводителя дворянства, но из-за толчков он вышел на дорогу и шесть оставшихся до Чембара верст шел пешком.

Больному отвели помещение в доме уездного училища, заранее приготовленное для царского ночлега, предусмотренного маршрутным листом.

Немедленно в Пензу к губернатору Панчулидзеву было послано распоряжение о присылке в Чембар мебели, полного комплекта кухонных приборов, ста бутылок лучших вин, овощей, фруктов, живой рыбы, наипервейшей говядины и прочего.

Николай был в прекрасном расположении духа, писал, читал, никого, кроме врачей, Бенкендорфа и Адлерберга, не принимал, но потом настроение его испортилось, ибо вина оказались плохими, судаки и леши – сонными, а не живыми, говядина – с душком. Пришлось за припасами гонять курьерские транспорты в Москву. Вслед за тем пошли к нему просители. Просьбы чаще всего были противозаконны и нелепы. Так, оказалось, что четыре местных молодых грамотея – коллежский секретарь Васильев, губернский секретарь Черноухов, коллежский регистратор Исаев и мещанин Пономарев – надоумили неграмотных земляков подавать на высочайшее имя прошения, беря с них за то немалую мзду. Выяснилось, что все эти господа нигде не служили, били баклуши и пьянствовали. За что велено было государем всех их отдать в солдаты, а просьбы оставить без внимания.

Пятого сентября в 2 часа дня поправившийся государь впервые вышел из дому и отправился на прогулку. Он осмотрел строящуюся на базарной площади Покровскую церковь, местную тюрьму и вернулся обратно.

В ознаменование этого радостного события собравшиеся со всего уезда в Чембар дворяне и чиновники на следующий день отслужили благодарственный молебен и собрали 355 рублей на своих земляков-погорельцев из села Поляны.

Николаю доложили и о молебне в его здравие, и о произведенном пожертвовании, и он дал погорельцам еще 500 рублей.

Затем пригласил к себе местного благочинного протоиерея отца Василия Карского с причетником, чтобы отслужить еще один благодарственный молебен.

Облачившись, протоиерей начал службу, но, когда должен был подключиться тенор-причетник, вдруг услышал отец Василий вместо того незнакомый бас. Протоиерей до того растерялся и оторопел, что забыл порядок службы и умолк. И тогда Николай, большой знаток не только военной, но и церковной службы, повел сам, а отец Василий и причетник, перед тем совсем лишившийся голоса, потянули вслед за царем, и служба благополучно дошла до конца.

На другое утро перед отъездом из Чембара император принял предводителя дворянства, городничего, врача Цвернера, отца Василия, причетника, городского голову и исправника.

Когда все они собрались в классе, который был превращен в рекреацию перед спальней государя, чембарский уездный предводитель Яков Подладчиков наипочтительнейше попросил у государя позволения представить ему собравшихся для прощания дворян – первых людей города и уезда. Потом рассказывали, что, милостиво выслушав предводителя, Николай в ответ улыбнулся, открыто и сердечно, и благородное чембарское дворянство столь же радостно заулыбалось, полагая великой милостью и честью для себя всеконечное благорасположение государя.

И тогда предводитель, гордый и радостный, сказал:

– Ваше императорское величество! По случаю благополучного избавления вашего императорского величества от болезни, позвольте мне поздравить ваше императорское величество с исцелением от постигшего вас недуга. – И низко наклонил голову. В глубоком поклоне застыли и все присутствующие. Затем предводитель добавил:

– Позвольте, ваше императорское величество, представить верноподданных дворян Чембарского уезда, – и хотел уже представить первого из них, как Николай, все так же ласково улыбаясь, сказал:

– Благодарю вас, но этого делать не следует, я и так прекрасно знаю всех этих господ.

Радостное недоумение отразилось на лицах чембарских дворян: "Как! Государь знает каждого из нас! Вот что значит верная служба Отечеству!" И, желая рассеять недоумение некоторых, а заодно подтвердить и только что сказанное, Николай произнес:

— Перед отъездом к вам, господа, меня со всеми вами познакомил господин Гоголь.

Никто, разумеется, не спросил: "А кто таков этот господин Гоголь?" Но тут же смекнули, что, по-видимому, это какой-нибудь новый статс-секретарь или же генерал-адъютант его величества.

И все же, прощаясь, государь поблагодарил их за гостеприимство и покой и пожаловал: лекарю Цвернеру — подарок в 2000 рублей да ему же деньгами — 3000, а прочим — от 500 рублей до 1000. Передав также на местную больницу и училище по 5000 и на постройку храма еще 1000, государь сел в коляску и поехал дальше, а следом за ним потянулся длинный хвост колясок и дрожек всех тех, кто имел хоть малейшую причастность к этой истории.

..А потом в здании училища, где выздоравливал государь император, была устроена домовая церковь "для отправления в оной во все торжественные и праздничные дни службы и молебствия о вожделенном здравии всемилостивейшего государя и всего августейшего Дома". А училище перешло в каменный двухэтажный дом, пожертвованный купцом 1-й гильдии Хлюпиным. Теперь домовой церкви в том доме нет, а приезжим и туристам рассказывают лишь о том, что с 1822 по 1824-й год учился в нем "неистовый Виссарион", тогда еще отрок, а потом — революционный демократ В. Г. Белинский, а инспектировал училище в те же самые годы Иван Иванович Лажечников, автор известного романа "Ледяной дом".

Новелла 18. Царь, поэт и жена поэта

С трепетом в сердце автор берется за эту новеллу, ибо она будет касаться вечного сюжета пушкинистики — мнимых и подлинных отношений Николая I с женой Александра Сергеевича Пушкина.

Начнем с того, что: "служащего в Министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали в звание камер-юнкера двора нашего. 31 декабря 1833 года".

Поэт разгневан был этим назначением, считая его неприличным. Но формально все было совершенно точно: чин титулярного советника по "Табели о рангах" относился к IX классу и точно к тому же IX классу относилось придворное звание "камер-юнкер". Речь ведь шла о присвоении звания камер-юнкера не великому поэту Пушкину, а титулярному советнику Пушкину, ибо поэты никогда в "Табели о рангах" не значились.

Зато Натали была в восторге, потому что это открывало ей доступ ко двору и к царским балам.

Уже в январе 1834 года Пушкина была представлена двору, и представление ее прошло с огромным успехом. А вслед за тем она стала и гостьей узкого придворного кружка, собиравшегося в Аничковом дворце. Вот что писал об этом избранном обществе барон М. А. Корф: "Император Николай был вообще очень веселого и живого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив... На эти вечера приглашалось особенно привилегированное общество, которое называли в свете "Аничковским обществом" и которого состав, определявшийся не столько лестницею служебной иерархии, сколько приближенностью к царственной семье, очень редко изменялся. В этом кругу оканчивалась обыкновенно масленица, и на прощанье с нею в прощенный день завтракали, плясали, обедали и потом опять плясали. В продолжение многих лет принимал участие в танцах и сам государь, которого любимыми дамами были:

Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина и позже жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова". Далее, Корф сообщает, что проводы масленицы начинались около часа дня и продолжались далеко за полночь. О непринужденности отношений свидетельствовал хотя бы такой факт: Корф пишет, что однажды, а именно в масленицу 1839 года, после двух часов ночи, уже после конца танцев, Николай предложил посадить всех дам на стулья, а кавалерам сесть возле своих дам на пол и сам первый подал пример. При исполнении фигуры, в которой одна пара пробегает над всеми наклонившимися кавалерами, государь присел особенно низко, говоря, что научен опытом, потому что с него таким образом сбили уже однажды тупей[3]. Здесь кстати заметить, что император Николай рано стал терять волосы и потому долго носил тупей, который снял в последние только годы своей жизни.

И хотя Наталья Николаевна вернулась в Петербург в начале ноября 1838 года, на проводах масленицы в 1839 году ее еще не было – она вдовела, вела замкнутый образ жизни и в Аничковом не была. Однако подобные игры бывали там и раньше.

3 Тупей – накладной хохол, род маленького паричка-нашлепки на лысине. Возвратимся теперь в год 1834-й. Наталья Николаевна увлеклась балами столь сильно, что на масленице 1834 года, после очередного дворцового бала, из-за чрезмерного пристрастия к танцам у нее случился выкидыш. Лишь через девять месяцев Пушкины еще раз оказались на дворцовом празднике, на сей раз – в Аничковом. И после этого вновь Натали стала много выезжать и танцевать ежедневно.

А когда в мае 1835 года у Пушкиных родился второй сын, мать хотела назвать его Николаем, на что пушкинисты тоже обращали внимание, но отец предоставил ей выбор между Гаврилой и Григорием – по именам своих предков, казненных в Смутное время. Наталья Николаевна согласилась и предпочла наречь сына Григорием.

В 1834 году произошло знакомство Пушкиной с Дантесом.

Вместе с тем уместным представляется привести здесь безотносительно к только что сказанному воспоминания А. П. Араповой – дочери Натальи Николаевны от генерала П. П. Ланского, за которым вдова поэта была замужем вторым браком.

А. П. Арапова писала: "Года протекали. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти или частые беременности вызывали некоторое охлаждение в чувствах Александра Сергеевича, но чутким сердцем жена следила, как с каждым днем ее значение стушевывалось в его кипучей жизни... Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женою, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения". К тому же именно в это время Пушкин стал по-крупному играть в карты, и часто – неудачно.

Наталья Николаевна, не перенося одиночества, большинство времени стала отдавать нарядам, выездам и балам, тем более что ее слава одной из красивейших женщин России продолжала кружить ей голову. А именно в это время особенно обострилось финансовое положение поэта. Забегая немного вперед, скажем, что после его неожиданной смерти была учреждена опека над детьми и имуществом, и было уплачено по 50 счетам около 120 000 рублей. Оказалось, что Пушкин был должен даже собственному камердинеру, что он заложил ростовщику Шишкину вещи Натальи Николаевны, серебро ее сестры Александры, 30 фунтов серебра своего друга С. А. Соболевского.

Меж тем расходы в доме не уменьшались, Натали блистала по-прежнему, а на балы, тем более царские, надобно было являться одетой по последней моде, и все это: стремление к роскоши, угасающее внимание мужа, утрированно-болезненная восторженность Дантеса и его приемного отца барона Геккерна – создало тот психологический климат, которым искусно воспользовались недоброжелатели поэта, ловко играя на струнах его всесокрушающей, головокружительной ревности, и буквально засыпали его градом пасквилей, содержащих самые гнусные и омерзительные намеки.

О стущавшейся грозовой атмосфере в отношениях между отцом и сыном Геккернами и Пушкиным и о вполне возможной дуэли стал говорить весь аристократический Петербург. Дело дошло до того, что Пушкин вызвал Дантеса на дуэль, но тот, до истечения определенного срока, во время которого он должен был решить, принять вызов или отказаться от него, сделал официальное предложение родной сестре Натальи Николаевны – Екатерине Гончаровой, и оно было принято. Это обстоятельство не позволяло Пушкину настаивать на дуэли, и поединок был отменен. Тем не менее Пушкин по-прежнему не принимал Дантеса, не разговаривал с ним и на людях ограничивался лишь холодными поклонами.

И все же многие понимали, что это, может быть, лишь отодвигает скорую и неминуемую развязку, но не меняет положения.

Внимательно следившая за ходом дел императрица Александра Федоровна спрашивала камер-фрейлину Е. Ф. Тизенгаузен: "Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это – великодушие или жертва? Мне кажется – бесполезно, слишком поздно". И как показало ближайшее будущее, она оказалась права.

Прошло совсем немного времени, и императрице сообщили: существует основательное мнение, что Екатерина Гончарова в положении и отцом ее будущего ребенка является Дантес. Графиня Бобринская, близкая к императрице, писала: "Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит стоустую молву. Под сенью мансарды Зимнего дворца тетушка плачет, делая приготовления к свадьбе. Среди глубокого траура по Карлу X видно лишь одно белое платье, и это непорочное одеяние невесты кажется обманом... Перед нами разыгрывается драма, и это так грустно, что заставляет умолкнуть сплетни".

Однако прошло совсем немного времени, и оказалось, что на сей раз сплетники совершенно правы, ибо уже в апреле 1837 года Екатерина Николаевна Дантес родила.

Не только императрица была обеспокоена создавшейся ситуацией, небезразличен был к созревшему конфликту и Николай. "После женитьбы Дантеса, – рассказывал друг Пушкина князь П. А. Вяземский историку и издателю П. И. Бартеневу, – Государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке (то есть дуэли. – В. Б.), не дав знать ему наперед".

Будучи человеком слова, Пушкин написал такое письмо 21 ноября 1836 года на имя Бенкендорфа, предназначенное для Николая, так как именно через шефа III Отделения его письма попадали на стол царя. Но не отправил и, уезжая на поединок, положил это письмо в карман сюртука, в котором дрался.

В письме от 21 ноября Пушкин поставил Бенкендорфа в известность о том, что утром 4 ноября он получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для его чести и чести его жены. Убедившись в том, что это дело затеяно Геккерном, Пушкин послал вызов Дантесу [4]. Приехавший к Пушкину Геккерн вызов от имени Дантеса принял, но попросил двухнедельную

отсрочку из-за того, что им сделано предложение свояченице Пушкина. Это обстоятельство заставило Пушкина от4 По дуэльному кодексу, старик Геккерн не мог быть вызван на дуэль, и его "честь" должен был защищать его сын. Кроме того, Геккерн был посланником Нидерландов и не имел права принять вызов как дипломат, имеющий статус неприкосновенности. Следует иметь в виду и то, что королевой Нидерландов была сестра Николая – Анна Павловна, что также усложняло создавшуюся ситуацию, превращая ее из простого личного дела в дипломатический скандал.

казаться от вызова. Заканчивалось письмо к Бенкендорфу так: "Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю".

А за несколько дней до роковой дуэли Пушкин встретился с Николаем.

Уже в 1848 году царь, беседуя с бароном М. А. Корфом о Пушкине, упомянул об этой встрече: "Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене.

– Разве ты мог ожидать от меня другого? – спросил я.

– Не только мог, – отвечал он, – но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою.

Это было за три дня до последней его дуэли".

О том, что Пушкин ревновал свою жену к царю, знал и друг поэта П. В. Нащокин. "Сам Пушкин говорил Нащокину, что царь, как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены. Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны".

Вместе с тем припадки ревности у Пушкина были столь ужасны, что близко знавший его граф В. А. Соллогуб серьезно уверял П. И. Бартенева, что он иногда допрашивал свою жену в том, верна ли она ему, с кинжалом в руках. И уже в самый канун дуэли (так по крайней мере писал в своем дневнике А. С. Суворин со слов П. А. Ефремова) Николай, узнав об этом, приказал Бенкендорфу предотвратить ее. Геккерн вызвали в Третье отделение, и он, предварительно посоветовавшись с ненавистницей Пушкина княгиней Белосельской, сделал то, что она придумала, – назвал не то место, где должна была состояться дуэль, а совершенно противоположное, чтобы направить жандармов в другую сторону. Факт этот не бесспорен, но говорили и об этом.

Как бы то ни было, дуэль произошла, и Пушкин погиб. Вскоре после его смерти Николай писал своему брату Михаилу, находившемуся тогда в Риме: "И хотя никто не мог обвинить жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного его отца Геккерна... он точно вел себя как гнусная каналья..." А в другом месте этого же письма добавлял: "Пушкин погиб, и, слава Богу, умер христианином". Письмо это – личное, от брата к брату, и сомневаться в искренности Николая оснований нет. Тем более абсолютно точно известно, что Пушкин перед смертью исповедался, причастился и "исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: "Я стар, мне уже не долго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел". Этому свидетельству мы должны

верить, ибо оно исходило от одного из самых близких Пушкину людей – княгини Е. Н. Мещерской-Карамзиной.

Есть и еще одно важное свидетельство, относящееся к исповеди и причащению Пушкина. Дело в том, что, как только стало известно о ранении Пушкина, к нему немедленно приехал личный врач Николая Арендт. Он сразу же пенял, что рана смертельна, и по просьбе Пушкина прямо сказал ему об этом.

Пушкин поблагодарил его за честность и все оставшееся ему время вел себя (безукоризненно мужественно и стойко.

Прощаясь, Арендт сказал, что по обязанности своей он должен обо всем сообщить Николаю. Тогда Пушкин попросил сказать императору, чтобы не преследовали его секунданта Данзаса. Ночью Арендт вернулся и привез от Николая собственноручно написанную им записку: "Если Бог не приведет нас свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки". Пушкин был чрезвычайно тронут и просил оставить ему эту записку, но царь велел ее прочесть и немедленно возвратить.

Николай не лег, пока Арендт не возвратился от Пушкина, и, только узнав обо всем, отправился спать.

Пушкин умирал в невероятных страданиях, проявляя еще более невероятное мужество и терпение. Князь Вяземский, не отходивший от постели умирающего до самого конца, писал через неделю после его смерти поэту-партизану Денису Давыдову: "Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видел ничего подобного – такого терпения при таких страданиях. Еще сказал и повторил несколько раз Арендт замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении:

– Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его – это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую Пушкин к ней сохранил.

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи с Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом в том же положении, удивительно выразительны".

А когда Пушкин умер, Наталья Николаевна оказалась в состоянии, близком к помешательству: она кричала и плакала, бросившись перед мертвым на колени, склонялась лбом то к его холодному лбу, то к груди его, называла его самыми нежными именами, просила у него прощения, трясла его, чтобы получить от него ответ.

Присутствующие при этом опасались за ее рассудок.

Затем у нее начались конвульсии, продолжавшиеся несколько дней. Они были так сильны, что ноги ее касались головы, а потом расшатались и все зубы. В состоянии крайнего экстаза она бросилась на колени перед образами и поклялась, что не имела никакой связи с Дантесом, допуская лишь ухаживания. Вслед за тем, схватив за руку доктора В. И. Даля, в отчаянии произнесла: "Я убила моего мужа, я причина его смерти; но Богом свидетельствую – я чиста душой и сердцем". Может ли существовать более убедительное доказательство ее невинности и чистоты? Много писали и говорили обо всем этом, но из великого множества оценок ее роли в совершившейся драме наиболее объективной представляется та, какую дала только что упоминавшаяся Е. Н. Мещерская-Карамзина в письме к княгине М. И. Мещерской.

Она писала: "Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при

которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых, однако ж, из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам".

* * *

После смерти мужа Наталья Николаевна продолжала болеть и из-за этого не смогла проводить его гроб в Псковскую губернию, куда по приказу Николая повез тело Пушкина его друг А. И. Тургенев. А его вдова, как только встала на ноги, преисполнилась решимости выполнить последнюю волю своего мужа.

Княгиня В. Ф. Вяземская вспоминала, что, умирая и прощаясь с Натальей Николаевной, Пушкин сказал: "Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного".

Шестнадцатого февраля 1837 года она с сестрой Александрой, братьями, матерью и всеми детьми выехала в Полотняный завод, куда и приехала, не остановившись в Москве ни на один день, 21 или 22 февраля. Но жизнь в Полотняном заводе оказалась по многим причинам нелегкой, и в ноябре следующего года она возвратилась в Петербург. Пушкина поселилась у своей сестры Александры на Аптекарском острове и жила там смиренной монашкой, никого не принимая и никуда не выезжая. Только позже стала она навещать дома двух своих теток — графинь Е. И. Загряжской и С. И. де Местр. Затем круг ее посещений расширяется — она навещает семью поэта и критика П. А. Плетнева, одного из ближайших друзей Пушкина, которому поэт посвятил "Евгения Онегина", — что может быть убедительнее этого?

Одновременно Наталья Николаевна восстанавливает связи с Карамзиными, где вскоре знакомится с М. Ю. Лермонтовым.

Сначала Лермонтов чуждался Натальи Николаевны, и она даже подозревала "предвзятую враждебность", однако в 1841 году, перед отъездом на Кавказ, Лермонтов сердечно разговорился с нею, и Наталья Николаевна расценила это как свою победу, но не как "победу красоты", а как "победу сердца", и ей радостно было потом думать, что Лермонтов, вскоре тоже павший на дуэли, унес с собою в могилу не дурное мнение о ней.

Пятнадцатого мая 1841 года Наталья Николаевна с детьми впервые после смерти Пушкина выехала в Михайловское. Такая задержка объяснялась прежде всего тем, что из-за канцелярской волокиты ее долго не признавали законным опекуном, а так как в январе 1841 года наконец признали, то она и решила по весне ехать в Михайловское. 19 мая она приехала в деревню и на следующий же день отправилась на могилу мужа.

Там произошло перезахоронение тела Пушкина, так как могила его была превращена в склеп, а над ним был поставлен памятник, сделанный известным петербургским мастером Пермагоровым и привезенный в Святые Горы еще до ее приезда.

Двадцать шестого октября 1841 года вся семья возвратилась в Петербург. И вот, через два месяца, у нее произошла неожиданная встреча: в конце декабря 1841 года она поехала в английский магазин, чтобы купить рождественские подарки детям, и встретила там Николая, который по обыкновению в этот же день приезжал за подарками для своих детей. Он очень милостиво разговаривал с нею, впервые встретив Наталью Николаевну

после смерти Пушкина. И только после этой встречи она снова появилась в свете.

"Император часто осведомлялся о ней у престарелой фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской (тетки Натальи Николаевны. — В. Б.) и выражал желание, чтобы Наталья Николаевна по-прежнему служила одним из лучших украшений его царских приемов. Одно из ее появлений при дворе обратилось в настоящий триумф. В залах Аничкового дворца состоялся костюмированный бал в самом тесном кругу. Е. И. Загряжская подарила Наталье Николаевне чудное одеяние в древнееврейском стиле, по известной картине, изображавшей Ревекку... Как только начались танцы, император Николай Павлович направился к Наталье Николаевне, взяв ее руку, повел к императрице и сказал во всеуслышание: "Смотрите и восхищайтесь!" Императрица Александра Федоровна навела лорнет на нее и ответила: "Да, прекрасна, в самом деле прекрасна! Ваше изображение таким должно бы перейти к потомству". Император поспешил исполнить желание, выраженное супругою. Тотчас после бала придворный живописец написал акварелью портрет Натальи Николаевны в библейском костюме для личного альбома императрицы".

И далее царь не оставляет Наталью Николаевну своим вниманием. А меж тем настала пора, когда с нею готовы были разделить свою судьбу и блестящий дипломат Н. А. Столыпин, и штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии князь А. С. Голицын, и секретарь неаполитанского посольства в Петербурге Гриффео, и иные, не менее достойные люди, имена которых не дошли до нас, а уж воздыхателям без серьезных намерений, как и прежде, не было числа. Но судьбу свою она связала с сорокачетырёхлетним холостяком, с которым познакомилась в начале 1844 года, — генералом Петром Петровичем Ланским. Главным отличием Ланского от всех прочих претендентов на руку Натальи Николаевны было то, что он искренне полюбил не только ее, но и ее детей, а это для матери было важнее всего.

Неожиданно сватовство, а потом и женитьба очень помогли карьере Ланского. Так как он исполнял обязанности командира лейб-гвардии Конного полка, а Николай был шефом этого полка, то, узнав о намечающейся свадьбе, он вызвался быть посаженным отцом, но Наталья Николаевна уклонилась от этого, настояв, чтобы свадьба была самой скромной и присутствовали бы одни родственники. 18 июля 1844 года в Стрельне, в окрестностях Петергофа, где стоял полк Ланского, состоялось венчание. На свадьбу Николай прислал новобрачной в подарок бриллиантовый фермуар (нарядная застежка на ожерелье), велел при этом передать, что от будущего кумовства не позволит так отделаться; и в самом деле, когда у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельню для ее крестин. Сватовство Ланского и его женитьба на Пушкиной конечно же не остались незамеченными в свете.

Двадцать восьмого мая 1844 года М. А. Корф записал в своем дневнике: "После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит за генерала Ланского... В свете тоже спрашивают: "Что вы скажете об этом браке?", но совсем в другом смысле: ни у Пушкиной, ни у Ланского нет ничего, и свет дивится только этому союзу голода с жаждой. Пушкина принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, которых государь удостоивает иногда своим посещением. Недель шесть тому назад он тоже был у нее, и вследствие этого визита или просто случайно только Ланской вслед за этим назначен командиром Конно-гвардейского полка, что по крайней мере временно обеспечивает их существование, потому что кроме квартиры, дров, экипажа и прочего, полк, как все говорят, дает тысяч до тридцати годового дохода".

Впоследствии, навещая полк, Николай непременно приходил в дом Ланских. Когда же незадолго до смерти Николая в полку праздновалось двадцатилетие его шефства над конногвардейцами, Ланской попросил разрешения поднести императору памятный альбом. "Государь дал свое согласие, выразив при этом желание, чтобы во главе альбома был портрет Наталии Николаевны Ланской, как жены командира полка. Желание его было исполнено. Портрет Наталии Николаевны был нарисован известным в то время художником Гау. (Тем же самым, который писал Наталью Николаевну в альбом императрице. — В. Б.). С тех пор этот альбом хранится в Зимнем дворце".

Портреты, сделанные Гау в альбом императрицы и в памятный альбом Конного полка, были не единственными изображениями Наталии Николаевны, хранящимися в царской семье. Было и еще одно ее изображение, спрятанное от посторонних глаз императором, нежно и платонически любившим ее до конца своих дней. Известный пушкинист В. В. Вересаев записал со слов профессора Василия Алексеевича Городцова, много лет проработавшего в Московском государственном историческом музее, что "лет двадцать назад, по-видимому, в самом начале 20-го века, в музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. Запросил этот человек за часы две тысячи рублей. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы с императорским вензелем не редкость, принесший часы сказал, что часы эти особенные. Он открыл заднюю крышку: на внутренней стороне второй крышки была миниатюра — портрет Наталии Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти постоянно находились на письменном столе; дед знал их секрет и, когда Николай I умер, взял эти часы, "чтобы не было неловкости в семье". Часы почему-то не были приобретены Историческим музеем и так и ушел этот человек с часами, и имя его осталось неизвестным".

Новелла 19. Цесаревич Александр, Герцен и декабристы

В те дни, когда Петербург, потрясенный внезапной смертью великого поэта, прощался с ним, цесаревичу Александру шел девятнадцатый год, и он готовился совершить два важных и нелегких для него дела: сдать выпускные экзамены и потом отправиться в большое путешествие по России. Минувшее в 1834 году шестнадцатилетие, когда был он признан совершеннолетним, не освободило Александра от учебных занятий, не стало поводом для их прекращения, как это было принято на Западе в отношении принцев. Изменился лишь уровень преподавания — оно стало напоминать сочетание университета с военной академией. По-прежнему вели свои курсы Сперанский и Жуковский, академики П. А. Плетнев и К. И. Арсеньев. Академик В. Николаев, лучший знаток биографии Александра II, считает, что "фактически Александр получил блестящее образование, которое в полном смысле слова было равноценно подготовке к докторской степени в лучших западных университетах". Особенно интенсивной стала военная подготовка, и сильно увеличилась нагрузка по языкам, которые Александр любил и прекрасно усваивал. Лучше всех прочих языков знал он польский, прекрасно владел французским, немецким и английским, удивляя потом степенью совершенства языка и поляков, и немцев, и французов, и англичан. Весной 1837 года вместе с Паткулем и Виельгорским, своими соучениками и друзьями, он сдал выпускные экзамены, заняв среди своих способных сверстников твердое первое место.

А после того, 2 мая, отправился он в первое большое путешествие по родной стране, которую ему предстояло если и не узнать, то хотя бы увидеть,

чтобы представлять, чем и кем предстоит ему управлять, когда наступит его время.

Путешествие проходило весьма стремительно и походило на возвращение победителя-триумфатора с нолей победоносных сражений: всюду гремели пушки и звенели колокола. Сопровождавший Александра В. А. Жуковский писал, что эта поездка напоминала чтение книги, в которой августейший путешественник читает лишь оглавление. "После, — писал Жуковский, — он начнет читать каждую главу особенно. Эта книга — Россия". Останавливались они чаще всего в больших городах, и маршрут их был таков: Новгород, Вышний Волочек, Тверь, Углич, Рыбинск, Ярославль, Ростов Великий, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Шуя, Иваново, Кострома. Эти города проследовали непрерывной чередой, потому что почти каждый день появлялся перед цесаревичем новый город с неизменными балами и фейерверками, депутациями, речами, приемами и тостами.

Разнообразие вносили только переходы с парохода на сушу — в экипажи, а затем снова — из экипажей на пароход. Так, доплыв до Ярославля, поехал Александр со свитой кружным путем до Костромы, а оттуда отправился через леса и деревни в Вятку, где в его честь должна была открыться богатая промышленная выставка. Одним из ее организаторов был А. И. Герцен, сосланный в Вятку за вольнодумство и "распевание пасквильных песен, порочащих царствующую фамилию". Здесь вольнодумец и пасквильянт был принят на службу в губернское правление и, когда цесаревич приехал в Вятку, был приставлен к нему гидом.

Герцену было 25 лет, Александру — 19, и случилось так, что молодые люди с первого же взгляда понравились друг другу. Герцен откровенно рассказал о преследованиях жандармов, об университетской молодежи, о декабристах, сосланных в Сибирь, среди которых было немало его знакомых. Эта встреча произвела на цесаревича сильное впечатление и заставила задуматься о многом.

Из Вятки цесаревич проехал в Ижевск, а затем через Воткинские оружейные заводы добрался до Перми. Здесь он принял депутации ссыльных поляков и раскольников, ласково и внимательно выслушал их, хотя местные власти не советовали ему делать этого, и обрел среди них прочную репутацию народного заступника.

Двадцать шестого мая прибыл Александр в селение Решты, что лежало возле перевала через Уральский хребет, и в тот же день переехал границу Азии. К вечеру он был уже в Екатеринбурге, а потом объехал железодобывательные заводы, золотые прииски и рудники, всюду встречаясь с купцами, заводчиками, инженерами, рабочими и самыми простыми людьми, выслушивая их всех и вникая в их рассказы и судьбы.

Тридцать первого мая он достиг границы Сибири. Там он посетил Тюмень и Тобольск, ставший самым восточным городом, который он посетил. На обратном пути Александр побывал в Челябинске и Златоусте, а потом заехал в Ялуторовск и Курган, где встретился с ссыльными декабристами. Он был опечален их несчастной судьбой и пообещал попросить у царя смягчения их участи.

Александр тут же написал Николаю письмо и, еще не успев возвратиться в Петербург, получил с фельдъегерем ответ о решительном облегчении их судьбы.

Побывав в Оренбурге, Казани, Симбирске, Саратове, Пензе, Тамбове, Воронеже и Туле, цесаревич поехал дальше по местам сражений Отечественной войны — от Смоленска до Бородина и в ночь с 23 на 24 июля въехал в Москву. Здесь, как и повсюду, он осмотрел все достопримечательности и святыни, провел обязательные смотры и парады, побывал на столь же

обязательных торжественных обедах и балах и 9 августа отправился дальше. Теперь путь лежал во Владимир, Нижний Новгород, Рязань, Тулу, Курск, Харьков и Полтаву, после чего он прибыл в Вознесенск. Здесь, на берегах Южного Буга, у границ Новороссии, в "оазисе Херсонских степей", уже ожидали цесаревича Николай, Александра Федоровна и его сестра великая княжна восемнадцатилетняя Мария Николаевна.

Царя сопровождала большая блестящая свита, а на императорский смотр в Вознесенск было стянуто 350 эскадронов конницы и 30 батальонов пехоты. В день именин Николай подарил Александру село Бородино. Вслед за тем вся царская семья поехала в Николаев, Одессу и Севастополь и, осмотрев Крым, через Екатеринославль и Кременчуг проследовала в Киев. Однако и на этом путешествие не кончилось: впереди Александра ждали Полтава, Харьков, Таганрог, земля Войска Донского и его столица — Новочеркасск. Отсюда Александр и незадолго перед тем примкнувший к нему Николай почти без остановок помчались в Москву, где остановились на полтора месяца и лишь 10 декабря возвратились в Царское Село. Так завершилось путешествие цесаревича, длившееся более семи месяцев, во время которого он проехал многие тысячи верст и увидел столько нового, сколько не видел за все свои двадцать лет.

Новелла 20. Гибель и воскрешение Зимнего дворца

Через два дня Николай, цесаревич и вся их семья переехали в Петербург, в Зимний дворец. А через пять дней после этого, вечером 17 декабря, Николай, императрица и цесаревич отправились в Мариинский театр. Там давали балет "Баядерка", и в главной роли была занята блистательная Тальони.

Все было прекрасно, как вдруг в царскую ложу вошел дежурный флигель-адъютант и шепотом, чтобы не испугать императрицу, доложил императору, что в Зимнем дворце начался пожар.

Младшие дети все оставались там, и, кроме того, во дворце постоянно находилось несколько тысяч слуг, солдат и офицеров. Ни слова не сказав, Николай вышел из ложи.

Пожар начался с чердака, где слуги и ночевали. На случай пожара во дворце имелось множество приспособлений и своя пожарная команда. И потому, когда пожар только начался, пожарные решили, что легко справятся сами, и даже не известили дворцовое начальство, а тем более министра двора князя Волконского, которого все боялись пуще огня.

Однако, на всякий случай, от каждого из гвардейских полков к дворцу были вызваны по одной пожарной роте, но общего командования создано не было, и роты, каждая по отдельности, стояли на площади под сильным ветром, а солдаты и офицеры с недоумением глядели на темный и тихий Зимний дворец, не видя никаких признаков пожара.

И вдруг, в один миг, из множества окон по фасаду бельэтажа с шумом и треском вылетели рамы и стекла, вслед за ними в проемы окон — горящие шторы, взвившиеся на ветру огненными языками, а весь дворец из совершенно темного мгновенно превратился в огненный. И тотчас же на площадь хлынули волны густого и черного дыма, а над крышей вспыхнуло гигантское зарево, которое, как утверждали очевидцы, было видно за пятьдесят верст.

К этому времени на площади кроме солдат стояли уже и тысячи других людей, и все они, замерев, глядели на происходящее. И как раз в это время к Зимнему подкатил в открытых санках хозяин горящего дома.

Николай сошел с саней, и возле него тут же встали полукругом генералы и офицеры, сановники и дипломаты, оказавшиеся рядом как по мановению волшебной палочки.

Николай отдал приказ солдатам и офицерам войти во дворец через все входы и выносить все, что можно вынести. Однако спасать было уже почти нечего, и люди, оказавшиеся во дворце, стали метаться по охваченным огнем бесконечным огромным залам и анфиладам, ища спасения для самих себя. А между тем все пожарные команды столицы были уже здесь, и лошади, впряженные в сани с бочками, непрерывно метались от Невы к Зимнему и обратно. Наконец стали рушиться потолки, накрывая тех, кто еще не успел выбраться наружу.

Дворец горел трое суток, пока не выгорел дотла, оставив только закопченные черные стены, груды пепла, золы и горящих углей. И все же благодаря героизму спасавших дворец солдат, находившихся во внутренних караулах, а также тех, кто оказался в помещениях, еще не охваченных огнем, удалось спасти множество дорогих вещей – мебель, картины, зеркала, знамена, почти все портреты Военной галереи 1812 года, утварь обеих дворцовых церквей, трон и драгоценности императорской фамилии.

Разумеется, как только пожар вспыхнул, прежде всего были немедленно вывезены в Аничков дворец все члены царской фамилии, а вслед за тем стали разбирать два перехода между Зимним дворцом и Эрмитажем, закладывая проемы кирпичом, и создавая надежный брендмауэр.

Таким образом, огонь остановился перед Эрмитажем и главные ценности были спасены.

Еще не остыли угли и пепел пожарища, как тут же начала работать комиссия, которая должна была установить причины возникновения пожара. Руководил ею А. Х. Бенкендорф, и, как мы вскоре узнаем, его кандидатура была отнюдь не случайной.

Расследование показало, что виной всему "был отдушник, оставленный незаделанным при последней переделке большой Фельдмаршальской залы, который находился в печной трубе, проведенной между хорами и деревянным сводом залы Петра Великого, расположенной бок о бок с Фельдмаршальской, и прилегал весьма близко к доскам задней перегородки. В день несчастного происшествия выкинуло его из трубы, после чего пламя сообщило через этот отдушник с досками хоров и свода зала Петра Великого; ему предоставляли в этом месте обильную пищу деревянные перегородки; по ним огонь перешел к стропилам. Эти огромные стропила и подпорки, высушенные в течение 80 лет горячим воздухом под накаливаемой летним жаром железной крышей, воспламенились мгновенно".

Такой была официальная версия причины пожара. Однако один из первых очевидцев его начала, начальник караула, стоявшего в большой Фельдмаршальской зале, Мирбах, настаивает в своих "Воспоминаниях" на другой версии. Он видел, как из-под пола, у порога Фельдмаршальской залы, рядом с которой были комнаты министра двора, показался дым. Мирбах спросил оказавшегося рядом старого лакея:

– А скажи, пожалуй, в чем дело?

И тот ответил:

– Даст Бог, ничего – дым внизу, в лаборатории. (Там располагалась лаборатория дворцовой аптеки. – В. Б.) Там уже два дня, как лопнула труба; засунули мочалку и замазали глиной; да какой это порядок. Бревно возле трубы уже раз загоралось, потушили и опять замазали; замазка

отвалилась, бревно все тлело, а теперь, помилуй Бог, и горит. Дом старый, сухой, сохрани Боже.

Пол возле порога Фельдмаршальской залы тут же вскрыли пожарные, и из-под него мгновенно взметнулось пламя. Мирбах велел закрыть двери в соседние залы — Петра Великого и малую Аванзалу — и остался на посту.

Как бы то ни было — незаделанный ли в трубе отдушник или отвалившаяся в очередной раз замазка возле уже неоднократно горевшего бревна, но причина была одна — беспечность, надежда на авось, халатность и разгильдяйство.

Любопытно, что только два человека были наказаны за этот пожар: вице-президент гоф-интендантской конторы Щербинин и командир дворцовой пожарной роты капитан Щепетов. Первого признали виновным в том, что его контора не имела подробных планов деревянных конструкций дворца, а второго — в том, что он недооценил пожароопасность деревянных конструкций. И тот и другой были уволены в отставку.

Почему же наказание оказалось столь символическим? Потому что главным виновником случившегося был сам Николай. Когда в 1832 году Монферран создавал те залы, где начался пожар, — Петра Великого и Фельдмаршальский, — то ни единой детали убранства, а тем более конструкций он не делал без разрешения Николая. И именно Николай утвердил и схему отопления этих помещений, и создание деревянных конструкций.

* * *

Двадцать первого декабря состоялось первое заседание комиссии по восстановлению Зимнего дворца под председательством князя П. М. Волконского. В ее состав вошли инженер А. Д. Готман и архитекторы А. П. Брюллов, В. П. Стасов и А. Е. Штауберт. Через восемь дней комиссия была высочайше утверждена, а вскоре расширилась до трех десятков человек. Прежде всего под свежим впечатлением от только что случившегося пожара было решено провести свинцовые водопроводные трубы, строить брандмауэры, каменные и чугунные лестницы, кованые и железные двери и ставни, заменяя повсюду дерево чугуном, железом, кирпичом и керамикой.

Президент Академии художеств А. Н. Оленин предложил использовать предстоящие работы по строительству и отделке дворца как практическую школу для воспитанников академии. Руководить двенадцатью архитекторами, скульпторами и художниками был назначен А. П. Брюллов — родной брат живописца Карла Брюллова. Главным распорядителем всех работ назначался Стасов. Ему же поручалось "возобновление дворцового здания вообще, наружная его отделка и внутренняя отделка обеих церквей и всех зал". Общее руководство работами Николай поручил все тому же Клейнмихелю. И надо сказать, он со своей задачей справился, разумеется, как всегда не без большой пользы для себя.

Через несколько дней вокруг уцелевших от огня кирпичных стен сгоревшего дворца начали ставить строительные леса, через три недели уже воздвигли временную кровлю и одновременно с этим начали интенсивнейшим образом очищать внутреннее пространство от золы, пепла, мусора и обгоревших трупов.

Преображенец-офицер Дмитрий Гаврилович Колокольцов, очевидец и участник этих событий, писал потом, что "в очистке дворца участвовали все гвардейские полки беспромежуточно, по крайней мере с месяц времени... Находили иных людей, как заживо похороненных, других обезображенными и искалеченными. Множество трупов людей обгорелых и задохшихся от дыма было усмотрено почти по всему дворцу". Справедливость требует сказать, что всем родственникам погибших Николай приказал выплачивать пенсии.

После того, как мусор вывезли, а трупы похоронили, во дворец вошло две тысячи каменщиков, которые и начали возводить стены, колонны, потолки и лестницы. Вскоре на строительство и отделку дворца ежедневно выходило от шести до восьми тысяч человек. Стены, перекрытия и кровли дворца были возведены необычайно быстро, и без всякого промедления начались внутренние отделочные работы.

Главным вопросом было интенсивное и эффективное осушение только что воздвигнутых, совершенно сырых помещений. Для этого поставили десять огромных печей, непрерывно обогреваемых коксом, и двадцать вентиляторов с двойными рукавами, выведенными в форточки. Все эти устройства, прогревая помещения, выкачивая сырость и вредные пары от красок, клея и многих прочих химических веществ, превращали воздух в помещениях в сухой и чистый, поддерживали температуру на уровне +36°C.

И все же де Кюстин, побывавший в Зимнем дворце сразу же после его второго рождения, писал: "Во время холодов от 25 до 30° шесть тысяч неизвестных мучеников – мучеников, не заслуживших этого, мучеников невольного послушания, были заключены в залах, нагретых до 30° для скорейшей просушки стен. Таким образом, эти несчастные, входя и выходя из этого жилища великолепия и удовольствия, испытывали разницу в температуре от 50 до 60°. Мне рассказывали, что те из них, которые красили внутри самых нагретых зал, были принуждены надевать на голову шапки со льдом, чтобы не лишиться чувств в той температуре. Я испытываю неприятное чувство с тех пор, как видел этот дворец, после того, как мне сказали, жизнью скольких людей он стоил... Новый императорский дворец, вновь отстроенный, с такими тратами людей и денег, уже полон насекомых. Можно сказать, что несчастные рабочие, которые гибли, чтобы скорее украсить жилище своего господина, заранее отомстили за свою смерть, привив своих паразитов этим смертоносным стенам. Уже несколько комнат дворца закрыты, прежде чем были заняты".

Но тем не менее уже в марте 1839 года состоялось торжество, посвященное окончанию восстановления парадных залов. И хотя отделка покоев императорской фамилии продолжалась еще полгода, следует признать, что столь скорого исполнения необычайно сложных и многоплановых работ мировая практика не знала до тех пор, да, пожалуй, и впоследствии ничего подобного не было.

...И совершенно справедливо, что все архитекторы, инженеры, скульптора художники и прочие созидатели нового дворца были осыпаны деньгами, подарками, чинами и орденами.

А Петр Андреевич Клейнмихель был возведен в графское Российской империи достоинство с пожалованием девиза: "Усердие все преодолагает". Однако низкие завистники, коих у новоиспеченного графа было более чем достаточно, тут же измыслили некое для его сиятельства уничижение, сетуя на то, что государь по примеру Румянцева-Задунайского, Суворова-Рымникского и Потемкина-Таврического не догадался наречь нового графа Клейнмихелем-Дворецким.

Новелла 21. Первые любовные истории цесаревича Александра Николаевича

В то время, когда сорокалетний Николай завел роман с восемнадцатилетней Асенковой, его сын Александр, ровесник отцовской наперсницы, свел с ума прелестную юную дворянку, которая совершенно потеряла и сердце и голову, без памяти влюбившись в царского сына. Эту девушку, нежную, восторженную и совершенно бескорыстную, звали Софьей Дмитриевной Давыдовой. По отцу она состояла в родстве и со знаменитым поэтом-партизаном Денисом

Давыдовым, и с графами Орловыми-Давыдовыми, и с Ермоловыми, и с князьями Долгоруковыми, и с князьями Барятинскими. Ее отец, Дмитрий Александрович, был женат на княжне Елизавете Алексеевне Шаховской, родственные связи которой были тоже не менее значительны. У Софьи Дмитриевны было три брата и четыре сестры. У всех них, кроме Софьи, жизнь оказалась достаточно ординарной, и только Софья Дмитриевна превратила свою судьбу в романтическую легенду, вызывавшую на первых порах глубокую зависть, а затем столь же глубокое сочувствие и сожаление.

Популярная во второй половине XIX века писательница А. И. Урван, выступавшая под псевдонимами Соколовой и Синего Домино, в романтической хронике "Царское гадание" так писала о чувствах Давыдовой к Александру: "Она любила наследника так же свято и бескорыстно, как любила Бога, и, когда он уезжал в свое путешествие по Европе (это путешествие состоялось в 1838-1839 годах), будто предчувствовала, что эта разлука будет вечной. Она простилась с ним, как прощаются в предсмертной агонии, благословила его на новую жизнь, как благословляют тех, кого оставляют в мире, уходя в иной, лучший мир, и сказала ему, что она, что бы ни случилось, всегда будет, как святыню, вспоминать его имя и молиться об его счастье".

Расставаясь с Александром, Софья Дмитриевна руководствовалась не только предчувствием: она знала, что предстоящая поездка ее возлюбленного в Европу рассчитана на целый год и что цесаревич едет в Швецию, Данию, Швейцарию, Австрию, Англию и к многочисленным германским и итальянским дворам не только для того, чтобы осмотреть европейские достопримечательности – музеи и библиотеки, парламенты и резиденции владетельных особ, казармы и фабрики, но и для того, чтобы выбрать себе невесту.

Следует заметить, что Александр с детства был влюбчив, а с годами стал истинным женолюбом, не став бабником и тем более развратником. Он влюблялся часто, но всякий раз искренне считал, что все прошлые его романы не более чем мимолетные увлечения, которые он ошибочно принимал за серьезные чувства.

Первым известным нам увлечением совсем еще юного Александра был его флирт с молоденькой фрейлиной Наташей Бороздиной. И хотя ей было девятнадцать лет, флирт этот, к опасению отца и матери цесаревича, вполне мог перейти дозволенные границы, так как Бороздина была старше своего кавалера на пять лет и могла поступать как ей заблагорассудится. Поэтому Николай экстренно выдал ее замуж за дипломата Каменского и отправил бывшую фрейлину вместе с мужем в Лондон. Там они и прожили долго и счастливо чуть ли не всю жизнь.

Увлечение Наташей Бороздиной было лишь первой, но далеко не единственной страстью цесаревича. Как утверждала хорошо осведомленная в интригах и сердечных делах двора графиня Ферзен, секретарь императрицы Александры Федоровны, вскоре после Бороздиной возле Александра появилась еще одна фрейлина – Ольга Калиновская. Она была дочерью польского дворянина Иосифа Калиновского, решительного сторонника русских и тем снискавшего приязнь Николая. После смерти Калиновского Николай сделал осиротевшую девочку фрейлиной своей дочери, великой княжны Марии Николаевны. Она была ровесницей Александра, и, когда он познакомился с Калиновской, его увлечение ею почти сразу же приняло характер пылкой и необузданной страсти. Калиновская, как утверждала графиня Ферзен, не была красавицей, но обладала вкрадчивостью и нежностью и так вскружила голову цесаревичу, что Александр готов был отказаться от трона, чтобы жениться на ней. Как только родители узнали об этой истории, Николай стал внушать сыну, что не

его удел жениться на простой смертной, что он может брать себе в жены только девушку царской крови и тем более он никак не может жениться на ком бы то ни было, кроме православной, а Калиновская была католичкой. Затем он призвал к себе главного наставника Александра генерал-адъютанта графа Х. А. Ливена, и они решили, что из-за влюбчивости и слабой воли цесаревич склонен с легкостью поддаваться под чужое влияние, особенно женское, и потому было признано за самое лучшее женить его, тем более что наследнику шел уже двадцатый год.

История с Давыдовой была совсем иной, чем с Калиновской. Давыдова безответно любила Александра, в то время как Ольгу цесаревич любил необычайно сильно и, собираясь в путешествие, столь же сильно страдал из-за предстоящей с нею разлуки.

Задуманное Николаем путешествие должно было стать не только целительным средством от любовного недуга к Ольге Калиновской, но и завершить образование цесаревича, выполняя те же задачи, какие стояли перед ним во время недавнего путешествия по России. Оно было своеобразным продолжением той поездки, давая Александру возможность увидеть Европу, сравнить ее с Россией и сделать должные выводы. А перед тем как тронуться в новый путь, он до конца апреля 1838 года занимался военным делом, финансами и дипломатией. На пути в Берлин его догнали отец, мать, младшие братья Николай и Константин и сестра Александра. Побыв в Берлине в обществе своего деда – короля Фридриха-Вильгельма III и сонма немецких королей, принцев, герцогов и владетельных князей, Александр через три недели уехал в Штеттин и оттуда вместе с Николаем и братьями направился на военном пароходе "Геркулес" в Стокгольм к старому союзнику русских шведскому королю Карлу-Юхану, бывшему маршалу Франции – Бернадоту. Объехав значительную часть Швеции, Александр через три недели отплыл в Копенгаген, где тоже провел три недели.

На этот раз он не только отказался от поездки по стране, но даже не присутствовал на военном параде, устроенном королем Дании в его честь. Сказавшись больным, он остался в отведенных ему апартаментах королевского дворца Христиансбург, и участвовавшие в параде войска прошли церемониальным маршем мимо окон его спальни. На самом же деле Александр впал в глубокую апатию, – никого не хотел видеть и, оставаясь в одиночестве, вспоминал, страдая, свою возлюбленную Ольгу.

То же самое происходило с ним и в Ганновере, куда "Геркулес" доставил его 6 июля. Здесь он провел в одиночестве пять дней, отговариваясь от торжеств простудой.

В это время Николай и императрица находились в Эмсе, на знаменитом курорте, где отдыхал и лечился весь цвет европейской аристократии. Туда и направил свое первое письмо Александр, раскрыв свою душу отцу, которого он и почитал и любил. "Папа, – писал Александр, – ты знаешь, как влияют на меня мои чувства. Прошлую зиму мы с тобой искренне поговорили. Мои чувства к ней – это чувства чистой и искренней любви, чувства привязанности и взаимного уважения. Они увеличивались каждый день и теперь еще продолжают. Но сознание, что эти мои чувства не приведут ни к чему, не дает мне покоя. Наоборот, это терзает меня больше и больше, и я душевно страдаю и тягочусь".

Отец ответил ему так: "Я люблю Осиповну – она очаровательная девушка. Я не обвиняю ее, что она нехотя возбудила в тебе чувство любви, в этом будь совсем спокоен".

Однако ничего более успокаивающего и обнадеживающего Николай не написал. Да и не мог. 26 июля Александр приехал в Эмс и здесь, находясь рядом с

отцом и матерью, вроде бы пришел в себя, осознав, что Ольгу Калиновскую ему следует забыть.

Хорошо отдохнув и основательно подлечившись, цесаревич через Берлин, Лейпциг и Мюнхен добрался до Инсбрука и, перевалив через Альпы, въехал в австрийские владения в Северной Италии. Теперь на пути его лежали прославленные великими зодчими, ваятелями и живописцами Верона и Милан, Кремона и Мантуя, Виченца и Падуя, Венеция и Флоренция, а в конце этой части пути и "вечный город" – Рим.

Здесь цесаревич был принят папой Григорием XVI, осмотрел Ватикан, Колизей, Капитолий и все, что было достойно внимания. Он встречался со всей русской колонией и с особым удовольствием – со своими соотечественниками – художниками и скульпторами. 6 января 1839 года Александр выехал в Неаполь, осмотрел Геркуланум и Помпею, поднялся на Везувий и поехал обратно в Северную Италию, чтобы вскоре оказаться в Вене и осмотреть поля сражений при Асперне и Ваграме.

В Вене, как и везде, ждали наследника парады и балы, экскурсии и торжественные приемы. Особенно радушно встречали его в семьях императора и князя Меттерниха.

Пробыв в Вене десять дней, Александр через Штуттгарт 11 марта приехал в Карлсруэ. Сопровождавший его Жуковский вечером 12 марта написал императрице: "Но что делается в его сердце – я не знаю. Да благословит Бог минуту, в которую выбор сердца решит судьбу его жизни.. В те два дня, которые мы здесь провели, нельзя было иметь досуга для какого-нибудь решительного чувства: напротив, впечатление должно было скорее произойти неблагоприятное, ибо оно не могло быть принужденным". Предчувствие не обмануло Жуковского – буквально на следующий день, 13 марта 1839 года, остановившись на ночлег в маленьком, окруженном садами и парками Дармштадте, где по его маршруту остановка не была предусмотрена, Александр нашел то, чего не удалось ему отыскать ни в одном другом городе Европы. Дармштадт был резиденцией великого герцога Гессенского Людвиг II. Александр, опасаясь скучного "этикетного" официального вечера, остановился в местной гостинице, но герцогу конечно же доложили о приезде в Дармштадт наследника русского престола, и он явился в гостиницу с визитом. Людвиг пригласил цесаревича в театр, а после спектакля попросил заехать к нему в замок. И вот здесь-то и подстерегла его неожиданная встреча с очаровательной четырнадцатилетней принцессой Марией. Александр возвратился в гостиницу потрясенный и плененный дочерью герцога.

Отправляясь спать, Александр сказал сопровождавшим его адъютантам Каверину и Орлову: "Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней".

Имя Марии повторял он неустанно и тут же написал отцу и матери, прося у них позволения сделать предложение юной принцессе Гессенской.

Следующий месяц, проведенный в Лондоне, дал ему очень много. Он сблизился со своей ровесницей королевой Викторией, был радушно принят чопорной английской аристократией, побывал и в парламенте, и на скачках, и в Оксфорде, и в Таузере, и в доках на Темзе, и в Английском банке, и в Вестминстерском аббатстве[5].

Покинув Лондон, Александр помчался в Гессен, чтобы заверить родителей Марии о своем неизменном намерении стать со временем ее мужем: но о помолвке, а тем более о свадьбе не могло быть и речи, ведь будущей невесте не было еще 15 лет.

5 Подробно о встрече Александра с Викторией см. Новеллу 10 "Перекрестки матримониальных династических путей" в главе "Сказания о трех последних императорах".

Двадцать третьего июня Александр вернулся в Петергоф, чтобы через неделю присутствовать на свадьбе своей сестры, великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

В Петербурге Александр узнал еще одну, главную причину задержки сватовства: оказалось, что вот уже двадцать лет семья герцога Людвига находилась в эпицентре болезненного внимания, оживленных пересудов и скабрезных сплетен при всех дворах Германии.

Виной тому была скандальная матримониальная обстановка в доме гессенских герцогов. Дело было в том, что Людвиг II женился на шестнадцатилетней принцессе Вильгельмине Баденской 23 года назад. После того как у них родилось двое сыновей и дочь, муж и жена взаимно охладели и стали совершенно чужды друг другу.

И вдруг, через 13 лет после размолвки, Вильгельмина родила сына, названного Александром. Не желая прослыть рогоносцем, Людвиг признал его своим сыном. А через год – 8 августа 1824 года – великая герцогиня родила еще одного ребенка – принцессу Марию, ту самую, что пленила сердце цесаревича.

Причем утверждали, что отец обоих детей не был даже дворянином. Чуть позже появилась новая версия происхождения детей, на сей раз гораздо менее экстравагантная и оказавшаяся, кстати сказать, истинной – отцом Марии и ее брата был шталмейстер герцога Людвига швейцарский барон Август Людвиг де Граней, необычайно красивый француз. Зато никаких претензий не могло быть к матери Марии: она была не только законной супругой герцога Людвига, но и приходилась родной сестрой тетке цесаревича – императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I. Ветреный и чувственный цесаревич, мимолетно влюбившись в Лондоне в прелестную двадцатилетнюю королеву Викторию, возвратившись в Россию, вновь воспылал страстью к Ольге Калиновской, и родителям Александра стоило немалых трудов разрушить этот предполагаемый брачный союз, платой за который был отказ императорской короны.

В результате сильнейшего давления на девушку со стороны императрицы Александры Федоровны Ольгу выдали за мужа ее покойной сестры, богатейшего польского магната графа Ириней Огинского. Лишь после этого Александр 4 марта 1840 года выехал в Дармштадт.

Он возвратился в Россию вместе с невестой и своими родителями, встретившими их в Польше в начале сентября.

Пятого декабря Мария была крещена по православному обряду и стала великой княжной Марией Александровной. Теперь следовало подождать лишь венчания. И оно состоялось 16 апреля 1841 года.

Бесперывные празднества, сначала в Петербурге, а потом и в Москве, продолжались более месяца. Фрейлина А. Ф. Тютчева так описывала Марию Александровну: "Была она высокой, худощавой, хрупкой на вид. Но в то же время – исключительно элегантною, напоминала изящные фигуры немецких женщин, изображенных на старинных гравюрах. И хотя черты ее лица не были классическими, волосы ее, нежная кожа, большие голубые глаза были действительно прекрасными... Вообще, выражение ее лица было всегда невозмутимо спокойным, и нельзя было прочесть на нем ни внутреннее возбуждение, ни видимое воодушевление. Улыбка ее, немного ироническая, странно контрастировала с выражением глаз... Я настаиваю на этих подробностях потому, что редко можно встретить более характерное лицо, на

котором бы отражались столь различные контрасты и нюансы, свидетельствующие, несомненно, об очень комплицированном "я". И даже желчный злоязыкий П. В. Долгоруков должен был признать, что Мария Александровна женщина совершенно незаурядная. "...Мария Александровна в первые годы своего пребывания в России пользовалась репутацией женщины необыкновенно умной, — писал Долгоруков. — При пустом, легкомысленном дворе Николая, который в последние годы своей жизни любил употреблять в разговоре с женщинами тон самый грязный, самый цинический, при этом николаевском дворе, который умел безвозвратно убить в России всякое уважение ко двору, появление среди этого круга молодой женщины, отлично воспитанной, поразило всех. Приличие ее обхождения, ее молчаливость, ее скромность, скрывающая, впрочем, порядочную долю гордости, заставило принять ее за женщину необыкновенно умную. Холодность ее вежливости, вежливости сухой, но самой отменной, приписана была желанию не вмешиваться в дела, чтобы не навлечь на себя гнева грозного свекра. Ее отчуждение от всех, ее любовь к уединению приписаны были осторожности, глубокомыслию и, наконец, отвращению, которое, как полагали, внушая ей жалкий николаевский двор. Все это придавало ей в России огромную популярность".

Кроме ума я прекрасных манер Мария Александровна отличалась и красотой, что делало счастье молодых супругов совершенно безоблачным я удачным во всех отношениях.

Даже легкое облачко, каким была Софья Дмитриевна Давыдова, мгновенно растаяло под лучами любви Александра к своей обожаемой жене, тем более что и сама Давыдова поступила в высшей степени самоотверженно: как только она узнала, что цесаревич полюбил другую женщину, тут же ушла в монастырь, ибо не было в ее сердце места ни для одного земного мужчины, кроме Александра, и она, не став его невестой, стала невестой Христовой. Но все это произойдет чуть позже, а сейчас мы возвратимся к событиям лета 1839 года, когда цесаревич сошел на берет России у Петергофа, поспешив на свадьбу своей сестры Марии с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

Новелла 22. Великосветские пассажи вокруг двух свадеб в царском доме

Эта свадьба была первым государственным и семейным торжеством, проходившим в новом Зимнем дворце, еще не до конца достроенном. Свадьба Марии и Максимилиана состоялась в яра обстоятельствах не совсем обычных, которые старалась не доводить до широкой публики, хотя во дворце давно уже ходили слухи, что предстоящий брак заключается не по любви, пожалуй, и даже не по расчету, а по острой необходимости.

Известно было, что восемнадцатилетняя великая княжна Мария Николаевна влюбилась за два года перед тем в князя Александра Ивановича Барятинского и намерена была выйти за него замуж.

Барятинский, бывший на четыре года старше Марии Николаевны, в бытность свою в Школе гвардейских подпрапорщиков, в 1831–1833 годах, прославился своими кутежами и волокитством и был признанным коноводом Петербургской "золотой молодежи", любимым местом сборищ которой был дом князя Василия Сергеевича Трубецкого, генерала от кавалерии и члена Государственного совета, отца пяти сыновей и шести дочерей.

Близко знавшая семью Трубецких графиня А. Д. Блудова писала: "Это было семейство красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторым, Сергеем... В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях, как по наружности, так и по уму; у него было теплое

доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет. Он был сорвиголова, ему было море по колено".

Сначала молодые люди, собиравшиеся в доме Трубецких, вели себя более чем пристойно в даже респектабельно. Гостями богатого и гостеприимного дома были молодые гвардейские офицеры-кавалеристы, отпрыски знатнейших фамилий: Г. Г. Гагарин, С. Ф. Голицын, А. Н. Бахметев, Д. И. Нарышкин, Ж. Дантес, Б. А. Перовский, Н. А. Жерве, А. И. Барятинский, М. Ю. Лермонтов, которых один из них – князь Г. Г. Гагарин, будущий прекрасный художник, – называл "небольшим обществом исключительно добрых и честных юношей, очень дружных между собой. Каждый сюда приносит свой небольшой талант и в меру своих сил способствует тому, чтобы весело и свободно развлечься, значительно лучше, чем во всех чопорных салонах. Однажды мы там пропели оперу "Немая" от начала до конца со всеми хорами за роялем – Бахметев, а я – Мазаньелло. (Имеется в виду опера французского композитора Даниела Франсуа Обера "Немая из Портиччи", весьма популярная в это время в Петербурге.) Иногда рисуют, и каждый по очереди позирует. Я нарисовал портреты всего общества. Иной раз мы занимаемся гимнастикой, борьбой и разными упражнениями".

Но по мере того, как молодые люди выросли, их невинные детские забавы и шалости перерастали в озорство и буйство. И здесь жожаками оставались все те же – Сергей Трубецкой и Александр Барятинский, продолжавшие служить в одном полку – кавалергардском. Летом 1833 года молодые баловни – девятнадцатилетний юнкер Трубецкой и двадцатилетний корнет Барятинский – учинили "весьма изрядную шалость", поводом для которой стало назначение командиром полка сухаря и службиста генерал-майора Р. Е. Гринвальда. Офицеры-кавалергарды, особенно молодые, невзлюбили нового командира и решили "пошалить" особым образом. Свою проделку задумали они приурочить ко дню рождения Гринвальда, который пригласил всех офицеров полка к себе на дачу, располагавшуюся на берегу Каменного острова. Когда почти все гости были в сборе и расположились в саду, выходящем на Неву, вдруг показалась вдали большая лодка, в которой сидели факельщики в траурных погребальных костюмах.

Как только лодка оказалась вблизи дачи Гринвальда, факельщики запели погребальную песню. Хозяин дачи, неприятно пораженный, как и все его гости, велел одному из слуг сесть в ялик, подойти к лодке и спросить, что все это значит, и как только слуга подошел к погребальному судну, до них донесся громкий, дружный хор голосов: "Погребаем Гринвальда!" И гости, и хозяин, и его ближние пришли в невероятное смятение, не зная, что делать. А когда взглянули на реку – лодки и след простыл, она завернула в один из боковых рукавов и скрылась в зарослях.

Через несколько минут к даче с другой стороны подкатили несколько экипажей, в которых приехали Барятинский, Трубецкой и другие молодые юнкера, корнеты и прапорщики. Они вместе с очевидцами происшедшей истории возмущались случившимся и резко порицали дерзких негодяев. Но вдруг к "шалунам" подошел один из офицеров полка, человек благородный и умный, и тихо сказал им: "Это ваша шутка, и вам несдобровать". А вслед за тем среди гостей распространилась весть, что полиция арестовала лодочника, и "заговорщики" поняли, что их разоблачение очевидно и неотвратимо. Так и случилось. Главные "шалуны" – Трубецкой и Барятинский – были переведены в другие полки, прочие отделались непродолжительным домашним арестом и строгим внушением.

После того Сергей Трубецкой вторично попал на глаза начальству с еще двумя молодыми офицерами, Н. А. Жерве Вторым и князем М. Б. Черкасским,

за то, что "после вечерней зори, во втором часу ночи, в Новой Деревне (дачный пригород Петербурга) производили разные игры не с должной тишиной". А "игры" состояли в том, что молодые офицеры то подглядывали за тем, как совершает ночной туалет известная итальянская певица, то устраивали засады в женских купальнях, то влезали через окно в дом какой-нибудь хорошенькой молодой дамы и тотчас же учтиво извинялись, объясняя свое появление непреднамеренной ошибкой и предположением, что здесь живет их товарищ.

До поры до времени все это сходило им с рук, пока не доложили о том Михаилу Павловичу, и дело кончилось тем, что их всех арестовали: Жерве и Черкасского отправили из Петербурга в отдаленные гарнизоны, а Сергей Трубецкой был переведен в другой полк, но стоявший в Петербурге – Орденский Кирасирский. Причиной тому были не только вышеописанные проказы, но и то, что Сергей Трубецкой перебежал дорогу самому императору, которому приглянулась фрейлина Екатерина Петровна Мусина-Пушкина, завязавшая серьезный роман с красавцем князем. Николай ничего не знал о происходящем и надеялся добиться своего, как вдруг по Петербургу распространился слух, что Е. П. Мусина-Пушкина в положении и виной тому отнюдь не государь, а все тот же шалун и волокита Сергей Трубецкой. Девятого декабря 1835 года А. Я. Булгаков писал своему приятелю П. Ф. Макуровскому: "Весь Петербург теперь только занят обрехавшею фрейлиною Пушкиною. Государь всегда велик во всех случаях. Узнавши, кто сделал брюхо, а именно князь Трубецкой, молодой повеса, сын генерал-адъютанта, он их повелел обвенчать и объявил, что она год уже, как тайно обвенчана, ибо действительно, ни он, ни она не могли получить позволения у своих родителей, когда просили оное. Экой срам".

Через много лет, когда уже вышедший в отставку Трубецкой станет к тому же и вдовцом, между ним и Николаем произойдет точно такая же история, когда уже другая женщина откажет императору, отдав предпочтение князю Сергею. Трудно сказать, был ли Сергей Васильевич счастлив в своей семейной жизни. Но вскоре ему пришлось оставить свою жену, родившую дочь, названную Софьей, ибо в 1840 году был он послан на Кавказ, где подружился с М. Ю. Лермонтовым, был в одних с ним сражениях, так же как и он, отличился в храбрости, так же как и поэт, был представлен к награде и вместе с Лермонтовым был вычеркнут из списка Николаем.

Одиннадцатого июля 1840 года в бою при Валерике Сергей Трубецкой был тяжело ранен в шею. Вскоре он должен был поехать в Петербург, получив письмо о тяжелой болезни отца. Он немедленно отправился в путь, не спросив даже разрешения своего начальства, но опоздал на восемь дней и был наказан Николаем за самовольную отлучку.

Еще раньше был отправлен на Кавказ и Бярятинский, но, получив пулю в бок и золотую саблю с надписью "За храбрость", вскоре вернулся в Петербург и был назначен в свиту цесаревича Александра, где кроме него в такой же должности состояли друзья детства цесаревича – Адлерберг, Паткуль и Виельгорский.

Паткуль был необычайно туп, Виельгорский, напротив, настолько умен и возвышен душой, что презирал дворцовую карьеру. К тому же он был неизлечимо болен чахоткой и через год умер в Риме, не дожив до 24 лет. Единственным соперником Бярятинского остался Александр Адлерберг, но и тот вскоре оказался вне конкуренции. В 1845 году Бярятинский вновь был отправлен на Кавказ. Почему это произошло, мы вскоре узнаем. А теперь вернемся в Зимний дворец, где происходит свадьба Марии Николаевны. Побывавший в Петербурге сразу после венчания голландский полковник Гагерн так писал о новобрачной: "Великая княгиня Мария Николаевна мала ростом,

но чертами лица и характера – вылитый отец. Профиль ее имеет также большое сходство с профилем императрицы Екатерины в годы ее юности. Мария – любимица своего отца, и полагают, что в случае кончины императрицы она приобрела бы большое влияние. Она обладает многими дарованиями, равно как и желанием повелевать: уже в первые дни замужества она приняла в свои руки бразды правления". Правда, последнее замечание Гагерна о главенстве в новой семье свидетельствовало столько же о сильном характере Марии Николаевны, сколько и о мягкосердечии ее мужа. И хотя у герцога была весьма своеобразная, но все же и весьма славная родословная, в день свадьбы – 14 июля 1839 года – он был всего-навсего подпоручиком российской гвардии. Он был двумя годами старше Марии Николаевны, хорош собой, высок и статен. Герцог был и прекрасно образован, что позволило ему в будущем занимать посты и президента Академии художеств, и директора Горного института – бесспорно, лучшего высшего учебного заведения России. Разумеется, происхождение его играло не последнюю роль в женитьбе на дочери императора. Его отцом был пасынок Наполеона Бонапарта – сын первой жены императора Франции Жозефины Богарнэ от ее брака с графом Александром Богарнэ, генералом республиканской армии, безвинно казненным якобинцами[6]. Выйдя во второй раз замуж за бедного молодого офицера, будущего императора, Жозефина открыла путь для блестящей карьеры 6 Кстати, в мае 1793 года, незадолго до казни, Александр Богарнэ сменил на посту главнокомандующего Северной республиканской армии генерала де Кюстина – родственника барона Астольфа де Кюстина. своего сына Евгения и дочери Гортензии. Евгений в 23 года стал генералом – впрочем, по заслугам, а после вступления его отчима на престол стал принцем Империи. В 1805 году он был провозглашен вице-королем Италии, а еще через год Бонапарт официально усыновил его и даже собирался объявить своим наследником. Вслед за тем Евгений в 27 лет женился на дочери баварского короля принцессе Амалии-Августе, а еще через год добавил к своим титулам и титул князя Венеции. В 1817 году у него родился сын, будущий герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Его титул "герцог Лейхтенбергский" произошел от названия замка Лейхтенберг в одноименном ландграфстве в округе Пфальц, которое в год его рождения было уступлено баварским королем – дедом Максимилиана – своему зятю Евгению Богарнэ вместе с частью княжества Эйхштет. Это превратило новую территорию в герцогство Лейхтенбергское, а отец Максимилиана, лишившийся всех своих титулов из-за поражения Наполеона, стал герцогом Лейхтенбергским и князем Эйхштетским с присвоением титула королевского высочества. За четыре года до свадьбы эти титулы из-за бездетности его старшего брата перешли к восемнадцатилетнему Максимилиану. Таким было происхождение зятя Николая I, нового великого князя Российского Императорского Дома, его императорского высочества герцога Лейхтенбергского. Оказавшись на их свадьбе Астольф де Кюстин отметил любопытное для всякого француза совпадение: венчание состоялось в день 50-й годовщины взятия Бастилии, что настроило барона на особый лад. Увидев Николая в церкви Зимнего дворца, он был поражен и августейшей четой, и отношением к ней окружающих, и роскошью и великолепием обряда: "Стены, плафоны церкви, одеяния священнослужителей – все сверкало золотом и драгоценными камнями. Здесь было столько сокровищ, что они могли поразить самое непоэтическое воображение... Я мало видел могущего сравниться по великолепию и торжественности с появлением императора. Он вошел с императрицей в сопровождении всего двора, и тотчас мои взоры, как и взоры всех присутствующих, устремились на него, а затем и на всю императорскую

семью. Молодые супруги сияли: брак по любви в шитых золотом платьях и при столь пышной обстановке — большая редкость, и зрелище поэтому становилось еще гораздо интереснее. Так шептались вокруг меня, но, — добавлял умный и проницательный де Кюстин, — я лично не верю этому чуду и невольно вижу во всем, что здесь делается и говорится, какой-либо политический расчет". Недалекое будущее показало, что он был прав — очень сильная интуиция, знание жизни и незаурядный психологизм известного писателя верно послужили французу: хотя этот брак был не бездетным — Мария родила за двенадцать лет четырех сыновей и трех дочерей, однако ходили упорные слухи, что многие герцоги и герцогини Лейхтенбергские имеют других отцов. Описывая церемонию венчания, де Кюстин обратил внимание на то, что по окончании обряда корону над головой невесты держал ее брат — цесаревич Александр, а корону над головой герцога Лейхтенбергского — граф Петр Петрович Пален — русский посол в Париже, сын одного из главных заговорщиков-убийц Павла I. Таким образом, замечал де Кюстин, сын убийцы призывал благословение небес на голову внучки убитого, что не могло не показаться странным.

Однако не только это удивило наблюдательного путешественника: первыми лицами во время свадьбы оказались не жених, не невеста, не священники, а находившийся всегда в центре внимания отец невесты — император Николай. "Император — всегда в своей роли, которую он исполняет как большой актер. Масок у него много, но нет живого лица, и, когда под ними ищешь человека, всегда находишь только императора.

Думаю, что это можно даже поставить ему в заслугу: он добросовестно исполняет свое назначение. Он обвинял бы самого себя в слабости, если бы мог допустить, чтобы кто-нибудь хоть на мгновение подумал, что он живет, думает и чувствует как обыкновенные люди. Не разделяя ни одного из наших чувств, он всегда остается лишь верховным главой, судьей, генералом, адмиралом, наконец, монархом, и никем другим".

Он и здесь всем распоряжался, не подавая, конечно, никаких команд, но приказывая взглядом и движением мышц лица, за выражением которого неотрывно следили все.

"Его гордое равнодушие, его черствость не прирожденный порок, а неизбежный результат того высокого положения, которое не сам он для себя избрал и покинуть которое он не в силах. Как бы то ни было, но совершенно особая судьба русского императора внушает мне сострадание: можно ли не сочувствовать его вечному одиночеству, его величественной ссылке?" — добавлял де Кюстин.

После того как венчание было окончено, молодые, августейшая чета, императорская фамилия и все присутствующие были приглашены в новые залы восстановленного дворца, в одном из которых был накрыт стол на тысячу человек. Кюстин так описывал этот праздник; "Это была феерия, и восторженное удивление, которое вызывала у всего двора каждая зала восстановленного за один год дворца, придавало холодной торжественности обычных празднеств какой-то особый интерес. Каждая зала, каждая картина ошеломляли русских царедворцев, присутствовавших при катастрофе, но не видевших нового дворца после того, как этот храм по мановению их господина восстал из пепла. Какая сила воли, думал я при виде каждой галереи, куска мрамора, росписи стен. Стиль украшений, хотя они закончены лишь несколько дней назад, напоминает о столетии, в которое этот дворец был воздвигнут: все, что я видел, казалось старинным... Блеск главной галереи в Зимнем дворце положительно ослепил меня. Она вся покрыта золотом, тогда как до пожара она была окрашена в белый цвет. Это несчастье во дворце дало возможность императору проявить свою страсть к

царственному, даже божественному великолепию.. Еще более достойной удивления, чем сверкающая золотом зала для танцев, показалась мне галерея, в которой был сервирован ужин. Стол был сервирован с исключительным богатством. На тысячу человек в одной зале был сервирован один стол!"

А Гагерн, посетив Зимний дворец в это же время, заметил: "Вообще русские очень рады, когда они могут похвалиться: "Мы имеем самое большое", что бы то ни было – дворец, театр или крепость; или еще: "Никогда столь большое здание не было возведено в столь короткое время". Величина и скорость для них значат больше, чем доброкачественность и красота. Наполеон справедливо заметил о них: "Поскребите его шкуру – и вы найдете татарина". Невыгодные последствия столь большой поспешности повсюду видны в Зимнем дворце: сырые, нездоровые стены; все комнаты летом много топились для просушки, поэтому уже во многих апартаментах стало невозможно жить".

Барятинский был приглашен на свадьбу Марии Николаевны с Максимилианом и, хорошо понимая, что теперь о замужестве с ней не может быть и речи, все же не оставил надежды войти в царскую семью. Сравнивая свою родословную с родословной герцога Лейхтенбергского, он пришел к выводу, что Максимилиан ему не чета – он был Рюриковичем, потомком Черниговских и Тарусских князей, а в сравнительно недавнем прошлом его дед, Иван Сергеевич Барятинский, генерал-поручик и посол Екатерины II в Париже, был женат на гольштейнской принцессе Екатерине, родственнице великой императрицы. Все это вскружило голову молодому князю, и он стал оказывать весьма недвусмысленные знаки внимания второй дочери Николая, семнадцатилетней Ольге Николаевне.

Видевший ее в это время Гагерн писал:

"Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица всех русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выразались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным, но который внушает опасения врачам".

Однако Барятинский не учел многого. Он не учел, что Ольга Николаевна, не в пример своей старшей сестре, холодна и расчетлива, а кроме того, и крайне самолюбива – она отказывала владетельным князьям Германии только потому, что в предстоящем замужестве видела себя не иначе чем королевой. Когда же Николай узнал о новых кознях неугомонного князя, он снова отослал его на Кавказ, присвоив ему незадолго до того чин полковника. Это была его судьба. Правда, он ненадолго вернулся в Петербург в 1846 году, но почти сразу же уехал обратно, получив чувствительнейший удар в сердце и став свидетелем окончательного крушения своей последней надежды: в то время, когда был он в Петербурге, состоялась помолвка, а затем и свадьба великой княжны Ольги Николаевны со столь долгожданным отпрыском королевской династии. В 1846 году Барятинский навсегда покинул Петербург, после того как 1 июля Ольга Николаевна вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Фридриха-Карла, который со временем должен был наследовать королевскую корону своего отца.

Убедившись, что при дворе многого не добьешься, Барятинский уехал в горы Кавказа за чинами, почестями и воинской славой. Умный и лукавый А. П. Ермолов сказал об этом так: "Ведь на Кавказе большие горы, а в Петербурге болото топкое; в болоте столько же легко увязнуть, сколько в горах удобно подняться на высоту". Он и поднялся на максимально возможную

высоту, став через 27 лет главнокомандующим, наместником Кавказа и фельдмаршалом, пленив в 1859 году неуловимого Шамиля. А теперь вернемся к семейной жизни Марии и Максимилиана. Подтверждая основательность опасений в искренности любви Максимилиана Лейхтенбергского и Марии Николаевны, Н. А. Добролюбов писал: "Он, выдавши (Николай I. – В. Б.), сказал ей, что теперь опять она может взять себе в адъютанты Барятинского, и он был возвращен. Впрочем, он ей надоел наконец, и говорили о ее нежных отношениях с Марио. Джованни Марио – граф де Кандия – был одним из лучших певцов своего времени. В 1849–1853 годах он выступал в Петербурге на сцене Итальянской оперы вместе со своей женой, не менее, чем он, знаменитой певицей Джулией Гризи. Его гастроли в Петербурге были триумфом великого певца, которому здесь исполнилось сорок лет. Многие дамы буквально сходили с ума от красавца графа, обволакивавшего слушавших его бархатистым тембром великолепного, чистого и полнозвучного голоса. Конечно же, Марио мог нравиться Марии Николаевне, но возле какой из великосветских дам не роятся подобно осам сплетни? После Марио Н. А. Добролюбов назвал еще и графа Г. А. Строганова, обвенчавшегося с нею тайно от царя в Мариинском дворце в 1855 году. "О детях ее говорить нечего: Максимилиан начинает свое завещание проклятием того часа, в который он вступил в Россию".

Новелла 23. Царь, царица и поэт Лермонтов

Коль скоро коснулись мы взаимных отношений императора и Пушкиных, имеет смысл хотя бы кратко затронуть и отношения царской семьи с М. Ю. Лермонтовым, которые были весьма неоднозначны и довольно далеки от традиционных представлений, навеянных и внушенных нам со школьной скамьи. Лермонтов впервые увидел Николая, когда тот 11 марта 1830 года внезапно, без свиты и без предупреждения, появился в Московском университетском благородном пансионе. Была перемена, дети бегали и шалили, и император поразился этой атмосфере вольности и недисциплинированности. Вскоре же Николай велел преобразовать пансион в 1-ю дворянскую гимназию с полувоенным укладом, и Лермонтов 16 апреля 1830 года ушел из пансиона, недоучившись в выпускном классе нескольких месяцев. Затем Николай обратил внимание на поэта в связи с его знаменитым, прогремевшим на всю Россию стихотворением "Смерть Поэта". Бенкендорф, уведомивший Николая об этом стихотворении, определил конец его как "бесстыдное вольнодумство, более чем преступное". И 25 февраля 1837 года корнет Лермонтов из лейб-гвардии Гусарского полка был переведен в армейский Нижегородский драгунский полк, расквартированный на Кавказе, с тем же чином, хотя при переводе из гвардии в армию офицер становился двумя чинами старше. В октябре того же года Лермонтова по приказу Николая возвратили в Петербург, в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Здесь-то поэт и сблизился с великим князем Михаилом Павловичем и императрицей. 4 июля 1838 года Михаил Павлович – командир Отдельного гвардейского корпуса – перевел Лермонтова по его просьбе в его старый полк – лейб-гвардии Гусарский, и потом не раз проявлял к нему сочувственное отношение. А в начале 1839 года Лермонтов впервые оказался при дворе. Двадцать второго января состоялась свадьба двоюродного дяди поэта, Алексея Григорьевича Столыпина, с одной из любимых фрейлин императрицы и ближайшей подругой великой княжны Марии Николаевны – Марией Васильевной Трубецкой, одной из дочерей уже упоминавшегося здесь князя Василия Сергеевича. Говорили, что любовь императрицы распространялась и на ее старшего брата Александра Васильевича. А. Г. Столыпин был однополчанином

Лермонтова и адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, в те дни официального жениха Марии Николаевны. На этой свадьбе были и Николай, и императрица, и Мария Николаевна, и герцог. Через два дня императрица написала своему старшему сыну письмо, в котором сообщала: "Это была прямо прелестная свадьба. Жених и невеста... восхищенные родственники той и другой стороны. Мы, принимающие такое участие, как будто невеста — дочь нашего дома. Назавтра все явились ко мне, отец, мать, шафера с коробками конфет и молодожены, прекрасно одетые". Одним из шаферов был Алексей Аркадьевич Столыпин ("Монго"), вторым — Александр Трубецкой. Был на этой свадьбе и М. Ю. Лермонтов.

После венчания в церкви Аничкова дворца царь, царица, три их старшие дочери и все приглашенные на свадьбу родственники Столыпиных, и в их числе и М. Ю. Лермонтов, как сообщается в "Камер-фурьерском журнале", вместе с другими "кушал шампанское, вино и чай" в Белом зале Аничкова дворца.

Появление Лермонтова в столь узком избранном кругу объясняется прежде всего тем, что оба Столыпина — и жених, и шафер ("Монго") — были двоюродными дядьями поэта и однополчанами по лейб-гвардии Гусарскому полку. Однако окончательный список приглашенных утверждал сам Николай, и у него не было возражений против того, чтобы корнет Лермонтов приехал в Аничков дворец, где собирались только самые близкие царю люди.

На одном из маскарадов, происшедших в этом же году, Лермонтов столкнулся с двумя дамами в розовом и голубом домино[7]. Одной из дам была императрица, другой — какая-то из ее дочерей. Вскоре появилось стихотворение Лермонтова, навеянное этой встречей и вызвавшее глубокое неудовольствие и Бенкендорфа и Николая:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски..
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!

Несмотря на это, императрица с глубокой симпатией относилась к поэту, внимательно следя за его творчеством и справедливо почитая Лермонтова преемником Пушкина.

Положение Лермонтова обострилось после его дуэли с сыном французского посла Эрнестом Барантом, происшедшей 18 февраля 1840 года за Черной речкой. Дуэль закончилась бескровно, но поединки в России считались уголовным преступлением, и Лермонтова после недолгого содержания на гауптвахте отправили на Кавказ в Тенгинский пехотный полк, а Баранта выслали из России.

Императрица пыталась уговорить Николая простить Лермонтова, но он отказал ей в этом. Лишь в декабре того же года Лермонтову был разрешен двухмесячный отпуск, после чего 30 января 1841 года поэт приехал в Петербург. И здесь его сочувственно встретил Михаил Павлович, добившийся для Лермонтова продления отпуска.

Однако по причинам, до сих пор не выясненным, в начале апреля Лермонтов был выслан обратно на Кавказ в 48 часов. Это предписание вручил ему Клейнмихель, тогда дежурный генерал Главного штаба, питавший к поэту глубокую неприязнь, часто перераставшую в открытую враждебность. Четырнадцатого апреля Лермонтов уехал на Кавказ, а 15 июля погиб на дуэли с Н. С. Мартыновым.

Седьмого августа 1841 года, получив известие о смерти поэта, императрица записала в своем дневнике: "Гром среди ясного неба. Почти целое утро с великой княгиней, стихотворения Лермонтова". ("Великой княгиней", здесь упомянутой, была Мария Павловна, старшая сестра Николая. — В. Б.). А еще через пять дней Александра Федоровна писала графине Бобринской: "Вздых о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой".

Новелла 24. Две Варвары и Софья

Тринадцатого октября 1832 года у августейших супругов родился последний, седьмой ребенок и четвертый сын — Михаил, которому предстояла самая долгая жизнь из всех его сестер и братьев — он дожил до 77 лет, умерев 5 декабря 1909 года.

То, что после Михаила императрица не родила больше ни одного ребенка, объяснялось тем, что врачи запретили ей дальнейшие роды и даже брачные отношения, и Николай среди особо близких и доверенных людей, шутя, называл себя "соломенным вдовцом", получив от супруги разрешение заводить связи на стороне.

Итак, в конце 1832 года Николай стал "соломенным вдовцом", получив "вольную" и отпущение грехов от больной императрицы, которая по приговору врачей не могла быть ни матерью, ни супругой. И, надо сказать, Николай не оставил разрешения больной жены втуне. Он и раньше был весьма падок на хорошеньких женщин, а теперь и подавно не пропускал ни одной, не всегда, правда, добиваясь успеха.

Связей было очень много, но редко какая из них задевала сердце Николая, волнуя не его душу, а только обостряя чувственность и разжигая сладострастие.

Но случалось, что царь надолго привязывался к той или иной любовнице. Так, достаточно серьезными оказались чувства Николая к талантливой восемнадцатилетней Варваре Николаевне Асенковой, потомственной актрисе императорских театров. Ее мать — Александра Егоровна Асенкова — с успехом играла субреток в "Тартюфе", "Женитьбе Фигаро", а позднее перешла на амплу сварливых старух, бойких барынь, старых дев в водевилях и комедиях. Еще большим успехом пользовалась ее дочь Варвара, одна из лучших трагисток и мальчиков-подростков. 25 января 1835 года, когда ей шел еще только 18-й год, она дебютировала в бенефисе своего учителя — одного из лучших актеров Александринского театра И. И. Сосницкого. Асенкова выступила за один вечер в двух водевилях: Фавора "Сулейман II, или Три султанши", где исполнила главную роль — француженки Роксоланы, оказавшейся в гареме Сулеймана и сводящей его с ума своей женственностью, игривостью и недоступностью, а также в водевиле Скриба "Лорнет" в роли Мины. Николай, случайно заехавший в театр, по достоинству оценил талантливую игру Асенковой и предсказал ей блестящее артистическое будущее. После этого Николай зачастил в Александринку.

Еще больший успех выпал на ее долю в водевиле Орлова "Гусарская стоянка, или Плата той же монетой". Асенкова блистательно сыграла юнкера Лелева и еще раз привлекла благосклонное внимание Николая, присутствовавшего на

этом спектакле. Вслед за тем Асенкова была осыпана царскими милостями и приближена к особе его величества. Поверенным царя в этом романе оказался Михаил Павлович, предоставлявший летом для Асенковой дачу в Ораниенбауме и выказывавший ей знаки своего расположения.

Многогранный талант Асенковой позволил прекрасно играть ей и героинь Шекспира – Корделию в "Короле Лире" и Офелию в "Гамлете" и исполнять главные роли в русских пьесах. Асенкова была первой Марьей Антоновной в "Ревизоре", о чем в этой книге уже упоминалось, и первой Софьей в "Горе от ума".

Она умерла от чахотки 19 апреля 1841 года 24 лет.

Говорили, что у нее от Николая был сын, поступивший затем в Инженерное училище и потом ставший неплохим инженером-путейцем, служившим на Николаевской железной дороге...

* * *

И все же единственным серьезным романом Николая, продолжавшимся тринадцать лет, была его любовь к камер-фрейлине императрицы красавице смольнянке Варваре Аркадьевне Нелидовой. Причем связь эта с самого начала не только была известна жене Николая, чистосердечно признавшегося в своей близости с Нелидовой, но и получила благословление императрицы, неспособной к исполнению своих супружеских обязанностей. Императрица решила, что лучше, если любовницей Николая станет умная, красивая, во многом весьма достойная девица, нежели целый сонм дам, среди которых окажется Бог весть кто. Кроме этого, Александра Федоровна хорошо знала, что Нелидова любит Николая безгранично, предана ему бесконечно, и не за то, что он – император, а просто потому, что совершенно очарована им как женщиной и человеком.

С самого начала этого романа, истоки которого относят к середине 1842 года, в петербургском свете была в ходу прочно затем укоренившаяся версия о необычном, чисто платоническом характере отношений фрейлины и императора. Настаивали на том, что этот крайне редкий, далекий от всякой чувственности роман был подобен элегической рыцарской поэме, автором которой был отец Николая – Павел, а героиней – родная тетка Варвары Аркадьевны Нелидовой – Екатерина Ивановна. Все это было бы прекрасной правдой, во многом похожей на волшебную сказку, если бы Николай Павлович обладал другим характером и имел бы другую репутацию, но он, несмотря на довольно зрелый возраст – ему было уже далеко за сорок, – все еще сохранял репутацию "неистового сокрушителя девичьих невинностей и дамских сердец". Более прочих привязавшись к Нелидовой, он не упускал случая приволокнуться и за какой-нибудь хорошенькой гризеткой, актрисой, а то и мешаночкой, лишь бы она ему хотя бы мимолетно понравилась. О нескольких таких историях мы еще узнаем, но в начале 40-х годов высший свет только и говорил, что об отношениях царя и фрейлины.

Нелидовы принадлежали к одному из древнейших дворянских родов России. Они происходили от польских дворян Нелидовских, служивших литовским князьям Ольгердовичам, союзникам Дмитрия Донского. Один из них, Владислав Нелидовский, принимавший участие в Куликовской битве, перешел в 1380 году на службу к Великому Московскому князю Дмитрию Ивановичу и получил от него село Никольское в Суходольском стане Боровского уезда.

Здесь стал он на русский манер именоваться Нелидовым, а в 1497 году Иван III случайно назвал одного из Нелидовых – Давида Борисовича – Отрепьевым, и эта кличка закрепилась за их родом. Знаменитый Гришка Отрепьев, царствовавший под именем Дмитрия Ивановича (Лжедмитрий I),

занимал русский трон с 20 июня 1605 по 17 мая 1606 года. Многие его родственники были отправлены в ссылку, но затем возвращены, и для того, чтобы эта более чем одиозная фамилия не мешала Отрепьевым, в 1671 году царь Алексей Михайлович указал Федору Отрепьеву писаться отныне "Нелидовым", как это и было раньше. С тех пор и появились в России основательно уже забытые дворяне Нелидовы, к числу коих принадлежали и две знаменитые фрейлины – Екатерина Ивановна (фаворитка Павла I) и ее племянница Варвара Аркадьевна (фаворитка Николая I).

У Екатерины Ивановны Нелидовой был брат Аркадий Иванович. Он-то и был отцом Варвары Аркадьевны. Аркадий Иванович слыл большим оригиналом и чудачком – он, занимая "хлебные" посты, не брал взяток и начисто был лишен сословной дворянской спеси. Занимая пост курского губернатора с 1811 по 1818 год, А. И. Нелидов был среди глав губерний России отрядным и не столь уж частым явлением. Нелидов не только не брал взяток, но и строго следил за тем, чтобы этого не делали его подчиненные, а если узнавал о мздоимстве или казнокрадстве, немедленно карал преступников со всей возможной строгостью. Нелидов был начисто лишен сословных предрассудков и без всяких препятствий принимал и купцов, и мещан, и ремесленников, и крестьян, внимательно выслушивая каждого и стараясь вникнуть в их просьбы. Он любил беседовать с ними, посещал именины, свадьбы, крестины, похороны, знакомясь с курянами и с жизнью города не по рассказам чиновников, а по непосредственным личным наблюдениям.

Его отправили в отставку из-за крайне запутанного дела об убийстве во Львовском уезде дворянки Алтуховой, которое произошло в 1813 году и было окончательно решено лишь в 1824-м, когда Нелидова уже не было в губернии. Настоящий убийца, дворянин Ширков, истратил на подкупы чиновников и свидетелей 200 000 рублей и добился, что на каторгу пошли совершенно невиновные люди, а убийца остался на свободе. Только после того, как по приказу Александра I была образована особая комиссия, правда восторжествовала.

Когда Нелидов собрался уезжать из Курска, у его дома собрался весь город. – Отец наш, не покидай нас! – со слезами молила его коленопреклоненная толпа. А перед отъездом куряне решили отпечатать столько портретов любимого губернатора, сколько было в Курске домов, чтобы в каждой семье помнили о нем.

К портрету Нелидова, сделанного известным живописцем Рамбауэром, В. А. Жуковский написал следующее четверостишие:

Ты нашим счастьем свой подвиг совершил!
Не гибнет памятник добра, благотворенья,
В чертогах, хижинах, где ты любимым был,
Потомки повторят тебе благословенья!

И его дочь, Варвара Аркадьевна, в отношениях с Николаем была бескорыстна, строга в обращении и никогда не позволяла хотя бы в малейшей степени пренебрегать собой или относиться к себе свысока.

Об отношениях императора к В. А. Нелидовой сообщала в своих письмах к сыну Дмитрию Карловичу Нессельроде графиня М. Д. Нессельроде. 23 января 1843 года, когда Нелидова, как утверждали, еще не была любовницей императора, а их роман только-только зарождался, графиня

М. Д. Нессельроде писала: "Государь с каждым днем все больше занят Нелидовой... Кроме того, что он к ней ходит по нескольку раз в день, он и на балу старается быть все время близ нее. Бедная императрица все это видит и переносит с достоинством; но как она должна страдать!"

Через две недели она же писала сыну: "Все общество, как и каждый его член в отдельности, чувствует к императрице либо преданность, либо восхищение

ее неизменной кротостью относительно этой Нелидовой, которая постоянно у нее перед глазами и в которую государь продолжает быть влюблен, не имея ее еще своею любовницей, что все-таки странно, если подумаешь, что он ходит к ней во всякое время дня. На балу, на виду у всего общества, не заботясь о том, что станут говорить, он часто к ней подходит, ужинает подле нее с другой, выбранной им дамой, с Раухом (послом Пруссии) и с Орловым. Наш хозяин (т. е. Николай I) не пропустил ни одного маскарада, оставался там до трех часов утра, разгуливая с самою что ни на есть заурядностью. Одна из этих особ, с которыми он не опасается говорить запросто, сказала твоему дяде (графу А. Д. Гурьеву), что нельзя себе представить всей вольности его намеков. Об этом рассказывают, и вот как благодаря этому и еще кое-чему утрачивается к нему уважение".

Однако самодержец лишился уважения не только из-за "вольности намеков". Становилось достоянием гласности и "еще кое-что". Так, в Петербурге узнали и о весьма неблагоприятной истории, случившейся с княгиней Софьей Несвицкой, урожденной Лешерн, генеральской дочерью, одной из первых красавиц смольнянок.

Ей делали предложения лучшие женихи России, но она всем им предпочла бедного молодого офицера-преображенца князя Алексея Яковлевича Несвицкого и отдалась ему в твердой уверенности, что князь непременно женится. Однако Несвицкий не сделал ей предложения, сославшись на запрет матери и свою сыновнюю покорность. Об этом узнал Михаил Павлович, вызвал к себе Несвицкого, пообещал быть посаженным отцом на свадьбе и подарил князю крупную сумму на ее устройство. Несвицкий вынужден был жениться, но старая княгиня на свадьбе не была, невестку не признала и впредь никогда с нею не виделась.

Став княгиней Несвицкой, Софья очень хотела счастья, желала любви мужа, но муж с первых же дней стал тяготиться ею и изменял молодой жене направо и налево прямо на глазах у несчастной красавицы.

Время шло, как вдруг на балу, который устроили офицеры Преображенского полка в честь государя и его семьи, Николай увидел Софью Несвицкую. Он был очарован ею и тут же сделал ей предложение стать его любовницей. Несвицкая решительно отказалась, ответив, что любит мужа и не сможет изменить ему.

Николай сказал, что этот мотив понятен ему и он ни на что не претендует. Однако правда была в том, что император не понравился Несвицкой как мужчина, а слова о любви к мужу были обычной отговоркой. Это стало ясно, когда через два года Софья страстно полюбила флигель-адъютанта императора Бетанкура, не остановившись перед грандиозным великосветским скандалом, после которого муж потребовал развода и получил его. А Николай, узнав о случившемся, призвал Бетанкура и разнес его, скрывая обиду за то, что Несвицкая предпочла полковника ему – императору, но выказывая всю низость содеянного флигель-адъютантом, оказавшимся в роли разрушителя семьи.

"Бетанкур был человек практический; он понял, что хорошеньких женщин много, а император один, и через графа Адлерберга довел до сведения государя, что он готов навсегда отказаться не только от связи с княгиней Несвицкой, но даже от случайной встречи с ней, лишь бы не лишиться милости государя. Такая "преданность" была оценена, Бетанкур пошел в гору, а бедная молодая княгиня, брошенная и мужем, и любовником, осталась совершенно одна и сошла со сцены большого света, охотно прощающего все, кроме неудачи".

Через много лет бедная, состарившаяся Несвицкая, впавшая в нищету, подала на высочайшее имя прошение о вспомоществовании. Его принесли Николаю для определения размера пенсии.

Николай порвал бумагу в клочки и сказал:

— Этой? Никогда и ничего!

Разумеется, и это стало известно и не прибавило Николаю ни популярности, ни уважения.

Новелла 25. Князь Сергей Трубецкой и Лавиния Жадимировская

Весной 1851 года Николай поехал в Польшу, назначив прусскому королю свидание в небольшом городке Скарневице близ Варшавы. 18 мая Фридрих-Вильгельм приехал в Скарневице и был дружески принят царем. Среди сопровождавших Николая был А. Ф. Орлов, оставивший III Отделение, которым он руководил с 1844 года, на своего заместителя Леонтия Васильевича Дубельта. Почти каждый день фельдъегери Дубельта привозили в Скарневице секретную почту и однажды доставили сообщение о том, что у сына коммерции советника Жадимировского похищена жена, урожденная Бравур. Ее, как дозано, увез отставной офицер Федоров, но не для себя, а для князя Сергея Васильевича Трубецкого. Это был тот самый Сергей Трубецкой, который вместе с Барятинским и другими молодыми офицерами учинял всяческие шалости — похороны командира полка Гринвальда, набеги на женские купальни и т. п., о чем мы уже знаем.

Николай помнил об этих проделках Трубецкого, как и обо всех прочих нарушениях дисциплины его офицерами. Он распорядился выяснить все до конца, а виновного непременно арестовать. Орлов сообщил об этом Дубельту, но вскоре получил ответ, что ни князя, ни мадам Жадимировской жандармы найти не могут — во всяком случае, в Петербурге их нет. И тогда Николай распорядился найти Трубецкого и Жадимировскую во что бы то ни стало. Дубельт начал с того, что стал устанавливать причину бегства и личность Жадимировской.

Обратимся теперь не к жандармским рапортам, а к свидетельству одной из смольнянок, А. И. Соколовой, чьи воспоминания были опубликованы в 1910 году в журнале "Исторический вестник". "В бытность мою в Смольном монастыре, — писала Соколова, — в числе моих подруг была некто Лопатина, к которой приезжала замечательная красавица Лавиния Жадимировская, урожденная Бравур. Мы все ею любовались, да и не мы одни. Ею, как мы тогда слышали, любовался весь Петербург. Жадимировская была совершенная брюнетка, со жгучими глазами креолки и правильным лицом, как бы резцом скульптора выточенным из бледно-желтого мрамора.

Жадимировские открыли богатый и очень оживленный салон, сделавшийся средоточием самого избранного общества. В те времена дворянство ежегодно давало парадный бал в честь царской фамилии, которая никогда не отказывалась почтить этот бал своим присутствием. На одном из таких балов красавица Лавиния обратила на себя внимание императора Николая Павловича, и об этой царской "милости", по обыкновению, доведено было до сведения самой героини царского каприза. Лавиния оскорбилась и отвечала бесповоротным и по тогдашнему времени даже резким отказом. Император поморщился... я промолчал. Он к отказам не особенно привык, но мирился с ними, когда находил им достаточное оправдание". Здесь же, по мнению Николая Павловича, никакого оправдания не было, ибо он знал, что восемнадцати летняя красавица выдана была за своего мужа вопреки ее воле и ненавидела его еще до свадьбы. Царь знал также, что сердце Лавинии принадлежит Сергею Васильевичу Трубецкому, которого она откровенно предпочла ему, помазаннику и государю. Таким образом, соперничество Трубецкого с Николаем началось еще до того, как они бежали из Петербурга,

и Николай теперь получил легальную возможность отомстить ненавистному князю.

Неизвестно, знал ли Дубельт о подлинной причине столь горячей заинтересованности царя этим делом, только меры, принятые им, были быстрыми и энергичными. Несколько жандармских и полицейских офицеров выехали из Петербурга, чтобы отыскать беглецов. На их след удалось напасть квартальному Гринеру, и он помчался в Москву, а оттуда в Тулу, но там у него кончились деньги, и он вынужден был вернуться в Петербург. Николаю сообщили и об этом, и он вместо благодарности велел до окончания дела посадить Гринера под арест. А вслед за беглецами были отправлены два жандармских поручика – Чулков и Экк. Первому было велено ехать в Тифлис, второму – в Одессу. Экк возвратился из Одессы в Петербург 12 июня и доложил, что беглецов не нашел. А вот Чулкову повезло: 3 июня, доехав до Редут-Кале, маленького портового городка на Черном море, он нашел там Трубецкого и Жадимировскую за два часа до их отправления на корабле в Турцию. 8 июня Трубецкого привезли в Тифлис и посадили на гауптвахту, а через несколько дней туда же приехал и Чулков с Жадимировской и поместил ее в гостиницу.

Местные жандармы сообщили Дубельту, что у Трубецкого изъято 843 полуимпериала, несколько вещей и совершенно незначительные ценности. И об этом Дубельт немедленно сообщил Орлову, а тот – царю, и Николай изложил резолюцию: "Не надо позволять везти их ни вместе, ни в одно время и отнюдь не видеться. Его прямо сюда в крепость, а ее в Царское Село, где и сдать мужу".

Трубецкого вывезли из Тифлиса под жандармским конвоем, на следующий день Чулков выехал в одной коляске с Жадимировской. И приехали они соответственно с разницей в один день – Трубецкой 29 июня, а Жадимировская – 30-го.

Чулков, сопровождавший Жадимировскую еще из Редут-Кале до Тифлиса, писал в служебном рапорте, что арестованная "во время следования чрезвычайно была расстроена, непрерывно плакала и даже не хотела принимать пищу. От Тифлиса до Санкт-Петербурга разговоры ее заключались только в том: что будет с князем Трубецким и какое наложат на него наказание. Привадила ее в тревогу одна только мысль, что ее возвратят мужу... Привязанность ее к князю Трубецкому так велика, что она готова идти с ним даже в Сибирь на поселение; если же их разлучат, она намерена провести остальную жизнь в монастыре. Далее и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкого. Когда брат ее прибыл в Царское Село для ее принятия, он начал упрекать ее и уговаривать, чтобы забыла князя Трубецкого, которого поступки в отношении к ней так недобросовестны. Она отвечала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, но она сама на том настояла".

В начале июля Л. В. Дубельт, допросив Лавинию Александровну Жадимировскую, установил, что бежала она из-за "дурного с нею обращения мужа, которое доходило до того, что он запирает ее и приказывал прислуге не выпускать ее из дома. Ей 18 лет, и искренности ее показания, кажется, можно верить, ибо она совершенный ребенок", – добавлял Дубельт. Когда же наступила очередь Трубецкого, то он ответил о мотивах содеянного им так: "Я решился на сей поступок, тронутый жалким и несчастным положением этой женщины. Зная ее еще девицей, я был свидетелем всех мучений, которые она претерпела в краткой своей жизни. Мужа еще до свадьбы она ненавидела в ни за что не хотела выходить за него замуж. (Ее муж – коммерции советник Алексей Жадимировский – был сыном почетного гражданина, весьма богат, и это-то и остановило на нем выбор матери

Лавинии и ее отчима – английского купца Кохума, которым взрослая девица мешала жить в свое удовольствие и, кроме того, являлась обременительной и ненужной статьей расходов.)

Долго она боролась, и ни увещевания, ни угрозы, ни даже побои не могли ее на то склонить. И она только тогда дала свое согласие, когда он уверил ее, что женится на ней, имея только в виду спасти ее от невыносимого положения, в котором она находилась у себя в семействе, и когда он дал ей честное слово не иметь с ней никаких других связей и сношений, как только братских. На таком основании семейная жизнь не могла быть счастливой. С первого дня их свадьбы у них пошли несогласия, споры и ссоры. Она ему и всем твердила, что он ей противен и что она имеет к нему отвращение. Наконец, дошло до того, что сами сознавались лицам, даже совершенно посторонним, что жить вместе не могут. Нынешней весной уехал он в Ригу, чтобы получить наследство, и был в отсутствии около месяца. По возвращении своем узнал он через людей, что мы имели с нею свидания. Это привело его в бешенство, и, вместо того чтобы отомстить обиду на мне, он обратил всю злобу свою на слабую женщину, зная, что она беззащитна. Дом свой он запер и никого не стал принимать. В городе говорили, что он обходится с нею весьма жестоко, бьет даже и что она никого не видит, кроме его родных, которые поносят ее самыми скверными и площадными ругательствами.

Я сознаюсь, что тогда у меня возродилась мысль увезти ее от него за границу... Вскоре после сего узнал я, что он своим жестоким обращением довел ее почти до сумасшествия, что она страдает и больна, что он имеет какие-то злые помышления. В это самое время я получил от нее письмо, в котором она мне описывает свое точно ужасное положение, просит спасти ее, пишет, что мать и все родные бросили ее и что она убеждена, что муж имеет намерение или свести ее с ума, или уморить. Я отвечал ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни; вечером получил еще маленькую записочку, в которой просит она меня прислать на всякий случай, на другой день, карету к квартире ее матери. Я любил ее без памяти; положение ее доводило меня до отчаяния; я был как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом, я сам хорошенько не знал, что делать; тем более что все это совершилось менее чем в 24 часа".

Побег был совершен почти мгновенно, без всякой подготовки. Трубецкой вспомнил, что когда-то собирался ехать на Кавказ вместе с приятелем своим, отставным штаб-ротмистром Федоровым, и Федоров тогда же выправил для себя подорожную. Эту-то подорожную Трубецкой взял у него в доме, попросил его сесть в карету и подождать на углу Морской и Невского у Английского магазина, когда в карету сядет женщина. Трубецкой попросил приятеля ни о чем ее не расспрашивать, а просто довести до условленного места. За время сборов Трубецкой успел купить тарантас и, взяв с собою немного денег, уехал с Лавинией Александровной из города. За месяц они доехали до Редут-Кале и должны были со дня – на день оказаться в Потти, где стоял нанятый князем Сергеем баркас, но в самом конце пути, когда свобода была совсем рядом, их арестовали.

Трубецкой, содержась на тифлисской гауптвахте, составил в пользу Лавинии акт, которым обязался выдавать ей до самой ее смерти по сто рублей серебром ежемесячно, оговорив, что в случае его смерти эта дарственная будет обеспечиваться доходами с его имений в Орловской, Костромской и Симбирской губерниях.

* * *

А Лавиния Александровна, полностью подтвердив все, что сказал Сергей Трубецкой, засвидетельствовала и то, что не он ей, а она ему предложила совершить побег и что причиной этого поступка была ее любовь к Трубецкому и ненависть к собственному мужу. И, несмотря на все это, князь Сергей через полтора месяца решением Военного суда был лишен чинов, княжеского титула, дворянства, ордена Анны IV степени с надписью "За храбрость", разжалован в рядовые и оставлен в крепости еще на полгода. Затем отправили его в Петрозаводск, в гарнизонный батальон, под строжайший надзор, "на ответственность батальонного командира".

За ревностную службу в мае 1853 года был он произведен в унтер-офицеры и переведен в 4-й Оренбургский Линейный батальон, стоявший в Ново-Петровске, где тогда же отбывал службу рядовой Т. Г. Шевченко. Только после смерти Николая I Трубецкой был уволен по болезни с чином подпоручика, а еще через полтора года было возвращено ему дворянство и княжеский титул.

Сергей Васильевич поселился в одном из своих имений в Муромском уезде Владимирской губернии под гласным надзором полиции. В марте 1858 года в имение к нему приехала из Москвы экономка — Лавиния Александровна Жадимировская, о чем жандармы тут же сообщили в Петербург.

Но, по донесениям, Трубецкой жил тихо, экономка никому не показывалась, докладывалось, что они никогда не расстаются и даже на охоту выезжают вместе. "Живущая у князя дама — довольно еще молода, хороша собою, привержена к нему так, что везде за ним следует и без себя никуда не пускает", — добавлял о своем поднадзорном и его "экономке" полковник Богданов, 3-й штаб-офицер корпуса жандармов по Владимирской губернии. Однако счастье, обретенное двумя любящими сердцами столь дорогой ценой, оказалось очень недолговечным. Они прожили вместе чуть больше года: 19 апреля 1859 года князь Сергей умер, и Жадимировская, похоронив его, тотчас же покинула имение. Через месяц она уехала за границу и стала монахиней в одном из католических монастырей, как и обещала, когда везли ее восемнадцатилетнюю под охраной жандармов в Петербург.

Впрочем, есть и другая версия дальнейшей судьбы Лавинии Жадимировской. По этой версии, она не ушла в монастырь, а вышла замуж сначала за графа Сухтелена, а после его смерти — за некоего итальянского маркиза, имя которого осталось неизвестным.

Новелла 26. Самоубийство

В конце царствования Николая I общая отсталость России ярче всего проявилась в состоянии армии. Ее численность превысила миллион солдат и офицеров, но солдаты были вооружены гладкоствольными тяжелыми ружьями начала века и столь же устаревшими артиллерийскими орудиями.

"Странно и поучительно, — писал генерал граф П. Х. Граббе, — что в общих мерах покойного государя, обращенных наиболее на военную часть, были упущены две такие важности, введение каковых принято уже во всех западных армиях: усовершенствование в артиллерии и в ружье; в особенности огромный недостаток пороха, что я узнал из уст самого государя и что, впрочем, везде и оказалось. Этому пособить было трудно".

Но особенно скверно обстояло дело со снабжением армии и с медицинским обслуживанием, что приводило к тому, что солдаты постоянно голодали, а смертность была невероятно высокой.

Интендантство, Медицинский департамент и даже благотворительные организации, призванные опекать больных, стариков, сирот, вдов,

ветеранов, превратились в прибежище воров и мошенников всех мастей и оттенков.

Характерен такой случай: 1 февраля 1853 года Николаю доложили, что директор канцелярии Инвалидного фонда Комитета о раненых Политковский похитил значительно более миллиона рублей серебром. Николай был потрясен не столько размером хищения, сколько тем, что кража совершалась много лет подряд, и на балах и кутежах Политковского бывали не только многие министры и генерал-адъютанты, но и сам Л. В. Дубельт.

Председателем же этого Комитета был генерал-адъютант Ушаков, облеченный особенным доверием императора. Когда военный министр князь В. А. Долгоруков ввел Ушакова к Николаю, только что узнавшему о величайшей краже своего царствования, император протянул похолодевшую от волнения руку Ушакову и сказал: "Возьми мою руку, чувствуешь, как холодна она? Так будет холодно к тебе мое сердце".

Все члены Комитета о раненых были преданы военному суду. Негодование Николая было столь глубоко, а печаль столь безысходна, что "государь занемог от огорчения и воскликнул: "Конечно, Рылеев и его сообщники со мной не сделали бы этого!"

Повальное, безудержное казнокрадство, чудовищная канцелярская рутина, безнадежная техническая отсталость армии и флота – парусного, деревянного – были неотвратимым историческим итогом и следствием общего застоя в развитии всего хозяйства страны, рутинности ее промышленности, средневековья в сельском хозяйстве.

Катастрофический уровень экономического состояния России выявила так называемая Крымская война, начавшаяся после того, как 4 октября 1853 года с согласия и при поддержке Англии и Франции турецкий султан Абдул-Меджид объявил России войну, которая продолжалась два с половиной года, окончившись полным разгромом русской армии и флота в Крыму.

Ключевым событием войны стала героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 349 дней и ночей. По справедливости она считается одной из наиболее славных страниц в истории русской армии и флота.

О севастопольской обороне написаны сотни книг, в том числе такой шедевр, как "Севастопольские рассказы" участника этих событий, тогда начинающего писателя артиллерийского офицера Л. Н. Толстого, и основательная трехтомная эпопея С. Н. Сергеева-Ценского "Севастопольская страда". Поэтому нет необходимости писать об обороне Севастополя, тем более что герой этой новеллы – Николай I – в Крыму не был и непосредственного участия в Восточной войне не принимал. Но о том, как он относился ко всему происходящему, что думал и чувствовал, следует рассказать, хотя бы потому, что эти события сыграли в его жизни роковую роль и даже стали причиной его смерти.

Николай с самого начала войны пытался руководить ходом событий. Когда началась осада Севастополя, то не проходило ни дня, чтобы он не отправил главнокомандующему армией А. С. Меншикову одного-двух писем, в которых вникал во все мелочи кампании, проявляя детальное знание и людей и обстановки. Царь давал советы, как следует строить укрепления вокруг Севастополя, каким образом отбивать штурмы.

Но Николай предчувствовал бесплодность своих усилий и метался, не зная, что предпринять. Зимой 1854 года он вместе с Александрой Федоровной на время переехал в Гатчину, не желая никого видеть, и долгие часы проводил наедине с нею. Его тоска усугублялась тем, что снова – в который уж раз – императрица тяжело заболела, и врачи боялись даже за ее жизнь. Фрейлина А. Ф. Тютчева, бывшая вместе с царской четой в Гатчине, записала в дневнике 24 ноября: "Со времени болезни императрицы при мысли о

возможности ее смерти несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остается за ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были слышны. Нельзя не быть глубоко тронутым при виде такой чисто человеческой нежности в этой душе, столь надменной по внешности. Господь да сжалится над ним и да сохранит ему самое дорогое для него существо в ту минуту, когда у него уже все отнято". Очевидность того, что у Николая "уже все отнято", бросалась в глаза обитателям Гатчины. В тот же день Тютчева записала: "Гатчинский дворец мрачен и безмолвен. У всех вид удрученный, еле-еле смеют друг с другом разговаривать. Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днем становится все более и более удручен, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сторбилась, как бы под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сраженный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури".

Перспективу "погибнуть среди бури" Николай оставлял не только для себя. Он, несомненно сильно любивший своих сыновей, послал двоих младших — Николая и Михаила — в действующую армию, чтобы воодушевить солдат и показать России, что он любит свою страну больше родных сыновей. К этому времени Николаю было 23 года, а Михаилу — 21. Их военное образование, как, впрочем, и общее, было закончено.

Боевое крещение Николай и Михаил получили в Севастополе. Вели они себя образцово — не кланяясь пулям и не отсиживаясь в штабах. Они бы оставались в Севастополе и дальше, но из-за тяжелой болезни матери по приказу Николая выехали в Петербург. 11 декабря братья прибыли в Гатчину. Всем, кто их видел за два месяца перед тем, когда они выезжали в действующую армию, великие князья показались повзрослевшими и посерьезневшими. Они чистосердечно рассказывали отцу и матери о своих впечатлениях и сильно приободрили императрицу. Несмотря на праздничность встречи, Александра Федоровна была недовольна, что они уехали из армии, и почти сразу же сказала: "Очень радостно увидеться, это дает нам силы для новой разлуки".

И разлука наступила вскоре же: великие князья, не дождавшись Нового года, выехали обратно в Севастополь. С ними вместе был отправлен и флигель-адъютант полковник Волков с личным письмом Николая, в котором он требовал взять Евпаторию, куда, как он опасался, может высадиться сильный вражеский десант и армия Меншикова окажется отрезанной от континентальной части империи. Меншиков поручил взятие Евпатории девятнадцатитысячному отряду генерала С. А. Хрулева. Нападение на город было произведено 5 февраля 1855 года, в 6 часов утра, а в 10 часов утра все русские орудия были подтянуты к Евпатории на 150 сажень и открыли огонь картечью, начав подготовку к штурму. Штурм вскоре начался, но был отбит, и Хрулев, узнав, что гарнизон Евпатории состоит из 40 000 человек, приказал отступить, чтобы не терять напрасно людей.

Утром 12 февраля известие о неудаче под Евпаторией пришло в Петербург. В это время Николай уже неделю как болел гриппом и получил депешу от Меншикова, лежа в постели. Точнее, он лежал не в постели, а на походной кровати, застланной тощим, старым матрацем, и укрывшись поношенной шинелью с красной генеральской подкладкой, залатанной в нескольких местах.

Николай заболел, как считали врачи, легкой формой гриппа вечером 4 февраля и до 9 февраля по совету врачей не выходил из Зимнего дворца еще и потому, что морозы в эти дни превышали 20°.

А меж тем из-под Севастополя шли известия одно хуже другого, Николай сильно нервничал и пребывал в постоянном унынии. Придворные понимали, что близящееся военное поражение заставит Николая сесть за стол переговоров в качестве побежденного. Николай стал раздражительным, несдержанным, склонным к необдуманным решениям. И одним из таких совершенно неожиданных решений стало странное желание больного императора выехать утром 9 февраля на смотр маршевых батальонов. Причем он приказал подать себе не теплую шинель, а легкий плащ и, как обычно, открытые сани. Доктор Ф. Я. Карелль сказал императору: "Ваше величество, в вашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь, и при таком морозе в 23 градуса". Наследник и слуги стали просить Николая хотя бы одеться потеплее, но он сел в сани и умчался в манеж, где было так же холодно, как и на улице. Николай пробыл там несколько часов, а потом долго еще ездил по городу и приехал домой с высокой температурой, которая держалась всю ночь. Тем не менее на следующее утро он снова выехал в манеж инспектировать маршевые батальоны, хотя мороз стал еще сильнее, а кроме того, поднялся жестокий, пронизывающий ветер. Вернулся Николай совершенно больным и тотчас же свалился в постель. И все же могучий организм победил. 12 февраля утром он уже принимал с докладами и среди прочих сообщений узнал о том, что накануне в Инженерном замке, в Макетном зале, где стояли макеты всех крепостей России, в том числе и макет Севастополя, видели двух иностранцев, попавших туда неизвестно каким образом и свободно срисовывавших план города и крепости.

Макетный зал считался совершенно секретным, и ключ от него находился у коменданта училища, старого заслуженного генерала А. И. Фельдмана, причем ему категорически было запрещено пускать в зал кого-либо из посторонних. Ко всему прочему один из офицеров, бывших в зале, не задержал иностранцев, а просто предложил им уйти из училища, что те немедленно и исполнили.

Николай, узнав об этом, пришел в страшную ярость и помчался в Инженерный замок. Он стал кричать, как только переступил порог, и когда испуганный Фельдман прибежал, то слова "безмозглая скотина" и "старый идиот" были самыми пристойными, какие сказал ему царь. Все это он высказал при офицерах и юнкерах и выскочил за порог, не попрощавшись, как и вошел не поздоровавшись. Военные инженеры много раз встречались с Николаем, видели его в разных ситуациях, но столь разъяренным никто из них никогда его не видел.

Совершенно расстроенный, вернулся он в Зимний дворец, где его ожидало сообщение из Крыма о неудаче, постигшей Хрулева под Евпаторией. Первое, что Николай решил предпринять, – снять с поста командующего Меншикова, которого он считал главным виновником случившегося, назначив на его место М. Д. Горчакова с сохранением за ним и прежней должности главнокомандующего. Однако в этот день царь сдержался, но, поразмыслив три дня, 15 февраля приказал цесаревичу написать Меншикову письмо о том, что он отставлен.

Известие о неудаче под Евпаторией буквально подкосило Николая. Он бродил по залам Зимнего дворца, горестно восклицая: "Бедные мои солдаты! Сколько жизней принесено в жертву даром!" Одним из последних распоряжений, которое он успел сделать, была замена Меншикова генералом М. Д. Горчаковым. Однако это ничего не изменило, да и не могло изменить:

всемогущий рок увлекал Россию в бездну постыднейшего поражения – именно так воспринимал все происходящее Николай, впавший в глубокое уныние и великую печаль.

Картины осажденного Севастополя, к бастионам которого подходили все новые и новые силы союзников, постоянно стояли перед глазами Николая. Именно 12 февраля, когда он узнал о поражении под Евпаторией, Николай впервые не принял министров, пришедших к нему с докладами, и весь день не прикасался к пище. В ночь на 13-е он то бродил по залам дворца, то молился, ни на минуту не сомкнув глаз. С этого времени Николай перестал спать, никого не желал видеть и порой глухо рыдал, стараясь заглушить звуки плача. Он понимал, что гибнет дело всей его жизни, но не мог остановить эту гибель. После 15 февраля болезнь хотя и не отступала от Николая, но и не усиливалась. Во всяком случае, его лейб-медик М. Мандт 17 февраля в успокоительном тоне говорил о состоянии больного, возле которого неотступно находился и другой его врач, доктор Карелль. Совершенно неожиданно в три часа ночи 18 февраля Николай попросил доктора Карелля позвать Мандта.

Впоследствии Мандт, уехав из Петербурга в Германию, рассказывал то, что с его слов знали очень немногие, самые близкие его друзья, оставшиеся в России. Он говорил, что, придя к Николаю, застал его в состоянии безысходной депрессии, и больной, подзвав его к себе, сказал:

– Был ты мне всегда предан, и потому хочу говорить с тобой доверительно – исход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой: это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот поворот. Ему это сделать будет легче, столкнувшись с неприятелем.

– Ваше величество, – возразил царю Мандт, – Всевышний дал вам крепкое здоровье, и у вас есть силы и время, чтобы поправить дело.

– Нет, исправить дела к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены. С тем и вызвал тебя, чтоб попросить помочь мне. Дай мне яд, который позволил бы расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро, но не внезапно, чтобы не вызвать кривотолков.

Мандт отказался сделать это, но Николай все же настоял на своем и заставил врача дать ему медленно действующий яд. Выпив смертельное снадобье, Николай позвал к себе цесаревича и долго беседовал с ним, наставляя Александра на царствование. Александр вышел от умирающего отца весь в слезах, но никогда никому не передавал своего последнего разговора с Николаем.

Последнее распоряжение Николая было вполне в его духе: он приказал одеть себя в мундир и велел привести к нему старшего своего внука – старшего сына цесаревича Николая Александровича. Испуганный двенадцатилетний мальчик опустился на колени перед кроватью грозного деда затем-, чтобы выслушать краткую сентенцию из двух слов: "Учись умирать". Последним напутствием внуку умирающий дед будто накликал на него беду, великий князь Николай Александрович не достиг уготовленного ему трона – он умер от чахотки в 1865 году, не дожив до двадцати двух лет.

Цесаревич, призванный к постели умирающего отца, записал ход событий следующим образом: "Мандт (пришел) за мной. Государь спросил Бажанова (священника, духовного отца императрицы). Причастился при нас всех. Голова совсем свежая. Удушье. Сильные мучения. Прошася со всеми – с детьми, с прочими. Я на коленях, держу руку. Жал ее. К концу чувствуется холод. В четверть первого все кончено. Последние ужасные мучения".

Незадолго перед концом к императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к

наследнику, была: "Держи все, держи все". Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, означавшим, что держать нужно крепко.

* * *

После того как Николай умер, была распространена официальная версия, что, будучи болен гриппом, император простудился и это и явилось причиной смерти.

Однако тут же, как и почти всегда до того, появилась и стойкая устная версия, что император был отравлен Мандтом по категорическому настоянию самого Николая.

Эта версия получила серьезное подтверждение от современников, которые могут считаться добросовестными и хорошо информированными людьми. Одним из первых авторитетных свидетелей обстоятельств смерти Николая был Венцеслав Венцеславович Пеликан, друг доктора Мандта, в момент кончины императора занимавший посты председателя Медицинского совета, директора Медицинского департамента Военного министерства и президента Медико-хирургической академии. Уже перечень постов, занимаемых им, может свидетельствовать о его должностной и профессиональной осведомленности. Со слов Мандта Пеликану было известно, что сам Николай приказал ему дать себе смертельную дозу яда, и Мандт не посмел отказаться от этого, хотя и сильно страдал.

Об отравлении царя Пеликан узнал и от анатома Медико-хирургической академии Венцельгрубера, которому поручили бальзамировать тело Николая. А Венцельгрубер, не будучи ни царедворцем, ни дипломатом, а только честным и объективным ученым, после анатомо-патологического обследования тела умершего опубликовал составленный им протокол в Германии. Из протокола следовало, что царь отравлен.

В семейных преданиях дворян Мосоловых рассказывают, что доктор Боссе, их прямой родственник, вскрывая труп Николая I, был настолько поражен увиденным, что не удержался и воскликнул: "Какой сильный яд!" – но ему тут же было приказано молчать об этом.

Во всяком случае, тело покойного долго оставалось в Зимнем дворце, и к нему не допускался никто, кроме взрослых членов его семьи. 28 февраля все они были в сборе: в этот день из Севастополя вернулись Николай и Михаил и больше на театр военных действий не возвращались: грядущее воцарение их старшего брата делало их присутствие в Петербурге гораздо более необходимым, чем в Севастополе. Тем более что как только Николай умер, тут же появилась надежда, что война должна скоро кончиться.

А пока шла подготовка к похоронам Николая, его гроб стоял в церкви Зимнего дворца, и рядом с покойным чаще всех оставалась императрица, которая вскоре позвала к себе Варвару Аркадьевну Нелидову, нежно обняла ее, крепко поцеловала и, сняв со своей руки браслет с портретом Николая, надела его на руку Варваре Аркадьевне. Императрица назначила один час в течение дня, когда Нелидова могла оставаться одна у гроба Николая, чтобы молиться у дорогого ей праха.

Наконец, как это происходило и раньше, гроб с телом покойного был выставлен в Петропавловском соборе. И здесь, в ходе прощания с усопшим, версия о том, что император умер от яда, вновь нашла подтверждение. Один из очевидцев прощания с покойным, побывавший в Петропавловской крепости, инженерный офицер А. В. Эвальд, писал: "Несмотря на то, что лицо его в гробу было прикрыто сложенной в несколько раз кисеей, видно было, что оно покрыто большими темными пятнами, которые произошли вследствие не совсем удачной бальзамировки".

Сказания о трех последних императорах

Новелла 1. Первые годы царствования Александра II

Девятнадцатого февраля 1855 года новый император Александр II, выступая в Государственном совете, сказал: "Покойный родитель в последние часы жизни сказал мне: "Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляю тебе много трудов и забот".

Главной заботой была Крымская война, и Александр окончил ее, подписав в Париже мир. Затем он упразднил военные поселения и сократил срок службы в армии с 25 до 15 лет.

Семнадцатого апреля 1856 года Александр издал манифест о предстоящей коронации, назначив ее на август этого же года, но до того, как этот торжественный акт состоялся, император и три его брата выехали в Варшаву, где российский монарх заявил, что Царство Польское навсегда будет слито с Россией, оставаясь и впредь "неотъемлемой частью всероссийской семьи". Четырнадцатого августа царская семья прибыла на Николаевский вокзал и поехала в Москву.

На коронацию отправлялся достаточно опытный в государственных делах человек, по меркам того времени уже и немолодой – Александру шел 39-й год, – и он был искушен и в делах административных, и в делах военных, и в делах дипломатических.

Впервые коронационный выезд осуществлялся по железной дороге. После трех дней пребывания в Петровском дворце, расположенном у границы Москвы, 17 августа Александр, вся его семья и блестящая свита въехали на Тверскую улицу, которую называли также и "Царской" из-за традиционных торжественных въездов в столицу царствующих особ.

Александр появился в Москве под звон колоколов и грохот пушек, окруженный своими братьями и двумя старшими сыновьями – тринадцатилетним Николаем и одиннадцатилетним Александром.

У въезда в Москву их встретил военный генерал-губернатор, в Земляном городе, у Триумфальных ворот, – городская Дума и магистрат, в Белом городе, у Страстного монастыря, – московское дворянство, у Иверских ворот, при въезде на Красную площадь, – гражданский губернатор и чиновничество. У часовни Иверской Божьей Матери царь и вся свита сошли с коней, императрица и дети вышли из экипажей, приложились к чудотворной иконе и пешком пошли в Кремль. У Спасских ворот их встретил московский комендант со штабом, а возле Успенского собора – Правительствующий Сенат. Тут же из собора вышли навстречу царю члены Святейшего Синода во главе с митрополитом Московским Филаретом. Обойдя кремлевские соборы, царская семья через Красное крыльцо вошла в Кремлевский дворец. Начиная с 23 августа, три дня в Москве шли народные гуляния и угощение простого народа. 26 августа в Успенском соборе прошла коронация со строгим соблюдением всего "чина". Вел торжество семидесятичетырехлетний Филарет. С самого начала все было как нельзя лучше, как вдруг старик Горчаков, стоявший с "державой", лежавшей на круглой бархатной подушке, зашатался, потерял сознание и упал, выронив подушку. "Держава" со звоном покатила по каменному полу. Присутствующие ахнули, считая происшедшее верным признаком несчастья. Александр же не переменялся в лице, а когда коронация кончилась, сказал Горчакову: "Не беда, что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений". Так вспоминал этот эпизод правнук Горчакова Аркадий Столыпин сохранившееся в их семье предание – впрочем, совершенно достоверное.

По примеру прежних царствований были розданы чины, титулы и "многие милости", которые обошлись в восемнадцать миллионов рублей.

А. Ф. Орлов, председатель Государственного совета и Комитета министров, недавно подписавший в Париже мир с союзниками, был возведен в княжеское достоинство. Князь М. С. Воронцов стал фельдмаршалом, четыре сановника – графами. Царь на три года отменил рекрутские наборы, простил недоимки, амнистировал или облегчил участь почти всех преступников, в том числе декабристов и петрашевцев. Всем амнистированным было разрешено возвратиться вместе с семьями из ссылки и жить, где пожелают, кроме Петербурга и Москвы. Им возвращалось дворянство, а князьям, графам и баронам – их титулы, а также и конфискованные по суду имения. Среди тех, кто вернулся из ссылки, был Ф. М. Достоевский. Отдельным актом были отменены высокие пошлины на заграничные паспорта, введенные Николаем и препятствовавшие выезду за границу.

Радость и надежды на лучшее будущее воскресли в сердцах многих людей, но более всего одушевлены были начинаниями нового императора те, кто занимал крайне враждебные позиции по отношению к его отцу – Николаю. И среди них не был исключением даже "Неистовый Искандер" – Герцен.

* * *

На следующий после коронации год Александр дважды побывал за границей, устраняя остатки старой вражды между ним и союзниками. Он добился резкого потепления отношений с Францией и начал нормализовывать отношения с Англией.

В этом же, 1857 году, 29 апреля, у него родился пятый сын – Сергей, которого ждала та же участь, что и самого Александра, – пасть от руки убийцы.

Завершая эту скорбную линию, добавим, что и последний его сын – Павел, кому суждено будет родиться через три года, 21 сентября 1860 года, тоже окажется жертвой насилия: он будет расстрелян в Петрограде 28 января 1919 года в дни "красного террора".

А в 1857 году, после рождения Сергея Александровича, Марии Александровне было предписано лечение минеральными водами на немецком курорте Киссингене. Царь и царица, объехав многих своих немецких родственников, наконец приехали на курорт. Однако поездка эта преследовала и важные политические цели – 13 сентября, после длительной подготовки, в столице Вюртемберга Штуттгарте произошла встреча Александра II и его бывшего непримиримого врага, а теперь потенциального друга – Наполеона III, императора Франции. Но быстрому сближению помешало то, что Наполеон III поднял вопрос о положении Польши, а Александр категорически отверг какое-либо вмешательство в польские дела, считая этот вопрос своим внутренним делом. 19 сентября в Веймаре состоялась давно подготавливавшаяся встреча Александра с австрийским императором Францем-Иосифом, тоже не давшая определенных результатов.

Почти полугодовое странствие царя и царицы закончилось их приездом в Царское Село 15 октября.

Почти весь 1858 год прошел в странствиях по России, сначала на Север: Вологда, Архангельск, Соловки и Валаам, а потом – по Волге до Нижнего Новгорода и, наконец, в Варшаву.

Одним из наиболее важных событий конца 50-х годов в жизни царской семьи, несомненно, было совершеннолетие старшего сына Александра II Николая. Восьмого сентября 1859 года цесаревич Николай Александрович принес присягу на верность императору, принял всех послов, аккредитованных в

Петербурге, совершенно очаровав их умом и сердечностью. Но на следующий год с ним случилось несчастье – во время скачки на ипподроме в Царском Селе цесаревич упал с лошади и ушиб себе спину, на что сначала не обратили должного внимания, но об этом – чуть позже.

Новелла 2. Смерть цесаревича Николая Александровича

В 1861 году Александр II совершил свое самое выдающееся деяние – отменил крепостное право, а затем очень много времени уделял законодательному процессу налаживания новых отношений в деревне.

До личных дел и забот о самом себе у него совсем не было времени. Только весной 1864 года он вместе с Марией Александровной отправился на воды в Киссинген и Швальбах, где они и пробыли до конца июня.

В это же время в Европу отправился и цесаревич Николай Александрович, который перед тем, в 1861–1863 годах, успел совершить два очень продолжительных путешествия, крайне насыщенных и весьма полезных с познавательной точки зрения. После этого, как бы продолжая образовательную программу, в июне 1864 года цесаревич поехал за границу. Один из сопровождавших его в этом путешествии, профессор Б. Н. Чичерин, известный историк, философ и правовед, – писал: "Мы путешествовали, как кружок друзей разных возрастов, различных положений, но все соединенные общим чувством и общими стремлениями. Центром этого маленького мира был прелестный юноша с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, веселый, приветливый, обходительный, принимающий во всем живое участие, распространяющий какое-то светлое и отрадное чувство". Объехав Германию и Голландию, цесаревич направился в столицу Дании Копенгаген и там, в замке Фреденсборг, встретил прелестную семнадцатилетнюю принцессу Дагмару, дочь датского короля Христиана IX, и принял решение сделать ей предложение. Имя Дагмара является аналогом имени Аврора, по-датски означая "Утренняя заря". Принцесса родилась в Копенгагене 14 ноября 1847 года.

До знакомства с цесаревичем Николаем Александровичем жизнь Дагмары проходила в религиозной и высоконравственной семье гвардейского офицера, женатого на племяннице бездетного короля Дании Фредерика VII – последнего короля из династии Ольденбургов.

Пятнадцатого ноября 1863 года Фредерик умер, и престол перешел к отцу Дагмары – Христиану Глюксбургу, первому представителю новой династии на датском троне. Мать Дагмары – принцесса Луиза Гессенская, доставившая своим браком трон собственному мужу и ставшая королевой Луизой, – имела трех сыновей и трех дочерей, сыгравших затем видную роль в династической истории Европы. Старший брат Дагмары в 1903 году наследовал от своего отца корону Дании и взшел на трон под именем Фредерика VIII. Принцесса Александра вышла замуж за принца Уэльского Эдуарда, а после того, какой стал королем Великобритании Эдуардом VII и императором Индии, эти же титулы стала носить и Александра. Второй брат Дагмары стал королем Греции под именем Георгиоса I, а младшая сестра – Тира, выйдя замуж за короля Ганновера, герцога Кумберлендского, добавила в фамильную копилку титулов датского королевского дома еще и эти два титула. Дагмара же стала императрицей России.

Однако это случилось позднее, а летом 1864 года дело дошло только до того, что Николай Александрович послал к своим родителям, находившимся в это время в Дармштадте, на родине императрицы Марии Александровны, одного из свитских офицеров, князя В. А. Барятинского. Царь и царица согласились на помолвку с Дагмарой, и 20 сентября помолвка совершилась. Вслед за тем произошло и обручение, и Дагмара стала невестой цесаревича, о чем жители

Петербурга были извещены пушечным салютом в 101 выстрел. Невеста переехала из Дании в Дармштадт, к своим новым родственникам, и стала заниматься там законом Божьим, готовясь к переходу в православие. А Николай Александрович уехал в Италию, где у него начались сильнейшие боли в спине. Врачебный консилиум вынес решение, что это не более, чем острый приступ ревматизма, и порекомендовал больному провести зиму в Ницце. Между тем цесаревич уже не мог распрямиться и ходил сильно сторбившись, с каждым днем слабея все больше и больше. А в начале апреля дела пошли настолько плохо, что 4 апреля к нему выехал двадцатилетний великий князь Александр, а еще через два дня и сам император с восемнадцатилетним сыном Владимиром. По пути к ним присоединилась невеста цесаревича со своей матерью, но когда они приехали в Ниццу, цесаревич уже умирал. Великий князь Александр стоял у изголовья умирающего, но еще находящегося в полном сознании брата, когда в комнату вошла Дагмара. Она стала рядом с Александром, и они вместе пробыли у постели цесаревича до самой его смерти. Однако, прежде чем это случилось, цесаревич, чувствуя, что никакой надежды на то, что он останется жив, нет, в один из последних дней своей жизни соединил их руки и взял с них обещание, что они станут мужем и женой. Александр и Дагмара плакали, уверяя больного, что он непременно выздоровеет. Но никаких надежд ни у кого не осталось. Приехавшие в Ниццу мировые медицинские светила, и среди них и Н. И. Пирогов, поставили диагноз: туберкулезное воспаление спинного мозга. Это был смертный приговор. В ночь на 13 апреля 1865 года Николай Александрович умер.

В его изголовье стояли принцесса Дагмара и любимый брат Александр. Горе утраты любимого жениха и брата очень сблизило их. Они не знали тогда, да и не смели думать, что пройдет всего полтора года и они станут мужем и женой, а их будущий сын – Николай – станет последним императором России... А после того, как Николай Александрович 28 мая был похоронен в Петропавловском соборе, его брат Александр был провозглашен цесаревичем, и ему суждено было через 16 лет взойти на престол под именем Александра III.

Новелла 3. Нимфы государя Александра Николаевича и начало великой любви

Между тем семейные дела Александра II после 1860 года вступили в новую фазу. Прошло уже 19 лет со дня свадьбы с Марией Александровной, успевшей родить двух дочерей и шестерых сыновей, из которых только первая дочь – Александра – умерла. Последнего своего ребенка – Павла – императрица родила, когда ей шел тридцать седьмой год.

А вместе с тем у императрицы было не очень хорошее здоровье, и многочисленные роды не шли ей на пользу. Кроме того, климат Северной Пальмиры был не чета климату ее родины – Южной Германии, и все это привело к тому, что Мария Александровна стала страдать астмой и сердечными приступами.

Нездоровье повело к охлаждению отношений между нею и Александром, которому к этому времени было чуть больше сорока лет. Природа, как известно, не терпит пустоты, и сердечный вакуум был вскоре заполнен: по утверждению изучавшего "донжуанский список" Александра II историка Г. И. Чулкова, царь последовательно переменял полдюжины любовниц. Чулков называет Долгорукову 1-ю (не следует путать ее с Долгоруковой Екатериной Михайловной, о которой речь впереди), Замятнину, Лабунскую, Макову, Макарову и Ванду Кароцци. Сюда же вплетает Чулков мимолетную и совершенно скандальную историю с какой-то гимназисткой, дочерью камер-лакея. Однако

все эти увлечения, если они и были, представляли собою не более чем слухи и сплетни, за исключением истории с двадцатилетней красавицей княжной Александрой Сергеевной Долгоруковой (Долгоруковой 1-й). Княжна обладала сильным характером и четким, мужским умом. Однако через непродолжительное время император охладил к ней. Дав ей понять, что возврат к прежним отношениям невозможен, Александр способствовал скорому замужеству Александры Сергеевны. Мужем бывшей фаворитки стал генерал Альбединский, вскоре после свадьбы отправленный генерал-губернатором в Варшаву. Став мадам Альбединской, бывшая мадемуазель Долгорукова навсегда ушла из жизни императора, и он едва ли рассчитывал услышать когда-нибудь ее девичью фамилию.

Однако судьбе было угодно распорядиться иначе.

* * *

Весной 1865 года сорокасемилетний император прогуливался в Летнем саду. Он заметил прелестную девушку — грациозную, модно одетую, с румянцем во всю щеку, с большими лучистыми глазами. Это была дальняя родственница Александры Долгоруковой — теперь Альбединской — восемнадцатилетняя княжна Катенька Долгорукова.

Александр знал ее давно. Летом 1857 года, оказавшись на больших маневрах под Полтавой, он останавливался в имении ее отца — князя Михаила Михайловича Долгорукова и тогда-то впервые увидел Катеньку. Девочка поразила его ласковостью, непосредственностью и грацией, и царь запомнил ее. Через несколько лет Долгоруковы разорились — из-за непрактичности и широкого образа жизни. Их усадьба была несколько раз описана кредиторами, и, только продав фамильные бриллианты и золото, Долгоруковы смогли уплатить проценты и спасти Тепловку от публичных торгов с молотка. Подкосила их и реформа 1861 года, а еще более — неожиданный пожар, погубивший большой и богатый дом. После этого княгиня Вера Долгорукова написала Александру о всех постигших их несчастьях, и царь велел определить четверых мальчиков в петербургские кадетские корпуса, а Катеньку и Машеньку — в Смольный. Кроме того, Александр остановил "экзекуцию" банков и тем спас семью от окончательного разорения. Однако переживания последних лет настолько подорвали здоровье князя Долгорукова, что он вскоре умер, а его вдова переехала в Петербург и, сняв скромную маленькую квартирку, жила от воскресенья до воскресенья, когда к ней могли прибегать сыновья. Иногда навещала она дочерей, прилежно учившихся и мечтавших попасть при выпуске на мраморную доску первых в своих классах. Самой большой радостью для девочек были посещения матери и "царские дни", когда в Смольный приезжал царь и визит его сопровождался роскошным обедом и многочисленными подарками.

Александр приехал в Смольный в Вербное воскресенье 1865 года, и ему были представлены все преподаватели, наставницы и воспитанницы старших классов. Среди последних были и сестры Долгоруковы. Сестры Долгоруковы с самого начала оказались в числе наиболее красивых воспитанниц, хотя и непохожи друг на друга: Катенька была шатенкой с лицом цвета слоновой кости, Машенька — ярко выраженной блондинкой, с лилейным цветом кожи и привлекательной соразмерной полнотой. Увидев восемнадцатилетнюю Катю, Александр влюбился в нее, как бы это ни звучало банально, с первого взгляда. Александр доверил эту свою тайну фрейлине Вареньке Шебеко и стал посылать с нею сестрам Долгоруковым сладости и фрукты. Его выбор посредницы объяснялся тем, что Шебеко и раньше выполняла некоторые деликатные его поручения, и тем, что начальница Смольного института,

мадам Леонтьева, была родственницей Шебеко. Леонтьева, конечно же, догадывалась о происходящем, но не только не препятствовала, но и всячески способствовала зарождению и развитию романа.

Вскоре после визита Александра Катенька простудилась, и ее положили в смольнинскую больницу, в маленькую отдельную палату. Шебеко провела царя к больной – Александр конечно же сохранял инкогнито, – и тогда визитер и больная впервые остались наедине. Как ни была Катя наивна, а все же догадалась, что она очень нравится императору.

А Вара Шебеко поехала к матери Кати и Маши, нашла ей приличную квартиру, оплатила ее и еще дала денег княгине, сказав, что эта помощь исходит от царя, но одновременно попросила сохранить все это в тайне, чтобы в городе не возникло никаких кривотолков. Шебеко даже сказала, что это – семейное счастье Вишневы, подчеркивая, что в девичестве княгиня Вера носила эту фамилию, и именно ее прапрадед был тем самым полковником Вишневым, который привез в Петербург пастушка Алешу Розума, ставшего фаворитом, а потом и мужем императрицы Елизаветы Петровны – графом Алексеем Григорьевичем Разумовским. Едва ли княгиня Долгорукова усмотрела в последней фразе намек на Катю, но она не могла не понять, что ее дочь очень нравится императору. Что же касается Кати, то она была истинная, эталонная смольнянка, чьим идеалом была пушкинская Татьяна, и она оставалась чистой, целомудренной, неприступной, чем еще больше разжигала страсть Александра, не устававшего твердить ей о пламенной и нежной любви.

А Шебеко смотрела далеко вперед и рассчитала, что царь тем быстрее добьется успеха, чем раньше Катя оставит Смольный. Ловкая фрейлина стала все чаще пугать Катю необычайной сложностью предстоящих выпускных экзаменов и посоветовала подать заявление о выпуске из института без экзаменов в связи со слабым здоровьем. Леонтьева конечно же пошла навстречу и разрешила ей оставить Смольный. После этого Катя перебралась к матери, чем сильно обрадовала Александра, который теперь надеялся на содействие княгини Долгоруковой в благоприятном для него развитии романа. Однако посещения царем Кати в квартире ее матери тоже были не очень приемлемы, тем более что отношения между Александром и его возлюбленной оставались совершенно платоническими и делать из квартиры "гнездышко любви" было еще рано. Решено было назначить местом встреч Летний сад, где Александр любил отдыхать после приемов и докладов. А Вара Шебеко обещала будто бы невзначай привести туда Катю.

Так, в первый раз после выхода из Смольного, Александр встретил княжну в Летнем саду. Царь был великий ценитель красоты, подлинный эстет, и для него не было безразличным место свиданий. В то время Летний сад являлся одним из самых прелестных мест Петербурга. Там были высажены диковинные декоративные деревья из царских оранжерей, раритеты России и Европы. Вокруг цвела сирень, жасмин и жимолость, благоухали тюльпаны и нарциссы. По обеим сторонам одной из аллей цвели розы, другую аллею обрамляли левкой. В фонтане плавали золотые рыбки, а между деревьями белели античные мраморные статуи, создавая атмосферу изысканности и классической красоты. Застенчивая и невинная молодая красавица была здесь подобна юной весталке – жрице языческой богини Весты, обреченной на целомудрие. Она была и столь же, как весталки, невозмутима и совершенно спокойна, что сбивало с толку ничего не понимающего Александра, перед которым все терялись, волновались, заискивали и искали протекции. Наконец, благодаря настойчивым разъяснениям Шебеко и матери Катя поняла, что она должна хоть немного пойти навстречу царю и дать ему маленькую надежду на то, что все со временем переменится.

А между тем постоянные посетители Летнего сада заметили статного и красивого пожилого сановника, в одно и то же время гулявшего с хорошенькой молоденькой барышней. И чтобы не искушать судьбу, Варвара Шебеко предложила перенести свидания на острова — Елагинский, Крестовский или Каменный, — где их еще ни разу не видели. Так они и сделали и продолжали встречаться до самого конца 1865 года, а после того и всю зиму 1866-го. За последнее время Катя привыкла к императору, но ее страшно смущало то, что Александр Николаевич был на тридцать лет старше ее, и это очень мешало восемнадцатилетней княжне чувствовать себя естественно. Потому-то и находилась она в сильном смятении вот уже несколько месяцев и вела себя очень скованно и смущенно, соглашаясь лишь на невинные прогулки. Однако раз от разу ей становилось все легче, и Александр чувствовал это и радовался, что лед скованности быстро тает. Оставаясь одна, Катенька все чаще вспоминала Александра, о котором в 1865 году французский поэт Теофиль Готье оставил такое описание: "Волосы государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными скульптором. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой".

Княжна полюбила его после того, как однажды при встрече царь показался ей несчастным и нуждающимся в ее поддержке, в ее жалости и сострадании. Она почувствовала, что необходима этому человеку, именно человеку, а не царю. Екатерина Михайловна совсем по-другому взглянула и на самое себя, ощутив, что она не вчерашняя инфантильная смольнянка, а женщина, готовая к состраданию и самоотверженности.

Первое покушение

Четвертого апреля 1866 года, в четвертом часу дня, император Александр прогуливался в Летнем саду. Окончив променады, он вышел за ворота, где стояла его коляска, и только собрался сесть, как вдруг возле него появился молодой мужчина и направил пистолет прямо в грудь государя. Как только неизвестный выхватил револьвер, один из стоявших возле него зевак сделал резкое движение рукой. Потом утверждали, что он ударил стрелявшего по руке.

Жандармы и некоторые очевидцы случившегося бросились на стрелявшего и повалили его.

— Ребята! Я за вас стрелял! — кричал террорист.

Александр приказал отвести его к экипажу и спросил:

— Ты поляк?

— Русский, — ответил террорист.

— Почему же ты стрелял в меня? — удивился царь.

— Ты обманул народ: обещал ему землю, да не дал.

— Отвезите его в Третье отделение, — сказал Александр, и стрелявшего вместе с тем, кто вроде бы помешал ему попасть в царя, повезли к жандармам.

Стрелявший назвал себя крестьянином Алексеем Петровым, а другой задержанный — Осипом Комиссаровым, петербургским картузником, происходившим из крестьян Костромской губернии. Случилось так, что среди других свидетелей оказался герой Севастополя генерал Э. И. Тотлебен, и он

заявил, что отчетливо видел, как Комиссаров подтолкнул террориста и тем спас жизнь государю.

Александр с места покушения отправился в Казанский собор, где горячо поблагодарил Бога за свое чудесное спасение. А вокруг Зимнего дворца собралась толпа, встретившая его криками "Ура!" и не расходявшаяся до полуночи. Вечером во всех церквях прошли благодарственные молебны, а во дворце собрались члены Государственного совета, сенаторы, министры и генералы. Они тоже кричали "Ура!" и непрерывно поздравляли Александра с чудесным избавлением от смерти.

Как сообщала вскоре офицерская газета "Русский инвалид", 4 апреля вечером, накануне спектакля в одном из театров, зрители потребовали исполнить гимн, и оркестр исполнил его трижды, а публика махала платками и шляпами и кричала "Ура!". В антракте зрители окружили купца, который, по слухам, был очевидцем случившегося у Летнего дворца, и попросили рассказать, что он видел. Купец, встав в партере перед первым рядом, стал рассказывать. У рампы тут же собрались актеры в сценических костюмах и в гриме, бутафоры, плотники, и, когда рассказ был окончен, весь театр запел гимн "Боже, Царя храни!".

Такие демонстрации произошли в это же самое время во всех театрах Петербурга и повсюду, где служились молебны или происходили собрания. Тем более радостно и торжественно отмечали "чудесное избавление государя" в Зимнем дворце, где при огромном стечении народа Александр обнимал и целовал своего "спасителя", а затем возвел Осипа Ивановича Комиссарова-Костромского в потомственные дворяне.

Из уст в уста передавали, что Осип Иванович родился в селе Молвитино Костромской губернии, недалеко от знаменитого села Домнина – родины Ивана Сусанина. И тут же нового "спасителя" стали называть вторым Иваном Сусаниным.

Не менее торжественно отметили "подвиг" Комиссарова в Москве. В его честь в Английском клубе был устроен грандиозный банкет, сам он был избран почетным членом, а московское дворянство поднесло Осипу Ивановичу золотую шпагу.

Ретивость дворянства не знала границ: в честь Комиссарова была объявлена подписка на сбор средств, чтобы купить для него имение. Дворяне быстро собрали деньги и купили Осипу Ивановичу усадьбу. Да только, оказавшись помещиком и богачом, бывший картузник запил и в пьяном виде повесился. А доставленный в III Отделение террорист лишь на шестые сутки сознался, что вовсе он никакой не крестьянин Петров, а саратовский дворянин Дмитрий Васильевич Каракозов. Следствие по его делу было поручено Особой комиссии во главе с М. Н. Муравьевым, и тот вскоре дознался, что за Каракозовым стоит революционная организация – "Московский кружок", возглавляемый двоюродным братом террориста Н. А. Ишутиным, вольнослушателем университета, установившего связи с разрозненными подпольными кружками разгромленной революционной организации "Земля и воля". Вдохновителем и организатором "Земли и воли" был Чернышевский, а заграничными помощниками и единомышленниками – Герцен и анархист М. А. Бакунин. Кружок Ишутина состоял из учащихся и студентов, готовившихся к насильственному перевороту и активно пропагандировавших социалистическое учение.

Ишутин и многие другие члены организации были арестованы. Во время суда выяснилось, что кружок состоял из двух частей – "Организации" и "Ада". Большинство состояло в "Организации" и о существовании "Ада" не знало. А в "Аду" состояли особо доверенные, глубоко законспирированные боевики-террористы. Именно они готовились к цареубийству, которое попытался осуществить Каракозов.

Попав в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, Каракозов производил на всех его видевших и общавшихся с ним: следователей, жандармов, солдат, врачей, священника, отца Полисадова, много дней пытавшегося добиться от узника раскаяния и примирения, – впечатление человека, находящегося на грани сумасшествия.

По делу Каракозова суду было предано 36 человек, хотя арестовали 196. Однако и предварительное следствие, и судебное разбирательство были объективными, и потому 160 человек были освобождены сразу же.

Суд приговорил только двоих – Каракозова и Ишутину – к смертной казни. Остальные же попали на каторгу и в ссылку. 3 сентября на Смоленском поле были поставлены две виселицы, и Каракозов с Ишутиным взошли на эшафот. Однако в последний момент смертная казнь Ишутину была заменена пожизненной каторгой. До мая 1868 года Ишутин находился в Шлиссельбурге, а потом был выслан на Кару, где и умер через одиннадцать лет с признаками явного помешательства.

По делу ишутинцев правительство сделало выводы и прежде всего закрыло "Современник" и "Русское слово", где публиковались произведения Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского, Писарева, Шелгунова и других радикалов и прогрессистов. Был уволен с поста министра народного просвещения либерал А. В. Головин, а на его место назначен обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой – впоследствии министр внутренних дел. Петербургским генерал-губернатором вместо А. А. Суворова был назначен ревностный сподвижник М. И. Муравьева генерал Трепов, а шефом жандармов стал молодой и энергичный генерал-майор свиты граф Петр Андреевич Шувалов, вскоре прозванный "Петром IV" из-за необъятной власти, которую он получил. Правительство усматривало корни случившегося в событиях, происшедших за четыре года до того, как сидевший в предварительном заключении бывший студент Петр Заичневский написал прокламацию "Молодая Россия". Он призывал в ней к свержению монархии, к уничтожению всей царской семьи и тех, кого он называл "императорской партией". "Императорская партия! Думаете ли вы остановить этим революцию, думаете ли запугать революционную партию? Или до сих пор вы не поняли, что все ссылки, аресты, расстреливания, засечения насмерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и заставляют все теснее и теснее смыкаться революционную партию, что за всякого члена, выхваченного вами из ее среды, ответите вы своими головами? Мы предупреждаем и ставим на вид это только вам, члены императорской партии, и ни слова не говорим о Романовых – с теми расчет другой! Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь Дом Романовых".

Прокламация "Молодая Россия" появилась весной 1862 года, а вскоре после этого в Петербурге запылали пожары, и как было не связать одно с другим? И подобно тому, как не удалось отыскать поджигателей, не нашли и автора прокламации, и как было не поверить в то, что революционная партия существует, но спряталась так глубоко и так хитроумно, что простым смертным ее ни за что не отыскать?

А в нужный для нее момент она вдруг появится там, где ее не ожидали, и нанесет решительный удар. И вот один из ударов обрушился 4 апреля 1866 года, в четвертом часу дня. Злодей хотя и был казнен, но многие его единомышленники остались на воле и продолжали свое адское дело.

Новелла 5. Павильон "Бабигон"

Вот в этих-то самых обстоятельствах – чудесном избавлении от смерти, в необходимости казнить двадцатипятилетнего Каракозова, в растерянности от того, что в ответ на все свои благодеяния император получает пулю, – Катенька Долгорукова и пошла навстречу мольбе Александра подарить ему свою любовь.

Однако не только у Александра произошли в это время экстраординарные обстоятельства. Кате тоже выпало на долю страшное потрясение: весной этого же, 1866 года, тяжелого для них обоих, у Кати умерла мать. И она осталась бы в горе своем одна, если бы не все та же незаменимая Варя Шебеко, которую девушка звала "тетя Вава". Она не дала Кате почувствовать одиночество и тотчас же переехала в опустевшую квартиру княгини Долгоруковой, поддержав сироту в самые трудные для нее часы и дни. Здесь они сблизилась еще более, и тетя Вава стала "вторым я" Катеньки Долгоруковой. Чаще всего говорили они о государе, о его любви к Катеньке, о его ни с чем не сравнимом терпении и благородстве. И мало-помалу Катенька поверила, что она и Александр созданы друг для друга и что ее долг полюбить его и помочь ему.

Первого июля в царской семье праздновалась годовщина свадьбы Николая I с императрицей Александрой Федоровной. Хотя Николай умер уже одиннадцать лет назад, но вдовствующая императрица-мать продолжала отмечать эту дату. Причем отмечали ее не в узком семейном кругу, а устраивали большое народное гулянье с угощением многих тысяч гостей. Традиционным центром таких празднеств был Петергоф, куда сходились и съезжались все, кто хотел, – от первых сановников империи до последних бедняков – все равно. В трех верстах от главного Петергофского дворца находился павильон "Бабигон", где останавливались царские гости. Окруженный кустарниками и цветами, уединенный и тихий, павильон "Бабигон" и стал хранителем тайны их первого любовного свидания.

Катю привезла сюда тетя Вава и осталась с нею вместе ночевать. В бельэтаже "Бабигона" было несколько прекрасно меблированных комнат с ваннами, туалетами, горячей и холодной водой. Уложив Катю в одной из комнат, Шебеко устроилась в соседней.

После того как погасли огни праздничного фейерверка, в "Бабигон" пришел Александр и остался у Кати.

Впоследствии княгиня Долгорукова говорила, что во время этой встречи она была близка к обмороку, и, что совсем уж неожиданно, почти в таком же состоянии трепета и восторга был и ее возлюбленный. Расставаясь с нею, царь сказал: "Я не свободен сейчас, но при первой же возможности и женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я перед Богом считаю тебя своею женой. До завтра! Храни и благослови тебя Бог!"

Когда наступила осень и пошли затяжные дожди, двор вернулся в Петербург. Но и там Долгорукова не реже чем через день продолжала навещать царя. Местом их свиданий стал Зимний дворец. Александр приспособил для встреч с нею кабинет своего покойного отца Николая I, расположенный в первом этаже и имеющий отдельный вход прямо с площади. Кабинет был невелик: мебель, картины, портьеры – все в нем оставалось прежним, только теперь сюда никто не входил, и некоторое время никто ничего не подозревал, ибо другой вход в кабинет был потайным и о нем знал только царь, так как он соединялся с апартаментами Александра, расположенными на втором этаже. Однако воистину нет ничего тайного, что не стало бы явным. И об этой связи скоро узнали. Принятая при дворе жена брата Долгоруковой князя Михаила Михайловича узнала о слухах, в которых ее обвиняли в сводничестве меж ее золовкой и императором, и, для того чтобы все случившееся не

переросло в скандал, решила отправиться вместе с Катей в Неаполь, к своим родственникам.

Старший брат Кати был женат на очаровательной неаполитанке маркизе Луизе Вулкано де Черчемаджиоре, которая дружила со своей золовкой, была ей верна, но знала о ее делах далеко не все.

Александр, посвященный Катей в этот план, одобрил его, и две прекрасные заговорщицы, получив необходимые средства от царя, вскоре уехали. Но чувства Александра оказались столь сильны, что он не мог провести ни единого дня, чтобы не написать своей возлюбленной хотя бы коротенького письма. Любовь эта оказалась не каким-то мимолетным чувством, которое было знакомо Александру прежде, а ни с чем не сравнимой страстью, буквально сводящей его с ума. И потому, оставаясь в Петербурге, он ни о чем другом не мог думать, кроме как о свидании с Катей, свидании во что бы то ни стало.

Однако с их отъездом не все успокоилось. А причиной беспокойства оказалась все та же неугомонная тетя Вава, не представлявшая свою жизнь без интриг.

Как только Луиза и Катя уехали, Шебеко взяла под свое покровительство младшую сестру Кати – Марию, носившую и в семье, и в Смольном прозвище "Муш". Девушка, оставшись сиротой, в том же, 1866 году была вынуждена уйти из института и буквально оказалась на улице без жилья и без средств. Она пришла в дом к одному из своих братьев – Василию Долгорукову, женатому на сестре Варвары Шебеко. Муш было 18 лет, и она была красивой, веселой и остроумной девушкой, во многом превосходя свою старшую сестру. Шебеко, увидев Муш, тотчас же подпала под ее совершенно неотразимое очарование, и у нее тут же возник воистину inferнальный замысел свести Марию с царем. Она знала, что он одинок, по-прежнему влюбчив и не знает, когда вернется из Италии старшая Долгорукова.

Сын Марии Долгоруковой, вышедшей впоследствии замуж за графа Георгия Берга, оставил записки, в которых рассказывал о том, что слышал от своей матери. В этих записках граф Борис Берг писал: "Вава должна была родиться при дворе Борджиев, где она нашла бы подходящую для себя атмосферу. Вава, зная, что Катя будет отсутствовать почти все лето, скроила дьявольский план".

Вава привезла Муш в "Бабигон" и отвела к Александру, а сама стала ждать, когда девушка выйдет от императора. Прошло немало времени, прежде чем заплаканная и взволнованная Муш вышла из комнаты царя.

Интриганка уже торжествовала, как вдруг ее постигло глубокое и неожиданное разочарование. Оказалось, что Александр долго и подробно расспрашивал девушку о ее жизни, о ее планах и потом внимательно и сочувственно слушал ее рассказ о бедствиях и нищете, обрушившихся на нее, о смерти матери и равнодушии родственников. В конце рассказа Муш, расчувствовавшись, заплакала и увидела слезы и в глазах Александра. Вслед за тем царь встал и, достав из письменного стола кошелек с золотыми монетами, попросил Муш взять их себе, сказав: "Я был у вас в Тепловке и был знаком с вашими родителями. Царство им Небесное. Я позволяю себе в их память поднести вам эту помощь. Простите мне, милая барышня, что я временно упустил вас из виду. Вы станете и впредь получать мою стипендию. Когда вам будет необходимо, вы всегда можете обращаться ко мне". Затем Александр отечески обнял ее и, поцеловав в лоб, сердечно распрощался. Потрясенная рассказом, Варвара Шебеко впервые в жизни поверила в любовь и верность, убедившись, что для Александра не существуют более никакие другие женщины, кроме его единственной возлюбленной – Катеньки Долгоруковой.

Новелла 6. Сватовство и обручение цесаревича Александра Александровича

В то время, когда происходили все эти события, цесаревич Александр Александрович решил жениться и остановил свой выбор на Дагмаре, которая вот уже более года безраздельно владела его сердцем. Однако из-за того, что Александр был скромен и застенчив, он не говорил Дагмаре о своих чувствах, хотя догадывался, что бывшая невеста покойного его брата, кажется, равнодушна к нему.

Летом 1866 года новый цесаревич уехал путешествовать в Европу с намерением заехать и в Копенгаген и там еще раз проверить свои чувства по отношению к Минни, как звали Дагмару в узком семейном кругу Романовых. И когда он увидел ее снова, решимость объясниться с Дагмарой стала непреодолимой. И все же сначала цесаревич решил посоветоваться с отцом: "Я чувствую, что могу, и даже очень, полюбить милую Минни тем более, что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я молюсь усердно Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье".

Наконец 11 июня он решился сделать предложение, о чем в тот же день писал отцу: "Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографические альбомы вдвоем, мои мысли были совсем не на карточках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы у меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она отвечала мне, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах".

Семнадцатого июня 1866 года была помолвка в Копенгагене, а через три месяца нареченная невеста прибыла в Кронштадт, где ее встретили император, императрица и все члены их семьи. Из Кронштадта они поехали в Царское Село, а 17 сентября 1866 года, в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи, в чудесный, ясный и по-летнему теплый день въехали в Петербург. Весь Невский проспект был заполнен бесконечной вереницей золоченых и придворных карет, многочисленной свитой, следовавшей верхом за каретой невесты, в которой рядом с нею сидела и императрица-мать. Дома были украшены цветами, коврами, русскими и датскими флагами.

Возле Казанского собора шествие остановилось, и члены царской фамилии взошли на ступени храма, где их встретил митрополит Исидор и причт, окруженный клиром. После молебна молодые поехали в Зимний дворец, и принцесса непрерывно кланялась на обе стороны, прижимая руки к сердцу. А вечером цесаревич, Дагмара и императрица Мария Александровна проехали по главным улицам Петербурга, встречаемые радостными, восторженными кликами.

Тринадцатого октября состоялся обряд обручения, миропомазания и наречение новым именем – великой княжной Марией Федоровной, а еще через полмесяца был издан манифест о вступлении в брак Александра Александровича и Марии Федоровны, и в честь их бракосочетания была объявлена амнистия, а с неисправных должников были сложены недоимки и взыскания.

Датской принцессе было непросто занять подобающее ей место в российской императорской семье и при петербургском дворе, но она успешно справилась с этим, вызвав, правда, неудовольствие партии великого князя Константина Николаевича и откровенную радость их политических противников.

"Цесаревна Мария Федоровна, — писал князь П. В. Долгоруков, — хотя не красавица в полном смысле слова, но женщина необыкновенно приятная лицом, взглядом, обхождением, разговором, женщина очень умная, но властолюбивая и совершенно преданная понятиям ретроградным". Долгоруков объяснял эту реакционность Марии Федоровны полученным ею воспитанием и ее природными корнями. "Отец ее, — продолжал Долгоруков, — датский король, преисполнен аристократической спеси, ненависти к либерализму и к современным идеям, а мать, родом из Гессен-Кассельского рода, который разбогател в XVIII веке, продавая своих подданных в английскую армию: за солдата, который возвращался увечным, платилось столько-то процентов прибавки, а за солдата убитого или умершего платилось еще большая прибавка".

Разумеется, Мария Федоровна и при дворе своего свекра опиралась на тех царедворцев, которые были близки ей по духу и взглядам. И первым из них оказался шеф жандармов и начальник III Отделения граф Петр Андреевич Шувалов, а вторым — его двоюродный дядя, гофмаршал двора цесаревича, Владимир Яковлевич Скарятин — сын Якова Федоровича Скарятин, одного из убийц императора Павла.

Новелла 7. Второе покушение

Шестнадцатого мая 1867 года император с двумя своими сыновьями — Александром и Владимиром — и с большой свитой выехал в Париж на Всемирную выставку и 20 мая прибыл в столицу Франции. Их встречал Наполеон III, поселивший высоких гостей в Елисейском дворце, в тех же апартаментах, которые в 1814 и 1815 годах занимал Александр I. Каждый день пребывания императора и великих князей в Париже ознаменовывался пышными и блестящими торжествами и празднествами: обед и бал в Тюильри сменился парадным спектаклем в Опере, а затем последовало и посещение Выставки. Однако официальный протокол не отражал всего многообразия мероприятий, к которым приобщился в Париже Александр II. Не знали об этом и приставленные к царю французские агенты. А дело было в том, что Александр собрался в Париж не только потому, что ему хотелось увидеть великий город, двор Наполеона III и Всемирную выставку, но и потому, что там ждала его Катенька Долгорукова. В первый же день приезда Александр отправился в Комическую Оперу, но уехал со спектакля, заявив, что он скучен. Вернувшись в Елисейский дворец, царь около полуночи постучал в двери апартаментов графа Адлерберга и попросил у него немного денег.

— Сколько вам нужно? — спросил удивленный граф.

— Даже не знаю, может быть, сотню тысяч франков?

Адлерберг дал Александру сто тысяч, и как только царь ушел, министр двора тут же сообщил находившемуся в том же дворце шефу жандармов Шувалову, что Александр ушел, как он сказал, на прогулку и просил его не сопровождать. Шувалов не забеспокоился, потому что по инструкции за царем должны были следовать русские агенты. Однако время шло, а Александра не было. Он вернулся во дворец в три часа ночи. А утром агенты доложили, что царь взял наемный фиакр и поехал на улицу Рампар, в дом, где остановились, как выяснили агенты, две знатные дамы-иностранки: одна из них была Китти Долгорукова, вторая — жена ее брата Михаила, до замужества итальянская маркиза Вулкано.

А 25 мая в честь Александра на Лоншанском поле был устроен смотр войск. После смотра Александр, Наполеон III и свиты обеих императоров неспешно и торжественно поехали к городу через Булонский лес. Наполеон, Александр и оба великих князя сидели в одной открытой коляске, как вдруг раздался выстрел, но пуля попала в лошадь французского шталмейстера, ехавшего рядом. Стрелявшего задержали. Им оказался двадцатилетний польский эмигрант Антон Иосифович Березовский, сын бедного дворянина Волынской губернии. Шестнадцати лет он участвовал в восстании 1863 года, а потом бежал за границу. Два года он работал в слесарной мастерской и не был связан ни с какими революционными организациями. Когда его предали французскому суду присяжных заседателей, он заявил, что покушение на царя было задумано и осуществлено им самим без чьей-либо помощи и соучастия. Покушение он считает своим личным делом и просит рассматривать как акт мести за вековое угнетение Польши и за те жестокости, которые совершали русские войска и царская администрация при подавлении восстания 1863 года. Симпатии к Польше были во Франции многовековой традицией. Березовского суд присяжных приговорил к пожизненной каторге. Забегая вперед, скажем, что осужденный провел на каторге почти 30 лет. Лишь в 1906 году он был помилован премьер-министром Клемансо, но когда ему сообщили об освобождении, Березовский отказался оставить место заключения.

Мужество и невозмутимость Александра, проявившиеся при втором покушении на его жизнь (а на жизнь Александра покушались потом еще несколько раз), стали в Париже предметом всеобщего восторга и поклонения.

Новелла 8. Домашние дела и романтические предприятия

Вернувшись из Парижа в Петербург, Александр продолжал встречаться с Катей, но уже не у себя во дворце и не в "Бабигоне", так как о местах их встреч стало известно, а на квартире брата Кати Михаила Михайловича Долгорукова.

Однако и это убежище оказалось недолговременным: боясь потерять фамильную честь, Луиза и Михаил вскоре отказали царю и Екатерине Михайловне в приюте.

Сохранились письма Александра к Луизе, в которых самодержец Всея Руси умоляет ее не лишать его и Катю их единственной возможности быть вместе. Но Долгоруковы были непреклонны и закрыли для любовников двери своей квартиры. И тогда нашелся один человек, рискнувший пожертвовать своей репутацией, — это был начальник личной охраны царя генерал Рылеев, который по долгу службы обязан был без малейшего колебания отдать за Александра жизнь.

Что же касается возлюбленной царя, то она как была наивной и бескорыстной идеалисткой, так ею и осталась, не понимая реалий жизни. К Екатерине Михайловне Долгоруковой очень подходили слова, сказанные за два века перед тем мудрым французом Жаном де Лабрюйером: "Ничто не делает такой чести государю, как скромность фаворита. Фаворит всегда одинок: у него нет ни привязанностей, ни друзей. Он окружен родственниками и льстецами, но не дорожит ими. Он оторван от всех и как бы всем чужд".

Только в случае с Долгоруковой эта сентенция усугублялась тем, что возле нее не было ни родственников, ни льстецов.

Александр знал это, чувствовал и понимал. И оттого, испытывая угрызения совести перед женщиной, которой он не мог дать самое необходимое — покой и кров, старался быть как можно нежнее и внимательнее.

Оставаясь у Рылеева, уже пожилой царь не только расточал супружеские ласки, но и старался замолить обуявший его грех. Александр не был ханжой, но глубокое религиозное чувство заставляло его придавать отношениям с Катей максимально возможную духовность, возвышенность и чистоту. Они вместе читали Послания апостола Павла, вместе молились и просили Бога дать им супружеское счастье и прекрасных, здоровых детей. И почти всякий раз, расставаясь, Александр как клятву повторял, что Катенька – его жена перед Богом и что он обязательно сделает ее своей законной женой и перед людьми, если на то будет Божья воля.

* * *

В 1868 году Александру II исполнилось 50 лет. Это событие отмечалось в семейном кругу, и если бы не полувековой юбилей шефства царя над лейб-гвардейским Гусарским полком, то юбилей его прошел бы почти незамеченным. Однако полковые торжества, в которых участвовал не только весь личный состав, но и ветераны, получили известный резонанс в гвардии. А через три недели после этого – 6 мая 1868 года – в Царском Селе Мария Федоровна родила первенца. Его отец, великий князь Александр Александрович, записал в дневнике: "Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец, мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще и сильнее. Я скорее написал Мама записку об этом, и Мама с Папа приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец в половине третьего пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была – это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно". Едва ли младенцу дали это имя в честь его прадеда Николая Павловича – он по-прежнему оставался непопулярным и не прибавил бы симпатий новому потенциальному цесаревичу. Его называли так, скорее всего, в память о дяде – Николае Александровиче, первую годовщину смерти которого отмечали менее чем за месяц до его рождения. К тому же покойный был и любимым братом цесаревича Александра Александровича, и старшим сыном Александра II и Марии Александровны, и первым женихом Марии Федоровны. Новорожденному Николаю Александровичу предстояло стать последним российским императором. Он появился на свет в день святого праведника великомученика Иова, библейское предание о котором сильно напоминает жизнь Николая II.

Иову довелось безропотно пройти через многие испытания – он потерял все, что нажил, и был свидетелем гибели всех своих детей. То же самое было написано на роду и этому младенцу. И когда в день своего рождения Николай читал в Библии "Книгу Иова", то не раз бросались в глаза ему такие строки из IV главы: "Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Нет мне мира, нет покоя, нет отрады, постигло несчастье". В какой-то мере это обстоятельство сделало Николая

фаталистом, убежденным, что судьба его predeterminedена самим временем его появления на свет. Накануне крушения монархии, как писал потом об этом великий князь Александр Михайлович, Николай сказал: "На все воля Божья. Я родился 6 мая, в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу".

Но это случится через пятьдесят лет, а тогда, в день появления на свет своего первого внука, император Александр объявил амнистию, причем наибольшие льготы получили политические преступники – участники восстания в Польше и русские революционеры. Всех политических преступников-каторжан перевели в разряд ссыльных, а ссыльным разрешили поселиться в городах и даже в России, но в отдаленных от столиц губерниях.

Вскоре состоялись и крестины. Крестными Николая был сам его августейший дед – Александр II, его бабушка со стороны матери – датская королева Луиза, двоюродная прабабушка – великая княгиня Елена Павловна, вдова великого князя Михаила Павловича, и дядя – датский принц Фредерик. Нести младенца было доверено гофмейстерине княжне Куракиной, а сопровождали ее фельдмаршал князь А. И. Барятинский и канцлер князь А. М. Горчаков, тот самый, что при коронации выронил из рук державу. Но на сей раз в руках его ничего не было, он только ассистировал Куракиной, несшей будущего самодержца на подушке.

Нетрудно представить, какие чувства испытывал Александр II на крестинах своего первого внука. Он не мог нарадоваться рождению первенца у своего старшего сына, тем более что родился мальчик, которому предстояло занять российский трон, но вместе с тем этот мальчик превратил его в деда, а его жену сделал бабкой, и это еще раз напомнило Александру о его возрасте, как напомнили об этом чуть раньше прошедшие юбилеи – сначала серебряная свадьба, а затем и его собственное пятидесятилетие.

Новелла 9. Рождение сына в "малой" семье императора

В 1871 году Александр еще раз побывал на водах в Эмсе, а возвратившись в Россию в конце августа, уехал на Кавказ, взяв с собой двух старших сыновей – Александра и Владимира. После трехдневной остановки в Москве царь и великие князья отправились на пароходе по Волге, останавливаясь ненадолго в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Астрахани. Затем на пароходе "Цесаревна Мария" через Каспийское море они поплыли в Петровск (ныне Махачкала), где высадились 7 сентября.

Александр направился в Гуниб – столицу мятежного Шамиля, скончавшегося весной того же года в Медине. Далее царь проехал Владикавказ и 20 сентября торжественно въехал в Тифлис.

Пять дней купался Александр в грузинском гостеприимстве, а затем через Боржоми, Кутаиси и Поти приехал 30 сентября в Ливадию. Пробыв там до конца октября, все царское семейство возвратилось в Петербург. И здесь их ожидала большая неожиданность – приятная для Александра и весьма неприятная для императрицы, но в равной мере волнующая и его и ее. Дело в том, что Екатерина Михайловна забеременела. Александр опасался порочащих слухов, сплетен и пасквилей, равно боялся и за ее жизнь.

Долгорукова по-прежнему жила у своего брата. По счастливой случайности ее беременность протекала таким довольно редким образом, когда внешне до самых родов не было заметно никаких ее признаков, и Екатерина Михайловна продолжала сохранять прежнюю стройность. Будущие отец и мать договорились, что как только Екатерина почувствует первые предродовые схватки, она тут же поедет в свое убежище – кабинет Николая I, и там, строго сохраняя тайну, у нее будут приняты роды.

Под вечер 29 апреля 1872 года Долгорукова почувствовала, что роды близки. Никого не предупредив и ничего не сказав ни княгине – своей невестке, ни горничной, она вышла из дома, наняла карету и поехала в Зимний Незаметно войдя во дворец, Екатерина Михайловна прилегла на диван, и тут пришел к ней Александр.

Они провели вместе около часа, как вдруг схватки прекратились и боли утихли. Роженица отпустила Александра в его апартаменты и постаралась уснуть. Возле нее остался только гренадер-часовой из стариков "Золотой роты" Преображенского полка.

..Александр уснул после полуночи, как вдруг в три часа ночи старый солдат разбудил его. Доверенный слуга тут же кинулся за врачом, но схватки сменяли одна другую, роженица, сдерживая стоны, корчилась на диване, а врача все не было. Александр, не боявшийся выстрелов в упор, теряя самообладание, держал роженицу за руки и, как мог, нежно ободрял и успокаивал ее. Наконец появился доктор Красовский и бабка-повитуха. Роды были мучительными и долгими. Лишь к десяти часам утра 30 апреля Долгорукова родила сына. Было воскресенье, и царь должен был стоять обедню. Александр оставил мать и ребенка, поручив их заботам своего доверенного друга и confidenta генерала жандармерии Рылеева – начальника своей охраны. Рылеев был родней повешенному декабристу К. Ф. Рылееву и особенно дорожил доверием к нему императора. Он жил в глухом Мошкове переулке, и никто не заметил, как туда доставили новорожденного. Тотчас же возле мальчика появилась кормилица, а чуть позже и гувернантка-француженка.

Мальчик был здоров и красив. Через несколько дней его крестили, назвав Георгием. Одним из первых узнал о рождении Георгия германский посол князь Рейс. Он сообщил об этом своему правительству и некоторым русским придворным. Отсюда новость пошла кругами и дошла до царской семьи. Волнение ее членов было необычайно сильным. Особенно потрясены были цесаревич Александр, его жена и обманутая императрица. Братья царя – Константин и Николай, шестидесятилетняя тетка великая княгиня Елена Павловна, старшая по возрасту в императорском доме, собравшись вместе, не только возмущались и негодовали, но и высказывали друг другу серьезные опасения по поводу тех конфликтов и неожиданных ситуаций, которые мог породить этот инцидент. Они были единодушны в том, что ни Георгий, ни его мать ни в коем случае не будут введены в царскую семью и останутся вне династии.

Императрица Мария Александровна, узнав о рождении Георгия, заболела еще сильнее, но ни с кем не обмолвилась по этому поводу ни единым словом. Позицию царской семьи разделяла и вся родовая знать Петербурга. Воронцовы, Шуваловы, Куракины, Панины, Орловы-Давыдовы, Барятинские, Дашковы единодушно осуждали царя, жалея государыню и цесаревича, оказавшегося в сложном и щекотливом положении.

И даже ближайшие к Александру – отец и сын графы Адлерберги – и те не смогли занять другую позицию.

Пересуды еще не замолкли, как вдруг Александр и Долгорукова подбросили еще одну охапку хвороста в жарко пылавший костер сплетен: в конце 1873 года Екатерина Михайловна родила еще одного ребенка. На сей раз это была девочка, названная Ольгой.

Здесь уже страсти ревнителей семейной чистоты закипели так сильно, что управляющий III Отделением, граф Петр Шувалов, должен был поставить царя в известность, что говорят о нем и его личной жизни в Петербурге, в России и за границей.

Царь холодно выслушал Шувалова и надменно дал ему понять, что в свою личную жизнь не даст вмешиваться никому.

Эта непрошенная инициатива стоила Шувалову места – через несколько месяцев Александр неожиданно для Петра Андреевича назначил его послом в Лондон, а на его место поставил дотоле скрывавшегося в тени, скромного и незнатного службиста виленского генерал-губернатора, генерал-майора Александра Львовича Потапова. П. В. Долгоруков сообщает, что был Потапов маленького роста и потому имел среди товарищей прозвище "Потапенюк". Однако был у него большой ум, великая хитрость и неумное стремление к власти, коей добивался он тонкими интригами и огромным трудолюбием. Кроме того, был он честен, ко взяточникам совершенно безжалостен и более всего предан карьере и службе, а отсюда и государю как верховному распорядителю этой стихии.

Новелла 10. Перекрестки матримониальных династических путей

Озабоченный хлопотами со своей "малой" семьей, Александр не забывал и семью "большую". А в ней в то время возникала важная матримониальная коллизия: двадцатилетняя великая княжна Мария Александровна готовилась выйти замуж за сына английской королевы Виктории герцога Эдинбургского. В жизни Александра был эпизод, набрасывавший романтический оттенок на сватовство его дочери и герцога Эдинбургского. В мае 1839 года, когда он, тогда еще двадцатилетний цесаревич, объезжал в поисках невесты Европу, судьба завела его и в Лондон. Там в это время занимала трон девятнадцатилетняя и еще незамужняя королева Виктория. Ей предстояло великое и долготетнее царствование. Прожив и процарствовав до 1901 года, она оставила свое имя целой эпохе, названной "Викторианской", а время ее правления справедливо считали венцом могущества и процветания Великобритании и ее гигантской колониальной империи. Небезынтересным было и то, что крестным отцом Виктории был Александр I, и даже имя, данное ей при крещении, было Александрина, но уже в детстве девочке переменили его на Викторию.

На английском троне Виктория была последней представительницей Ганноверской династии, и потому поиски ей женихов традиционно связывались с немецкими принцами. Юная королева прекрасно понимала разницу между полунищими соискателями ее руки из захолустных немецких княжеств и цесаревичем Александром, чья Страна была одной из великих держав мира. За год до появления Александра в Лондоне одна из придворных дам показала Виктории письмо, написанное ей женою покойного русского посла в Англии княгиней Ливен. В ней княгиня писала: "Молодой цесаревич Александр – самый очаровательный из всех европейских принцев... Трудно себе представить более красивого молодого человека. У него привлекательное, прекрасное лицо и необыкновенно приятная манера говорить".

Виктория конечно же запомнила это, и, когда Александр предстал перед нею на официальном приеме в Букингемском дворце, юная королева убедилась в справедливости того, что она уже знала.

В свою очередь, и Александр помнил, что княгиня Ливен говорила о Виктории: очаровательная синеглазая красавица, с безукоризненными манерами и необычайно глубоким для ее возраста умом. Александр понравился Виктории, о чем она не преминула записать в своем дневнике.

В те же самые дни в Лондоне оказались два молодых голландских принца из дома Оранских с тайной надеждой, что один из них может понравиться Виктории. Однако она, увлеченная Александром, не уделила голландцам и десятой доли внимания, выпавшего российскому цесаревичу.

Виктория день ото дня все более увлекалась Александром и наконец поняла, что влюблена в него. Тогда Виктория пошла на неслыханное – особенно в среде чопорной английской аристократии – нарушение этикета: она пригласила Александра навестить ее наедине, а после того, как они вдосталь наговорились, поехала с ним на заранее оседланных лошадях на прогулку в парк. Она записала потом в дневнике: "Я страшно была довольна, видя, как легко вскочил он на лошадь и как она понравилась ему".

Вслед за тем Виктория дала бал в честь Александра, продолжавшийся допоздна. Однако это был не петербургский бал с сотнями приглашенных, а скорее дружеская молодежная вечеринка, где собрались несколько молодых придворных англичан, два голландских принца и свита Александра – граф Алексей Константинович Толстой, друг детства цесаревича, служивший в русском посольстве, еще два друга детства – барон Паткуль и граф Адлерберг, а также молодой князь Барятинский, флигель-адъютант полковник Юрьевич, князь Долгорукий и барон Ливен, сопровождавшие Александра.

Виктория танцевала с Александром и первый и последний танец, а на следующий день призналась премьер-министру лорду Мельбурну, что Александр ей страшно нравится. А в дневнике своем она записала: "Я покинула бальный зал в три с четвертью очень счастливой, с сердцем, полным радости".

В том же на следующий день сознался полковнику Юрьевичу и Александр. Полковник Симон Юрьевич был в свите одним из самых старших по возрасту. Он тут же доложил об услышанном Орлову, а тот по долгу службы немедленно донес Николаю. Следует иметь в виду, что все это происходило почти сразу же после того, как Александр официально посватался к своей будущей жене – Марии Гессен-Дармштадтской. И все же, несмотря на это, Александр стал обдумывать, как бы ему отказаться от сделанного Марии предложения и жениться на Виктории. Этими своими раздумьями поделился он с Юрьевичем, после чего в дневнике полковника 12 мая появилась такая запись: "На следующий день Великий Князь опять огорчил меня. Я сказал ему, что этот брак совершенно невозможен. Я прибавил, что в случае такого поступка ему придется отказаться от своей будущей короны и что совесть его никогда не позволит ему сделать это. Он согласился со мной. Но было ясно, что он очень страдает. Выглядел он бледным и несчастным..." И далее: "Было решено покинуть Англию 30 мая. Но Царевич умолял продлить хоть немного пребывание в Лондоне. Однако я ответил ему, что наш английский визит уже и так продолжается целый месяц – это слишком долго, и ни при каком другом дворе мы не пробыли столько времени... У меня лично нет ни малейшего сомнения, что если бы Царевич сделал предложение королеве, она без колебаний приняла бы его".

Страшась гнева Николая, Орлов и Юрьевич стали всячески отвлекать Александра официальными и неофициальными приемами, экскурсиями, парадами, а Виктория по традиции должна была уехать в Виндзорский замок. Однако Александр оставил Лондон и приехал в Виндзор. Он провел там несколько прекрасных дней и вечеров. 27 мая Виктория записала: "Я совершенно влюблена в Великого Князя... Мне было так приятно и так весело танцевать с ним... Великий князь такой неимоверно сильный и так скоро кружится, что надо быстро следовать за ним, и мы кружились вихрем. Этим и закончился наш маленький бал около двух часов ночи. Я никогда не была так счастлива. Нам всем было так хорошо. Я легла в четверть четвертого, но не могла заснуть до пяти". 28 мая: "Великий Князь сказал мне, что он очень тронут столь прекрасной встречей здесь и никогда ее не забудет. Затем он прибавил по-французски: "Это не только слова, я вас уверяю, я так действительно чувствую". Он опять повторил, что проведенные им здесь дни навсегда останутся в его памяти. Я их тоже никогда не

забуду, потому что я действительно люблю этого приветливого, милого молодого человека".

Двадцать девятого мая они провели вместе последний вечер. "Когда был кончен последний вальс, — записала в дневнике Виктория, — в двадцать минут третьего, я простилась со всеми джентльменами из свиты Великого Князя с чувством искренней печали... После я удалилась в маленькую синюю комнату, куда лорд Пальмерстон привел Великого Князя, чтобы попрощаться со мной. Мы остались наедине. Великий Князь взял мою руку и тепло сжал ее в своей руке. Он был бледен, и голос его задрожал, когда он сказал мне по-французски: "Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую", — и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием. Он сказал, что надеется еще побывать в Англии. Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло пожали друг другу руки".

Встретившись на следующий день с Юрьевичем, Александр бросился к нему в объятия и заплакал. Он сказал, что никогда не забудет Викторию. За время лондонского визита Александр подарил английским придворным множество перстней, табакерок и прочих драгоценных вещей. Виктории же он подарил свою любимую овчарку Казбека, которую взял с собой в это путешествие. Эта собака стала любимицей королевы и была неразлучна с нею до конца своих дней.

* * *

И вот, через 33 года после этого и через 20 лет после Крымской войны, совершенно испепелившей в сердце Александра всякие добрые чувства к Виктории, политические расчеты заставили императора Александра II устраивать брак своей дочери Марии с сыном Виктории — Альфредом-Эрнстом. Следует иметь в виду и то, что в 1863 году еще один сын Виктории, Альберт-Эдуард, женился на датской принцессе Александре, родной сестре будущей цесаревны Марии Федоровны, а тогда еще принцессы Дагмары. Когда Дагмара в 1866 году венчалась в Петербурге с великим князем цесаревичем Александром Александровичем, ее родная сестра, теперь герцогиня Уэльская, была на последних месяцах беременности и из-за этого не смогла приехать на свадьбу Дагмары, хотя и очень этого хотела. Зато на свадьбу приехал ее муж, принц Уэльский Альберт-Эдуард, хотя Виктория и была против его поездки в Петербург.

Альберт-Эдуард был весьма радушно принят при дворе, получил от Александра II чин полковника русской гвардии и стал из-за всего этого ярым сторонником России. Прощаясь, он пригласил цесаревича и цесаревну в Лондон, и молодые с радостью приняли его приглашение.

А еще через несколько лет младший сын Виктории — герцог Эдинбургский, а по отцу и герцог Саксен-Кобургский Альфред-Эрнст-Альберт решил жениться на дочери Александра II Марии Александровне.

Виктория приняла этот замысел в штыки, объясняя свою позицию прежде всего тем отвращением, которое вызывает у нее низкая нравственность отца невесты — императора Александра, позволяющего себе скандальную связь с женщиной, которая на тридцать лет младше его.

Что же касается отношения к браку императора Александра, то он сначала совершенно не желал его, потому что Мария была его единственной и к тому же горячо любимой дочерью, и разлука с ней представлялась отцу настоящим несчастьем. Однако Марии нравился принц Эдинбургский, с которым она виделась в Германии в Югенгейме, у их общих немецких родственников, и она наотрез отказалась от замужества с кем-либо другим.

После переписки с Викторией, в которой обсуждались условия брака, принц Эдинбургский приехал в Петербург с еще двумя членами английского королевского дома. Виктория была возмущена, что ей даже не показали будущую ее невестку, хотя она и настаивала на этом, и, негодуя, выразила свое возмущение тем, что послала невестке в подарок веточку мирта – символ мира – и молитвенник. Императрица Индии, дарившая бриллианты своим горничным, на сей раз предстала старой ханжой-пуританкой. Встреча принцев была необычайно торжественной и пышной. На сей раз красные ковры были постланы уже на вокзале, а само венчание, состоявшееся 11 января 1874 года, превзошло все случавшееся до сих пор.

Свадебные столы были накрыты в Георгиевском зале. Зимнего дворца, превращенном по этому случаю в огромную оранжерею. На каждый тост отвечали артиллерийским салютом пушки Петропавловской крепости: за здоровье их императорских величеств и ее величества королевы Великобритании и Ирландии – 51 выстрел, а за каждый последующий тост – по 31 залпу.

"Ничего нельзя представить более великолепно, чем этот торжественный банкет, – писал английский посланник в Петербурге лорд Лофтус. – Блеск богатейших драгоценностей смешивался с блеском мундиров, золотых и серебряных блюд и роскошного севрского фарфора. Во время всего обеда пели талантливые артисты итальянской оперы – Патти, Альбани и Николини, что придавало еще больше великолепия этой сцене несравненной красоты, которую трудно описать".

После бала, в котором участвовало три тысячи гостей, Александр и вся его семья провели два часа с молодоженами, а затем поехали на вокзал, где их ожидал поезд для поездки в Царское Село – там молодожены решили провести и свою первую ночь, и медовый месяц.

* * *

Сразу же после свадьбы в Петербург пожаловал – впервые в истории – австрийский император. Это был сорокачетырехлетний Франц-Иосиф I, ранее довольно враждебно настроенный по отношению к России. Его визит знаменовал собою конец этой вражды и окончательное примирение двух держав.

В мае того же года Александр II поехал в Штуттгарт на свадьбу своей племянницы Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом Вюртембергским, а оттуда – в Англию, чтобы повидаться со своей любимицей Марией, теперь герцогиней Эдинбургской. Но это была лишь официальная версия визита. На самом деле царь решил во что бы то ни стало добиться симпатии англичан. Александр ехал от пристани в открытой коляске, и тысячи любопытных англичан находили русского царя не азиатским владыкой, а настоящим европейцем, джентльменом.

Королева Виктория встретила его у входа в Виндзорский дворец и потом лично сопровождала по городу. О чувствах, которые они испытали после столь долгой разлуки, говорить не приходится... Визит Александра в Англию оказался успешным, и хотя Англия и не стала союзницей России, она все же склонилась к тому, что в будущем такая позиция могла стать для нее не только приемлемой, но и необходимой.

Новелла 11. Спасение мира в собственном доме

Возвратившись в Петербург, Александр озаботился и статусом своих незаконных детей – Георгия и Ольги. В силу своей самодержавной власти российский император имел право издавать любой закон, причем независимо от того, противоречит новый закон прежним или только дополняет их. Поэтому Александр был волен дать своим детям любой статус, и он избрал оптимальный вариант: И июля 1874 года в Царском Селе он издал указ, по которому предписывалось: "Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем Мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом Светлейших. Александр". Он решил, что давать детям фамилию их матери не следует, ибо их могли не признать другие Долгоруковы; дать имя Романовых он не мог, так как Екатерина Михайловна не состояла с ним в церковном браке. И Александр решил назвать сына и дочь Юрьевскими, потому что основателем рода Долгоруковых был князь Московский Юрий Долгорукий, сын великого Киевского князя Владимира Мономаха. А так как Долгорукий было не более чем прозвище князя Юрия, то не справедливей ли было назвать этих его потомков, отдаленных семью веками, Светлейшими князьями Юрьевскими, дав тем самым простор новой ветви древнего генеалогического древа? Написав указ, Александр, однако, не отослал его в Сенат, а, сохранив в тайне, вручил генералу Рылееву, приказав хранить до того времени, когда понадобится его опубликование.

* * *

Для того чтобы впоследствии не возвращаться к делам императорского Дома, вспомним, что представлял он к этому времени. Об императоре и его второй семье мы уже знаем; большую императрицу заботило все то же – судьба детей и внуков, а также и ставшая неизменной проблема неверного мужа и его невенчанной жены с двумя маленькими детьми. Старший сын, цесаревич Александр, свято хранил верность жене и благополучно растил трех своих детей: семилетнего Николая, четырехлетнего Георгия и только что появившуюся на свет Ксению. Второй сын императора и императрицы – двадцативосьмилетний Владимир – женился всего год назад, и его жена Мария Павловна, урожденная герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская, была еще на сносях и ждала своего первенца. Следующий сын – двадцатипятилетний Алексей – женат не был, увлеченно служил во флоте и, совершив в 1871–1872 годах кругосветное путешествие, мечтал не о женщинах, а о море и потому хлопот родителям не доставлял. Их дочь Мария, как мы знаем, жила в Англии, а два самых младших сына – Сергей и Павел – были еще юношами восемнадцати и семнадцати лет. Гораздо больше хлопот доставляли императору его младшие братья – Константин и Николай и самый старший из племянников – великий князь Николай Константинович, к этому времени уже двадцатипятилетний мужчина. Объясняя, отчего почти все великие князья становятся шалопаями, А. А. Толстая писала в 1899 году: "Почему все они или почти все ненавидят свои классные комнаты? Да потому что они видят в этой гимнастике ума невыносимое ярмо, давящее на них, тогда как они отнюдь" не убеждены в его необходимости и стараются не утруждать себя понапрасну... Боязнь скуки преследует кошмаром наших великих князей, и эта боязнь идет за ними из детства в юность и к зрелому возрасту становится обычной подругой их жизни. Только этим я могу объяснить некоторые связи, возникающие во дворце и принимающие невероятные размеры... Очень часто участники таких фарсов не имеют иных достоинств и пользуются весьма незавидной репутацией, но это не мешает общению с ними. Словом, нельзя упрекнуть

кого-либо персонально за сложившийся порядок вещей. Такова судьба сильных мира сего, они ведут совершенно ненормальное существование, и нужно быть гением или ангелом, чтобы суметь противостоять ему".

А великие князья не были гениями, но, уподобляясь ангелам, избрали своим земным раем императорское театральное училище, которое придворные и офицеры между собой чаще всего называли "придворным гаремом", ибо именно оттуда, особенно из балетного отделения, рекрутировались любовницы великих князей.

* * *

Николай Николаевич Старший, брат Александра II, был покорен бывшей воспитанницей балетного отделения мадемуазель Числовой. Это случилось в 1865 году, и тогда же великий князь перевез ее в квартиру, снятую для нее в доме на Галерной, окна которой выходили прямо на фасад его дворца. Когда Числова была дома и могла встретить своего возлюбленного без всяких помех, она выставляла на подоконник две зажженные свечи, и Николай Николаевич быстро уходил из дома, говоря жене, что идет на пожар. Такого рода причина сначала сходила с рук, ибо великий князь слыл за большого любителя пожаров, а его лакей, посвященный своим господином в тайну двух горящих свечей, как только видел их зажженными, немедленно во всеуслышание объявлял о том, что в городе пожар. Однако через некоторое время обман открылся, и его жена Александра Петровна Ольденбургская, на которой Николай Николаевич был женат уже более десяти лет и которая не отличалась ни женственностью, ни красотой, да к тому же и изрядно поднадоела, учинила скандал и поехала с жалобой к самому Александру. Царь выслушал ее и сказал:

— Послушайте, ваш муж в полноте сил (Николаю Николаевичу было за тридцать), ему нужна женщина, которая могла бы ему нравиться; теперь посмотрите же на себя, как вы одеты!

Дальше жаловаться было некому, и Александра Петровна занялась воспитанием двух своих сыновей — Николая и Петра, а ее муж почти все время проводил у Числовой, которая тоже одарила его целым выводком детей. Новая семья требовала новых затрат, и Николай Николаевич стал делать долги, безуспешно пытаясь продать землю и имения, которые из-за плохого ведения хозяйства были бездоходными. И когда долги великого князя дошли до 900 000, о них узнал Александр и приказал имения брата отобрать в казну, а Числову арестовать и выслать из Петербурга в Лифляндию. Великий князь послал к ней своего адъютанта, и тот вручил изгнаннице золотой медальон, на котором из бриллиантов выложена была надпись: "За 10 лет счастья, 1865-1875".

Несчастный Николай Николаевич стал думать, как бы заполучить свою возлюбленную обратно в Петербург. И решил выдать ее замуж за офицера, служившего в Петербурге, к тому же и известного писателя В. В. Крестовского, автора нашумевших романов "Петербургские трущобы" и "Кровавый пуф". Великий князь договорился, что его протече не будет возражать, если мадемуазель Числова, превратившись в мадам Крестовскую, вновь окажется в его объятиях. Крестовский затеял бракоразводный процесс (он был женат), но родственники жены учинили возле Петербургского окружного суда такой скандал, что незадачливый романист от задуманной затеи отказался. Тогда Николай Николаевич добился для возлюбленной перевода в Ригу, дожидаясь лучших времен, когда они могли бы вновь соединиться. И такие времена настали в 1876 году — Николай Николаевич из-

за начавшейся подготовки к войне с турками был назначен командующим Бессарабской армией со штабом в Кишиневе, и вскоре туда же была "сослана" из Риги его возлюбленная.

* * *

А Константин Николаевич сам стал жертвой неверности и порочных склонностей своей жены великой княгини Александры Иосифовны, которую он вынужден был отправить за границу. "Говорили, что поводом к изгнанию Александры Иосифовны были излишне нежные отношения ее к бывшей ее фрейлине Анненковой. "Невероятности" такого рода случались с Александрой Иосифовной и за границей. Обыватели швейцарского города Веве рассказывают, что великая княгиня Александра Иосифовна во время своего проживания там в пансионе "Эрмитаж" имела "недоразумение" с двумя матерями девочек 14 и 16 лет и что матери этих девочек получили от нее по 8 и 10 тысяч франков, чтобы не давать дальнейшего следствия этим скандальным "недоразумениям". По утверждению князя С. Д. Урусова, Александра Иосифовна была весьма равнодушна и к мужчинам и даже доводила адъютантов своего мужа до истощения. История сохранила и ее роман с великим музыкантом Иоганном Штраусом, когда он в 1856 году был приглашен в Россию и в вокзале Павловска дирижировал концертами. Александра Иосифовна, как и многие другие, до такой степени была им очарована, что даже вышла Штраусу его подтяжки. Это чувство она сохранила к великому композитору на всю жизнь, выписав его в Петербург на очень непродолжительное время, когда он был уже стариком.

* * *

Сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны – великий князь Николай Константинович – стал героем первой по-настоящему скандальной истории в Доме Романовых. Он по неопытности и по неосторожности дал вначале увлечь себя, а потом сам искренне увлекся заезжей авантюристкой, американкой Фанни Лир.

Эта хорошенькая молоденькая женщина, с детства мечтавшая о прекрасном принце, познакомилась с великим князем на маскараде в оперном театре. Николай Константинович был молод, хорош собой, высок ростом, а кроме того, ему очень подходил кавалергардский мундир. С бала они поехали в ресторан, затем в гостиницу к Фанни, где утром американка подписала под таким документом, написанным собственноручно великим князем: "Клянусь всем, что есть для меня священнейшего в мире, никогда и ни с кем не говорить и не видаться без дозволения моего августейшего повелителя. Обязуюсь верно, как благородная американка, соблюдать это клятвенное обещание и объявляю себя, душой и телом, рабою русского великого князя. Фанни Лир".

Через несколько дней Николай Константинович привез Фанни во дворец своего отца, где в его собственные апартаменты был отдельный ход, и спрятал свою любовницу у себя. Так, меняя Петербург на Павловск, прожили они в мелких ссорах и большой любви до 1872 года, когда уехали в Вену в сопровождении врача, адъютанта и пяти слуг. В Вене Фанни уличила своего возлюбленного в неверности и уехала в Париж, но вскоре вернулась, получив от Николая Константиновича письмо, полное раскаяния.

По возвращении в Петербург сопровождавший влюбленных врач донес обо всем царю, и Александр II решил отправить племянника в Хиву для участия в

завоевании Средней Азии. Николай Константинович, перед тем как отправиться на войну, уехал в Ниццу, где лечилась его мать, и оттуда 29 января 1873 года прислал Фанни такое письмо: "Милая моя женушка, тяжело мне без тебя: ты стала для меня необходимостью, и я, кажется, умер бы от более долгой разлуки с тобой. Вообрази себе контраст; в среду в Петербурге зима и снег, а в воскресенье в Ницце – жара, апельсины и фиалки. Таким представляется мне наш переход от земной юдоли к небу. Желая только, чтобы в ожидающих нас райских садах ты была всегда со мною и никто не мог бы нас разлучить".

А еще через две недели он уже был в Петербурге и 15 февраля повел Фанни для прощания в Петропавловский собор. Там он становился на колени перед каждой гробницей и беззвучно молился. Наконец оказался он и у гробницы Петра Великого. Здесь снял он свой нательный крестик и отдал его Фанни, еще раз попросив у нее слова ждать его...

Хивинский поход завершился 29 мая капитуляцией столицы ханства перед войсками Кауфмана. После этого Николай Константинович, прослуживший в действующей армии менее трех месяцев, уехал в Петербург.

Вернувшись из Хивы, он по решению семьи должен был жениться. Николаю Константиновичу купили дворец и стали активно искать подходящую невесту, как вдруг случилось непредвиденное и совершенно невероятное происшествие: у матери Николая Константиновича пропала икона в богатом окладе с драгоценными камнями. О пропаже заявили в полицию, и следствие вышло на Николая Константиновича. Он сознался, был объявлен сумасшедшим и сослан в Туркестан, где и оставался до конца своих дней. Его расстреляли в 1919 году в Ташкенте после установления там советской власти.

Так и вошла эта семья в год 1876-й, когда из-за событий на Балканах по всей России, а в Москве и Петербурге особенно, разгорелся пожар таких страстей, каких страна не видела с 1812 года.

Новелла 12. Гидра террора поднимает голову

Мало кто мог оказать Александру II искреннюю поддержку, мало на кого он мог опереться, не опасаясь, что чувства преданности не продиктованы корыстью, лицемерием или карьеризмом. Лишь Катеньке Долгоруковой он доверял безусловно.

Из-за неудачи Конгресса в 1878 году авторитет царя упал, и в это время Александр испытывал, как никогда, потребность в сочувствии и нежности. Появившийся в Петербурге тремя годами позже французский дипломат Морис Палеолог так описывал состояние Александра в конце 1878 года: "Порой им овладевала тяжелая меланхолия, доходившая до глубокого отчаяния. Власть его более не интересовала. Все то, что он пытался осуществить, кончалось неудачей. Никто из других монархов не желал более его счастья своему народу, он уничтожил рабство, отменил телесные наказания, установил суд присяжных, провел во всех областях управления мудрые и либеральные реформы. В отличие от других царей он никогда не стремился к кровавым лаврам славы. Сколько усилий потратил он, чтобы избежать турецкой войны, навязываемой ему его народом! И после ее окончания он предотвратил новое военное столкновение... Что получил он в награду за все это? Со всех концов России поступали к нему донесения губернаторов, сообщавших, что народ, обманутый в своих чаяниях, во всем винил царя. А полицейские донесения сообщали об угрожающем росте революционного брожения. Смятенной душой он невольно стремился к единственному человеку, пожертвовавшему для него своей честью, светскими удовольствиями и успехами, – к человеку, думавшему об его счастье и окружавшему его знаками страстного обожания".

Устав от нелепой многолетней игры в тайные свидания на чужой квартире, Александр решился на отчаянный шаг, приказав поселить фрейлину Долгорукову и их двоих детей в Зимнем дворце прямо над собственными апартаментами. Им были отведены три точно такие же комнаты, как и у императора, и без всяческой утайки поставлен лифт, соединяющий его и ее квартиры. Александр прекрасно понимал, что этот поступок вызовет взрыв негодования в его семье и станет скандальной великосветской сенсацией.

* * *

После возвращения в Петербург Александр почти сразу же стал объектом охоты заговорщиков из подпольной террористической организации "Народная воля".

Правда, еще до того, как эти "идейные бомбисты" сорганизовались для того, чтобы убить его, Александру довелось неоднократно слышать о деятельности их предшественников, входивших в другие революционные организации, бывшие предтечами "Народной воли".

Первая тайная революционная организация "Земля и воля" родилась вскоре после того, как крепостное право было уничтожено. Тогда, в конце 1861 года, возникло сообщество молодых по преимуществу людей, заявивших, что России нужны "земля мирная, воля народная да правда человеческая", а также Земский собор и свободная Польша. Руководили этой организацией пятидесятилетние Герцен, Огарев и Бакунин – все из хороших дворянских семей, убежавшие из России, когда в ней ни "Землей", ни "Волей" и не пахло, а пахло кровью и порохом, ибо шпицрутены и расстрелы при государе Николае Павловиче были повседневной явью. И потому эмигранты честно и громко говорили об этом и звали Русь к топору. А когда рабство пало, звать к топору было уже вроде бы и ни к чему, да других песен они не знали и потому пели свои старые погудки слегка на новый лад. И так как поднять народ на мятеж не удалось, то и приказала "Земля и воля" через два года долго жить, не умерев, а всего лишь заснув летаргическим сном. И продолжался ее сон целых тринадцать лет, пока не возродилась она под тем же названием, но в ином обличье. Теперь уже ее организаторы вели речи о том, чтобы всем просвещенным миром пойти в народ и убедить крестьян, что их спасение и правда в том, чтобы в их руках оказалась вся земля, а воля бы была в том, чтобы империя была поделена на части "соответственно местным желанием". С такой пропагандой и пошли в народ сотни мужчин и женщин – на Волгу и на Дон, в Тамбовскую и Воронежскую губернии, на Кавказ, на Урал и даже в Сибирь.

В 1876 году на свет появилась вторая, новая организация революционеров под таким же названием. В нее вошли все социалисты-народники, до того рассеянные по другим революционным кружкам и организациям. Вскоре всей России стали известны А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, Д. А. Лизогуб, С. М. Кравчичский, С. Л. Перовская, Н. Н. Фигнер, А. К. Соловьев. Сначала в новой "Земле и воле" преобладали умеренные настроения, и большинство ее членов считали главным пунктом в деятельности организации просветительскую работу среди крестьян, рабочих и студентов. Однако 24 января 1878 года Россия узнала, что помимо учителей, землемеров и акушеров в этой организации имеются и профессионально подготовленные террористы. Именно тогда, 24 января 1878 года, в собственном кабинете на Адмиралтейском проспекте Петербурга выстрелом из револьвера в упор был тяжело ранен петербургский градоначальник генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов. В него стреляла двадцативосьмилетняя дворянка, учительница, в прошлом политическая ссыльная Вера Ивановна Засулич.

Ей не было еще и двадцати лет, когда она вошла в террористическую, заговорщическую группу С. Г. Нечаева – выдающегося честолюбца, интригана и мистификатора, создавшего в 1869 году тайную организацию "Народная расправа". Нечаевцы – главным образом студенты Петровской сельскохозяйственной академии – по его приказу убили своего товарища И. И. Иванова, обвинив его в предательстве, хотя улики против Иванова были совершенно недостаточны. Сделано же это было для того, чтобы "сцементировать организацию кровью".

Сам Нечаев проповедовал, что ради совершения революции следует идти на самые крайние меры. А в написанном им программном сочинении "Катехизис революционера" он требовал от членов организации подавлять в себе любое из человеческих чувств, мешающее революции. Он требовал порвать с окружающим революционера миром, стать яростным и беспощадным его врагом, порвать с его законами и приличиями, нравственностью и гуманизмом, не останавливаться перед убийствами, шантажом, провокациями, обманом, запугиваниями, беспрекословно выполняя приказы, исходящие из глубоко законспирированного революционного центра. После убийства Иванова Нечаев бежал за границу, но через три года был арестован в Швейцарии и передан России. Его приговорили к 20 годам каторги, и, когда он сидел в Алексеевской рavelине Петропавловской крепости, его бывшая единомышленница Засулич совершила покушение на Трепова. На суде она объяснила свой поступок тем, что мстила за заключенного студента-революционера Боголюбова, которого Трепов приказал высечь розгами за нарушение режима. Засулич предстала перед детищем Александра II – судом присяжных, и суд всего за одно заседание в тот же день 31 марта 1878 года оправдал ее. Восторженная толпа, осаждавшая здание Петербургского окружного суда, вынесла героиню процесса на руках, засыпав ее и адвоката П. А. Александрова цветами.

Не меньшая популярность выпала и на долю председателя Окружного суда, ведшего это дело, А. Ф. Кони. Оправдательный приговор был вынесен в то время, когда вслед за покушением на Трепова террористы произвели целый ряд дерзких, дотоле не бывавших в России преступлений.

Двадцать четвертого января Засулич ранила Трепова. 30 января, в Одессе, при обыске, полиции было оказано вооруженное сопротивление, и только вмешательство войск позволило совершить арест преступников. 1 февраля в Ростове-на-Дону революционеры убили провокатора-рабочего. 23 февраля в Киеве было совершено покушение на товарища прокурора Котляревского, который спасся буквально чудом: три пули, выпущенные с близкого расстояния, не задели его. На следующий день террористы стали расклеивать на стенах домов листовки о сообщении, что Котляревский и жандармский капитан барон Гейкинг приговорены революционерами к смерти. В это время полиция и жандармы попытались захватить расклейщиков, но те отнюдь не побежали, а открыли по полицейским и жандармам огонь.

Студенческие волнения и демонстрации во Владимире, Москве и Петербурге дополняли картину происходящего в России в феврале – марте 1878 года. После суда над Засулич, тут же уехавшей в Швейцарию, убийства не прекратились. 24 мая киевские террористы ударом кинжала убили Гейкинга. Летом этого же года перед судом предстали революционеры, оказавшие в Одессе вооруженное сопротивление при обыске 30 января. Руководителем этой акции был видный народник-бунтарь, сын священника Иван Мартынович Ковальский. Он первым в России совершил такое преступление и первым предстал перед военным судом, который приговорил его к расстрелу. Казнь Ковальского была совершена 2 августа 1878 года, а 4 августа в ответ на это в Петербурге ударом кинжала в грудь был убит в центре города среди

бела дня управляющий III Отделением и шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцов. Его убийцы тут же скрылись. То, что начальник Тайной полиции империи был убит столь безжалостно и дерзко, заставило Александра прибегнуть к чрезвычайным мерам и передать дела о государственных преступлениях в ведение военных судов "с применением ими наказаний, установленных для военного времени".

Но и эти меры оказались неэффективными. 9 февраля 1879 года выстрелом из револьвера был убит харьковский губернатор генерал-майор свиты его величества князь Д. Е. Кропоткин за то, что жестоко подавил бунты в Белгородской и Новоторжской тюрьмах. Убийце удалось скрыться. А 13 марта в Петербурге было совершено покушение на шефа жандармов, управляющего III Отделением, генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна.

Вскоре после этого главные российские террористы поставили себе сверхзадачу: они решили заняться охотой на медведя, оставив энтузиастам-одиночкам более мелкое зверье. Очередь дошла до императора.

И все же третье покушение на Александра совершил революционер-народник, подготовивший и осуществивший этот акт по собственной инициативе без ведома и указания руководителей своей партии. Третье покушение произошло 2 апреля 1879 года, когда Александр гулял по Дворцовой площади, как и обычно, без охраны. Он привык к тому, что узнававшие его люди здоровались с ним, и потому не обратил внимания, когда встретившийся ему молодой мужчина снял картуз и вежливо поклонился. Александр в ответ поклонился столь же вежливо, но, кланяясь, успел краем глаза заметить, как мужчина наставил на него револьвер. Сохранив самообладание, Александр мгновенно отскочил в сторону, и, хотя прогремело четыре выстрела подряд, ни одна пуля его не задела.

В это время проходившая мимо молочница бросила бидоны и кинулась на террориста, зажав его мертвой хваткой. Террорист, выронив револьвер, стал вырываться из ее объятий, но это удалось ему только тогда, когда он ухитрился укусить молочницу за палец, и та выпустила его. Однако тут же возле убийцы появились другие прохожие, повалили его и передали полиции. Стрелявшим оказался бывший студент Петербургского университета, прочувившийся всего один год, тридцатитрехлетний Александр Константинович Соловьев. Он категорически отказался давать какие-либо показания о побудительных мотивах своего преступления. Следователь напрасно убеждал Соловьева быть откровенным. Тот отвечал: "Не старайтесь. Вы ничего от меня не узнаете. Уже давно я решил пожертвовать своей жизнью. К тому же, если бы я сознался, меня бы убили мои соучастники. Даже в той тюрьме, где я теперь содержусь". Он не изменил линии поведения до конца следствия. Соловьева судили в Верховном уголовном суде и повесили 28 мая того же года.

* * *

Выстрелы Соловьева, уже третье покушение на Александра II, особенно плохо отразились на здоровье императрицы, давно уже тяжело больной.

"Больше незачем жить, — говорила она, — я чувствую, что это меня убивает. Знаете, сегодня убийца травил его, как зайца. Это чудо, что он спасся", — вспоминала слова Марии Александровны фрейлина А. Ф. Тютчева.

Пожалуй, ненамного легче воспринимал все происшедшее и Александр. После того как он вернулся с Берлинского конгресса, ему часто приходилось сталкиваться не просто с неблагодарностью и непониманием, но с ослеплением и ненавистью, которых он — царь и христианин — понять не мог. Размышляя над своим царствованием, он отдавал себе отчет в том, что до

него ни один царь не дал России так много свобод и вольностей, как он. Он отменил рабство, запретил шпицрутены и розги, распахнул двери гимназий, университетов и школ для детей простолюдинов, сделал гласным и справедливым суд, поломал рекрутчину, раскрыл границы – и в награду за все это получает выстрел за выстрелом.

Покушение Соловьева произошло после Берлинского конгресса, когда против царя ополчились все ура-патриоты, революционеры и недовольные крестьянской реформой, вчерашние крепостники.

Лидер славянофилов И. С. Аксаков, разжигая недовольство царем, говорил: "Берлинский мир был для России и династии Романовых гораздо более тяжким ударом, чем любой террористический акт нигилистов". Так это или не так, утверждать было немного рано, но уже на процессе по делу Соловьева стало ясно, что где-то в таинственных глубоких подвалах кует свое отравленное оружие подпольная Россия, объединившаяся в организацию убийц и взявшая себе имя – "Земля и воля". И величайшим парадоксом было то, что он, давший России столько "Воли" и столько "Земли", стал главным врагом этой организации и средоточием чудовищной, испепеляющей, смертельной ненависти.

Новелла 13. Облава на самодержца

Пока ковалось оружие террора, готовились боевые группы и создавался арсенал разнообразных орудий убийства, Александр принимал свои контрмеры. В шесть крупнейших городов империи – Москву, Петербург, – Варшаву, Киев, Харьков и Одессу – были назначены генерал-губернаторы, наделенные чрезвычайными полномочиями. Среди них были герои последней войны: руководитель осады Плевны генерал-инженер Э. И. Тотлебен, прославившийся еще в Кавказской войне и обороне Севастополя, был направлен в Одессу; отличившийся во многих сражениях на Балканах, освободитель Софии генерал от инфантерии И. В. Гурко стал генерал-губернатором Петербурга; генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов, ветеран войны против Шамиля и покоритель Карса, стал генерал-губернатором не только на Харьковщине, но и получил под свою власть половину Поволжья – Астраханскую, Самарскую и Саратовскую губернии.

Пятого августа Александр подписал указ, сильно ужесточивший полицейский режим и существенно упрощавший процедуру судопроизводства. Все дела о терроре передавались в ведение Чрезвычайных военно-полевых судов. Обвиняемых судили без предварительного следствия, без допроса свидетелей, и приговор такого суда обжалованию не подлежал – он был окончательным. Казалось, в стране наступило спокойствие. Однако вскоре стало ясно, что оно не более чем затишье перед бурей.

Руководителем террористического ядра стал Андрей Иванович Желябов, сын дворового человека, родившийся крепостным. Когда ему было десять лет, пало крепостное право, и он поступил в Керченскую гимназию. Закончил ее в 1869 году и тогда же поступил на юридический факультет университета в Одессе. Через два года его исключили за участие в студенческих беспорядках и выслали из Одессы. С этого времени и до конца своих дней колесил Желябов по России, сея зерна революции, убеждая и доказывая, что будущее России только в революции. Он прошел через подпольные кружки и студенческие сходки, через тюрьмы и политические процессы и, наконец, сделал вывод, что единственным средством осуществления его идеалов может быть только террор. В июне 1879 года Желябов приехал в Липецк, где тайно собрались еще десять его единомышленников-террористов и объявили себя Исполнительным комитетом социально-революционной партии. Оттуда

конspirаторы переехали в недалекий Воронеж, где состоялся съезд "Земли и воли". Они поняли, что с их прежними товарищами им не по пути, и через два месяца создали собственную организацию – "Народная воля".

После Воронежского съезда в Исполнительный комитет вошла Софья Львовна Перовская. В отличие от Желябова она принадлежала к аристократии, была правнучкой графа А. К. Разумовского и дочерью действительного статского советника, члена Совета при министре внутренних дел Льва Николаевича Перовского.

Она рано ушла из дома и после окончания Высших женских курсов (так называемых "Аларчинских") в Петербурге встала на ту же тропу, что и Желябов, и, так же как и он, прошла через кружки, тюрьмы и подполье. Именно она стала поставщицей ценной информации, так как ее близкие знали многое из того, что помогало террористам при подготовке покушений на Александра и его приближенных.

Первая террористическая акция начала разрабатываться после того, как Софья Перовская узнала через свою мать, что в ноябре 1879 года Александр с семьей проедет из Ливадии в Петербург через Одессу, Харьков и Москву. Было решено взорвать царский поезд в одном из пунктов на пути его следования. Террористы рассчитали, что из Ливадии Александр II непременно поедет или через Одессу, если изберет маршрут Крым – Одесса морем, а затем Одесса – Москва поездом, или только по железной дороге, если отправится в Москву из Симферополя. Для того чтобы действовать наверняка, минные засады следовало учинить в Одессе, в Александровске, заштатном городишке между Курском и Белгородом, и в Москве. Полагали, что успех должен быть совершенным, потому что где-то, хотя бы в одном из трех мест, смерть неминуемо настигнет Александра.

В сентябре 1879 года в Одессу с грузом динамита приехала Вера Фигнер. Затем с дополнительным грузом взрывчатки прибыл Кибальчич. Изобразив супружескую пару, они на имя Иваницких сняли квартиру в доме № 66 по Екатерининской улице и там изготовляли запалы, сушили пироксилин, апробировали аппараты для взрыва. Им помогали народовольцы Н. Колодкевич, М. Фроленко, Т. Лебедева. Вскоре Фроленко и Лебедева образовали еще одну "супружескую пару" и сняли железнодорожную будку. Фроленко устроился железнодорожным сторожем неподалеку от местечка Гниляково.

Сюда понемногу стали свозить динамит, и когда его оказалось уже вполне достаточно для осуществления взрыва, вдруг появился народоволец Григорий Гольденберг с поручением Исполнительного комитета передать ему часть взрывчатки для Москвы, где ее не хватало, а шансы на успех считались самыми вероятными.

Однако когда Гольденберг, одевшись истинным денди, нес на одесском вокзале большой и тяжелый чемодан с динамитом, не доверив его носильщику, он вызвал подозрение одного из железнодорожных служащих, который после недолгих размышлений сообщил об этом в полицию.

Поезд тем временем ушел, и Гольденберга задержали лишь в Елисаветграде. Он попытался бежать, но был схвачен, обезоружен и арестован. При допросах полиция не узнала, где, когда, на кого и кем готовится покушение, но назначение динамита не вызвало у следствия никаких сомнений, и были приняты все меры для обеспечения безопасности царя.

Первым делом отменили его следование через Одессу.

Террористы сразу же ликвидировали свою явочную квартиру в Одессе и сосредоточили усилия в Александровске и Москве. В Александровске покушение готовила группа террористов, возглавляемая Андреем Желябовым. Он появился там 1 октября с "женой" Анной Якимовой и "приказчиком". Выдав себя за купца Тимофея Черемисинова, Желябов попросил у Александровской

городской думы продать ему участок земли под строительство кожевенного заводика. Разумеется, участок находился неподалеку от железной дороги. Дума разрешила, и купец для начала снял домик на "своем" участке. Вскоре Кибальчич привез взрывное устройство – "спираль Румкорфа", – и 18 ноября к взрыву все было готово. В этот же день они, увидев царский поезд, произвели все необходимые манипуляции, но взрыва не последовало. (В дальнейшем Исполнительный комитет создал специальную комиссию, которая расследовала причину неудачи, и оказалось, что Желябов неправильно соединил провода.)

Теперь все надежды связывались с Москвой, где по аналогичному сценарию действовала еще одна "супружеская пара" – Софья Перовская и Лев Гартман. Выдав себя за мещан Сухоруковых, они сняли на окраине Москвы небольшой домик, неподалеку от которого проходило полотно Московско-Курской железной дороги. Из этого домика Гартман и Перовская начали вести подкоп, в конце которого должны были заложить мощную мину. В доме у них скрытно появлялись и так же скрытно исчезали, чаще всего по ночам, группы помощников-землекопов. Это были: А. Михайлов, А. Арончин, Г. Исаев, А. Баранников, Н. Морозов. Работа была грязной и трудной, ибо подкоп превышал двадцать саженей в длину, и только его сооружение обошлось в 40 000 рублей. На последнем этапе был даже заложен дом, откуда этот подкоп шел.

На четвереньках, по шею в холодной и мокрой грязи, работая с раннего утра до позднего вечера, народовольцы успевали проходить за рабочий день от двух до трех аршин, то есть от полутора до двух метров. К 19 ноября, дню прохода царского поезда, все было готово.

Народовольцы знали, что царский поезд состоит из двух составов: в первом – свитском – едут чины свиты, основная масса конвоя и слуг, багаж; во втором, собственно "царском", – император, его семья и самое близкое дворцовое окружение. Причем идут они не друг за другом, а с интервалом в полчаса. Поэтому решено было, пропустив свитский поезд, взорвать царский. Так и сделали. И когда по сигналу Перовской "адская машина" сработала, раздался взрыв, вагоны второго поезда налетели друг на друга, а четвертый вагон перевернулся вверх колесами...

Террористы видели, что локомотив и многие вагоны искорежены, они слышали крики и стоны раненых и были уверены, что император или ранен, или убит. Но и на этот раз судьба сохранила Александра.

Террористы взорвали поезд свиты, приняв его за поезд императора.

Взрыв взбудоражил всю Москву. Тотчас же разнесся слух, что это дело рук студентов, и толпы верноподданных москвичей ринулись к университету, но там уже стояла полиция и погромщики отхлынули в Кремль, чтобы там, в Успенском соборе, отслужить благодарственный молебен за здравие и чудесное спасение государя.

Великий князь Александр Михайлович, сын великого князя Михаила Николаевича – родного брата императора Александра II, – женившийся в 1894 году на своей двоюродной племяннице, великой княжне Ксении Александровне, дочери императора Александра III, писал в начале 30-х годов, находясь в эмиграции в Париже: "Было бы слишком слабым сравнением, если бы я сказал, что мы все жили в осажденной крепости. На войне друзья и враги известны. Здесь мы их не знали. Камер-лакей, подававший утренний кофе, мог быть на службе у нигилистов. Со времени ноябрьского взрыва (взрыва поезда в Москве. – В. Б.) каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, казался нам носителем адской машины.

Ввиду значительности пространства, занимаемого Петербургом, полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за

пределами их дворцов. Великие князья просили государя переселиться в Гатчину, но доверчивый Александр II, унаследовавший от своего отца его храбрость, наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршрут своих ежедневных прогулок и воскресные парады войск гвардии".

Неудача не остановила террористов, и они решили перенести место действия прямо в Зимний дворец. Для этого туда был направлен красивый, статный молодой столяр Степан Халтурин, близкий знакомый Желябова и Перовской. Халтурин устроился в Зимний на работу, а там, познакомившись с одним из жандармов, стал ходить к нему домой, понравился его дочери-невесте и даже пообещал жениться. Благодаря протекции своего будущего тестя Халтурину выделили в подвале маленькую комнатку, где он и стал жить. Рядом с ним, в более просторных комнатах, жили солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, несшие во дворце караульную службу.

Днем Халтурин работал в царском винном погребе, облицовывая стены, а позже прятал там же пачки динамита, которые передавал ему его сообщник, народоволец Николай Кибальчич. Иногда Халтурин прятал динамит у себя в комнатке, а порой и спал, обвязанный пакетами, отчего к утру у него разламывалась от боли голова.

Так он готовился около трех недель – с середины января и до начала февраля 1880 года. Теперь следовало выбрать момент, когда бы царь оказался над винным погребом, где был спрятан и подготовлен к взрыву огромный заряд динамита.

А в это время полиция и жандармерия утроили усилия по ликвидации "Народной воли". Результаты не замедлили сказаться: были арестованы видные руководители партии – Степан Ширяев и Александр Квятковский; в Саперном переулке в Петербурге обнаружена типография. Здание типографии было взято штурмом. Полиция и подпольщики устроили в переулке настоящее сражение, но силы были неравными, и полиция победила.

Однако эти операции проходили в спешке, в суматохе, и жандармы не прорабатывали до конца всех версий, какие могли бы навести их на верный след террористов. Так, на квартире народника Богословского при обыске, произведенном полицией после доноса, были обнаружены свежие номера "Народной воли", приготовленные к распространению. Там же была обнаружена нелегальная литература, револьвер и три карандашных рисунка планов Зимнего дворца. Рисунки были показаны коменданту дворца, и он сказал, что они совершенно точны и что царские апартаменты обозначены на плане абсолютно правильно. Более того, на плане обнаружили и четко нарисованный кружок, расположенный рядом с помещениями солдатского караула, под царской столовой, но по необъяснимым причинам эта версия не была разработана до конца и Халтурин продолжал свое дело.

Исполнительный комитет торопит Халтурина, но он решил действовать наверняка и не спешил. Он прожил в Зимнем уже несколько месяцев, за это время довольно хорошо и подробно изучил его и знал, что над погребом находится зал, где обычно обедает и ужинает вся семья. То, что при взрыве погибнут женщины и дети, слуги и солдаты, ни Халтурина, ни его руководителей не смущало. Он был матерым революционером, а значит, холодным и расчетливым прагматиком, и ему предстояло лишь точно выбрать время взрыва, зная наверняка, что царь в столовой. И снова в центре событий оказалась Перовская. Снова, как и в первый раз, узнала она от матери, что 5 февраля к царю пожалует брат императрицы – Светлейший князь Александр Баттенбергский с сыном – Александром. На подобных приемах обычно бывали все члены царской семьи и конечно же обязательно сам царь, и что еще было важно – такие приемы относились не просто к семейным

торжествам, а к государственным актам и потому требовали точного соблюдения протокола и строго выдерживались во времени. Начало ужина было назначено на 6 часов вечера, и Желябов приказал произвести взрыв в двадцать минут седьмого, когда вся семья уже будет за столом. Однако поезд опоздал на десять минут, а кроме того, отец и сын Баттенберги, оказавшись во дворце, сначала пошли к императрице Марии Александровне, так как она из-за болезни не могла присутствовать за ужином и должна была оставаться в своих апартаментах. Обо всех этих тонкостях Халтурин, разумеется, не знал и потому никаких поправок в свой план не внес.

И когда отец и сын Баттенберги сидели у постели их сестры и тетки, император ждал своих гостей в соседнем со спальней большом кабинете, а цесаревич Александр и великие князья и княгини стояли в ожидании отца и гостей в смежном со столовой зале, раздался взрыв. Погас свет, зазвенели выбитые стекла, посыпалась штукатурка. Никто из членов семьи не пострадал, но было убито девятнадцать и ранено сорок восемь солдат. Столовая и соседняя с нею Желтая гостиная были совершенно разрушены, из подвала валил дым, и снова Александр, не потеряв самообладания, бросился помогать раненым... Но тут же ужасная мысль молнией ожгла его мозг, и он, почувствовав, как падает сердце, побежал к лестнице, ведущей на третий этаж. Не помня себя, Александр в несколько прыжков одолел первый марш и вдруг увидел, как навстречу ему, в ад и мрак взрыва, летит Катенька. Он схватил ее в объятия, и они, прижавшись друг к другу, заплакали.

* * *

После этого взрыва Петербург оказался в состоянии глубокого шока. Находившийся тогда в Петербурге французский дипломат и литератор маркиз Эжен-Мельхиор де Вогюэ писал: "Пережившие эти дни могут засвидетельствовать, что нет слов для описания ужаса и растерянности всех слоев общества. Говорили, что 19 февраля, в годовщину отмены крепостного права, будут совершены взрывы в разных частях города. Указывали, где эти взрывы произойдут. Многие семьи меняли квартиры, другие уезжали из города. Полиция, сознавая свою беспомощность, теряла голову. Государственный аппарат действовал лишь рефлекторно. Общество чувствовало это, жаждало новой организации власти, ожидало спасителя". Несмотря на опасение нового покушения и хорошо осознавая угрозу собственной жизни, Александр через три дня после случившегося в Зимнем дворце пошел на похороны солдат, погибших при взрыве. Он шел с высоко поднятой головой, но все видели, как по его щекам текут слезы. Для централизации усилий правительства и местных органов власти через неделю после взрыва была создана Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Ее начальником стал М. Т. Лорис-Меликов, а в состав комиссии вошли член Государственного совета сенатор К. П. Победоносцев, начальник штаба Петербургского военного округа генерал-адъютант князь А. К. Имеретинский, товарищ управляющего III Отделением генерал-майор П. А. Черевин, управляющий делами Комитета министров М. С. Каханов, сенаторы, генералы и чиновники высших рангов по службе, ответственные за сохранение порядка. Лорис-Меликов получил небывало широкие полномочия и мог бы стать диктатором России, если бы у него имелись такие склонности. Но он был человеком совсем иного склада, и, когда, как ему показалось, обстановка немного нормализовалась, он попросил царя отменить чрезвычайное положение и чрезвычайные законы и вернуться к обычному ходу дел. И это было сделано

им, несмотря на то, что через десять дней после того, как Лорис-Меликов стал во главе комиссии, на него тоже было совершено покушение. Террорист-народоволец Молодецкий стрелял в "диктатора" на улице, но храбрый пятидесятилетний генерал обезоружил его, свалил на тротуар и передал подоспевшим полицейским. По новому закону террорист был осужден в 24 часа и повешен.

Менее чем через два месяца после этого Лорис-Меликов поставил перед Александром вопрос о дальнейшем проведении реформ – крестьянской, судебной, финансовой, городской и других, не отказываясь от борьбы с террором. Так, продолжая реформы и в то же время усиливая борьбу с революционерами, Лорис-Меликов пытался смирить Россию.

Новелла 14. От тризны к свадьбе

Двадцать второго мая 1880 года в 8 часов утра умерла императрица Мария Александровна. Она тихо скончалась после очень долгой болезни, продолжавшейся полтора десятка лет. Последний месяц больная почти все время находилась в полузабытьи и умерла так незаметно, что не успели даже позвать близких, чтобы проститься с нею. 28 мая ее похоронили в Петропавловском соборе, и во время похорон царедворцы заметили, что Екатерины Михайловны среди присутствующих нет, несмотря на то, что она, как фрейлина, должна была провожать императрицу в последний путь.

Долгорукова осталась в Царском Селе и там ждала Александра. Он приехал к ней на следующий день и посвятил ее в планы относительно перемен, которые неминуемо должны были произойти в связи со смертью Марии Александровны и в штате двора, и в его собственном домашнем обиходе, не касаясь существа их личных взаимоотношений.

Среди тех намерений, о которых царь сообщил своей возлюбленной, было и одно весьма немаловажное, касающееся его невестки Марии Федоровны. Это намерение Александр осуществил уже на следующий день, 29 мая, издав рескрипт на имя цесаревны Марии Федоровны, которым она назначалась преемницей скончавшейся императрицы и объявлялась августейшей покровительницей и руководительницей Ведомства императрицы Марии. (Ведомство носило имя его основательницы – императрицы Марии Федоровны – жены Павла I. В его задачи входило всемерное содействие образованию детей, юношей и девушек, а также широкая благотворительность всем россиянам.) О масштабах Ведомства и разносторонности его деятельности свидетельствует то, что к этому времени в его состав входило 459 учреждений: Александровский (Царскосельский) лицей, Николаевский Сиротский институт в Гатчине, 27 женских институтов со Смольным во главе, 77 женских школ, 31 мужская гимназия, 20 специальных мужских учебных заведений, училища для глухонемых, воспитательные дома, училища нянь, фельдшерниц, дома призрения для больных и престарелых, богадельни, повивальные (акушерские) пункты, 113 детских приютов, благотворительные общества, 23 больницы и т. п.

Кроме того, к Марии Федоровне перешло и руководство Российским Обществом Красного Креста, возникшим за 13 лет перед тем под названием "Общества о раненых и больных воинах". (Мария Федоровна руководила им в годы русско-японской и во время Первой мировой войн, и руководила весьма успешно.)

И лишь 25 июня – через месяц после похорон жены – Александр сказал Екатерине Михайловне то, чего она ждала вот уже четырнадцать лет: "Петровский пост кончится 6 июля. В этот день я решил обвенчаться с тобой". Однако больше он не сказал об этом никому. Лишь за два дня до

срока, Александр, находясь в Царском Селе, вызвал Александра Адлерберга и заявил, что хочет обвенчаться с Долгоруковой. Адлерберг пытался возражать, но царь сказал, что волен распоряжаться собственной судьбой, как сочтет нужным, тем более что жениться на Долгоруковой ему велит чувство долга перед нею и их общими детьми. Свадьба состоялась в назначенный день в три часа дня в Большом Царскосельском дворце, в одной из маленьких комнат, где стоял походный алтарь — обыкновенный стол, на котором стояли: крест, евангелие, свечи, венцы и обручальные кольца. Протоиерей Ксенофонт Яковлевич Никольский, проток дьякон к дьячок уже ждали молодых в полном облачении. При венчании присутствовали: граф А. В. Адлерберг, генерал-адъютант А. М. Рылеев, мадемуазель Шебеко и генерал-адъютант граф Э. Т. Баранов.

После венчания Александр пригласил свою молодую жену и Варю Шебеко на прогулку, попросив взять с собою и детей — Георгия и Ольгу.

Шебеко рассказывала потом, что вдруг Александр с неожиданной печалью в голосе сказал:

— Я боюсь своего счастья, я боюсь, что меня Бог слишком скоро лишит его. И вслед за тем настойчиво спросил сына обещать, что он никогда не забудет своего отца.

Возвратившись с прогулки, Александр составил акт о состоявшемся бракосочетании, подтвержденный подписями Адлерберга, Баранова, Рылеева и его собственной, и вслед за тем написал Указ Правительствующему Сенату: "Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, Мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом "Светлейшей". Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям согласно статье 14 "Основных законов Империи" и статье 147 "Учреждения императорской фамилии".

Тем самым Екатерина Михайловна, а также Георгий, Ольга и Екатерина становились полноправными членами императорской фамилии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако этот документ до поры до времени Александр решил сохранить в тайне. Лишь через десять дней он сообщил о своем новом браке и созданных после него документах приехавшему в Царское Село Лорис-Меликову, да и то предварительно взяв с него клятву о молчания; После этого царь сказал: — Я знаю, что ты мне предан. Впредь ты должен быть так же предан моей жене и моим детям. Лучше других ты знаешь, что жизнь моя подвергается постоянной опасности. Я могу быть завтра убит. Когда меня ее будет, не покидай этих столь дорогих для меня людей. Я надеюсь на тебя, Михаил Таризелович.

* * *

Между тем жизнь страны шла своим чередом, и Лорис-Меликов не только пытался искоренять крамолу, но и по мере возможностей старался продолжать развитие реформ. С этой целью он убедил царя ликвидировать Верховную распорядительную комиссию, закрыть III Отделение, а его самого, освободив от всех экстраординарных должностей, назначить министром внутренних дел. Шестого августа Александр согласился, а еще через десять дней выехал в Ливадию на летний отдых.

Впервые он ехал вместе с Екатериной Михайловной, Георгием и Ольгой в царском поезде, совершенно открыто и официально, так как накануне отъезда Александр уведомил о состоявшейся женитьбе цесаревича Александра

Александровича. Наследник престола, выслушав отца, проявил сдержанность и почтительность, хотя речь шла о таком изменении в семье, которое прежде всего ставило под угрозу статус наследника.

Положение цесаревича осложнялось еще и тем, что он возглавлял при дворе "партию" контрреформ.

Ближайшие единомышленники цесаревича собирались в Аничковом дворце. Это были решительные сторонники неограниченного самодержавия и ортодоксального православия, люди волевые, упрямые, до конца уверенные в собственной правоте. За их плечами был большой государственный опыт, отличное знание государственного механизма и лабиринтов российской административной системы. В этой "партии" первые роли играли графы Д. А. Толстой, Н. П. Игнатьев, князь С. М. Воронцов, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев. Им противостояла немногочисленная группа сторонников умеренных реформ, группировавшаяся вокруг царя.

За день до отъезда в Ливадию император и Лорис-Меликов встретились с наследником и пытались доказать цесаревичу свою правоту, а именно то, что консервация общества приведет лишь к усилению революционеров, в то время как либерализация режима лишит их благодатной почвы недовольства самодержавием.

В Ливадии Лорис-Меликов продолжал настойчиво доказывать царю, что окончательная победа над революционерами может быть только тогда, когда России будет дарована Конституция. Однако Александр вел себя двойственно, не отвергая и не принимая идею преобразования государства в конституционную монархию.

* * *

Одиннадцатого сентября 1880 года Александр перевел в Государственный банк 3 302 900 рублей на имя Екатерины Михайловны Долгоруковой, написав: "Ей одной я даю право распоряжаться этим капиталом при моей жизни и после моей смерти". И, подкрепляя свое распоряжение, через два месяца, 9 ноября, написал цесаревичу такое письмо: "Дорогой Саша! В случае моей смерти поручаю тебе мою жену и детей. Твое дружественное расположение к ним, проявившееся с первого же дня знакомства и бывшее для нас подлинной радостью, заставляет меня верить, что ты не покинешь их и будешь им покровителем и добрым советчиком.

При жизни моей жены наши дети должны оставаться лишь под ее опекой. Но если Всемогущий Бог призовет ее к себе до совершеннолетия детей, то я желаю, чтоб их опекуном был назначен генерал Рылеев или другое лицо по его выбору и с твоего согласия.

Моя жена ничего не унаследовала от своей семьи. Таким образом, все имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, приобретено ею лично, и ее родные не имеют на это имущество никаких прав. Из осторожности она завещала мне все свое состояние, и между нами было условлено, что если на мою долю выпадет несчастье ее пережить, все ее состояние будет поровну разделено между нашими детьми и передано им мною после их совершеннолетия или при выходе замуж наших дочерей.

Пока наш брак не будет объявлен, капитал, внесенный мною в Государственный банк, принадлежит моей жене в силу документа, выданного ей мною.

Это моя последняя воля, и я уверен, что ты тщательно ее исполнишь. Да благословит тебя Бог! Не забывай меня и молись за так нежно любящего тебя. Па".

Девятнадцатого ноября было решено уехать из Ливадии в Петербург, несмотря на то, что незадолго до этого дня полиция обнаружила в районе станции Лозовая готовый к взрыву заряд, уложенный под полотно железной дороги. И все же было решено ехать.

В полдень 21 ноября Александр с новой семьей прибыл в Петербург. Там Екатерину Михайловну ждал приятный сюрприз: ей отвели новые роскошные апартаменты, приготовленные во время ее отъезда в Крым по приказу заботливого мужа.

Новелла 15. Последнее покушение

По возвращении в Петербург Лорис-Меликов добился у царя, и у наследника согласия на то, чтобы земства посылали своих представителей на заседания Государственного совета для участия в выработке законов, и, таким образом, сделали его представительным органом.

Однако в это же время "Народная воля" развила бешеную деятельность, направив все свои усилия на то, чтобы задуманное убийство Александра наконец-то увенчалось успехом. И в те дни, когда планы были уже составлены и частично проработаны, когда в Петербург съехались все участники готовящегося убийства, в Елисаветграде, как нам уже известно, был арестован Григорий Гольденберг, не только задержанный с чемоданом динамита, но и убивший до того харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина. Следователем к нему был назначен полковник Добржинский, который, играя на чудовищно гипертрофированном самолюбии арестованного, сумел вовлечь Гольденберга в игру, где подследственному была предоставлена роль пророка, выводящего заблудшую молодежь России из тьмы преступлений к свету всеобщего примирения.

Гольденберг написал показания, по объему превышающие полторы сотни страниц, называя имена, адреса, события, факты, что и было умело препарировано и ловко использовано жандармами для ареста террористов. Гольденберга перевезли в Петропавловскую крепость, где его посетил Лорис-Меликов. Граф не скрыл, что предстоящие процессы над теми, кого уже арестовали, едва ли обойдутся без смертных приговоров. Осознав, к чему привели его откровения, Гольденберг закончил с собой в камере Трубецкого равелина.

Параллельно с этим продолжалось и движение страны к Конституции – медленно, робко, но продолжалось. Александр хотел не только произвести политическое преобразование России: из монархии абсолютной и самодержавной в монархию конституционную, он хотел и короновать Екатерину Михайловну, исполнив тем самым и долг перед Богом и перед данной ему женой. Затем передать верховную власть своему старшему сыну – цесаревичу Александру Александровичу и уехать из России с Долгоруковой-Юрьевской и их общими детьми в По или в Ниццу, став частными лицами. Слухи об этом – а особенно о Конституции – стали распространяться по Петербургу, а потом и по России. Называли точные даты опубликования манифеста, передавали содержание документа.

В это время Желябов и Перовская закончили последние приготовления к покушению на царя. Они тщательно изучили время и маршруты Александра, подготовили бомбы, расставили метальщиков, предусмотрев все возможные варианты необходимой подстраховки, определили слабые места охраны и назначили день убийства – 1 марта.

* * *

В субботу 28 февраля был канун Великого поста. Александр причастился, вместе с ним прошли этот обряд и все его родные — дети от первой жены со своими близкими и светлейшая княгиня Юрьевская со своими детьми. Александр, как помазанник Божий, причастился у алтаря сам, а все остальные получили хлеб и вино — тело и кровь Христову — из рук священника. Царь сам подвел к чаше обеих своих маленьких дочерей, после чего ушел с Екатериной Михайловной завтракать.

Не успел он окончить завтрак, как ему передали срочное письмо от Лорис-Меликова. Министр внутренних дел спешил известить царя о том, что 27 февраля арестован Андрей Желябов — организатор и участник всех покушений на Александра с 1879 года. Чуть погодя во дворец приехал сам Михаил Тариевич и сообщил, что в ближайшие дни следует ожидать очередного покушения и потому надо воздержаться от выездов из дворца. Александр не согласился с министром и перевел разговор на текущие дела. А таким делом было подписание Манифеста о введении в состав Государственного совета членов представительных организаций.

После того как Манифест был подписан, царь поздравил с этим выдающимся событием Екатерину Михайловну, сказав ей, что в понедельник утром, 2 марта, он будет опубликован в газетах.

Тем же вечером, после ужина, Александр, Екатерина Михайловна и Шебеко сели играть в "ералаш" — карточную игру, напоминавшую вист и преферанс. Когда Александр мешал и сдавал карты, Шебеко решительно попросила царя не ездить завтра с утра в Конногвардейский манеж на развод.

— А почему же мне не поехать? Не могу же я жить во дворце как затворник, — возразил царь и начал сдавать карты.

Не поехать он не мог, главным образом потому, что в то утро разводам впервые должен был командовать его племянник, великий князь Дмитрий Константинович. Царь пообещал брату Константину и его жене обязательно быть в манеже, чтобы тем усилить для племянника торжественность и праздничность важного для него события.

* * *

Утром 1 марта, погуляв после завтрака с женой по залам дворца, Александр выехал в Манеж. Развод прошел прекрасно, и он уехал в Михайловский дворец к своей любимой кухне. Оттуда, попив чаю, в четверть третьего Александр выехал в Зимний. Карета к конвой, стремительно промчавшись по Инженерной улице, повернули на пустынную набережную Екатерининского канала.

Александр видел, как навстречу ему какой-то мальчик тащит по снегу корзину, по тротуару идет незнакомый ему офицер, а чуть дальше стоит простоволосый молодой человек со свертком в руке. И как только карета поравнялась с молодым человеком, тот вдруг бросил сверток под ноги лошадам. Карету потрянуло, занесло на сторону, рысаки забились в упряжи, барахтаясь в кровавом снегу. Александр увидел, как невесть откуда взялись люди, схватили террориста и держали его, скрутив ему руки за спиной. Увидел он и убитых лошадей, и убитого мальчика, и двоих убитых казаков-конвойцев.

Оглушенный взрывом, он, шатаясь, подошел к злодею и хрипло спросил его: — Кто таков?

— Мещанин Глазов, — ответил тот.

— Хорош, — сказал Александр и пошел к уцелевшим саням, на которых ехал полицмейстер полковник Дворжицкий.

Кучер Фрол Сергеев кричал:

— Скачите во дворец, государь!

Но Александр не мог оставить раненых. Один из придворных спросил царя:
— А ваше императорское величество не ранены?

Александр ответил:

— Слава Богу, нет.

Услышав это, террорист, криво усмехнувшись, сказал:

— Что? Слава Богу? Смотрите, не ошиблись ли?

И не успел он произнести это, как раздался еще один взрыв. Очевидцы говорили, что после того, как рассеялся столб снежной пыли и дыма, они увидели не менее двух десятков убитых и раненых. Одни лежали недвижно, другие со стонами отползали по покрытому кровью и сажей снегу подальше от места взрыва. Всюду валялись куски изорванной одежды, сабель, эполет, части человеческих тел, осколки газового фонаря, остов которого от взрыва погнулся. У искореженной взрывом кареты, в лохмотьях шинели лежал Александр, ноги его были размозжены. Он ничего не видел и лишь шептал:
— Помогите... Жив ли наследник? Снесите меня во дворец... Там умереть...

Окровавленного Александра довели до дворца, и, когда несли по лестнице, кровь ручейком стекала на пол.

Сбежавшиеся врачи смогли только остановить кровотечение. Им, как могла, помогала Екатерина Михайловна, не потерявшая самообладания и простоявшая возле раненого до самого конца.

Неожиданно для всех и, наверное, для самой себя, она оказалась собранной и стойкой, все остальные безудержно рыдали у тела усопшего. Рыдания сотрясали могучего тридцатишестилетнего наследника престола и всех его братьев. Потрясенный горем, стоял возле мертвого деда его двенадцатилетний старший внук Николай. Вся жизнь он считал день 1 марта 1881 года самым страшным и самым трагичным днем в своей жизни и навсегда запомнил до мельчайших деталей все связанное со смертью деда.

В 3 часа 35 минут пополз вниз с флагштока Зимнего дворца черно-золотой императорский штандарт, извещая, что хозяин дворца умер...

* * *

Игнатий Иоахимович Гриневицкий, тот, что бросил второй заряд в императора, оказался слишком близко к Александру и смертельно ранил сам себя. Он умер через семь часов в III Отделении в окружении врачей, пытавшихся спасти его.

Труп Гриневицкого предъявили всем арестованным, кто мог бы опознать его. Предъявили и Андрею Желябову. Тот, увидев тело Гриневицкого, сначала отказался удостоверить личность покойного. Однако скоро решил, что нельзя допустить, чтобы уцелевший при первом взрыве Рысаков, назвавший себя при аресте Глазовым, или погибший Гриневицкий фигурировали на предстоящем процессе, а он, Андрей Желябов, демиург всего происшедшего, оставался бы в неизвестности. И конечно же, Желябов не мыслил никого, кто мог бы так хорошо, как он, выступать на процессе, пропагандируя идеи "Народной воли", и так решительно защищать народ. Мог ли он уступить всероссийскую трибуну какому-то недотепе Рысакову, не сумевшему даже убить императора и по нелепой случайности попавшему на гребень волны?

И потому Желябов потребовал чернил и бумаги и написал прокурору судебной палаты: "Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я

требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению.

Андрей Желябов.

2 марта 1881 г. Дом предварительного заключения.

Р. С. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две. Андрей Желябов".

Прокурор, получив это заявление, был настолько поражен, что образовал комиссию, которая составила протокол осмотра столь необычного документа, но все же признала его законность и дала ему ход – Желябов был привлечен по делу об убийстве царя еще до получения других свидетельских показаний.

Новелла 16. Начало царствования Александра III

Второго марта настал день интронизации. Торжественная церемония, потребовавшая от присутствующих расшитых золотом парадных мундиров, роскошных платьев и украшений, казалась бы кошунственной, если бы не всеобщее горе на лицах и в глазах собравшихся, если бы не плачущие цесаревич и цесаревна.

Войдя в Малахитовый зал, Александр и Мария Федоровна двинулись к дворцовой церкви вдоль шпалер придворных, сопровождавших новых самодержцев дружными возгласами: "Верьте нам! Вас любят! Вам служат! Вас защитят!"

Весь молебен присутствующие стояли на коленях, и вместе со всеми стояли на коленях плачущие император и императрица.

Три дня тело убитого оставалось в кабинете, где он умер. Возле него непрерывно служили панихиды, на которых подолгу стояли близкие покойного, а затем гроб с Александром II перенесли в Большую дворцовую церковь. Здесь, как и прежде, в кабинете, часто рядом с умершим оказывалась убитая горем княгиня Юрьевская и все трое детей – девятилетний Георгий, восьмилетняя Ольга и четырехлетняя Екатерина. Внезапная, трагическая смерть Александра примирила старую семью покойного с новой. Сигналом к примирению было сердечное объятие цесаревича с княгиней Юрьевской, когда все стояли возле еще не остывшего тела царя. Тогда и придворная камарилья дружно ненавидевшая Екатерину Михайловну, должна была хотя бы внешне смириться. Однако среди наиболее ханжеской части двора все еще не забыли то недавнее время, когда Александр хотел короновать княгиню Юрьевскую. При дворе ходили упорные слухи, что он не только перечитал все бумаги, касающиеся коронации Екатерины I, но и продумывал детали грядущего торжества – от собственноручно выполненных им рисунков шифров для фрейлин до узоров на коронационной мантии, которую Долгорукова, как утверждали, уже после убийства императора показывала своим друзьям.

Но распри распрями, а дело делом. Тем более что неотложных дел у нового императора было достаточно. Во-первых, организация похорон, во-вторых, первоочередные государственные дела и, в-третьих, подготовка к суду над убийцами отца.

Александр III был нежным и почтительным сыном, и для него воля покойного была законом.

Однажды, когда речь зашла о непрекращающихся попытках террористов убить его и об ожидавшей его смерти, Александр II сказал Екатерине Михайловне о том, какими должны были стать его похороны.

"Когда мне придется предстать перед Господом, — сказал Александр, — я не хочу иметь вид цирковой обезьяны, да и не время будет тогда изображать величество". Он имел в виду, что ему надлежало отойти в лучший мир без наград и без царских регалий. И потому его обрядили в Преображенский мундир, на котором не было ни лент, ни орденов, ни медалей. Потому и похороны не могли быть чрезмерно пышными.

Восемнадцатого марта, перед тем как нести гроб из дворца в Петропавловский собор, состоялась последняя панихида, собравшая и близких покойного, и его соратников. Бывший при том обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев написал: "Сегодня присутствовал на панихиде у катафалка. Когда служба закончилась и все покинули церковь, я увидел, как из соседней комнаты вышла вдова покойного. Она едва держалась на ногах и шла, опираясь на руку сестры. Рылеев сопровождал ее. Несчастливая упала перед гробом. Лицо императора покрыто газом, который запрещено подымать, но вдова порывистым движением сорвала вуаль и покрыла долгими поцелуями лоб и все лицо покойного. Потом она, шатаясь, вышла. Мне было жаль бедную женщину". Вечером вдова пришла к гробу, срезала своя роскошные длинные и густые волосы, бывшие ее гордостью, лучшим ее украшением, и положила их под руки мертвому Александру.

Пока готовились похороны, необходимо было принять решение: опубликовать или не публиковать документ, подписанный покойным накануне смерти. Документ этот был настолько ражен и политически принципиален, что Лорис-Меликов подошел с ним к Александру III.

Александр ответил однозначно:

— Я всегда буду уважать волю отца. Пусть завтра манифест будет опубликован.

Однако после этого в Аничковом дворце молодого императора взяли в осаду собравшиеся там консерваторы — еще большие сторонники самодержавия, чем сам царь. Они после многочасовой дискуссии сумели доказать Александру невозможность, крайнюю несвоевременность и большую опасность публикации этого документа.

Психологически момент был избран весьма удачно — душегубы еще гуляли на свободе, для убитого ими императора еще сколачивали гроб, а его сын уже шел навстречу чаяниям тех, кто поддерживал, хотя и тайно, убийц его отца. Поддавшись мольбам, уговорам и резонам Победоносцева и его единомышленников, Александр, встретившись с Лорис-Меликовым, настоятельно попросил повременить с публикацией манифеста до обсуждения этого вопроса на заседании Государственного совета.

Это заседание — совместно с членами Совета министров — состоялось 8 марта.

Новый император встречал при входе в зал заседания министров и великих князей, жал им руки, что крайне редко делал его покойный отец, и приглашал занять места за столом, где было поставлено 25 кресел. Александр III, открывая заседание, сказал, что хотя покойный государь и одобрил записку Лорис-Меликова, но тем не менее считать этот вопрос решенным не следует. Первым получил слово восьмидесятичетырехлетний граф С. Г. Строганов, заявивший, что путь, предложенный Лорис-Меликовым, "ведет к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России". Однако выступившие затем выдающиеся сановники решительно не согласились со Строгановым. Председатель Совета министров П. А. Валуев, принципиальный и последовательный враг террористов, сказал, что "при

настоящих обстоятельствах предлагаемая нами мера оказывается в особенности настоятельной и необходимою". Валуева поддержал генерал Д. А. Милютин, через два месяца лишившийся портфеля военного министра, который принадлежал ему ровно двадцать лет. Милютина поддержал дядя нового царя, генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич, Государственный контролер Д. М. Сольский, министр юстиции Д. Н. Набоков, председатель Департамента законов князь С. Н. Урусов, министр финансов А. А. Абаза. И тогда царь дал слово обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву. Бледный, взволнованный Победоносцев начал речь с того, что дело не сводится только к приглашению к власти людей, хороша знающих народную жизнь. Дело сводится к тому, что в России хотят ввести конституцию, чтобы создать в государстве новую верховную власть, подобную французским Генеральным Штатам, которые привели к тому, что правящая династия взошла на эшафот.

Победоносцеву решительно возразил Абаза. Обращаясь к царю, он сказал: "Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильные, то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас". Царь закрыл совещание, продлившееся около трех часов, предложив создать комиссию для пересмотра записки Лорис-Меликова. Комиссия создана не была, зато Валуев, Милютин, Лорис-Меликов, Абаза, министр народного просвещения А. А. Сабуров, министр государственных имуществ А. А. Ливен и даже министр императорского двора А. В. Адлерберг лишились своих постов в течение двух месяцев, а великий князь Константин Николаевич впал в немилость... На их место пришли другие.

* * *

В то время как происходили все эти события, готовился суд над арестованными террористами. Вслед за Желябовым и Рысаковым арестовали Гесю Гельфман, Тимофея Михайлова, Кибальчича и, наконец, Перовскую. Кроме них отыскивали и схватили еще многих других, готовивших покушение, но не принимавших непосредственного участия в убийстве на канале.

Об этих арестах, а также о подготовке процесса широко оповещалась публика. Все русское общество было взбудоражено предстоящим процессом, и судьба арестованных волновала многие тысячи граждан России. Среди них были два ее светоча: писатель Лев Толстой и философ Владимир Соловьев. Толстой, промучившись много дней от мысли, что из-за его бездеятельности могут погибнуть несколько человек, вдруг увидел сон, где он сам был палачом и держал петлю, собираясь вешать осужденных.

Очнувшись от ужасного сна, он тут же сел к столу и начал: "Я, ничтожный, не призванный и слабый человек, пишу русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали..." И, исписав много листов, в конце концов давал совет простить их, исходя из идеала любви, прощения и воздаяния добра за зло. Он передал это письмо своему старому корреспонденту, философу и критику Н. Н. Страхову, давнему противнику Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова и прочих нигилистов и социалистов, близкому другу Достоевского, для того чтобы письмо было вручено обер-прокурору Синода Победоносцеву, а тот в свою очередь положил бы его на стол императору, своему воспитаннику, коему оно и предназначалось.

Технический расчет Толстого был правилен, но стратегический – абсолютно неверен. Победоносцев, получив и прочитав письмо, отказался передавать его царю, потому что буквально накануне сам вступил в переписку с Александром, заняв совершенно противоположную позицию.

Победоносцев писал: "Если будут Вам петь прежние сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в прежнем направлении, о, ради Бога, не верьте... Злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только расsvирепеют. Их можно унять, злое семя вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть – железом и кровью".

А 28 марта, уже когда шел суд, с призывом помиловать убийц обратился великий русский философ Владимир Соловьев. Он сделал это открыто, во время публичной лекции, попросив царя простить безоружных, и Александру тотчас же о том сообщили. Испугавшись, что призыв Соловьева хоть немного повлияет на царя, Победоносцев тут же написал ему новое письмо: "Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас в помиловании преступников. Может ли это случиться? Нет, нет и тысячу раз нет – этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует лишения и громко ропщет, что оно замедляется..."

Александр, прочитав письмо, подписал вверху: "Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь".

* * *

К смертной казни приговорили все же пятерых – Желябова, Перовскую, Михайлова, Кибальчича и Рысакова. Шестую – Гесю Гельфман – оставили в живых из-за того что она оказалась беременной, и приведение приговора отложили до рождения ребенка.

Осужденных повезли на казнь ранним утром 3 апреля. С высоких черных позорных колесниц они увидели запруженную народом площадь – огромный Семеновский плац, высокий черный эшафот и пять виселиц. Круто" стояли войска, гремели барабаны, и, хотя Михайлов что-то кричал, из-за их грохота ничего слышно не было.

Под виселицами, переминаясь с ноги на ногу, стоял единственный в России палач – Иван Фролов, казнивший в последние годы чуть ли не всех их товарищей, приговоренных к повешению.

На приговоренных надели саваны и первым вздернули Кибальчича. Потом наступил черед Михайлова. Он дважды сорвался с перекладины и был повешен только с третьего раза. После Михайлова наступила пауза – палач и его помощники стали осматривать веревки, усиливать их прочность, крепить узлы, а трое еще живых приговоренных неподвижно ждали, когда наступит их черед. Наконец быстро одного за другим повесили и остальных – Перовскую, Желябова, Рысакова.

Перовская была первой женщиной в России, казненной по политическим мотивам, а вся экзекуция 3 апреля была последней публичной казнью. Законом от 26 мая 1881 года предписывалось совершать казни скрытно, преимущественно в тюрьмах, но и этот закон потом неоднократно нарушался, обрстая дополнениями, поправками и "особыми обстоятельствами".

Новелла 17. Государь Александр Александрович и его близкие

В момент вступления на престол Александру III шел тридцать седьмой год. С того времени, как умер его старший брат Николай и Александр стал наследником престола, его занятия и вся жизнь сильно изменились. С 1865 года его целенаправленно готовили к предстоящей миссии, ожидавшей

цесаревича после смерти отца, — стать самодержцем, сосредоточив в своих руках все нити управления огромной империей.

Воспитанием Александра главным образом занимались три человека: профессор-правовед Московского университета Константин Петрович Победоносцев, его коллега профессор-экономист Чивилев и главный воспитатель, названный "попечителем", генерал-адъютант граф Борис Алексеевич Перовский. Цесаревич прослушал курсы политических наук и правоведения в объеме университета, что позволило ему не выглядеть одиозно в должности канцлера Гельсингфорсского университета. Хорошая военная подготовка, соответствующая программе Академии Генерального штаба, делала его профессионалом, когда он занимал различные армейские должности — от командира полка до атамана казачьих войск и командующего Петербургским военным округом.

А то, что ему довелось участвовать в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, придавало новому императору заслуженный авторитет боевого генерала. В исторической литературе, в публицистике и в беллетристике широко бытует мнение, что Александр III был не более чем солдафон, невежа и обскурант. Такого рода характеристики исходили от тех редких интеллектуалов-прогрессистов, которые, оказавшись в ближайшем окружении императора, встречали противодействие их собственным концепциям и взглядам. С. Ю. Витте, выдающийся финансист, дипломат и политик, хорошо знавший Александра III, отзывался о нем так: "Император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, импонировал, и если бы не знали, что он император и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме — несомненно, все бы обратили на него внимание. Фигура императора была очень импозантна: он не был красив, по манерам был, скорее, более или менее Медвежатый; был очень большого роста, причем при всей своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее, был несколько толст и жирен". В этой характеристике не все справедливо. О полученном им образовании нельзя сказать: "ниже среднего", а что касается того, что "он не был особенно силен", то это уже совершеннейшая ложь: Александр пальцами гнул монеты и легко ломал подковы. Это был настоящий русский богатырь, который, хорошо зная свои качества, не только не скрывал их, но, напротив, при случае, бывало, и проявлял. Александр III при всем этом был глубоко русским человеком, у которого любовь ко всему отечественному — в изначальном смысле слова: от "отцов" и "Отчизны" — переходила в откровенный национализм.

Александр немедленно распорядился упростить военную форму и сделать ее более удобной. В этом смысле он действовал в духе Потемкина и Суворова. Но была здесь и другая сторона — форма стала национальной. Всех военнотружущих переодели в полукафтаны и шаровары, перепоясав их цветными кушаками и надев на головы барашковые шапки. Прежде всех были переодеты генералы свиты. Когда после введения этого новшества состоялся первый придворный прием, то только один из генералов свиты — необычайно спесивый, заносчивый и очень недалекий князь Барятинский, командир Преображенского полка, болезненно гордившийся полковым мундиром и своей принадлежностью к славному аристократическому братству офицеров лейб-гвардии, — нарушил приказ и явился на прием в прежнем мундире.

Когда же министр двора сделал ему в связи с этим замечание, князь ответил, что мужицкой формы он носить не станет. Этот ответ был равнозначен отставке, и князю пришлось донашивать свой старый мундир в Париже, но уже частным человеком.

Не только лошенных генералов свиты и камергеров двора настораживали эти внезапные и резкие перемены. Даже такой прогрессист и либерал, каким был известный судебный деятель А. Ф. Кони, поразился, увидев на Александре III при посещении его в Гатчине русскую рубашку с вышитым на рукавах цветным узором.

Другой характерной чертой нового царя была его бережливость, доходящая до предела. Он носил одежду — брюки, тужурку, пальто, полушубок, сапоги — до тех пор, пока они не начинали разваливаться. И тогда царь чинил и латал их до последней возможности, причем и изначально это были самые простые вещи: сапоги не офицерские, а солдатские, тужурка не из тонкого сукна, рубашки из ивановского холста. И жить он стал не в прежних апартаментах Зимнего дворца, а в маленьких комнатках дворца в Гатчине, где до него жили слуги. Новый император навел строгую экономию во всех отраслях государственного управления, особенно сильно урезав расходы дворцового ведомства. Он сильно сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходом денег в своей семье и в семьях великих князей.

Александр III запретил закупку для своего стола заграничных вин, заменив их крымскими и кавказскими, а число балов ограничил четырьмя в год. Летом царская семья жила в Петергофе, занимая маленький дворец Александрию и лишь однажды в сезон — 22 июля — праздновала день тезоименитства Марии Федоровны. В Александрии, как и в Гатчине, жизнь царя и царицы проходила в непрерывных трудах и заботах, и только после окончания лагерного сбора в Красном Селе, завершавшегося большим парадом, раздачей наград и производством в офицеры, семья уезжала в финские шхеры, где и ждал их всех настоящий отдых.

Министры могли приезжать сюда в самых исключительных случаях, а государственные бумаги привозили и увозили фельдъегеря.

Здесь, среди живописной полудикой природы, в лабиринтах многочисленных островов и каналов, освобожденная от уз дворцового этикета августейшая фамилия ощущала себя обыкновенной счастливой и здоровой семьей, посвящая большую часть времени длительным прогулкам; рыбалке, катанию на лодках. Иногда семья вместо отдыха в шхерах уезжала в Польшу, в Ловичское княжество, и там с азартом предавалась охотничьим забавам, особенно охоте на оленей, а завершался отпуск чаще всего поездкой в Данию, в замок Бернсторф — родовой замок Дагмары, где часто собирались со всей Европы ее коронованные сородичи.

Сколько желчи вылило било недоброжелателями Александра в связи с его мужиковатостью, неотесанностью, совершенно не царской простотой в быту, выдаваемой ими за скардность! Сколько стрел было выпущено левыми журналистами и писателями-эмигрантами по поводу его тупости и невосприимчивости к искусству! А он чаще, чем кто-либо, бывал в опере, очень хорошо музицировал, а на тромбоне играл столь искусно, что был солистом в дворцовых квартетах.

В 1869 году у цесаревича начал собираться маленький оркестр медных духовых инструментов, в который входил он сам и еще восемь музыкантов — офицеров гвардии. С течением времени кружок разросся и в 1881 году превратился в "Общество любителей духовой музыки". Было бы преувеличением утверждать, что там играли музыканты высокого класса, но репертуар был разнообразен, и оркестранты становились год от года все более искусными.

Александр, еще в бытность цесаревичем, стал одним из основателей Русского исторического общества, под его покровительством находился Исторический музей в Москве.

Серьезное увлечение искусством началось у цесаревича с осмотра дворцов и музеев Копенгагена. Приезжая туда к тестю и – теще, цесаревич вместе с Марией Федоровной обходил стекольные заводы, фабрики по производству фаянса и фарфора, мастерские ювелиров, приобретая лучшие образцы производимых там изделий, а затем и старинную мебель, гобелены и самый разнообразный антиквариат. Наконец, наступила очередь картин. Здесь, вопреки канонам он стал приобретать полотна современных художников, а о школе старых мастеров сказал однажды: "Я должен ее любить, ибо все признают старых мастеров великими, но собственного влечения не имею". Впрочем, в дальнейшем отношении Александра III к старым мастерам переменилось, и он приобретал картины Бларабёрга, Ватто и других. Вскоре в Аничковом дворце Александр отвел два зала под музей. В нем демонстрировались приобретенные им раритеты и коллекция редкостей, купленная у писателя Дмитрия Васильевича Григоровича, автора прославленных повестей – "Деревня" и "Антон Горемыка". Григорович был не только писателем, но и незаурядным художником и выдающимся знатоком искусств и потому занимал пост секретаря Общества поощрения художеств и читал лекции по истории искусства цесаревне Марии Федоровне, на коих нередко оказывался и цесаревич.

В Царскосельском дворце Александр разместил коллекцию картин русских художников 20 – 50-х годов XIX века: там были полотна Брюллова, Басина, Сверчкова, Боголюбова, Боровиковского, скульптуры Клодта и многих иных живописцев и ваятелей.

В заграничных путешествиях Александр постоянно пополнял свои коллекции. Во время поездки в Париж он принял от русских художников, в то время находившихся там, звание "Почетного попечителя" созданного ими Общества взаимной помощи, размещавшегося в доме барона Горация Осиповича Гинцбурга – выдающегося российского финансиста, богача и мецената, щедро покровительствовавшего людям искусства.

Посетив мастерские русских художников и выставку их работ, разместившуюся в парижском доме Гинцбурга, цесаревич купил картины у Репина, Поленова, Савицкого, Васнецова, Дмитриева. У Антокольского он купил бронзовые статуи Христа и Петра Великого, а впоследствии приобрел и известнейшие его работы – "Летописец Нестор", "Ермак", "Ярослав Мудрый" и "Умирающий Сократ".

Александр обошел мастерские многих французских художников, побывав и у знаменитого и модного придворного живописца Месонье. Вместе с Марией Федоровной посетил он музеи Лувр, Люксембургский дворец, Клюни, Севрскую фарфоровую фабрику, фабрику гобеленов, а также и Академию художеств. Александр приобрел десятки произведений искусства, но венцом всего был осмотр коллекций древностей русского подданного Базилевского, которую Александр купил за пять с половиной миллионов франков, как только стал императором. Эта коллекция стала основой отдела древностей императорского Эрмитажа.

* * *

В леворадикальной историографии, когда речь заходила об Александре III, упорно культивировался образ тупого, малообразованного деспота, начисто лишённого как интеллекта, так и чувства юмора. О его образовании и уме мы уже знаем, но и в остроумии ему тоже нельзя было отказать. Так, например,

однажды командующий Киевским военным округом М. И. Драгомиров забыл поздравить его с днем рождения и вспомнил об этом лишь на третий день. Не долго думая, генерал послал телеграмму: "Третий день пьем здоровье вашего величества", на что сразу же получил ответ: "Пора бы и кончить". А когда великий князь Николай Николаевич подал ему прошение о разрешении жениться на петербургской купчихе, Александр наложил такую резолюцию: "Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду". Александр III вел себя безукоризненно в вопросах семейной морали. Даже в таком насквозь антимонархическом издании, каким были небезызвестные "Новые материалы по биографии российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов", автор XII тома А. Колосов писал, что Александр III "не в пример всем своим предшественникам на русском престоле держался строгой семейной морали. Он жил в честном единобрачии с Марией Федоровной, не заводя себе ни второй мorganатической жены, ни гарема любовниц". Немалую роль сыграл в этом отношении роман его покойного отца с Е. М. Долгоруковой-Юрьевской, навсегда ставший для цесаревича примером того, как ни в коем случае не должен поступать царь — глава августейшей семьи.

В советской исторической литературе упорно распространялось мнение, что Александр III был горьким пьяницей. При этом всегда ссылались на единственный источник — публикацию беседы выдающегося русского физика П. Лебедева с начальником охраны царя генералом П. А. Черевиным, помещенную в журнале "Голос минувшего" летом 1917 года, когда сразу же после Февральской революции антимонархизм расцвел необычайно пышным цветом.

По воспоминаниям П. Н. Лебедева, Петр Антонович Черевин боготворил Александра III и готов был говорить о нем целыми днями. Черевин с поразительной прямолинейностью делил мир на две половины. На одной, недостижимо высокой, стояли Александр III, Мария Федоровна и при них, на страже, он — Черевин. На другой — "прочая сволочь", включавшая и великих князей.

Особо выделял он великого князя Владимира Александровича с его "Владимировичами".

Черевин вел приемы посетителей Александра III, иногда отказывая в свидании с ним даже императрице, если царь был очень занят, а царь действительно работал с утра до ночи.

Черевин свидетельствовал, что хотя царь выпить и любил, но "во благовремени", то есть никогда не пил и капли, пока не были сделаны все дела. Но и тогда никто не видел его пьяным — он только начинал шалить и забавляться. Чтобы не огорчать Марию Федоровну, которую уверили, что вино вредно ее царственному супругу, для Александра и Черевина шили сапоги с такими голенищами, в которые входила плоская фляжка коньяка. И когда царица на минуту отходила от них, они быстро доставали каждый свою флягу и, усмехаясь, быстро отпивали коньяк.

Если говорить об отрицательных качествах нового императора, то это был прежде всего свойственный ему воинствующий национализм, вскоре переросший в шовинизм, что в условиях многонациональной Российской империи было совершенно недопустимо. Насильственная русификация, запрет обучения многих "инородцев" на их родных языках, откровенный антисемитизм — тоже были неотъемлемой чертой мировоззрения Александра III.

Третьего мая 1882 года были изданы "Временные правила об евреях", запрещавшие им приобретать недвижимость в черте оседлости — территории, где разрешалось проживание евреев [8]. Они не могли жить в селах, а также и в городах: Киеве, Севастополе и Ялте. Однако были и исключения — вне

черты оседлости имели право жить купцы первой гильдии, лица с высшим и специальным образованием, ремесленники, отставные солдаты и потомки этих категорий еврейского населения.

В 1887 году были приняты законы, по которым вводилась процентная норма приема еврейских детей в средние и высшие учебные заведения и городские уездные училища. В черте оседлости эта норма составляла 10 % от общего числа учащихся, вне черты — 5 %, в столицах — 3 %. В 1889 году был ограничен доступ евреев в адвокатуру; в 1890 году — запрещены выборы их в земства и городское самоуправление; в 1891–1892 годах из Москвы было выселено 20 000 евреев — отставных солдат и ремесленников вместе с их домочадцами, а во многих городах Российской империи прошли кровавые еврейские погромы, когда на глазах у бездействовавшей полиции пьяные бандиты убивали детей, женщин и стариков, порою истребляя целые семьи. Другой его негативной чертой был определенный сословный обскурантизм. Александр считал, что образование не может быть общим достоянием и должно оставаться привилегией дворянства и зажиточных сословий, а простому народу — так называемым "кухаркиным детям" — подобает уметь читать, писать и считать. В этом вопросе Александр III полностью разделял взгляды своего наставника Победоносцева, утверждавшего, что истинное просвещение зависит не от количества школ, а от тех, кто в этих школах учит. Если в школах засели длинноволосые нигилисты и курящие папиросы дамочки, то не просвещение, а лишь растление могут дать они детям. Истинное просвещение начинается с морали, а в этом случае гораздо лучшим учителем будет не "ушедший в народ" революционер, а скромный, нравственный и верный царю священник или даже дьячок.

Новелла 18. Цесаревич Николай Александрович

Первенцем императорской четы и, таким образом, наследником престола был Николай, родившийся 6 мая 1868 года, о чем уже сообщалось. До девяти лет воспитание цесаревича во многом напоминало то, о котором уже несколько раз читали в этой книге: сначала няни а бонны — у маленького Ники, по желанию его родителей, это были преимущественно англичанки, — затем учителя-наставники, обучавшие мальчика чтению, письму, арифметике, началам истории и географии. Особое место занимал законоучитель-протоиерей И. Л. Янышев, прививший наследнику престола глубокую искреннюю религиозность. На этом чувстве, ставшем впоследствии одним из важнейших в его эстетической ориентации, мировоззрении и практической деятельности, следует остановиться подольше и поговорить о том серьезно.

Современный историк А. Н. Боханов пишет: "Достаточно точное суждение о Николае II принадлежит Уинстону Черчиллю, заметившему: "Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога". Вот это качество — вера в Бога, вера такая простая и глубокая у него, очень многое объясняет в жизни человека и правителя. Это, по сути дела, своеобразный ключ к пониманию его душевных состояний и поступков. Бог олицетворял для Николая Высшую Правду, знание которой только и делает жизнь истинной, в чем он уверился еще в юности... Вера наполняла жизнь царя глубоким содержанием, помогала переживать многочисленные невзгоды, а все житейское часто приобретало для него характер малозначительных эпизодов, не задевавших глубоко душу. Вера

освобождала от внешнего гнета, от рабства земных обстоятельств. Русский философ Г. П. Федотов очень метко назвал Николая "православным романтиком"... По словам хорошо знавшего царя протопресвитера армии Г. И. Щавельского, "Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют не мудрствуя, и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнения. Религия Давала ему то, что он более всего искал, – успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды". Разумеется, все это пришло к Николаю позже, но основы этого были заложены в детстве.

Было еще одно качество, в какой-то мере врожденное, а в значительной мере благоприобретенное, которое называли "обольстительностью".

"Император Николай II, – писал русский историк-эмигрант

С. С. Ольденбург, – обладал совершенно исключительным личным обаянием.. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием". "Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II", – писал граф Витте уже в ту пору, когда, по существу, являлся личным врагом государя.

Воспитанность, под коей понимались хорошие манеры и то, что в старину называли "благонравием", было плодом усилий тех, кто учил цесаревича, и в значительной мере результатом его собственных регулярных усилий.

В 1877 году, когда Николаю было девять лет и он перешел из женских рук в мужские, его главным воспитателем стал пятидесятидвухлетний генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович, директор 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, составивший, а затем и осуществивший программу обучения цесаревича, рассчитанную на 12 лет: 8 лет – гимназический курс и 4 года – университетский, правда, с известными коррективами, что заставило потом увеличить время обучения еще на один год. "Г. Г. Данилович, – писал видный дипломат А. П. Извольский, – не имел других качеств, кроме ультрареакционных взглядов". Однако действительным наставником и воспитателем Николая был учитель английского языка Хетс, очень одаренный и очень обаятельный человек, преподававший еще и в Царскосельском лицее. Ему Николай был обязан великолепным знанием английского языка и любовью к спорту.

"Карла Осиповича", как обычно называли мистера Хетса, можно было считать и воспитателем и нянькой, ибо он был глубоко предан всей семье, приютившей его, и искренне любил своего воспитанника. Он был чистейшим идеалистом, прекрасно рисовал и занимался многими видами спорта. Особенно любил он конный спорт и сумел передать это увлечение Николаю, тем более что цесаревич с удовольствием служил в лейб-гвардии Гусарском полку.

Николай был невысок ростом, но очень хорошо развит физически, имел прекрасную осанку и значительную силу. Из-за того, что ему часто приходилось оказываться среди чинов лейб-конвоя и гвардии, куда отбирались очень рослые и статные офицеры и солдаты, он казался маленьким и терял необходимую августейшей особе значительность. Поэтому больше всего любил он показываться верхом на коне, тем более что благодаря Хетсу и опытным придворным берейторам, по многу часов занимавшимся с ним выездкой, Николай уже в юности стал великолепным наездником. Тому способствовала и сильная его любовь к лошадям, появившаяся еще в детстве, когда ему, еще совсем маленькому, впервые подарили пони. И с этого же

времени стали приучать ухаживать за лошадьми – мыть их, купать летом в реке, расчесывать, скоблить, убирать в конюшне, поить и задавать корм. Однако сначала, когда он еще рос и трудно было сказать, будет ли он великаном – в отца, деда и прадеда – или мужчиной нормального роста – в датскую родню со стороны матери, – Николай был определен в пехотные полки: сначала Эриванский, а потом – Преображенский.

Николай помнил, как совсем маленьким мальчиком, когда рядом с ним еще не было генерала Даниловича, а окружали его няньки да мамки, дед, Александр II, брал его с собою на разводы, смотры и парады тех частей, где был он сам или Николай шефами. Летом 1876 года его впервые обрядили в мундир и повесили на пояс маленькую саблю. Дед взял его с собою на смотр и поставил в ряды первой роты лейб-гвардии Павловского полка, хотя формально военная служба началась для Николая годом раньше: по примеру старых времен был он семилетним ребенком записан в лейб-гвардии Эриванский полк и через год получил там же первый офицерский чин прапорщика. Двенадцати лет стал он поручиком, но это все еще были не более чем детские потехи, а серьезная, настоящая военная служба началась после принятия им присяги в тот день, когда ему исполнилось шестнадцать лет.

Но все это будет позже, а сейчас, в 1881 году, он проходил усложненный курс гимназии, где помимо всех обычных премудростей изучал не два живых языка, как в гимназии, а четыре: английский, немецкий, французский и датский. Последний – родной язык его матери, и он знал, что, когда рано или поздно окажется у своих родственников в Копенгагене, сможет изъясняться и по-датски.

Языки давались Николаю легко, он с удовольствием занимался ими. Особенно же любил он английский язык и владел им настолько безукоризненно, что столь же безупречные русские знатоки английского языка находили, что Николай думает по-английски, а потом переводит свои мысли на русский язык.

Новелла 19. Тайна "Белого генерала"

В январе 1881 года, взяв туркменскую крепость Геок-Тепе, Михаил Дмитриевич Скобелев присоединил к России богатый и цветущий Ахалтекинский оазис в Средней Азии.

Александр II дал ему чин генерала от инфантерии и орден Георгия 2-й степени. Следующим чином был фельдмаршальский, а военной наградой – Георгий 1-й степени, что уравнивало бы Скобелева с Потемкиным и Кутузовым, Барклаем и Паскевичем. Таким образом, Скобелев становился признанным первым полководцем России.

Он собирался в Петербург, когда в Туркмению пришла весть о смерти Александра II и вступлении на престол нового императора.

Двадцать седьмого апреля Скобелев отправился в путь. На каждой станции его встречали как триумфатора, но встреча, устроенная Москвой, превзошла все самые смелые ожидания: генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, который должен был ехать в Петербург, сопровождая полководца, едва сумел пробиться к его вагону – так плотно стояли тысяч" москвичей на площади перед вокзалом.

Приехав в Петербург, Скобелев прежде всего поехал в Петропавловскую крепость на могилу Александра II и только после этого в Зимний дворец. Новый император, Александр III, принял генерала! холодно, даже не предложи а ему сесть, и об этом вскоре же узнали все. Вокруг Скобелева

стал сплетаться клубок интриг, и противоборствующие политические силы начали привлекать народного героя всякий на свою сторону.

К. П. Победоносцев, сразу же разобравшись в существе дела, написал Александру большое письмо, призывая царя непременно привлечь Скобелева на свою сторону. В этом письме Победоносцев, в частности, говорил: "С 1 марта вы принадлежите со всеми своими впечатлениями и вкусами не себе, но России и своему великому, служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могут быть навеяны толками, рассказами, анекдотами, иногда легкомысленными и преувеличенными. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, Ваше Величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком но в то же время быть носителем великой нравственной силы и влиять на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, то есть люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно и теперь важнее, чем когда-нибудь".

Но Александр ничего не предпринял, тем более что известная безнравственность Скобелева претила царю, весьма строгому в этом и к себе, и к окружающим. А Скобелев, смертельно обидевшись, тут же уехал за границу. В Кельне у него произошла встреча с уже отставленным Лорис-Меликовым, которого "Белый генерал", как называли Михаила Дмитриевича за его любовь к белой форме, пригласил в свой вагон. Оставшись наедине, Скобелев стал волноваться, даже плакать и, негодуя на царя, сказал: "Дальше так идти нельзя. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеет, смотря на меня, и пойдут за мной всюду... Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте..."

Потом Лорис-Меликов доверительно говорил А. Ф. Кони: "Таков он был в июле 1881 года... Это мог быть роковой человек для России – умный, хитрый, отважный до безумия, но совершенно без убеждений". Лорис-Меликов, однако же, сильно заблуждался, полагая, что у Скобелева нет убеждений. Они у него были, и вполне определенные: "Белый генерал" был истым славянофилом, исповедовавшим принцип: "Самоуправляющаяся местно Земля с самодержавным царем во главе", однако он же считал своими врагами, как и врагами России, нигилистов и радикалов, посягавших на царя и на "народный строй", который, по мысли вождя славянофилов и друга Скобелева И. С. Аксакова, должен был олицетворять и возглавлять Земский собор. И совершенно солидарен был Скобелев со славянофилами в оценке Берлинского конгресса 1878 года, лишившего Россию плодов ее победы в минувшей войне с Турцией и оставившего большую часть славян на Балканах под османским и австро-венгерским игом.

А 2 января 1882 года, в честь годовщины взятия Геок-Тепе, в петербургском ресторане Бореля состоялся банкет. Главным его героем, естественно, был М. Д. Скобелев. На этом банкете он выступил с тостом, в котором противопоставил народ интеллигенции, а интеллигенцию – народу, завершив тост так: "Господа! В то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми... Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единовенные нам груди".

Застольная речь Скобелева вызвала широкий международный резонанс и дипломатический демарш Австрии. Был недоволен этим поступком и царь. Скобелеву предложили взять отпуск и уехать за границу. Умный и

наблюдательный историк-славянофил Д. А. Валуев записал в своем дневнике, что Скобелев "начинает походить на испанского генерала с будущим пропунсиаменто", то есть на генерала-заговорщика, готовящего военный переворот.

В конце января 1882 года Скобелев уехал за границу, а 5 февраля в Париже его восторженно встретили сербские студенты, учившиеся во Франции, и поднесли ему благодарственный адрес. В ответ Скобелев заявил: "Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы – жертва его интриг, рабы его могущества... Это автор "натиска на Восток" – он всем вам знаком – это Германия".

Разумеется, и эта речь произвела скандал, и на сей раз оскорбленной оказалась Германия.

Россия, точнее министерство иностранных дел, вынуждена была дезавуировать Скобелева, назвав его речь Частным заявлением лица, не уполномоченного на то правительством".

Скобелева тут же вызвали в Петербург, приказав ехать, минуя Берлин, круглым путем – через Голландию и Швецию. Неожиданно для самого Скобелева и для всех вообще Александр III принял его гораздо лучше, чем он мог бы надеяться: аудиенция с глазу на глаз продлилась два часа, и Скобелев, вошедший к царю в кабинет печальным и сконфуженным, вышел оттуда веселым и довольным. Однако о чем говорил он с царем, Скобелев не рассказывал никому.

Двадцать второго апреля "Белый генерал" уехал в Минск, где был дислоцирован его корпус, а потом в Париж и там снова демонстрировал свое несогласие с действиями царя и политикой его правительства.

Это было тем более некстати, что случилось накануне коронации, которая произошла более чем через два года после вступления Александра III на престол и уже одним этим отличалась от прежних коронационных торжеств, отстоявших от акта интронизации на значительно более короткое время.

* * *

Михаил Дмитриевич, побывав в Париже, возвратился в Минск. Там он объявил, что в ближайшее время поедет в Болгарию – во всяком случае, он говорил, что поедет туда, но никто не знал, так ли это – и вдруг стал продавать все свое имущество, чтобы повезти с собою не менее миллиона рублей. Деньги он собрал, продав все, что мог, затем получил еще один месячный отпуск и 22 июня 1882 года отправился из Минска в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. В Москве он, как и всегда, остановился в гостинице "Дюссо". Одним из первых, кто встретил Скобелева в Москве, был князь Д. Д. Оболенский. По воспоминаниям князя, генерал был сильно не в духе.

– Да что с вами наконец? – спросил Оболенский.

– Да что – мои деньги пропали.

– Какие деньги? Бумажник украли у вас?

– Какой бумажник? Мой миллион... Весь миллион пропал бесследно.

– Как? Где?

– Да я сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себе, что Иван Ильич (доверенное лицо Скобелева, его управляющий) реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и... сошел с ума на этих

днях. Я и не знаю, где теперь деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. Он в ответ чуть не лает на меня из-под дивана. Впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать.

Двадцать пятого июня барон Розен дал обед в честь того, что получил очередной орден. Скобелев был на обеде мрачен и сказал одному из офицеров, полковнику Баранову:

— А помнишь, Алексей Никитич, как на похоронах в Геок-Тепе поп сказал: "Слава человеческая, аки дым преходящий..." Подгулял поп, а хорошо сказал... На сей раз и сам генерал хорошо подгулял и после обеда поехал в гостиницу "Англия", что стояла на углу Петровки и Столешникова переулка. Там, в первом этаже занимала роскошный номер знаменитая московская проститутка Альтенрод, имевшая несколько имен: Ванда, Элеонора, Шарлотта, Роза. Поздно ночью Альтенрод выбежала во двор и сказала дворнику, что у нее в постели умер офицер.

Полиция прибыла немедленно. Вскрытие произвел профессор Нейдинг, поставивший диагноз: "Скончался от паралича сердца в легких, воспалением которых он страдал еще так недавно".

И тут же лавиной хлынули домыслы и слухи. Одни говорили, что Скобелев покончил с собой, другие — что его убили немецкие агенты, третьи — что его отравили по приказу императора, опасавшегося, что "Белый генерал", совершив военный переворот, займет русский трон под именем Михаила II. Говорили, что Скобелева убили по приговору Тайного суда, где председательствовал великий князь Владимир Александрович, и, наконец, что он пал жертвой "Священной дружины" — тайной организации придворной аристократии. И уж, разумеется, не обошлось и без "заговора масонов". Историк А. В. Шолохов, наиболее глубоко и всесторонне изучивший этот сюжет, полагает, что все эти версии относятся к разряду слухов и предположений, а вероятнее всего, эта смерть могла быть политическим убийством, но кто его совершил, все еще остается тайной.

Новелла 20. Коронация Александра III

...Тридцать тысяч войска стояло между Санкт-Петербургом и Москвой вдоль шестисотверстной Николаевской железной дороги, и, таким образом, солдат от солдата стоял не более чем в двадцати метрах. Царский поезд шел в Первопрестольную меньше суток.

А теперь предоставим слово присутствовавшему на коронации французскому писателю Корнели, оставившему записки об этом. "Прибыв в Москву, мы остались на вокзале, чтобы встретить императорский поезд. Император и императрица, выйдя из вагона, поместились в открытой коляске и, минуя город, прямо проследовали в загородный Петровский дворец, в котором жал Наполеон I после пожара Москвы. Толпы народа падали на колени при проезде императорской четы; многие целовали следы, оставленные царским экипажем. Затем последовал торжественный въезд в Москву. Удобно поместившись на одной из стен Кремля, я мог видеть всю Красную площадь.

Через площадь пролегал усыпанная песком дорога, по бокам которой стояли шпалерами павловцы с их историческими остроконечными киверами. Площадь представляла собою море голов. Толпа хранила торжественное молчание. Взоры всех были обращены в ту сторону, откуда должен был последовать торжественный кортеж. Пушки гремели, не смолкая ни на минуту. Ровно в двенадцать часов показались передовые всадники императорского кортежа. Мгновенно громадная площадь огласилась восторженными криками. Детский хор в двенадцать тысяч молодых свежих голосов, управляемый ста пятьюдесятью

регентами, исполнял русский национальный гимн. Пушечная пальба, перезвон колоколов, крики толпы – все это слилось в какой-то невообразимый гул. Тем временем кортеж приближался. Вслед за драгунами передо мной промелькнули казаки с целым лесом высоких ник, за ними кавалергарды с их блестящими касками, увенчанными серебряными двуглавыми орлами, собственный его величества конвой в живописных ярко-красных черкесках, и, наконец, показался и сам император. Государь ехал верхом на коне светлосерой масти. На этом же коне, будучи еще наследником, Александр III совершил всю турецкую кампанию.

Рядом с государем на маленьком пони ехал наследник-цесаревич, будущий император Николай II.

За ним следовали великие князья, иностранные принцы и многочисленная блестящая свита, за которой в золотой карете, запряженной восьмеркой белых лошадей, следовала императрица. Рядом с ее величеством сидела маленькая восьмилетняя девочка, великая княжна Ксения Александровна, приветливо улыбавшаяся и посылавшая воздушные поцелуи восторженно шумевшей толпе. В день коронации мне еще раз довелось видеть императорскую чету. Государь и государыня, под богатым балдахином, несомым двадцатью четырьмя генералами, направлялись к собору. У входа в собор ожидал их величества Московский митрополит. Кремлевская площадь с многотысячною толпою хранила молчание. Подойдя к митрополиту, их величества остановились. Благословив августейшую чету, митрополит обратился с глубоко прочувствованным словом. Я видел, как император искал в карманах мундира носовой платок и, не найдя таковой, левою рукою, затаенной в белую перчатку, вытер полные слез глаза. Он, как ребенок, плакал перед этим старцем, говорившим о тяжелых испытаниях, перенесенных императорским Домом.

По окончании обряда коронации государь и государыня поднялись на Красное крыльцо, с высоты которого кланялись восторженно приветствовавшему их народу. Их величества были в великолепных порфирах, подбитых горностаем; головы их были увенчаны коронами. В правой руке его величество держал скипетр, украшенный знаменитым алмазом, оцененным в 22 миллиона.

Затем их величества удалились во внутренние покои, где в Грановитой палате, бывшем дворце Ивана Грозного, состоялся высочайший обед".

По случаю коронации была проведена амнистия, прощены долги казне, но широкой раздачи титулов и денег, в тем более земли и поместий не последовало. Тогда же Произошло самое массовое угощение простых людей и устроена раздача царских подарков с лакомствами, колбасой и хлебом. На Ходынском поле, на краю Москвы, неподалеку от загородного Петровского дворца, было роздано 500 тысяч подарков.

...Через тринадцать лет на этом же самом поле по такому же случаю захотят сделать то же самое, но безобидная затея обернется кровавой катастрофой, ставшей как бы прологом к несчастному последнему царствованию...

Эти же дни ознаменовались еще одним важным и великолепным празднеством – 26 мая произошло освящение и открытие храма Христа Спасителя, строившегося сорок шесть лет.

Самый большой храм России, воздвигнутый по проекту архитектора К. А. Тона на народные деньги в память об Отечественной войне 1812 года, был расписан выдающимися мастерами – В. В. Верещагиным, В. И. Суриковым, Г. И. Семирадским, Ф. С. Журавлевым, К. В. Маковским, облицован мрамором и представлял собою изумительное архитектурное и художественное создание. Под его сводами могли одновременно находиться десять тысяч человек.

Александр III присутствовал на освящении храма, и лишь после этого возвратился в Петербург.

Новелла 21. Юность и любовь цесаревича Николая Александровича

Шестого мая 1884 года, когда Николаю исполнилось 16 лет, в Большой церкви Зимнего дворца он принял присягу по случаю вступления в действительную военную службу. Он все еще был поручиком, но по традиции считался атаманом всех казачьих войск, а во главе каждого из них непременно стоял генерал. Таким образом, хотя и номинально, генералы подчинялись шестнадцатилетнему поручику.

Из-за своего атаманства Николай принимал присягу под знаменем лейб-гвардии Атаманского полка, в котором служили представители всех одиннадцати войск – от Кубанского до Уссурийского.

Годом позже он закончил среднее образование и перешел к изучению серии дисциплин, предусмотренных программами Академии Генерального штаба и двух факультетов университета – юридического и экономического. Высшее образование заняло у цесаревича еще пять лет. Руководителем всего процесса был Победоносцев, читавший к тому же курсы энциклопедии законоведения, государственного, гражданского и уголовного права.

Протоиерей И. Л. Янышев читал цикл лекций по истории религии, богословию и каноническому праву. Член-корреспондент Академии наук

Е. Е. Замысловский, видный специалист по истории России и истории международных отношений, читал курс политической истории. Академик Н. Х. Бунге, министр финансов, преподавал политэкономю и статистику.

Академик Н. Н. Бекетов, создатель физической химии как самостоятельной науки, преподавал химию. Николай продолжал совершенствоваться в языках, сделав особые успехи в своем любимом английском.

Особое место занимали военные науки. Курс стратегии и военной истории читал главный редактор "Энциклопедии военных и морских наук", начальник Академии Генерального штаба, член-корреспондент Академии наук, генерал от инфантерии Г. А. Леер. Фортификацию вел инженер-генерал Ц. А. Кюи, автор 14-ти опер и 250-ти романсов. Среди преподавателей военных наук были выдающиеся генералы М. И. Драгомиров, Н. Н. Обручев, А. К. Пузыревский, П. К. Гудима-Левкович, Н. А. Демьяненко и другие.

Для изучения пехотной службы цесаревич провел два лагерных сбора в Преображенском полку, где командиром был его дядя – великий князь Сергей Александрович. Первый год Николай исполнял обязанности взводного, а на второй год – ротного командира. Следующие два летних лагерных сбора провел он в лейб-гвардии Гусарском полку, приобщаясь к кавалерийской службе, так же, как и перед тем, сначала младшим офицером, а потом командиром эскадрона. Девятнадцати лет получил он чин штабс-капитана, двадцати трех – капитана и, наконец, 6 августа 1892 года стал полковником и в этом звании оставался до конца своих дней.

Следует сказать и о внешних сторонах службы Николая в гвардии.

Нравственная сторона отношений господ офицеров вне строя была, мягко выражаясь, далека от идеала. Характернейшей чертой их быта было бретерство, волокитство, игра в карты, склонность к гомосексуализму и забубенное пьянство.

Дело врачей и психологов объяснить, почему именно так произошло, но факт заключается в том, что в 80-х годах среди офицеров гвардии широко распространился гомосексуализм. Александр III, бывший эталоном нравственности, с омерзением относился к носителям этого порока, но изгонять со службы каждого не мог, ибо их было слишком много,

ограничиваясь отставками офицеров, чьи похождения получали громкую скандальную огласку.

Особенно знаменит был этим Преображенский полк, где командиром был брат Александра III Сергей Александрович.

Зато Лейб-гусарский полк, где почти не было гомосексуалистов, славился патологическим пьянством. И здесь тон задавал командир полка – один из самых горьких пьяниц русской гвардии, великий князь Николай Николаевич. Его однополчане, собираясь в офицерском собрании, пили по неделям, допиваясь до чертиков и белой горячки.

Водку пили не рюмками, а "аршинами", и нужно было выпить не менее аршина рюмок, поставленных в ряд. А ведь аршин равнялся 71 сантиметру! Другой забавой была "лестница", когда следовало подняться на второй этаж, выпивая по одной рюмке на каждой ступеньке.

После этого офицеры-гусары начинали игру "в волков". Участники игры, раздевшись донага, становились на четвереньки и начинали выть. Тогда старик буфетчик выносил лохань, наполнял ее шампанским или водкой, и вся "стая" на четвереньках, с визгом отталкивая друг друга и кусаясь, лакала вино.

Однако, проходя службу в Преображенском полку, Николай был совершенно непричастен к порочным наклонностям офицеров-гомосексуалистов, а служа в Лейб-гусарском, не позволял себе пьянства, хотя ханжой не был и иногда в офицерском собрании пропускал две-три рюмки водки или бокал-другой шампанского.

Здесь же выявилась и одна из симпатичных черт его характера – стремление помочь своим товарищам-однополчанам, если они женились на скомпрометированных ими ранее дамах.

По законам офицерской чести эти офицеры должны были оставлять Преображенский полк, и цесаревич всячески помогал им в дальнейшей карьере – армейской, гражданской, а иногда даже духовной.

О его службе в Преображенском полку сохранилось свидетельство командира полка с 1891 года, двоюродного Дяди Николая великого князя Константина Константиновича. Это – запись в его дневнике от 6 января 1894 года, когда цесаревич уже два года носил звание полковника и командовал первым батальоном преображенцев: "Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его".

Военная подготовка цесаревича не ограничилась знакомством с пехотной, кавалерийской и артиллерийской службой. Будучи атаманом всех казачьих войск, он знал и казачью службу, а кроме того, был приобщен к службе на флоте.

Военная среда, окружавшая цесаревича во дворце, на занятиях военными науками, в полевых лагерях на учениях, была ему гораздо более близка и понятна, чем, например, министерская, дипломатическая или придворная, так как отец-император не очень-то приобщал его к сфере государственного управления или внешней политике.

Цесаревич воспитан был в том же духе, что и отец: он не выносил излишеств ни в одежде, ни в еде, старался во многом подражать отцу, со временем полюбив то же, что любил и Александр: охоту, рыбалку, долгие прогулки в полях и лесах, физический труд и стремление к здоровой и чистой жизни.

* * *

Николай к двадцати годам вполне сформировался, и немудрено, что его посетило первое чувство, к сожалению, не к той девушке, которая могла бы стать его невестой.

"Целый ряд источников, – писал в начале 20-х годов И. М. Василевский, – говорит о пылкой любви Николая в эти годы к какой-то молодой еврейке, которую он встретил случайно в саду во время прогулки. Она не знала, что перед ней наследник престола, и нежные отношения их зашли так далеко, что об этом узнал суровый Александр III. Эти источники подробно описывают, как градоначальнику фон Валью было предписано "в 24 минуты" выслать из Петербурга еврейку со всеми ее родственниками – от старого деда до грудного ребенка, маленького брата возлюбленной Николая, включительно. Источники описывают далее бурную сцену, какая разыгралась, когда явившийся во всеоружии со своими подручными фон Валь застал в квартире еврейки молодого наследника престола... "Только переступив через мой труп, сможете вы прикоснуться к ней. Это моя невеста!" – заявил он оторопевшему градоначальнику". Разумеется, приказ был выполнен, и Николаю пришлось смириться.

Но за первой любовью пришла вторая. Началась эта история 23 марта 1890 года и продолжалась до весны 1894-го.

Ее героиней стала семнадцатилетняя выпускница балетного класса Императорского театрального училища, в ближайшем будущем прима-балерина, чуть позже выдающаяся танцовщица – Матильда Кшесинская. Она родилась 19 августа 1872 года и, таким образом, была на четыре года младше Николая. Ее полное имя при крещении по католическому обряду было Матильда-Мария, но потом девочку стали звать просто Матильдой.

В семье Кшесинских сохранилось романтическое предание о том, что их предок граф Красинский из-за крупной имущественной тяжбы вынужден был тайно бежать в Париж и там из предосторожности скрыл свой титул и подлинное имя и стал называть себя простым дворянином Кшесинским. Отцом Матильды-Марии был артист балета Адам-Феликс Кшесинский. Когда девочке исполнилось восемь лет, она стала воспитанницей балетного класса Петербургского Императорского театрального училища. Мать Матильды в свое время тоже закончила это училище.

Матильда была самым младшим – тринадцатым – ребенком в семье.

Двадцать третьего марта 1890 года состоялся выпускной экзамен, на котором присутствовала вся царская семья: сам Александр III с императрицей и цесаревичем Николаем.

После того как выпускной спектакль закончился, Александр с цесаревичем прошли в зал, где их ожидали преподаватели, выпускницы и выпускники, и царь, не дожидаясь официального представления, спросил:

– А где же Кшесинская?

И когда ее подвели к царю, Александр пожал ей руку и сказал:

– Будьте украшением и славою нашего балета.

В своих "Воспоминаниях" через семьдесят лет после этого она писала:

"Слова государя звучали для меня как приказ. Быть славою и украшением русского балета – вот то, что теперь волновало мое воображение. Оправдать доверие государя – было для меня новой задачей, которой я решила посвятить мои силы".

Когда все педагоги и бывшие ученики, а ныне уже артисты Императорского балета уселись за праздничный стол, Александр посадил Матильду между собою и цесаревичем и, улыбаясь, сказал:

– Смотрите, только не флиртуйте слишком.

Кшесинская сразу же влюбилась в цесаревича и когда прощалась с ним, то поняла это очень отчетливо.

То же самое случилось и с Николаем, и он стал искать встречи с юной балериной, но у нее были строгие родители, а за цесаревичем неотступно следили, и, таким образом, встретиться им было весьма затруднительно. Свой первый сезон Кшесинская начала выступлениями в большом деревянном Красносельском театре, построенном для офицеров гвардии, проводившей именно там летние лагерные сборы. Летом 1890 года на этих сборах был Николай. Он не упускал случая увидеть прелестную восемнадцатилетнюю балерину.

С 10 июля по 1 августа в его дневнике пять раз упоминается Кшесинская, но ничего более, кроме мимолетных разговоров и дразнящих воспоминаний, записи эти не содержат.

Николай попросил своего товарища по гусарскому полку Евгения Волкова сделать так, чтобы Кшесинская встретила с ним, но свидание не состоялось. А 23 октября 1890 года Николай и Волков уехали в большое путешествие, и влюбленные встретились вновь лишь через девять месяцев.

Новелла 22. Прощание с Матильдой

Николай возвратился в Петербург из почти кругосветного путешествия 4 августа 1891 года и сразу же отправился в Красное Село, где проводили лето его мать и отец. В тот же вечер он посетил театр, где выступала Кшесинская. Осенью 1891 года он вместе с родителями уехал в Данию и возвратился лишь в конце года.

В это время в семье произошел один из редких скандалов, возникший из-за несогласия Александра III пойти навстречу своему двоюродному брату, великому князю Михаилу Михайловичу, просившему разрешения жениться на английской графине Софии Торби.

Михаилу Михайловичу было уже около тридцати, он занимал должность командира лейб-гвардии Егерского полка, был весел, остроумен и красив, великолепно танцевал и слыл любимцем большого света, где за ним прочно укрепилось прозвище Миш-Миш. Когда ему исполнилось 20 лет, он по правилам, существовавшим в Доме Романовых, стал получать ежегодно около 200 000 рублей и почти все эти деньги тратил на строительство собственного дворца, мечтая поселить в нем избранницу своего сердца, которую он все еще искал, но не находил. В поисках своих он влюблялся то в одну девушку, то в другую и всякий раз получал один и тот же ответ: "Она тебе не пара".

Наконец его выбор – выбор сердца, а не ума – остановился на английской графине Торби. Однако и на этот раз повторился стандартный отказ: происхождение графини по материнской линии было довольно сомнительным, и потому она не могла войти в семью Романовых. Михаил Михайлович настаивал на том, что София Торби достаточно благородна, а что ее родословная не совсем обычна и, быть может, для царского Дома даже неординарна и именно это придает всему делу шарм. Мать графини Торби, Наталья Александровна Пушкина, была дочерью великого поэта. В первом браке дочь Пушкина была замужем за М. Л. Дубельтом – сыном преемника Бенкендорфа Л. В. Дубельта. Однако брак ее оказался неудачным, и Наталья Александровна, не добившись развода в России, уехала за границу. Там она довела дело до конца, получила развод и вышла замуж за герцога Нассауского, чей отец был женат на великой княгине Елизавете Михайловне – внучке Николая I. Для того чтобы брак не считался мезальянсом, Пушкина получила титул графини Меренберг. А ее дочь от брака с герцогом, известная как графиня София

Торби, все же стала морганатической супругой великого князя Михаила Михайловича, так как он пренебрег запретом императора и уехал в Англию, где и прожил с Софией Торби до конца своих дней.

А теперь о цесаревиче. Николай, возвратившись в Петербург и несколько раз побывав в театре, вдруг понял, что его прежнее влечение к Матильде Кшесинской уже успело перерасти в нечто большее.

В январе 1892-го совершенно неожиданно Николай пришел в дом Кшесинских, объяснился хотя и робко, но вполне определенно в своих чувствах к Матильде, попросил разрешения бывать у нее. С этих пор он стал проводить у Матильды вечера, а потом вместе с Николаем, а порой и без него гостями Кшесинских стали сыновья великого князя Михаила Николаевича — великие князья Георгий, Александр и Сергей. "Михайловичи" хотя и доводились Николаю двоюродными дядьями, но были почти одного с ним возраста, а Сергей был даже на год младше своего племянника. Это делало вечера у Кшесинских равно интересными для всех.

Однажды Николай задержался у Матильды почти до утра. В эту ночь он сказал, что вскоре должен будет уехать в Германию для сватовства. Он назвал и имя невесты — Алиса Гессенская. Николай и Матильда понимали, что их любви придет конец, как только будет сыграна свадьба цесаревича с гессенской принцессой, ибо и Николай был однолюбом и отец-император никогда не позволил бы своему старшему сыну впасть в распутство, имея жену. Кроме того, Николай был очень честен и прямодушен. Он ничего не скрывал от Матильды, позволяя читать ей свои дневники, где писал о ней и об Алисе.

"Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он, безусловно, любил, — писала Кшесинская. — Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и браку — как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение..

Известие о его сватовстве было для меня первым настоящим горем. После его ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно.

Я мучилась безумно".

Когда Николай вернулся, он сказал, что его сватовство кончилось ничем: Алиса отказалась перейти в православие, — а это было непременным условием брака, и помолвка не состоялась.

По возвращении в Петербург все вернулось на круги своя — их любовь вспыхнула с новой силой, и оба они старались не думать о неизбежной разлуке.

Так наступило лето 1892 года.

Кшесинские имели небольшую усадьбу Красницы, в 63 верстах от Петербурга, и лето обычно проводили там. Но в этом году Матильда приезжала в столицу гораздо чаще, чем раньше, — к тому вынуждали ее репетиции, а кроме того, в их городской квартире ждали ее письма от Николая, так как они условились, что вся корреспонденция будет посылаться им на квартиру. Все письма и записочки от Николая Матильда собирала, по многу раз перечитывала и берегла всю жизнь.

* * *

Тем же летом Николай уехал в Данию, а когда возвратился, то узнал, что Матильда вместе с одной из своих сестер – двадцатисемилетней Юлией, за которой ухаживал барон Зедделер, – сняли на Английской набережной двухэтажный особняк, в котором до них жил великий князь Константин Николаевич с балериной Кузнецовой. Дом был прекрасно отделан, а мебель оставалась той же, что и при прежнем хозяине.

Как только Николай вернулся, сестры Кшесинские устроили новоселье, пригласили множество гостей и получили массу подарков. Николай подарил ей восемь золотых чарок для водки, украшенных драгоценными камнями.

Роман их стал затухать летом 1893 года, но Николай по неисповедимой причине стал все сильнее любить Алису, которая все равно оставалась его невестой, и не мог разделить себя на две части.

Новелла 23. Алиса Гессенская

Теперь же пришла пора познакомиться и с невестой цесаревича. Младшая дочь Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и герцогини Алисы, чьей матерью была английская королева Виктория, родилась 25 мая 1872 года. По обычаям лютеранской религии девочке дали имя Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, в семейном же обиходе ограничивались лишь первым именем из пяти – Алиса. Когда ей исполнилось девять лет, умерла ее мать, и девочку забрала к себе бабушка – Виктория. Английский двор и английская культура произвели на девочку неизгладимое впечатление и оставили глубочайший след в ее душе. В двенадцать лет Алиса впервые увидела Петербург, где на свадьбе своей старшей сестры Эллы с великим князем Сергеем Александровичем познакомилась со старшим сыном императора – Николаем. Ему было тогда шестнадцать, и Алиса воспринимала его как человека намного старше себя, о котором можно было лишь мечтать, хотя разница в возрасте была всего четыре года.

Второго января 1916 года, вспоминая об этом, она написала Николаю: "32 года тому назад еще детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью". Но в 1894 году, когда Николай поехал в Дармштадт свататься к Алисе, дела для него обстояли не столь благоприятно. Объяснялось это тем, что принцесса с детства отличалась серьезностью, скромностью, застенчивостью, а также глубокой религиозностью с весьма заметным уклоном в мистицизм. Кроме того, она была по-прусски консервативна и не хотела изменять своей конфессии, выпавшей ей на долю при рождении.

Этому способствовало и то, что, находясь в Вестминстере, при дворе королевы Виктории, Алиса углубилась в теологию и теософию и получила столь основательную богословскую подготовку, что позднее ей присвоили степень доктора философии Кембриджского университета. Столь серьезное отношение к вопросам религии сильно мешало гессенской принцессе изменить вероисповедание. Это обстоятельство и было главным препятствием на ее пути к императорской короне России.

И хотя Николай ей очень нравился и Алиса могла сознаться себе, что даже любит его, вопрос перемены вероисповедания едва не погубил все дело. Вскоре Алиса вновь появилась в качестве первой претендентки на руку и сердце цесаревича. Тому немало способствовала жена Сергея Александровича – Элла, сам великий князь – ее муж и любимый дядя Николая.

В результате всего этого было решено отправить двадцатипятилетнего цесаревича в Кобург в надежде на то, что он сам лучше всяких ходатаев сумеет добиться успеха, потому что и ему Алиса все же нравилась.

Сватовство Николая было приурочено к свадьбе брата Эллы и Алисы, герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста и герцогини Саксен-Кобург-Готской Виктории, носившей прозвище Дукки – "герцогинюшка".

Второго апреля 1894 года цесаревич со священником, духовником своих родителей, протопресвитером И. Л. Янышевым, двумя дядьями, великими князьями Сергеем и Владимиром и их женами, а также с немалой свитой выехал из Петербурга в Кобург.

Четвертого апреля они добрались до места назначения, были прекрасно встречены и размещены в богатых и уютных апартаментах Кобургского замка. На следующее утро, после кофе, в апартаменты великой княжны Елизаветы Федоровны пришла ее сестра Аликс. Николай записал тогда в своем дневнике: "Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно".

Седьмого апреля состоялась свадьба Эрнста и Дукки. Николай записал в дневнике: "Пастор сказал отличную проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу переживаемого мною вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс!"

И кажется, если бы его желание осуществилось, то Николай прочитал бы в ее душе то, чего ему более всего хотелось, – Аликс была готова сказать ему "да". Во всяком случае, на следующий день это случилось. "8-го апреля.

Пятница. Чудный, незабвенный день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс, – записал счастливый жених у себя в дневнике. – После 10 часов она пришла к тете Михен (так звали в семье великую княгиню Марию Павловну Старшую, жену великого князя Владимира Александровича, брата императора Александра III), и после разговора с ней мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радость удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось! Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же пошел с Аликс к королеве (имеется в виду королева Англии Виктория, которая приехала в Кобург 5 апреля) и затем к тете Мари (сестре императора Александра III, тетке Николая), где все семейство долго на радостях лизалось. После завтрака пошли в церковь тети Мари и отслужили благодарственный молебен... Даже не верится, что у меня невеста. Вернулись домой в 61/4. Уже лежала куча телеграмм".

Среди них было и поздравление от отца и матери Николая. А вслед за тем пришло и письмо от отца: "Мой милый, дорогой Ники! Ты можешь себе представить, в каком чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей поездки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил Великая Ему благодарность за Его милость... Теперь, я уверен, ты вдвойне наслаждаешься и все пройденное хотя и забыто, но, уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю последующую семейную жизнь!.. Передай твоей милейшей невесте от меня, как я благодарю ее, что она наконец согласилась, и как я желал бы ее расцеловать за эту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой! Обнимаю и поздравляю тебя, милый дорогой Ники, мы счастливы твоим счастьем, и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало. Твой счастливый и крепко тебя любящий Папа".

Александр III очень любил своего первенца и не хотел огорчать его малейшей тенью сомнений в правильности сделанного выбора. А сомнения — и очень серьезные — были.

Дело в том, что семья Аликс, как и весь гессенский герцогский род, с 1866 года ставший родом Великих герцогов, нес на себе проклятье тяжелой наследственной болезни — гемофилии. Больные гемофилией страдают повышенной кровоточивостью, которая передается по женской линии, но касается только мужского потомства. Рожденные гессенскими герцогинями сыновья страдали несвертываемостью крови, особенно остро переносимой в детстве и молодости — до 15–20 лет. У больного гемофилией даже легкие ушибы вызывают подкожные и внутримышечные кровоизлияния, причем любой ушиб, удаление зуба и даже легкая царапина могут вызвать неостановимое кровотечение, грозящее смертью. В доме гессенских герцогов насчитывали несколько таких случаев и прекрасно понимали, какую страшную ответственность берут они на себя, соглашаясь на брак принцессы Алисы с наследником российского престола.

Но, твердо веря в Бога и уповая на промысл Божий, и родители Николая, и он сам надеялись на то, что их минет чаша сия. И потому все последующие дни до самого отъезда Николай купался в счастье. С разрешения тетки Марии он переехал из замка в маленький домик, стоявший в саду той виллы, где жила его невеста, что позволяло ему видеться с Аликс гораздо чаще и намного дольше, чем раньше. Единственно, что чуть-чуть омрачало будни счастливого жениха — Великий пост, ибо шла Страстная неделя, приближалась Пасха. Он не мог нарушить поста, зато восполнял эти неудобства другими радостями — катался с невестой в шарабанах, собирал с нею в лесу грибы и цветы, не пропускал ни одного визита к своей новой бабушке — Виктории. Двадцатого апреля Аликс уехала вместе с Викторией в Англию, а Николай на следующий день уехал в Россию, поставив на стол в своем купе фотографию невесты, окруженную цветами...

* * *

После того как было официально объявлено о помолвке, Николай больше ни разу не приехал к Матильде, но разрешил ей обращаться к нему в письмах на "ты" и обещал помогать, если у нее возникнет необходимость в его помощи. Этому правилу он не изменил ни разу.

А далее произошло вот что. "В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда наследник впервые привез его ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила".

Что же касается Николая, то он оказался таким же однолюбом, как и его отец. После помолвки и до самой смерти он сохранил своей жене совершеннейшую, ничем не запятнанную верность.

Вернувшись в Петербург, Николай не находил себе места из-за разлуки с Аликс. Он начал писать ей еще в поезде и по приезде продолжал писать каждый день. Невеста отвечала ему тем же.

С начала лета разлука оказывается для Николая совершенно невыносимой, и он просит у отца позволения поехать в Англию, где находится его любовь. Александр не мог противиться и разрешил Николаю отправиться в Лондон на паровой императорской яхте "Полярная звезда". 3 июня яхта вышла из Кронштадта и на пятые сутки вошла в устье Темзы.

Встретившись в тот же день с Аликс и своими новыми английскими родственниками, Николай "снова испытал то счастье, с которым расстался в Кобурге". С каждым днем ощущение безграничного счастья становилось все сильнее: ведь оба они были молоды, здоровы, богаты; они любили друг друга, верили, что впереди их ждет безоблачное счастье и большая, дружная семья, к которой оба так стремились. И потому обыкновенные прогулки, катания на лодках, чтение книг на садовых скамейках, маленькие пикники, экскурсии по окрестным замкам – в общем-то тот же самый круг удовольствий и развлечений, какой мог позволить себе любой состоятельный англичанин, – наполняли их радостью и счастьем.

Все чаще и чаще засиживался Николай по вечерам у своей невесты и всякий раз мог бы написать в дневнике то, что написал лишь однажды, 5 июля:

"Умираю от любви к ней!"

А теперь почитайте, что писала в дневнике своего жениха по-немецки и по-английски тоже умирающая от любви Аликс.

Первая запись была оставлена ею вечером 20 июня:

Чу, дорогой мой! Покойно дремли.
Ангелы Святые охраняют твою постель.
Благословения неба без числа
Нежно спускаются на голову твою..
Лучше, лучше с каждым днем..

Двадцать первого июня Аликс приписала:

"С беззаветной преданностью, которую мне трудно выразить словами".

Двадцать девятого июня:

Есть нечто чудесное
В любви двух душ,
Которые сливаются воедино
И ни единой мысли не таят друг от друга.
Радость и страдания, счастье и нужду
Переживают они вместе,
И от первого поцелуя до последнего вздоха
Они поют лишь о любви друг к другу.

Четвертого июля Аликс написала:

"Мой бесценный, да благословит и хранит тебя Господь! Никогда не забывай ту, чьи самые горячие желания и молитвы – сделать тебя счастливым". А на следующий день – 5 июля – Аликс нарисовала сердце и написала: "Есть дни и минуты, бросающие свет на долгие годы".

И затем приписала: "Ты, ты, ты, ты".

Шестого июля появилась еще одна надпись:

"Мне снилось, что я любима, и, проснувшись, убедилась в этом наяву и благодарилась на коленях Господа. Истинная любовь – дар Божий – с каждым днем все сильнее, глубже, полнее и чище".

Восьмого июля исполнился месяц, как Николай появился в Англии, и разлука неотвратимо приближалась. В этот день Аликс написала необычно длинное обращение к своему жениху, записав его в дневник Николая:

"Мой дорогой мальчик, никогда не меняющийся, всегда преданный. Верь и полагайся на твою девочку, которая не в силах выразить словами своей

глубокой и преданной любви к тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить мою любовь, восхищение и уважение, — что прошло, то прошло и никогда не вернется, и мы можем спокойно оглянуться назад, — мы все на этом свете поддаемся искушениям, и в юности нам трудно бывает бороться и противостоять им, но как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас. "Если мы каемся в наших грехах, Он милостив и нас прощает". Господь прощает кающихся. Прости, что я так много пишу, мне хотелось бы, чтобы ты был во мне вполне уверен и знал, что я люблю тебя еще больше после того, что ты мне рассказал. (Судя по контексту, Николай рассказал о своих немногочисленных привязанностях, случившихся с ним до помолвки, как это почти всегда бывает с чистосердечными и глубоко порядочными молодыми людьми. — В. Б.) Твое доверие меня глубоко тронуло, и я молю Господа быть всегда его достойной. Да благословит тебя Господь, бесценный Ники!" Конечно же, Алиса вписывала в его дневник эти пылкие и нежные признания, зная, что он будет перечитывать их, когда вернется без неё в Россию, и они станут его поддержкой и постоянным напоминанием о ней и ее любви.

До отхода "Полярной звезды" оставалось три дня.

И за эти дни Аликс написала: "Бьют часы на крепостной башне и напоминают нам о каждом преходящем часе, но время, вдаль уходящее, пусть не смущает нас, ибо время может уходить безвозвратно, но любовь остается; я ощущаю, как ее поцелуи горят на моем разгоряченном лбу. Если нам суждена разлука, о, зачем же сейчас? Не сон ли это? Тогда пробуждение будет страданием, не буди меня, дай мне дальше дремать".

В последний вечер, перед предстоящей на завтра разлукой, 10 июля Аликс написала: "Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть".

А когда 11 июля они в последний раз переправились через реку на пароме и Николай стал записывать о том, что случилось с ними в этот день, Аликс написала последние фразы: "Любовь поймана, я связала ее крылья. Она больше не улетит. В наших сердцах всегда будет петь любовь".

Потом, став уже женой и императрицей Александрой Федоровной, она также будет вписывать в его дневник короткие признания в любви, а когда они будут в разлуке, то Николай станет вписывать в дневник слова из ее писем к нему. И так будет всю их жизнь.

Через три дня "Полярная звезда" пришла в Копенгаген, где Николая встретили дед и бабушка — родители его матери, и после трех дней, проведенных в объятиях датских родственников, тихим воскресным вечером цесаревич отправился домой.

Новелла 24. Болезнь и смерть Александра III

Первое, о чем, возвратившись в Россию, хотел узнать Николай, — это здоровье отца.

Сначала он испугался, не увидев его среди встречавших, и подумал, что отец лежит в постели, но оказалось, что император уехал на утиную охоту и не успел вернуться к ужину. Однако вскоре Александру III стало нехорошо, и из Москвы в Гатчину приехал на консультацию профессор Г. А. Захарьин — один из лучших терапевтов-диагностов России, возглавлявший клинику медицинского факультета Московского университета. На сей раз старик Захарьин оказался не на высоте: он сказал, что ничего серьезного нет и болезни поможет сухой климат Крыма. Успокоенный император, к тому же никогда не придававший значения советам врачей, решил вместо Крыма отправиться в любимые свои охотничьи места — Беловежье и Спалу. Нетрудно

догадаться, что царские охоты отличались от санаторного режима Ливадии – и загонщики, и егеря, и свита, и августейшие охотники вставали ни свет ни заря и в любую погоду выходили в лес или в поле. Охота на зайцев сменялась охотой на оленей, а гон на кабанов и косуль перемежался засадами на куропаток, уток, фазанов и гусей. Обеды у костров, купание коней, многочасовые походы под солнцем и дождем требовали отличного здоровья. А на сей раз этого не было – мало того, что сам император почувствовал себя плохо, занедужил и двадцатитрехлетний великий князь Георгий. Он был болен туберкулезом, но, несмотря на это, отец вызвал сына из Абас-Тумана, его крымского имения. 15 сентября по настоянию родных в район охоты приехал знаменитый берлинский профессор Лейден и тотчас же констатировал, что у императора острое воспаление почек – нефрит. Лейден категорически настоял на перемене климата, и вся семья – а на охоте были и женщины – отправилась в Крым.

Двадцать первого сентября Александр III и его домочадцы приехали в Севастополь и, перейдя на яхту "Орел", в тот же день высадились в Ялте. А как только достигли Ливадии, Александр сразу же занялся интенсивным лечением. Однако уже через неделю у больного опухли ноги, днем он подолгу спал, часто принимал соленые ванны, и, когда процедуры прерывались, у его постели появлялись все новые и новые доктора.

Вскоре их было уже с полдюжины.

В начале октября царь уже не всегда выходил к завтраку, его все чаще одолевала сонливость, и он поручил чтение бумаг цесаревичу.

А цесаревич, окунувшись в государственные дела, больше все-таки думал о своей Аликс, с нетерпением ждал от нее писем и, хотя получал их почти каждый день – а то и по два-три в сутки, – разрывался между жалостью к больному отцу и непреодолимым страстным желанием видеть свою невесту.

Восьмого октября в Ливадию прибыл отец Иоанн Кронштадтский – известнейший в России "молитвенник за больных", слывший чудотворцем-исцелителем.

Приезд его дал понять, что дела Александра обстояли плохо и уповать на медицину уже нельзя – требуется вмешательство не земных сил, но – небесных. Вместе с отцом Иоанном приехали братья царя – Сергей и Павел, великие княгини Александра Иосифовна и Мария Георгиевна, сын Ольги Константиновны – греческий принц Христофор.

На следующий день протоиерей Янышев приобщил больного, и тогда же в Ливадию пожаловал брат царя Владимир и великая княгиня Мария Павловна Младшая, жена шведского принца Вильгельма. Все эти гости ни у кого из обитателей Ливадии не вызвали никакой радости. Не на праздник они ехали – на поминки. И хотя Александр был еще жив, но тень смерти уже витала над Ливадией.

Утром 10 октября Николай поехал в Алушту, куда вскоре же прибыла его любимая тетка Элла и с нею – Аликс. Ее приезд внес оживление и радость в печальную атмосферу Ливадии, а Николай почувствовал, что рядом появился человек, который готов разделить надвигающееся на него страшное горе.

Пятнадцатого октября Аликс написала ему в дневник: "Дорогое дитя! Молись – Богу, Он поможет тебе не падать духом, Он утешит тебя в твоём горе. Твое Солнышко молится за тебя и за любимого больного". А чуть ниже, в тот же день, следовала другая запись: "Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому – Г. (имеется в виду еще один врач – Грубе, – В. Б.) приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если доктору что-либо нужно,

пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой".

Эта запись в дневнике Николая не просто многозначительна. Она — символична. В ней — то направление, та тональность и та позиция, которая на долгие годы впредь будет характерной для их взаимоотношений: забота о нем и его делах и тревога за него будут постоянными спутниками жизни Аликс, главным смыслом и доминантой ее существования. Власти "для себя" она никогда не хотела, хотя и обладала достаточно сильным характером. Но не только сила характера была присуща Аликс. Появившись на свет в дармштадтском захолустье и выросши в блистательном имперском Виндзоре, Аликс на всю жизнь сохранила двойственность натуры: она была до болезненности застенчива, но статус императрицы не позволял ей выявлять это качество, принимаемое за робость и нерешительность, а то и трусость; она очень трудно сходилась с незнакомыми людьми, а придворные церемонии чуть ли не всякий раз обязывали ее представляться многочисленным визитерам — иноземным министрам, дипломатам, дальним и не очень дальним, но почему-либо еще незнакомым ей родственникам, знаменитостям разного рода — от выдающихся ученых до известных гастрологов, — и каждый из них мог расценивать это за чопорность, холодность или даже оскорбительное невнимание.

Она была домоседка и истая затворница, и оттого круг ее друзей был очень узок, а при дворе воспринимали это как непомерную гордыню, чуть ли не манию самовлюбленности, если не ксенофобию. Эти же качества превращали, особенно на первых порах, ее будущего мужа не просто в самого близкого ей человека, но почти в единственного своего, по-настоящему родного, хотя рядом с ней была и любимая сестра Элла, тянувшаяся к младшей своей сестре еще и потому, что у нее не было детей, а отношения с мужем были более чем своеобразными.

Попадая на публику, Аликс из-за застенчивости внутренне подбиралась, холодела, отчего и лицо ее, и взгляд становились безучастными и отчужденными, что конечно же не располагало людей в ее пользу.

А между тем императору становилось все хуже и хуже. 17 октября он повторно причастился у отца Иоанна Кронштадтского, получив отпущение грехов. В этот печальный день Аликс записала в дневник Николая: "Говори мне обо всем, души. Ты можешь мне вполне верить; смотри на меня как на частицу тебя самого. Пусть твои радости и печали будут моими, и это нас еще более сблизит. Мой единственный любимый, как я люблю тебя, дорогое сокровище, единственный мой! Душки, когда ты чувствуешь себя упавшим духом и печальным, приходи к Солнышку, она постарается тебя утешить и согреть своими лучами. Да поможет Бог!"

Они все еще надеялись, хотя Александр был уже совсем плох. Иоанн Кронштадтский рассказывал потом, как увиделся он с Александром III в его последние дни жизни. Царь встретил его, стоя в накинутой на плечи шинели, и сердечно поблагодарил за то, что отец Иоанн приехал к нему. Потом они вместе вошли в соседнюю комнату и встали на молитву. Царь молился с необычайно глубоким чувством. Столь же искренен был он и при причащении, и в последние часы жизни. Когда 20 октября Иоанн пришел к умирающему, сидевшему в глубоком кресле, поднялась буря, море стонало, и Александру от всего этого было очень скверно. Он попросил отца Иоанна положить руки ему на голову, и когда священник сделал это, больному вроде бы полегчало. Он сказал:

— Мне очень легко, когда вы их держите. — А потом произнес: — Вас любит русский народ, любит, потому что знает, кто вы и что вы.

И вскоре после этих слов царь откинул голову на спинку кресла и тихо, без агонии, умер. Смерть наступила в четверть третьего дня 20 октября 1894 года.

Императрица, наследник с невестой и все дети Александра III стояли возле него на коленях и тихо плакали. Тем же вечером Николай записал: "Боже мой, Боже мой, что за день. Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели около него. Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3-го он причастился Святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал. Отец Иоанн больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама! Вечером в 9 1/2 была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги".

И все же даже в день смерти отца последняя фраза — о "дорогой Аликс", у которой вдруг "заболели ноги..."

Еще один гораздо более многозначительный факт не записал наследник престола в свой дневник. Когда Александр III умер, то Николай, рыдая, обратился к другу детства и юности великому князю Александру Михайловичу: "Сандро, что я буду делать? Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!"

Александр III умер 20 октября и пять дней лежал в Ливадийском дворце. 25 октября его тело перенесли в Большую Ливадийскую церковь, а оттуда через двое суток гроб императора перевезли на борт крейсера "Память Меркурия", который после полудня доставил его в Севастополь, где уже стоял траурный поезд. 30 октября поезд подошел к Москве, и гроб с телом Александра III под звон колоколов мимо десятков тысяч стоящих на коленях москвичей привезли в Архангельский собор Кремля, а на следующий день, после непрерывных служб, снова провезли на вокзал, и оттуда — в Петербург. Здесь 1 ноября 1894 года в 10 часов утра от Николаевского вокзала к Петропавловской крепости двинулась необычайно пышная погребальная процессия.

В официальном отчете указывалось, что эта процессия была разбита на 12 отделений, в каждом из которых было по 13 разрядов. Всего, таким образом, этих разрядов было 156. Впереди процессии несли 52 знамени и 12 гербов. А между знаменами и гербами двигались два латника. Один из них, светлый, в золотых латах, ехал на коне, опустив обнаженный меч, другой — в черных латах, в черном плаще, с черным тюльпаном — шел пешком, символизируя бесконечную скорбь. Затем шли депутаты земель и городов, сановники и министры, за которыми несли государственные мечи 57 иностранных, 13 русских орденов и 12 императорских регалий. А следом шла духовная процессия — в светлых облачениях, с хоругвями, крестами и иконами. И лишь потом ехала погребальная колесница, за которой шли безмерно опечаленные жена и сын покойного. За ними следовали, строго по субординации, другие члены императорской фамилии. И конечно же, взоры всех собравшихся были направлены прежде всего на нового императора и его невесту. Алиса шла бледная, с опущенными глазами, черное траурное платье и черная косынка еще более подчеркивали ее бледность.

А люди, глядя на свою новую повелительницу-императрицу, которая в первый раз шла по улицам Петербурга, шептали друг другу, что это не к добру, и невеста в черном принесет им всем несчастье.

Процессия останавливалась для совершения коротких служб у Знаменской церкви, у Аничкова дворца, у Казанского собора, у Немецкой и Голландской церквей и у Исаакиевского собора. Наконец, в 2 часа дня гроб внесли в Петропавловский собор.

Похороны Александра III отличались великой сумятицей и неразберихой, когда депутации перепутали свои места в похоронной процессии, а участники ее напоминали не огорченных потерей государя верноподданных, а) некое маскарадное шествие, в котором празднично болтающие бездельники идут, нарядившись в рясы священников, в военные мундиры, форменные шинели и пальто и другие разнообразные одежды.

Оставив гроб в Петропавловском соборе, царская семья отправилась в Аничков дворец, где еще шесть дней провела в панихидах по умершему и подготовке погребения. Задержка объяснялась тем, что в Петербург приехали еще не все заграничные родственники, и, когда они в конце концов собрались, 7 ноября состоялась архиерейская служба, завершившаяся отпеванием и погребением.

Так закончились последние в истории России царские похороны, и выходявшие из собора Святых Петра и Павла вдовствующая императрица Мария Федоровна, Николай и Александра Федоровна никак не могли представить, что в этот день здесь, рядом с их предками, похоронен последний император, а их могилы будут не возле него, а в тысячах верст друг от друга...

Послесловие

Четыре года назад, когда я начал писать эту книгу, многое из того, что Вы, уважаемые читатели, прочли, было "белыми пятнами" нашей истории. И таким, почти сплошным "белым пятном" был и век двадцатый, в начале которого Россией правил последний император Николай II.

Однако, пока я писал "Сокровенные истории Дома Романовых", положение дел в корне изменилось, и на книжном рынке появились десятки книг, посвященных Николаю II, его семье и истории их трагической гибели. Исходя из этого, я не стал писать о том, что теперь уже стало хорошо известно всем, и закончил книгу царствованием Александра III – отца последнего российского императора.

Список использованной литературы

Александр I, его личность, правление и интимная жизнь. Лондон, 1908.

Александр Михайлович, Великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991.

Алексеевский равелин. Л., 1990. Кн. 1.

Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. Минск, 1991.

Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского.

"Чтения в Обществе истории и древностей Российских", 1865. Кн. 2.

Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1870. Кн. 1.

Бамуцкий А. П. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839.

Барятинский В. В. Царственный мистик. М., 1990.

Бассевич Г. Ф. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. М., 1866.

Библейская энциклопедия. М., 1990.

Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. СПб., 1890. Т. 1.

Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын. "Око всей великой России". М., 1989.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738–1793. Т. 1–4. СПб., 1870–1873.

Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. 1–3. СПб., 1885.

Он же. Потемкин. СПб., 1891.

Былое. 1919, № 13, 14.

Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1993,

Он же. Первые Романовы. М., 1989.

Он же. Петр Великий. М., 1993.

Он же. Роман императрицы. Екатерина. М., 1994.

Он же. Сын Великой Екатерины. М., 1993.

Он же. Царство женщин. М., 1989.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1984.

Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1–2.

Вопросы истории, 1967, № 1; 1981, № 1; 1989, № 7 – 12; 1992, № 6–7,

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. М., 1989.

Гельбиг Г. Русские избранники. Берлин, 1900.

Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. М., 1986.

Глинка С. Очерки жизни и избранные сочинения А. Сумарокова, СПб., 1841. Ч. 1.

Голомбиевский А. А. Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904.

Голос минувшего. 1913, № 7; 1916, № 11; 1917, № 5–6; 1922, № 1.

Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. Записки. М., 1990.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1913. Т. 2.

Дневник императора Николая II. 1890–1906. М., 1991.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М. – Л., 1961. Т. 1.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1992.

Он же. Правда о России. Париж. 1861. Ч. 1.

Екатерина II. Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. 12. Ч. 2.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

Записки Екатерины Второй... СПб., 1870.

Император Александр III. СПб., 1894.

Исторический вестник. 1895, № 1; 1896, № 7, 8; 1910, № 1.

Карабанов А. Основание русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. СПб., 1849.

Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 4.

Колосов А. Александр III, его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1907.

Кони А. Ф. На жизненном пути. Ревель – Берлин, 1922. Т. 3. Ч. 1.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 3. М., 1992.

Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992.

Кюстин А., де. Россия в 1839 году. М., 1990.

Легенды об императоре Александре I. М., 1991.

Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1988. Т. 1.

Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.

Массон Ф. Наполеон и его женщины. М., 1993.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1.

Николаев В. Александр II. Человек на престоле. Мюнхен, 1986;

Николай Михайлович, Великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. 1.
Новый мир. 1962, № 2.
Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. М., 1987.
Общество и государство феодальной России. М., 1975.
Октябрь. 1993. № 5, 6.
Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 1 – II. Осьмнадцатый век. Сб. М., 1868–1869. Кн-1-4,
Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.
Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская. Пг. – М., 1924.
Он же. Роман императора. М., 1990.
Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901. Т. 2.
Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908.
Переписка Николая и Александры Романовых. М. – Л. 1923–1926. Т. 1–5.
Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991, Т. 1–2.
Письма А. С. Пушкина к В. М. Хитрово. Л., 1927.
К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. М. – Л., 1923.
Погодин М. П. Первые семнадцать лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875.
Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 Т. 15, 16, 37.
Половцов А. П. Краткое жизнеописание ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны. Белград, 1927,
Последний год жизни Пушкина. М., 1988.
Рождественский С. В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1909.
Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
Российские самодержцы. М., 1993.
Российский архив. М., 1991. Т. 1.
Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991.
Русская старина. 1871, № 3, 4; 1872, № 6; 1873, № 4; 1875, № 13; 1876, № 7; 1877, № 6, 11; 1879, № 1–4; 1882, № 12; 1883, № 11; 1885, № 9, 10; 1886, № И; 1889, № 2; 1896, № 11; 1897, № 1; 1899, № 7; 1900, № 3; 1902, № 5.
Русский архив. 1869; 1871, № 1; 1873, № 1; 1875, № 7; 1878, № 1, 3, 7; 1888, № 2; 1889, № 10; 1906, № 11; 1908, № 1; 1909, № 7; 1910, № 5.
Русский биографический словарь. "Аарон – Александр II". СПб., 1896.
Русский биографический словарь. "Лабзина – Лященко", СПб., 1914,
Русский биографический словарь. "Романов – Рясковский", Пг"1918.
Русский вестник. 1860. Т. 28.
Сборник Русского исторического общества. Т. 4. СПб., 1869. 23. Там же, 1878. 52. Там же, 1886.
Семевский М. И. Слово и дело. СПб., 1885.
Он же. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс СПб., 1884.
Смена. 1991, № 3.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963–1966. Т. XIII–XXVI.
Суслов А. В. Зимний дворец (1754–1927), Л., 1928.
Тарле Е. В. Сочинения. М., 1959. Т. VIII, IX.
Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. I–II.
Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990.
Урусов С. Д. Господа Романовы и тайны русского двора, Лондон, 1909.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863. Т. 1–4, 6.

Ферро М. Николай II. М., 1991.

Фирсов Н. Н. Петр III и Екатерина II. СПб., 1915.

Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990.

Чанцев И. А. Скобелев как полководец. 1843–1882, СПб., 1883.

Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М., 1991.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904–1905. Т. 1–4.

Он же. Император Павел Первый. СПб., 1901.

Шолохов А. В. Загадка смерти генерала Скобелева. М., 1992.

Шумигорский Е. С. Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1902.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М., 1993.

Эрмитаж. История и архитектура зданий. М., 1974.

Примечания

1

Через три года после Прутского похода, в 1714 году, в память об этом поступке своей жены Петр учредил орден Святой великомученицы Екатерины, которым награждались только женщины. Девизом ордена были слова: "За Любовь и Отечество", а пояснительная надпись гласила: "Трудами сравнивается с супругом".

2

Мезальянс — брак с лицом низшего социального положения, неравный брак.

3

Тупей — накладной хохол, род маленького паричка-нашлепки на лысине.

4

По дуэльному кодексу, старик Геккерн не мог быть вызван на дуэль, и его "честь" должен был защищать его сын. Кроме того, Геккерн был посланником Нидерландов и не имел права принять вызов как дипломат, имеющий статус неприкосновенности. Следует иметь в виду и то, что королевой Нидерландов была сестра Николая — Анна Павловна, что также усложняло создавшуюся ситуацию, превращая ее из простого личного дела в дипломатический скандал.

5

Подробно о встрече Александра с Викторией см. Новеллу 10 "Перекрестки матримониальных династических путей" в главе "Сказания о трех последних императорах".

6

Кстати, в мае 1793 года, незадолго до казни, Александр Богарнэ сменил на посту главнокомандующего Северной республиканской армии генерала де Кюстина — родственника барона Астольфа де Кюстина.

7

Домино — длинный плащ с капюшоном.

8

Это — Бессарабская, Виленская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская губернии.